

Ксения Мирошник

Невыносимая мисс Пэг

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Annotation

Я ничего не знала о магии, пока не получила по почте загадочную печатную машинку, которая умеет печатать сама. Зарабатывала на хлеб ведением светской хроники, пока машинка не привела меня к трупку девушки и не втянула в расследование. Старалась держаться подальше от любви и привязанностей, пока не взялась помогать главному подозреваемому в этом жестоком убийстве...

Все это череда случайностей или чья-то хитроумная игра? И что в итоге перевесит: факты или голос сердца?

- [Ксения Мирошник](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
  - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Ксения Мирошник
Невыносимая мисс Пэг

Глава 1

Музей Родена

Такси свернуло с бульвара Инвалидов на улицу де Варенн и все ближе подбиралось к музею Родена. Я сжимала в руках клочок бумаги с напечатанным на нем адресом и пыталась справиться с волнением. Капли мелкого дождя стекали по окну и собирались у его основания, образуя унылую лужицу. Несмотря на пасмурную погоду и уже успевшую опуститься на Париж ночь, на улице не было холодно, но по моей спине почему-то пробежал мороз.

Автомобиль притормозил у входа в великолепный сад, который я уже видела, когда только-только переехала в столицу. Выставленные здесь работы почившего десять лет назад скульптора Огюста Родена манили не только туристов, но и горожан. Никогда не смогу забыть, какое впечатление на меня произвел его «Поцелуй». Впервые увидев эту композицию, я застыла как вкопанная, не в силах оторвать глаз от великолепной целующейся пары. Какие линии, какая грация и, несомненно, страсть. Общественность по-разному воспринимала творчество талантливого мастера, одни восхищались новатором, другие откровенно порицали. Не сказать, чтобы я прекрасно разбиралась в искусстве, но понять, насколько мне нравится то или иное произведение, была способна.

Прежде чем выйти из машины, глубоко вдохнула через нос и выдохнула ртом. Я не считала себя трусливой, но и абсолютно безрассудной тоже не была. Ночные прогулки по наводке, взявшейся буквально из ниоткуда, могут обернуться бедой. Нашупала в кармане пальто старенький револьвер отца, и на душе заметно потеплело. Меня научили стрелять еще в детстве, хотя это полезно, лишь когда оружие есть под рукой. Иногда подобные умения не спасают.

Открыла дверцу и мысленно чертыхнулась, опуская ноги в лужу. Терпеть не могу, когда в туфлях хлюпает. Вообще, дождь сам по себе меня никогда не пугал, я его даже любила, но мокрые ноги – это совсем другое. Подняла воротник и поежилась, когда осталась совсем одна под слабым светом фонаря. Сад – это, конечно, красиво, но не в тот момент, когда каждая тень из-за угла способна довести до безумия.

– Улица де Варенн, семьдесят семь. «Врата ада», – пробормотала написанное на бумажке.

Понять, что это значило, мог любой парижанин. «Врата ада» – это одна из монументальных скульптур Родена, выставленная слева от входа в парк. Ее я тоже уже видела, но по сей день считала непостижимой. Довольно амбициозная работа, представляющая собой, как и следовало из названия, ворота, только буквально облепленные разного рода фигурами и отдельными композициями. Тела, тягучие и пластичные, прорывались сквозь камень и вызывали смешанные чувства. Именно во мне – ни одного позитивного, поэтому сейчас новая встреча с музеем вызывала мурашки по коже.

Я осмотрелась и снова засунула руку в карман, чтобы почувствовать холод металла, создававшего иллюзию безопасности. Что ж, раз уж решила приехать, медлить смысла не было.

Музей расположился в прекрасном особняке Бирон, который был построен в восемнадцатом веке и задумывался как отель. Его окружал огромный парк, где и находились многочисленные работы скульптора. Ворота оказались приоткрытыми, это насторожило, но, еще раз хорошенько оглядевшись, я все-таки вошла.

Неприятная морось вымочила пальто, я поежилась, но продолжила двигаться вперед. Для надежности достала фонарик, чтобы в любую минуту осветить свой путь. Далеко идти не пришлось, устрашающая скульптура Родена, вдохновленного «Божественной комедией» Данте, возникла передо мной быстрее, чем я ожидала. Не до конца понимая, зачем приехала и какая неведомая сила явила мне этот адрес, я остановилась. Медленно обвела слабым лучом света сначала серую кирпичную стену позади врат, а потом и само изваяние. Ничего необычного не заметила, поэтому сделала несколько шагов вперед, продолжая водить фонариком вокруг себя.

Задержавшись на скульптуре, осознала, что в ночи она выглядит еще более удручающей, вызывающей уныние и чувство полной безнадежности. Роден заключил в нее все пороки и вложил ад собственной любви, которой вдохновлялся и которой губил своих любовниц.

Луч фонаря освещал мрачные лица и изгибы фигур, скользил по фасаду, ласкал разнообразные части человеческих тел, истерзанных и страдающих. В тот момент, когда я уже успокоилась, не обнаружив

ничего более ужасного, чем сама скульптура, свет, который опустился к подножию, выхватил что-то странное. Я застыла, чувствуя, как тело опалает жар. Возможно, показалось.

Несколько раз выдохнув и постаравшись замедлить учатившийся от страха пульс, я вернулась к тому месту, что привлекло мое внимание. Увиденное заставило меня резко накрыть рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Сердце вновь суматошно застучало, а ноги слегка подкосились. Я зажмурилась и заставила себя сделать несколько больших глотков воздуха, чтобы вернуть самообладание. Профессия журналиста не любит слабаков и трусов. Несмотря на то что редактор еще не доверял мне ничего, кроме освещения светской хроники, такой я была с самого детства – жесткой и напористой. Но даже природные качества не помогают, когда ночной кошмар врывается в реальность.

У подножия врат, раскинув руки в стороны, лежало почти полностью обнаженное тело девушки. Очень медленно и осторожно я приблизилась, стараясь ничем не нарушить обстановку. От знакомых в полиции слышала, что не только само тело, но и все, что его окружает, очень важно для расследования.

Голова девушки оказалась повернута к вратам, поэтому лица ее я не видела. Босые ноги в одном разорванном чулке были в синяках и ссадинах, на ногтях – лак рубинового цвета, по крайней мере, он казался таким в свете фонаря. Стараясь не обращать внимания на дрожь в коленях, я продолжила рассматривать тело. Дальше мне бросились в глаза коротенькие шелковые панталоны, на которые стекала кровь из раны над пупком. Сама рана выглядела безобразно, не как просто порез или что-то в этом роде, а будто ее разорвали. Я отвернулась и зажмурилась, пытаясь подавить тошноту. Сквозь зажатые веки проступили слезы, и ужас произошедшего с бедняжкой навалился всей своей тяжестью.

Ощувив подступающую панику и сопутствующий ей жар, я запрокинула голову и подставила лицо холодным каплям. Нельзя было допустить, чтобы нервы сдали, пришлось снова начать глубоко вдыхать и медленно выдыхать.

Я осознавала, что необходимо вызвать полицию, но прежде чем меня выдворят прочь, нужно все хорошенько осмотреть. Я не раз просилась в помощницы к моему другу Жерому, ведущему

криминальную хронику. И хотя положительного ответа пока не было, мои заметки могли стать прекрасным поводом для манипуляций.

Стараясь больше не смотреть на рану – мне вполне хватило и первого взгляда, – я скользнула по обнаженной груди. Заметила что-то блестящее и присела неподалеку, разглядывая серебряный медальон. В таких обычно хранили фото. Маленький резной овал был приоткрыт, будто приглашал заглянуть внутрь. Я так и сделала. Как и предполагала, там оказались фото мужчины и женщины средних лет. Рассмотреть детально, не приближаясь, возможности не было, но это лучше, чем ничего.

– Вероятно, твои родители, – пробормотала я и поднялась.

Подойти с другой стороны и взглянуть в ее лицо и при этом не наследить так, чтобы меня не обругали ажаны^[1], было невозможно, поэтому от этой мысли все же пришлось отказаться. Еще раз тщательно все осмотрев, я отправилась на поиски телефона, чтобы вызвать сначала Дениз, мою помощницу – фотографа, а потом уже полицию.

В ожидании укрылась под одной из крыш неподалеку от входа в парк, достала сигарету и мундштук. С удовольствием затянулась и выдохнула. Немного тряслись руки, и промокшее тело дрожало, но эта прохлада не давала возможности расслабиться и погрузиться в давно позабытые чувства. Я пыталась понять, отчего кому-то понадобилось заманивать меня сюда, но, во-первых, так и не смогла придумать, как именно адрес оказался в моей личной печатной машинке, а во-вторых, почему оказался он именно у меня. Чья-то злая шутка? Но в таком случае это не шутка злая, а сам шутник, ведь он должен был знать о трупе. Я поежилась и, мучимая дурным предчувствием, плотнее запахнула пальто. Вокруг меня происходила какая-то чертовщина, и ее нужно было хоть как-то объяснить ажанам.

Дениз приехала довольно быстро, вытащила из такси аппаратуру для ночной съемки, поправила шляпу и взглядом спросила, куда идти. Стоило подруге появиться, как мне стало гораздо легче дышать. Ее собранность, спокойствие и самообладание всегда служили нам обоим хорошую службу. Дениз, как и я, была решительной, слегка грубоватой, но глубоко внутри чувственной. Ее манера одеваться в мужской костюм и холодность суждений иногда не нравились окружающим, но Дениз плевала на это. Она никогда не строила из себя

того, кем не была на самом деле. Короткие волосы, ни грамма косметики, колючие холодные серые глаза, напряженный рот с тонкими губами и острый, но вполне симпатичный нос. Внешне девушка была интересной, но ее этот факт не волновал вовсе. И за это я любила ее еще больше.

– Жаль, не видно лица, – сказала она, так же, как и я некоторое время назад, разглядывая тело. – Хотя... есть что-то знакомое в ней, тебе не кажется?

– Нет, – встрепенулась я. – А тебе она кого-то напоминает?

Дениз собиралась сделать шаг ближе, но тоже остереглась. Мы обе старались поддерживать максимально приятельские отношения с полицией. Я искренне считала, что лучше получать выгоду друг от друга, чем бодаться и лезть на рожон.

– Ее волосы, – показала пальцем Дениз, – посвети-ка еще.

Я сделала, как просила подруга, и мы обе уставились на темные кудри, которые закрывали повернутое лицо. На первый взгляд не было ничего особенного, я и вовсе на них не смотрела в первый раз. Но Дениз – другое дело. Она фотограф, личность творческая, очень восприимчивая к мелочам.

– Что тебя заинтересовало?

– Это там не лепестки? Виднеется что-то белое...

Изо всех сил присмотревшись, я наконец увидела то, на что указывала моя приятельница. Действительно, в волосах жертвы запутались лепестки. Догадка тут же ворвалась в голову, внутри все похолодело.

– Ты же не думаешь?.. – пробормотала растерянно.

– Посмотри, – пожав плечами, сказала она, – и цвет волос, и фигура, и эти цветы...

– погоди, – не желая верить первой догадке, возразила я, – ее фигура вполне обычная, таких девушек много. И волосы. Да и не она одна носит цветы в волосах...

– Возможно, но я нутром чувствую, Долз, что это именно та, о ком я думаю!

– Черт! Только этого не хватало!

Дениз развернулась ко мне всем телом и смерила строгим взглядом. Я видела, как она прикидывала варианты развития событий и ни один ей не нравился.

– Как ты попала сюда?

Этого вопроса я боялась и совсем его не хотела. Понятия не имела, как можно объяснить, что именно произошло сегодня вечером в моей квартире.

– Как ты узнала? – продолжила спрашивать подруга. – Не место, да и не время для прогулок, Долли!

Имя мое она произнесла сурово, но даже ее тон не помог придумать более или менее адекватный ответ.

– Тогда я думаю, что нам пора убираться отсюда...

Подруга грубо схватила меня за плечо и развернула к выходу из парка, но было уже поздно.

– Ты не только меня вызвала, но и ажанов? – процедила она сквозь зубы, когда увидела свет от полицейских фонариков, плясавший на дорожках.

– Я еще не знала, что все так серьезно...

– Ну, зато теперь знаешь, и тебе нужно придумать что-то более вразумительное, чтобы объясниться с ними.

К «Вратам ада» приближались несколько ажанов в форме, а среди них двое в штатском.

– Дьявол! – буркнула Дениз. – Больше некого было вызвать?

– Я их не вызывала, просто сообщила о находке.

Полицейские фонарики скользнули по нашим лицам, я подняла руку и прикрыла глаза от света. Послышался недовольный выдох:

– Мисс Пэг? Мадемуазель Бош? – вскинул густые брови один из штатских.

Мужчина среднего роста, худощавого телосложения, но те, кто видел его боксирующим, говорят, что комиссар жилистый и изворотливый. Русые волосы, карие глаза, демонстрирующие сейчас тяжелый взгляд, кривой нос и вечная ухмылка. Возраст определить довольно сложно – комиссар был из тех, кому можно было с легкостью дать и тридцать пять, и сорок пять лет. Видавший виды серый костюм, старенькие, но добротные ботинки, поношенная шляпа.

Его звали Реми Гобер. Не самый удачный вариант, выпавший нам в эту ночь. Встречались мы всего несколько раз, на пятки друг другу не наступали, поскольку сферы деятельности у нас разные, но и теплыми отношениями не обзавелись. Гобер относился ко всем журналистам одинаково. Не грубил, не оскорблял, но и не жаловал.

– Мсье Гобер, – поздоровалась я.

– Журналистки? – взял слово его спутник. – А вы как здесь оказались быстрее нас?

С этим я не была знакома. Молодой, лет двадцати восьми, быть может, высокий, какой-то нескладный, будто еще не исчезла юношеская угловатость. С чудными, похожими на солому, темными усами и маленькими, постоянно бегающими глазками. Что-то неприветливое и даже неприятное было в его внешности.

– Мой помощник Бернارد Байо, – нехотя представил комиссар и приблизился к телу.

– Берни, значит, – буркнула Дениз, смерив незнакомца недобрым взглядом.

– А вот этого!.. – воскликнул мсье Байо, но договорить не успел.

– Кто из вас обнаружил тело? – перебил помощника комиссар, не поворачиваясь.

И вот мы плавно перешли к неприятной теме. Стало не по себе, хотя как не по себе... Я чувствовала себя откровенно глупо.

– Я, – пришлось все-таки ответить.

– Как? – коротко продолжил опрос мсье Гобер.

Мы с Дениз переглянулись, подруга дернула бровями, давая понять, что помочь ничем не сможет. Я и сама это понимала. Чтобы хоть как-то оттянуть момент, выудила из кармана клочок бумаги и молча протянула его комиссару. Некоторое время мсье Гобер изучал его, вертел так и эдак, а потом перевел пытливый взгляд на мое лицо. Ему не нужно было ни о чем спрашивать, сама поняла, что просто бумажка его не удовлетворит. Молчание затягивалось, и я чувствовала, что с каждой секундой оно выглядит все подозрительнее. Но не говорить же правду в самом деле?!

– Мне подсунули ее под дверь, – выпалила я и чуть было не выдала своего облегчения.

И как эта мысль не посетила меня раньше? С фантазией, прямо скажу, у меня все отлично, но здесь она меня чуть не подвела.

Комиссар поднялся на ноги и сделал шаг ко мне, продолжая сверлить своими недоверчивыми глазами. Я постаралась придать лицу самое невинное выражение. Не скажу, что он купился, но настаивать не стал. Что-то у себя в голове мысленно отметил и спросил:

– Есть мысли, почему именно вам?

– Нет. – Вот тут я ответила абсолютно честно, и это не ускользнуло от моего собеседника. – Была удивлена и некоторое время размышляла, что делать.

– Видимо, недолго, – заключил Гобер, – судя по свежести трупа. Он еще даже не окоченел.

Я вздрогнула и вновь ощутила нехватку воздуха. Голова пошла кругом, поэтому незаметно схватилась за руку Дениз. Это помогло. Подруга бросила на меня тревожный взгляд, но я кивнула ей, давая понять, что справлюсь.

– Мы не видели лица, но предполагаем, что это может быть Кароль Пети, – чтобы отвлечься выдала я.

Лишь желваки едва дрогнули на лице комиссара, выдавая его беспокойство. Он нахмурился, продолжая смотреть в мои глаза. Фамилия Пети была одной из самых известных в Париже. Богатейшие промышленники, инвесторы, магнаты. Гастон Пети отличался крутым нравом и скандальным характером. Комиссар хорошо понимал, чем все обернется, если эта девушка окажется дочерью такого человека.

– Почему вы решили, что это она?

– Да просто посмотрите, – раздраженно бросила Дениз, указывая на девушку.

– Переверните тело! – рявкнул Гобер и обернулся к сопровождавшим его ажанам.

Спустя минуту не осталось никаких сомнений, что убитой была именно Кароль Пети. Ничем хорошим, ни для меня, ни для комиссара это не могло закончиться. Для комиссара – потому что постоянные головомойки это дело ему уже обеспечило, а для меня – потому что я знала, с кем эта девушка должна была провести вечер.

Глава 2

Посылка из ниоткуда

Ранее утро того же дня...

Я развернулась лицом к окну и сладко потянулась, ощущая приятную усталость в мышцах. Робкий луч солнца скользнул по лицу, заставляя снова прикрыть глаза.

– Амеди, – пробормотала я, пошарив рукой по соседнему месту в кровати, но в ответ лишь тишина.

Села, подбрав колени и прикрывшись простыней. Растрепанные локоны упали на глаза, и я тряхнула головой, отбрасывая их. Легкий ветерок колыхал шторы и ворошил бумаги на столе. Прижавшись грудью к коленям, весело взъерошила волосы, снова потянулась и поднялась с постели. Отыскала легкий халатик, вышитый в китайском стиле. Я обожала его мягкость и то, как длинный подол стелился за мной при ходьбе. Вышла на маленький балкон, завязывая широкие ленты пояса. Меня все еще немного мутило после ночи в клубе, нескольких коктейлей и безудержных танцев, но я все равно прикурила сигарету и жадно затянулась. Если бы мы с Амеди не продолжили веселье в постели, предаваясь страсти, то я, скорее всего, еще чувствовала бы себя немного пьяной.

Хлопнула входная дверь квартиры, послышались тяжелые шаги.

– Амеди! – снова позвала я.

– Опять ты куришь на голодный желудок, Долз! – Горячие руки обхватили мою талию, а губы легко скользнули по шее. Я склонила голову, чтобы не мешать безумно сексуальному приятелю ласкать меня. Еще одно невесомое касание, и я была готова вернуться в спальню. – У тебя, как всегда, пустой холодильник, пришлось сходить в кафе на углу. Иди освежись и будем завтракать.

– Ты не обязан. – Я повернулась к мужчине, который время от времени ночевал у меня.

– Знаю, но если не позабочусь о завтраке, то мы оба пойдем на работу голодными.

– Точно, – признала я и усмехнулась, затушив сигарету.

Амеди Бюжо служил в городском такси, но эта работа являлась лишь средством передвижения или чем-то вроде ширмы. Его главной способностью было умение обзаводиться связями, нужными связями. Этот мужчина зарабатывал в основном тем, что сводил людей, предоставлял нужные адреса и порою выполнял мелкие поручения. Однако мальчиком на побегушках он себя не ощущал. Многие богачи и знаменитости прибегали к его услугам, не сами, конечно, а с помощью подставных лиц. Но тем не менее Амеди никогда не бедствовал и держался с достоинством.

Я познакомилась с ним случайно несколько месяцев назад. Амеди хоть и редко, но посещал ночные клубы, чтобы выпить и потанцевать. Встреча с ним избавила меня от необходимости искать новых любовников. Нам обоим хватало спонтанных встреч и утех, которые мы друг другу дарили.

Приняв горячую ванну и снова накинув только халат, я села за стол и закинула ноги на соседний стул. Взяла свежую булочку, источавшую божественный аромат, и засмотрелась на идеальное тело мужчины. Мне было с ним хорошо. Я бы даже могла сказать, что мы друзья. Кроме Дениз только Амеди знал меня достаточно хорошо. Однако мы никогда ничего друг другу не обещали. Я не интересовалась, есть ли у него еще кто-то помимо меня, он тоже не интересовался этой стороной моей жизни.

– Яичница с помидорами и зеленью вот-вот будет готова, – провозгласил он и развернулся ко мне.

В серых глазах искрились смешинки, пухлые губы сложились в трубочку. Амеди постучал по ним пальцем и опустил взгляд на мои ноги, с которых соскользнул халат.

– Я бы и рад задержаться, Долз, но у меня через полчаса важная встреча. – Он поиграл бровями и усмехнулся.

– А я и не настаиваю, – сказала, спуская ноги и запахивая полы халата. Непроизвольно надула губы, чувствуя себя немного уязвленной.

Амеди от души расхохотался и поставил на стол тарелки. Его настроение тут же передалось мне. Отправив в рот первый кусочек яичницы, я сладко застонала от удовольствия, чем снова повеселила любовника, который листал свежую газету. Он никогда ее не читал, выискивал лишь нужную ему информацию, быстро пробежал глазами и

откладывая прессу в сторону. Амеди довольно быстро позавтракал, допил кофе и встал.

– До встречи, малышка.

Он подошел сзади, легким движением спустил с плеча шелковую ткань и поцеловал мое плечо. Приятные мурашки весело разбежались по телу, спускаясь все ниже и ниже. Я томно повела плечами и выставила вперед вилку:

– Уходи сейчас же, иначе твоя встреча отменится сама собой!

Ответом снова была усмешка. Мужчина вышел из комнаты. Я отпила еще глоток кофе, когда услышала, как он открыл дверь.

– Да, Долз! Забыл сказать! Тебе тут посылка! Кто-то оставил у порога. Мсье Броссар просил передать.

– Спасибо! – только и успела сказать, прежде чем Амеди ушел окончательно.

Я закончила завтрак, убрала посуду, но помыть поленилась. Домашние хлопоты не самое любимое мое занятие. Снова придется просить мадам Броссар прибраться в моей квартире.

С рабочего стола послышался недовольный шорох, и я повернулась на звук, а потом снова зашла в единственную комнату.

– О! – воскликнула, ощутив укол совести. – Простите, мсье Луи, вас-то я не покормила.

Подошла к столу ближе и заглянула в резную клетку. Около года назад, когда я вдруг почувствовала, что в этой квартире мне ужасно одиноко, отправилась на птичий рынок и купила себе компаньона. Дениз долго смеялась, когда мой выбор остановился на крысе, но спустя какое-то время даже прониклась уважением к этому по-своему благородному существу. Зверек встал на задние лапки и забавно сморщил носик.

– Знаю, мой друг, – сказала я, извлекая маленькое пятнистое тельце из клетки, – с моей стороны это совсем непростительно.

Мсье Луи не был похож ни на одного представителя своего вида. По крайней мере, из тех, что я видела в тот день. Стоило мне взглянуть на него, как выбор был сделан. Я четко видела интеллект и осмысление моих слов, как бы безумно это ни звучало. С той самой минуты, как я принесла компаньона в дом, говорила с ним только на равных. Усадив мсье Луи на плечо, я вернулась на кухню, захватив его

мисочки. Подсыпала зерна, достала из холодильника заранее приготовленную морковь, подлила воды.

– А теперь, мсье Луи, мне пора на работу.

Я почесала пальчиком смышленную головку и вернула питомца в клетку. Снова закурила, вставив сигарету в мундштук, и распахнула шкаф. Одежду я любила, как и все женщины, поэтому никогда не жалела денег на наряды, обувь и аксессуары. Взглянула на себя в зеркало, отметила легкий счастливый румянец, распахнула халатик.

Большой грудью я не обладала, как и широкими бедрами, но и мои формы считались привлекательными. Плюс я умела использовать природную сексуальность. Темные волосы не хотела подстригать в угоду моде, просто часто укладывала их ровными волнами и закалывала шпильками. Ветерок из окна скользнул по обнаженному телу, и я поежилась. Этот летний денек будет прохладным.

Я выбрала белье и чулки, подмигнула своему отражению выразительным карим глазом и улыбнулась. На душе было хорошо и даже радостно. Так всегда бывало после встречи с Амеди. Этот мужчина знал толк в удовольствиях. Вспомнив ночные ласки, я снова улыбнулась и качнула бедрами, а потом медленно натянула чулки, один за другим. Остановилась на темно-синей узкой юбке ниже колен, легкой блузе с бантом на шее и не забыла про пиджак. Туфельки на ремешках и маленькая сумочка, в которую сложила блокнот, карандаш и портсигар. Немного покрасовалась перед зеркалом, подкрасила и без того красивые губы, над которыми поселилась весьма привлекательная родинка, и, довольная собой, собралась выйти из квартиры.

Взглядом зацепилась за довольно увесистый сверток. Ага, посылка, точно! Совсем про нее позабыла. Нечто, упакованное в грубую бумагу и перевязанное веревкой, оказалось довольно тяжелым. Я вернулась к столу, потеснила мсье Луи и перерезала узел ножом для бумаги. Внутри оказалась печатная машинка. Далеко не новый Ремингтон, пыльный и на вид какой-то устрашающий. Я озадаченно поискала записку или что-то вроде того. Обнаружилась небольшая картонка с коротеньким текстом, удивившим меня еще больше:

«Ваша часть наследства, уважаемая мисс Пэг».

И все. Больше ни строчки. Ни от кого наследство, ни кто именно мне его отправил, ни для чего оно мне. Насколько я знала, почивших родственников, даже дальних, у меня в последнее время не было.

Друзей в моей жизни не очень много, особенно в последние два-три года. От прежних я избавилась упорным молчанием и нежеланием встречаться. Новых выбирала очень осторожно, близко к себе никого не подпускала. Так спокойнее.

Еще раз с любопытством осмотрев пишущего монстра, я пожалала плечами, отбросила картонку на стол и сказала:

– Присмотрите пока за ней, мсье Луи. Я вернусь вечером, и мы решим, куда ее определить.

Спускаясь по ступенькам, наткнулась на самого старого обитателя нашего чудесного дома мсье Броссара. Невысокий мужчина лет около шестидесяти с наполовину седой головой, по-отечески ласковым взглядом и всегда наготове добрым словом.

– Доброе утро, мадемуазель! – улыбнулся он своей удивительно приветливой улыбкой.

– Доброе утро, мсье Броссар.

Я радостно приобняла старика за плечи и скользнула губами по шероховатой щеке.

– Я рад, что у вас чудесное настроение с самого утра! – сказал он, похлопав меня по руке ладонью. – Надеюсь, оно не покинет вас до вечера!

– Благодарю! – уже на ходу бросила я и поспешила к метро.

Поскольку у Амеди не было времени подвезти меня, то к новой штаб-квартире издательства газеты «Фигаро 41», которая последние пять лет находилась в бывшем особняке Анри Бамбергера на кольцевой площади Елисейских Полей, мне придется добираться самой. Путь с бульвара Монпарнас, где я жила, был неблизкий, но дорога на работу никогда не утомляла меня.

Легкая прохлада улиц довольно быстро привела меня в чувство. Хмель прошедшей ночи выветрился полностью, я почувствовала себя заметно лучше.

Париж давно проснулся, и сейчас улицы заполнялись людьми, гудящими автомобилями, шумом голосов: приветливых и не очень. А еще запахами свежей выпечки: булочек, пирожных, кренделей и печенья Мадлен. Мои каблучки стучали по асфальту, сердце радостно предвкушало интересный день, и посему улыбка не покидала лица. Отчего-то именно в это утро мне казалось, что жизнь прекрасна и она наконец проявит ко мне благосклонность и вернет былой покой и

беззаботность. Что-то в груди шелохнулось, покоряясь возбуждению. Захотелось даже подпрыгнуть, как в детстве, чтобы выплеснуть самые светлые эмоции. Давно я не чувствовала себя подобным образом.

До издательства добралась довольно быстро, еще один плюс к обещанию прекрасного дня. В «Фигаро 41» служили в основном мужчины. Немногочисленные женщины вели скудные разделы о хозяйстве, моде или светскую хронику. В основном всех все устраивало. Лишь я была бельмом на глазу редактора, выпрашивая возможность писать о более серьезных вещах: о науке, исследованиях, изобретениях, новых веяниях в криминалистике. С мсье Лакомбом мы приятельствовали, он любил меня как дочь, которой у него никогда не было, но настоятельно не велел соваться в «мужские» темы. И кто вообще сказал, что они мужские? Мои статьи редактор правил сам, тщательно вычитывая и избавляясь от «неугодных» замечаний, сарказма и насмешек. Я усиленно сопротивлялась, пытаюсь сохранить крупницы собственного стиля в сухом повествовании.

– Тебя ждет Лакомб, – заявила Дениз, стоило мне приблизиться к столу, который мы занимали на двоих.

Я бросила на подругу быстрый взгляд, в ответ она скривилась, давая понять, что «папаша», как мы называли редактора за глаза, не в духе. Меня ждала очередная головомойка. Интересно, за что на этот раз?

– Удачи, Долз! – крикнул Жером Бланкар, мой приятель из тех, что освещает криминальную жизнь Парижа.

Довольно милостивый молодой мужчина с идеально ровным пробором справа, в недорогом, но безупречно опрятном костюме и стильных очках. Очкам Жером уделял особое внимание, считая, что они делают его более привлекательным. На вопрос нужен ли ему этот аксессуар для зрения или же для красоты, мой приятель принципиально не отвечал, желая сохранить интригу. Мы с Дениз посмеивались над ним, но Жером не обижался.

– Она мне не нужна, – ответила я ему и подошла к двери с именем редактора.

Войти сразу не решилась, пытаюсь выбрать линию поведения. Обороняться или с ходу наступать? Предугадать сложно, но иногда мне удавалось погасить негодование мсье Лакомба еще в стадии искры.

– Заходи, Долли! – рявкнул редактор, и я вздрогнула. – Не топчись у двери!

Судя по настроению папаши, сегодня мне основательно достанется на орехи. Пожала плечами и толкнула дверь. Редактор стоял у окна, заложив руки за спину. Его внушительная, чуть полноватая фигура возвышалась над высоким столиком с горячительными напитками, которые он хранил для высоких гостей. Я обратила внимание на грязный бокал со следами пальцев и остатками виски.

– Прямо с утра, мсье Лакомб? Вы не щадите свой желудок, – заявила я, прикрывая за собой дверь.

Редактор нахмурил густые брови, торчащие в разные стороны, и бросил взгляд на бокал. Мои слова ему не понравились, но я всегда говорила что думаю.

– Когда ты займешься Дювалем? – недобро посмотрев на меня, спросил он, и я мысленно закатила глаза.

Вот, значит, откуда ноги растут. Речь шла о заказной статье, написание которой я старательно откладывала последние несколько недель.

– О Дювалях уже все написано, – довольно вежливо, но настойчиво повторила я то, что говорила уже не раз. – О них пишут все кому не лень. Богатые, успешные, красивые, талантливые, влиятельные, изысканные... я так до вечера могу продолжать.

– Тебе не отвертеться от этой статьи, Долли! Я терпеливо ждал и закрывал глаза на неповиновение с твоей стороны! – Голос мсье Лакомба гремел на весь кабинет, не исключено, что его слышала вся редакция. Такое бывало крайне редко. Какая же вожжа ему под хвост попала именно сегодня?

– Несмотря на видимую публичность, Дювали довольно закрыты...

– А меня не волнует! Мне нужна статья об Армане Дювале, и я устал об этом повторять!

Выдержала тяжелый взгляд, сохраняя полное спокойствие. Нападок папаши я не боялась. Буря скоро утихнет, он пожалеет, что повысил голос и сменит гнев на милость. Проверено на собственном опыте. Мне доставалось чаще, чем другим.

– Мне неинтересно писать о младшем представителе зарвавшегося семейства, кичащегося своим положением!

И это было истиной. Я намеренно избегала этой темы, испытывая нечто похожее на предубежденное презрение. Не права? Возможно, но ничего с собой поделаться не могла. Во всех статьях, что мне попадались, Дювалей расхваливали так, что оставалось только нимб к фото пририсовать. В такую благодетель я не верила. Все интервью казались одинаково поверхностными, ванильными и неправдоподобными.

– Твои интересы мне побоку, Долли! Сделай, что велено! – снова взорвался Лакомб. – Мне нужна статья до конца недели! Мы единственное издание, не написавшее ни строчки о них!

– И что с того?

– Долли! – побагровел редактор и шагнул ко мне. Впервые в его позе читалась угроза, я сделала шаг назад.

Мое движение заставило папашу застыть на месте, а потом ослабить галстук. Он развернулся к выпивке, плеснул себе еще виски и сел за стол. Я медленно опустилась на стул напротив.

– Мне нужна эта статья, – сказал он и сделал большой глоток.

– Лично вам?

– Да, лично мне, – выдохнул он, глядя мне прямо в глаза.

Такой поворот вынудил меня смириться и затолкать собственное мнение поглубже. Я позволяла себе вольности время от времени, но сейчас явно не тот случай, когда следовало играть на нервах редактора.

– Кто ее заказал? – сдаваясь, спросила я, осознав всю сложность и запутанность ситуации.

– Не знаю, кто именно заказал, но действовал он через кабинет министров.

Вот даже как! Сердце дрогнуло. Я знала, что Дювали имели огромный вес после окончания Первой мировой войны, но кому могла понадобиться статья об Армане, который ни к политике, ни к бизнесу семьи отношения не имел? Или это только слухи?

– Арман Дюваль интервью не дает, на публике появляется редко...

– Вот и примени свое хваленое обаяние, проворство и настойчивость! – надавил Лакомб. – Это серьезно, Долли. Ты ведь хотела серьезных статей?

– Разрешите написать так, как захочу? – Я прищурилась, уже обдумывая, как отыскать не желающего светиться отпрыска именитого семейства.

– Ты в своем уме? Статья только через меня!

Я лишь брови вскинула, встречаясь со взглядом редактора. Он провел широкими ладонями по редеющим волосам, а потом растер ими лицо, стараясь прийти в себя.

– Если сделаешь все как надо, я подумаю о том, чтобы ты взяла другую рубрику.

Это было похоже на капитуляцию. Значит, крепко нашего папашу ухватили за причинное место. Я кивнула и поднялась со стула.

– И все же не налегайте на спиртное с утра.

Лакомб поднял на меня глаза, и грудь сдавило жалостью. Несмотря на наши постоянные перепалки, я очень уважала этого человека. Возможно, по-своему любила.

– Прошу, Долли, сделай все как надо.

Я не ответила, лишь кивнула и вышла из кабинета. Вернулась к своему столу, закурила и начала прикидывать, с чего же начать поиски неуловимого Армана Дюваля. Его и в лицо-то мало кто знал.

– Что ты знаешь о Дювалях? – спросила я у Дениз.

Подруга резко повернулась, отвлекаясь от фотокамеры, которую аккуратно положила на стол. Я всегда приступала к новому заданию, начиная с небольшой беседы с помощницей. Размышления вслух помогали мне сосредоточиться и найти все возможные пути осуществления задуманного.

– Сдалась-таки? – спросила подруга, помещая свой зад на угол моей половины стола.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела ей в глаза, вкладывая в свой взгляд все, что думала по этому поводу. Дениз лишние объяснения не требовались. Она умела читать в моих глазах то, что я не произносила.

– Северин Дюваль – по большому счету, торгаш, который воспользовался случаем и пробрался наверх, умело обрастая нужными связями и хватая сильных мира сего за горло. Поговаривают, что он нечист на руку, но сама понимаешь, слухи есть слухи. Сейчас он главнейший поставщик оружия и военной амуниции в стране. Его жена Жаклин Дюваль – щедрая благотворительница, обожает

искусство, историю и оранжереи. Она всеми силами сглаживает впечатление от бизнеса мужа. Слывет чуть ли не святой. Старший сын Патрис – правая рука отца днем, повеса и гуляка ночью. Клубы, выпивка, дурные наклонности. О среднем сыне Армане и младшей дочери Ивет я почти ничего не знаю. Девушка учится, в истории не попадает, вроде обручена, но это неточно. Арман – темная лошадка. Чем увлекается, занимается, как проводит свободное время и даже как выглядит, мало кто знает. Вроде как ненавидит прессу. Но все это ты и без меня знала.

– Знала... – задумчиво проговорила я, ощущая, как зашевелились шестеренки в голове.

Один выход из положения я точно знала, и он был действенным, но очень не хотелось прибегать именно к нему. Не люблю находиться в должниках. Дениз притихла, предоставив мне возможность обмозговать ситуацию.

И все же выбора не было. Если бы в запасе имелось больше времени, то я бы искала другой путь. Нехотя сняла телефонную трубку и набрала номер таксопарка.

– Прошу, пригласите мсье Бюжо. В отъезде? Тогда попросите его перезвонить мисс Долли Пэг, это важно. Благодарю.

Взяв этот псевдоним, я всегда настойчиво использовала приставку мисс, а не мадемуазель, хотя знакомые и не очень знакомые люди усердно употребляли второе обращение. Выбор фамилии Пэг не случаен. Это девичья фамилия моей матери, которая была американкой до мозга костей. Моего настоящего имени в Париже почти никто не знал. Даже Дениз.

Чтобы скоротать время, я начала разбирать бумаги, распределять заметки и готовить завтрашнюю статью к редакции. Амеди перезвонил только через час и, когда услышал мою просьбу, присвистнул.

– Ты понимаешь, что это обойдется недешево, Долз? За такую информацию мне придется выложиться втридорога.

И это он совсем не о деньгах говорил. Я понимающе кивнула, хоть мой любовник и не видел этого. Нервно закурила.

– Мне очень надо, Амеди! Причем срочно! Ты можешь разузнать, где его можно найти уже сегодня?

– Эх ты! Режешь без ножа, малышка! – В голосе приятеля слышалась усмешка, но я понимала, что он серьезен как никогда.

– Я до сегодняшнего дня не прибегала к твоим талантам, Амеди, и, если честно, и сейчас делаю это крайне неохотно. Но у меня просто нет выбора. И времени!

– Жди звонка, я посмотрю, что можно сделать, – сказал он и повесил трубку.

Время тянулось бесконечно долго. Я не находила себе места. К тому времени как Амеди наконец позвонил, выкурила почти всю пачку сигарет, а на город спустились сумерки.

– Сегодня вечером Арман Дюваль будет в «Забвении»!

– Это клуб в Латинском квартале?

– Да, называется «Под сводом забвения». Странно, что ты еще там не побывала.

– Никак не собралась вот, – признала я. – Адрес напомнишь?

– Дом пятьдесят два по улице Галанда.

– Большое спасибо, Амеди! Я твоя должница!

– Это уж точно! – вновь усмехнулся приятель, а потом его голос прозвучал заметно строже: – Будь осторожна, Долли. Если этот человек не выходит из тени, значит, у него на то есть причины.

– Буду, – заверила я Амеди.

Дениз брать с собой не было смысла. Сначала мне нужно осмотреться, или лучше сказать – присмотреться к Арману Дювалю и понять, как добиться того, что требуется.

Поспешила домой, чтобы переодеться. Если отправляться в клуб, то и выглядеть нужно было соответствующе. Долго перебирала платья и решила остановиться на красном, весьма приметном, расшитом пайетками. Оно было, как и прочие, прямым и заканчивалось чуть выше колен, что способствовало демонстрации весьма недурных стройных ног. На голову выбрала черную кружевную повязку с большими драгоценными камнями и одним пером. Черные туфли и сумочка, меховая накидка, вечерний макияж. Я была готова.

Такси доставило меня по нужному адресу уже после десяти вечера. Клуб оказался маленьким даже снаружи, что же ждало внутри? Я поежилась, поскольку тесноту не очень-то любила. Моя стихия – воздух и простор. У входа дежурил одетый в костюм громила, который выставил вперед руку, стоило мне приблизиться:

– Приглашение, – провозгласил он.

– Приглашение? – изумилась я. – В клуб?

– Сегодня у нас проводится закрытая вечеринка, и без приглашения нельзя.

Вот тебе и ловкачка! Найти-то нашла, а как попасть внутрь? Судорожно соображая, выпалила первое, что пришло в голову:

– Точно, мсье Дюваль говорил мне об этом. Я его новый секретарь! – придала выражению лица максимальную уверенность и твердость. Строго выгнула правую бровь.

Громила медленно осмотрел меня с ног и до головы, а я в это время пыталась справиться с напряжением и выглядеть при этом как можно профессиональнее. Позади уже застыла парочка, ожидая своей очереди. Верзила перевел на них взгляд, усмехнулся и кивнул. И мне бы вот задуматься, поостеречься, но я не сделала ни того, ни другого:

– Вы хотите неприятностей? – Я небрежно обернулась, вскользь взглянула на молодого мужчину и очень симпатичную девушку, а потом снова посмотрела в лицо вышибалы. – Мсье Дюваль будет крайне недоволен, если вы меня не пропустите! У вас своя работа, у меня своя. Я должна быть в клубе вовремя, рядом с тем, на кого работаю!

– Все интереснее и интереснее, – слышался веселый голос, и я снова обернулась.

Мужчина, что стоял за моей спиной, откровенно потешался, глядя на происходящее. Его темные глаза буквально впивались в мое лицо, придиричиво его изучая. И ни капли веселья в них не было. Только обворожительная улыбка и убийственные ямочки говорили о приподнятом настроении их обладателя. Довольно высокий, привлекательный, уверенный в себе. Такие знают, чего хотят, и следуют к своей цели, невзирая на препятствия. Однако и некая легкость ему была не чужда. Чувство юмора, скорее всего, тоже присутствовало.

– И что же вам так интересно? – спросила я, задрав повыше подбородок.

– Как же вы можете работать на мсье Дюваля и не знать его в лицо? – спросил он, все так же улыбаясь и все так же прожигая меня взглядом.

Вот дьявол! Вот оно невезение! А ведь день так хорошо начинался! Неужели это и был Арман Дюваль? Горячая волна прошла по телу, но я быстро справилась с собой и сделала шаг к нему.

– Попытка – не пытка! Могло и сработать!

– Не со мной! – возразил Дюваль. – Кто вы?

– Мое имя Долли Пэг...

– А я все думал, когда же ваша хроника доберется до меня? – усмехаясь, перебил он.

– Мне было не особо интересно, вот и не торопилась. – Я пожала плечами, делая вид, что мне, в сущности, безразличен исход этой встречи.

– Что-то изменилось? – вскинул он брови.

– Другой темы не нашлось, нужно было заполнить образовавшийся пробел.

– Недурно! – рассмеялся мужчина. – Признаю, попытка неплохая, но я не даю интервью.

Я открыла рот, чтобы ответить, но Арман Дюваль мне не позволил:

– И исключений не делаю!

Последние его слова были сказаны твердо, даже немного грубо. Он вернулся к своей спутнице, в которой я узнала Кароль Пети, дочь еще одной знаменитой семьи, и вошел в двери клуба.

Что ж, в этот раз не вышло, но я не собиралась сдаваться. Рано или поздно Арману Дювалю придется со мной поговорить. Осмотрелась и нашла пустующее такси. Закурила, обдумывая свой следующий шаг.

Домой пришла слегка сердитой и усталой. Выпила кофе, немного почитала, чтобы успокоиться. О чем читала, толком не поняла, потому как мысли продолжали блуждать вокруг встречи с Дювалем. Так прошел час, а может, и два. Прямо перед тем, как отправиться спать, вспомнила про нечаянное наследство из ниоткуда. Стоило подойти к машинке, как я удивленно замерла. Из нее торчал листок с напечатанным текстом: 77, улица де Варенн. «Врата ада».

Глава 3

Я этого не писала...

После того как имя жертвы прозвучало, вокруг тела воцарился хаос. Эксперты, фотографы и ажаны суетились, будто им уже зад поджарили. Мы отошли чуть в сторону и, выудив из сумочки блокнот, я написала несколько фраз.

– Дениз, – прошептала подруге, протягивая сложенный листок, – беги в редакцию, сделай фото и вызови Жерома. Пусть подготовит статью на первую полосу. И смотри, чтобы авторство мое сохранил!

Девушка посмотрела мне в глаза и развернула листок. Всего несколько громких предложений, но для такого рода статьи пока достаточно. «Фигаро 41» должна была стать первой, кто разнесет эту новость по Парижу. Я написала о трупке юной Кароль Пети и о том, что накануне она была замечена в компании Армана Дюваля. Эта вестъ станет настоящей бомбой. Я понимала, что действовать с подобными фамилиями нужно осторожно, но написано было в крайней степени деликатно. Я не любила голословных обвинений, не пыталась навязать свое мнение парижанам, просто излагала факты, точно зная, что могут сделать с человеком неосторожные слова.

Дениз кивнула и, осмотревшись, скользнула в тень, а потом и вовсе растворилась во мраке. Мне хотелось все сделать самой; сообщить о произошедшем, чтобы редакция зашумела и закопошилась, как улей, хотела видеть, как верстальщики пытаются перекроить полосу, чувствовать, как перед сдачей в печать внутри все замирает от предвкушения. Но Гобер ясно дал понять, что я ему еще нужна. Тут выбирать не приходилось. Стоило комиссару очнуться, и новость вообще не выйдет в свет.

На месте преступления мы провели еще около часа, а потом вместе с комиссаром я отправилась в полицейский участок, где мои показания тщательно запротоколировали. Об Армане Дювале рассказать все же пришлось, хоть и не хотелось. Я очень надеялась воспользоваться нашей с ним вчерашней встречей. Как только меня отпустят, снова обращусь к Амеди. Мне во что бы то ни стало нужно найти Армана и поговорить с ним первой. Даже для полиции Дювали

не делают исключений. К ним не так просто подобраться. Ночью Гобер к именитой семье сунуться не посмеет. Пока он будет искать Армана, выпрашивать позволения поговорить с ним, я могу успеть раздобыть эксклюзивное интервью.

Безусловно, Гобер не мог не заметить исчезновения Дениз. Он не кричал, не махал руками, но на висках от гнева вздулись вены. Когда комиссар велел мне даже не думать о появлении страшной новости в прессе, было уже поздно.

Улучив момент, я позвонила в редакцию. Дениз громким шепотом сообщила, что Лакомб заперся с новостью в кабинете, отредактировал и лично отнес в печать. Она не забыла при этом отметить, что папаша был крайне чем-то недоволен. Положив трубку, я вновь подумала о заказной статье. Имя Армана Дюваля засветится в утреннем выпуске, это, конечно, не интервью, но уже кое-что. На душе было скверно, словно я предчувствовала недоброе. На миг в голове промелькнула мысль – а не поторопилась ли я?

Домой добралась, когда светало. Комиссар попросил своего помощника мсье Байо отвезти меня на машине. Я сварила кофе и набрала ванну. Теперь можно более или менее расслабиться. Лицо Кароль и ее рана на животе преследовали меня повсюду, но в участке я старательно отмахивалась от страшных картинок. В своей квартире будто выдохнула, ощущая, как напряженное тело дает сбой. Я устала, нервы были на пределе, стоило расслабить руки, сжимавшие сумочку, как они задрожали.

Погрузилась в воду с головой, забывая, что не потрудилась снять макияж. Вынырнула, пригладила ладонями волосы и позволила воде стечь с лица. Отец учил меня быть сильной и никогда не показывать слабости посторонним. Он хотел, чтобы я могла обезопасить себя, никому не давая возможности уязвить меня. Папа не был жесток, но у него имелись причины на подобные установки.

Некоторое время я неподвижно лежала, чувствуя, как расслабляются мышцы, как из них уходит напряжение, как к сердцу подбирается страх. На одно короткое мгновение кровь застыла в жилах, и я почувствовала удушье. Взялась за горло и начала хватать ртом воздух, пытаюсь отогнать непрошеную панику. Пришлось снова погрузиться с головой, а потом выбраться из ванны, которая уже не приносила успокоения.

– Мсье Луи, – прошептала я, доставая компаньона из клетки.

Маленький носик скользнул по щеке, усики задвигались. Присутствие живого существа помогло вновь ощутить твердость. Это маленькое создание даже не представляло, что изо дня в день спасало меня от безумия. Мсье Луи не задавал вопросов, не надоедал, не лез в душу. Вот в чем прелесть животного, вот почему я не заводила постоянных отношений и отгораживалась от мужчин, которые вызывали что-то большее, чем сексуальный интерес. Амеди очень подходил мне как раз тем, что его тоже устраивали именно такие отношения, которые установились между нами. Ему не нужна была жена и хозяйка, он, как и я, не привязывался к людям. Нам нравилось проводить время вместе, и это все, ничего больше.

Я села на стул, закинула ноги на ограждение балкона и закурила, встречая рассвет. У меня есть время, чтобы собраться с мыслями перед звонком любовнику. Мне все меньше нравилась мысль использовать его, но я пообещала себе, что это в последний раз, и заглушила вопли совести.

Сняла телефонную трубку, сделала вдох и набрала нужный номер. В этот раз Амеди оказался на месте:

– Я знал, что ты позвонишь снова, – устало усмехнулся он.

– Прости, Амеди, но дело усложнилось...

– Не объясняй, – прервал приятель, и я услышала тяжелый выдох.

– Я уверена, что ты воспользовался возможностью и узнал не только то, что сказал вчера. Ты не из тех, кто останавливается на полшаге.

– Оказывается, ты хорошо меня знаешь, Долз. – Амеди замолчал, я не стала прерывать его размышлений. Просто ждала, выкручивая пальцами провод. – Я не хочу лезть в твои дела, но ты должна быть полностью уверена в том, что делаешь. Об Армане я знаю очень мало, как и многие, но о его отце каких только слухов не ходит.

– Мне нужно всего лишь интервью, Амеди, – не слишком уверенно проговорила. Я уже и сама точно не знала, что именно мне нужно.

– Он живет в «Хилтоне» под именем Анри Анен, – сдался мой приятель. – Я прошу не говорить, откуда у тебя эта информация. Стоит мне подставиться, как я растеряю источники. Это моя жизнь, Долли, которую Дювали растопчут и не заметят.

Я впервые слышала, чтобы Амеди боялся. Возможно, это и не было откровенным страхом, но вполне здравым опасением, точно.

– Обещаю, – сказала и медленно опустила трубку на рычаги.

Мне вдруг показалось, что, делая этот шаг, я тоже могу утратить вполне привычную и устоявшуюся жизнь, которая меня устраивала. Чтобы не передумать, распахнула шкаф и выудила из него самый дорогой деловой костюм, который у меня был. Я никогда не испытывала недостатка в деньгах. Газета платила немного, но в банке у меня имелся приличный счет, ежемесячно пополняемый отцом. Я не была гордой, заверяя родителей, что достигну всего сама, но и транжирой меня назвать нельзя. По магазинам ходила редко, покупала немного, но все вещи были дорогими, достойными фамилии отца.

Вот и сейчас, готовясь к встрече, я понимала, что в дверях отеля меня будут встречать именно по одежке. Внешний вид был крайне важен, чтобы портье не развернул меня у порога. Признаться, этот элегантный бордовый костюм я еще не надевала. Было некуда. Думала порадовать маму, если она приедет в столицу. Сел он идеально. Повозилась некоторое время с прической и макияжем. Ничего лишнего, строго и холодно. Добавила маленькую шляпку с короткой вуалью и перчатки как завершающие штрихи. Взглянув в зеркало, сама себя не узнала. Лицо после непростой ночи выглядело бледным и контрастировало с цветом наряда. Смотрелось странно, но удивительно притягательно.

До улицы Сен-Лазар, где располагался отель, доехала на такси. Сердце стучало в груди взволнованно, эта встреча и этот разговор не будут похожи на вечернее игривое щебетание, которое никого и ни к чему не обязывало. До сего дня все мои статьи были сугубо развлекательными, но после вчерашнего настроение интервью будет иным.

Я вошла в просторный холл древнейшего отеля столицы и, нацепив маску полнейшей уверенности, осмотрелась. «Хилтон Париж Опера» встретил меня утренней тишиной. Жильцы еще спали, а вот обслуживающий персонал, привыкший пробуждаться с первыми лучами или затемно, уже раскладывал приборы в ресторане, распределял почту и получал инструкции.

Вежливый портье мгновенно оценил меня взглядом и расплылся в приветливой улыбке:

– Чем могу помочь, мадемуазель?

– Я хотела бы передать записку в номер Анри Анена.

Сложно представить, сколько всего странного, пикантного, страшного или смешного эти люди видят, пока обслуживают господ. Хозяева престижных отелей всегда ценят в своих сотрудниках услужливость, деликатность и немногословность. Персонал должен уметь быстро реагировать, закрывать глаза на то, что их не касается, и действовать только в интересах отеля и его посетителей. Путешествуя с родителями, я хорошо это знала. Как и думала, портье не стал задавать лишних вопросов. Он положил передо мной чистый листок бумаги и карандаш.

Всю дорогу до отеля я сочиняла короткое, но емкое сообщение, которое заставило бы Армана Дюваля согласиться на встречу. Мои слова не должны звучать угрозой или нести в себе вызов, иначе мой поступок возымел бы противоположный эффект. Я совсем не знала этого человека, поэтому попытка у меня была всего одна. Черкнула несколько слов, поставила свои инициалы и передала записку портье, который тут же вызвал дежурного по нужному этажу.

Ждать пришлось довольно долго. То ли Арман обдумывал мои слова, то ли приводил себя в порядок. Сердце робко дрогнуло, когда дежурный подошел ко мне и учтиво поклонился:

– Мсье Анен приглашает вас к завтраку в свой номер.

Я задумалась, но только на мгновение. Принять предложение означало позволить собеседнику вести разговор с позиции силы, но, оценив свое внутреннее состояние, поняла, что не готова сражаться на его территории.

– Прошу вас, передайте мсье Анену, что я жду его в ресторане.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и проследовала в открытые двери ресторана. По дороге мне встретился юноша с охапкой свежей прессы. Взгляд выхватил заголовок на первой полосе «Фигаро 41». Я резко остановилась и вытащила одну газету из стопки. Юноша чуть было не возмутился, но вовремя спохватился и ретировался, оставив меня гореть в огне. Заголовок о найденном в парке трупке Кароль Пети был моим, а вот дальнейшее заявление повергло в шок. Исправив мои заметки, Лакомб прямым текстом обвинил Армана Дюваля в жестоком изнасиловании и убийстве своей подруги, дочери известного

промышленника Гастона Пети. Утверждалось, что именно Арман был последним, кто видел бедняжку живой.

Вслед за жаром внутри все похолодело. Под статьей стояло мое имя. Мне потребовалось время, чтобы вновь овладеть собой и постараться выровнять сердцебиение. Получилось не очень. Начищенный до блеска пол холла пошатывался, казалось, что мир перевернулся с ног на голову. Никогда прежде папаша Лакомб не поступал так со мной. Срочные статьи, продиктованные по телефону или переданные из уст в уста через доверенных людей не редкость для любого издания. Наша работа основана на доверии. Даже моя рубрика всегда несет в массы лишь достоверную информацию, подкрепленную фактами. Я предпочитала не оглашать информацию, в которой не была уверена.

Медленно приблизилась к первому попавшемуся столику и присела, ощущая, как дыхание вновь учащается. Паника не хотела так просто отступить. «Фигаро 41» не посредственное издание, довольствующееся лишь громкими заголовками, а хорошо зарекомендовавшая себя ежедневная газета с установившимся авторитетом и заслуженным доверием читателей.

– С вами все хорошо, мадемуазель? – склонился надо мной официант.

Я подняла голову и встретила искренне взволнованные голубые глаза совсем юного парня с румяными щеками.

– Да, – кивнула в ответ, а потом коснулась его локтя, – если вы принесете мне стакан воды, я буду признательна.

Юноша, обрадованный тем, что может быть полезен, тут же отправился выполнять просьбу. Я расстегнула пуговицы пиджака и положила сумочку с перчатками на стол. Этот ресторан стал тесным для меня, но встать и уйти не было сил.

С тех пор как я приехала в Париж, очень мало людей добились моего полного доверия и расположения. Мсье Лакомб стал одним из таких. Человек, чью семью я хорошо знала, у кого не раз бывала на ужине, с чьими детьми играла. После смерти первой жены папаша женился поздно, дети у него были еще маленькими. Поэтому поступок редактора стал ударом для меня. Он не просто обвинил отпрыска Дювалей в гнусном убийстве, что само по себе повлечет за собой последствия, но и отчего-то решил подставить меня.

Розовощекий юноша вернулся быстро, протянул стакан воды, который я жадно осушила, ощущая, как прохладные глотки немного успокаивают пламя внутри.

– Спасибо, – поблагодарила я и выдавила из себя улыбку.

– Может, вам подать завтрак? Чашечка ароматного кофе порою творит чудеса. – Столько приветливого благодушия было в его голосе, столько участия, что я догадалась, насколько плохо выгляжу.

– Как вас зовут?

– Эмиль, мадемуазель, – ответил он, чуть склонив голову.

– Вы правы, Эмиль. Принесите две чашечки кофе для начала, – попросила я его, предполагая, что Арману Дювалю крепкий напиток тоже не повредит.

Юноша удовлетворенно улыбнулся и снова удалился. А мне пора было брать себя в руки. Сбегать не входило в мои привычки, и лучше сейчас прояснить все, что случилось, чем прятаться от семейства Дювалей, не представляя, что меня ждет. Я поднялась на ноги, выбрала столик у окна и присела, развернувшись к входу в ресторан. Предпочитала видеть лицо Армана, когда он придет. Каким бы боевым ни был мой настрой, внутри все равно все сжималось, а руки холодели.

Мсье Дюваль вошел решительно, замер у входа, медленно осмотрел зал и остановил свой взгляд на мне. В животе завязался тугий узел, но я тоже смотрела только на Дюваля, чтобы он не заметил, как я напугана. Насколько могла спокойно скользнула по Арману взглядом, отмечая шикарный костюм графитового цвета, белоснежную сорочку, сверкающие запонки. Сейчас на его уверенном лице не было и тени вчерашнего веселья, не красовались ямочки, губы не расплывались в усмешке. Я не могла не заметить газету, зажатую в правой руке. Невольно сжала кулаки, спрятанные под столом, когда Арман Дюваль приблизился.

Он кивнул в знак приветствия, положил газету на стол, первой полосой вверх и сел напротив меня. Поразила собственная выдержка, когда темные глаза уставились в мои и вызвали в душе настоящий ураган. Совершенно не представляла, чего ждать от человека, которого якобы обвинила в убийстве. Никто из нас не спешил начинать разговор. Арман просто продолжал смотреть мне в глаза, а я смотрела в ответ.

Эмиль принес кофе, аккуратно поставил перед нами и замер в ожидании дальнейших распоряжений. Мне показалось, что этот чуткий юноша очень хорошо прочувствовал напряжение между мной и Арманом, поскольку взгляд его взволнованно заметался.

– Вчера вечером мне на мгновение показалось, что вы не похожи на других журналистов, – внезапно начал Арман, и, как только первые слова прозвучали, официант тут же испарился. – Да, вы потрудились, чтобы отыскать меня и выбрали необычный способ встретиться, но не вызвали у меня отвращения, как прочие. Все это показалось мне даже забавным. Однако сегодня утром я понял, что вы, как и все, гонитесь лишь за сенсацией, используете непроверенную информацию и изо всех сил пытаетесь засветиться на первой полосе за счет кого-то другого.

Мсье Дюваль ни разу не повысил голоса. Говорил ровно, спокойно, твердо. Но в этот момент я готова была вынести крик, проклятья и прочее, но никак не эти давящие упреки. Каждое его слово причиняло боль, каждое задевало за живое.

– Все не совсем так, как кажется, мсье Дю... Анен. – Я осеклась, а потом осмотрелась. Мне было неизвестно, знают ли здесь настоящее имя этого человека. Не хотелось еще и дома его лишить.

– А как кажется, мисс Пэг? – Мужчина закинул ногу на ногу, сделал плоток кофе и с громким лязгом поставил чашку обратно на блюдце. Только в этот момент я впервые увидела гневные искры в глазах Армана. – Кажется так, что в погоне за ошеломительной новостью вы использовали нашу вчерашнюю встречу как некое доказательство того, что я убил несчастную Кароль.

– Если это не так, то вы с легкостью можете доказать это, – следя за тем, чтобы голос не дрогнул, ответила я.

Я оказалась в довольно затруднительном положении. Очень не хотелось жаловаться на редактора, пытаться мямлить и оправдываться, доказывая, что моя статья первоначально выглядела совсем иначе. Не думаю, что мсье Дюваль сейчас был готов поверить мне на слово. Мне нужны были действия, поэтому в голове начал зарождаться план.

– Я не обязан никому и ничего доказывать.

– Придется, ведь полиция скоро навестит вас. Они уже знают, что я видела вас с мадемуазель Пети.

– Откуда? – чуть приподнял он брови. – Из газет?

Дюваль мог и не задавать этого вопроса, но я чувствовала, будто он видит меня насквозь. Он знал или чувствовал, что я еще не все сказала. Взгляд Армана стал настолько пронзительным, что мои губы сами зашевелились.

– Это я нашла ее, – сказала тихо и отвела глаза в сторону.

Я услышала, как скрипнули ножки стула, и почувствовала, как Арман положил локти на стол, приближаясь ко мне.

– То есть как?

– Я обнаружила тело Кароль Пети этой ночью, – чуть громче повторила.

– Это я понял, но почему именно вы? Как так получилось?

Я сделала глубокий вдох и вновь повернулась к собеседнику. Не думаю, что мой рассказ о том, как все произошло, помешает следствию. Чтобы не прослыть сумасшедшей, Арману тоже сказала, что записка была под дверью, хотя именно на этих словах он недоверчиво прищурился, но возражать не стал.

Когда я замолчала, мсье Дюваль некоторое время размышлял, а потом отыскал взглядом Эмиля и велел подойти.

– Замените кофе, этот совсем остыл, – велел он, указывая на обе чашки. – И принесите завтрак. Не важно что.

Заметив, как ресторан заполняется постояльцами, спустившимися к завтраку, я ощутила легкое облегчение. Мы с мсье Дювалем не были достаточно знакомы, чтобы я могла предугадать, когда именно грянет буря. Пока он держался спокойно и даже немного безразлично, будто его имя в одном предложении со словом «убийца» никак его не задевало. Мужчина задумчиво закурил, я сделала то же самое.

– Она была обнажена? – спросил он.

В голове тут же всплыла леденящая душу картина: бледное тело в шелковых панталонах и в одном чулке. Я выдержала серьезный взгляд Дюваля и кивнула.

– Исходя из этого вы решили, что она была изнасилована?

Чтобы не отвечать так сразу и откровенно не лгать ему в лицо, я затаилась и медленно выпустила дым. На самом деле я понятия не имела, была ли Кароль изнасилована. Не представляла, что из написанного Лакомбом было фактами, а что голым вымыслом. От мыслей об этом в душе снова вспыхнул пожар. Я отчаянно хотела получить ответы, поэтому знала, что сразу после этого более чем

странного завтрака отправлюсь в редакцию. Молчание затягивалось, но Армана оно, похоже, не тяготило. Он очень внимательно следил за изменениями на моем лице, за каждым движением и взглядом.

– Информация об изнасиловании подтверждена?

– Не знаю, – выпалила я быстрее, чем подумала.

Мой ответ выглядел нехорошо со всех сторон. Мужчина снова впился в меня глазами, а потом затянулся и кивнул каким-то своим мыслям.

– Значит, я прав, и вы пишете лишь то, что выдумали сами. Даже если вскрытие сделали сразу, а скорее всего так и было, потому что отцу мадемуазель Пети ответы нужны будут незамедлительно, его детали вам бы никто не озвучил.

Мне оставалось лишь молча выслушивать его неприятные выводы о том, как я работаю. Несколько лет я тщательно зарабатывала определенный авторитет, пытаясь даже из светской хроники сделать нечто чуть более серьезное, чем просто заметки о сплетнях, интригах и грязном белье красивых и знаменитых.

– Где была рана? – прервал мои размышления мужчина.

– На животе, чуть выше пупка.

На миг лицо моего собеседника побледнело, он нервно затушил сигарету и отклонился на спинку стула, давая Эмилию возможность поставить тарелки. Когда юноша закончил накрывать на стол, Дюваль вновь нацепил непроницаемую маску.

– Что вы намерены делать, мсье Анен? – спросила я, наблюдая за суетящимися вокруг официантами.

– Завтракать, мисс Пэг, я очень голоден.

– Я не об этом.

Арман взял нож и намазал хрустящий тост джемом. Его спокойствие меня настораживало и немного нервировало.

– Вас не беспокоит сложившаяся ситуация?

– Меня? – поднял он глаза. – Нет. Работая в газете, вы как никто должны понимать, что это лишь очередная новость, которая со временем забудется.

– Некоторые новости могут сломать человеку жизнь, – горячо парировала я. – Даже таким влиятельным и именитым людям, как вы.

Моя излишняя пылкость тут же привлекла внимание Армана, он отложил тост. И снова мне показалось, что он пытается докопаться до

сути, разыскивая ответы на моем лице.

– Личный опыт?

Я не стала отвечать и тоже взялась за завтрак. Аппетита не было, но без пищи я растеряю оставшиеся силы. Бессонная ночь и так сказывалась на моем состоянии, не хватало свалиться в голодный обморок. Плюс мне было просто необходимо чем-то занять руки.

– А вас, мисс Пэг, не беспокоит сложившаяся ситуация?

Я вздрогнула от холодности его тона. Вероятно, пришло время угроз?

– Я готова нести ответственность...

– Мне в общем-то плевать на эту статью, – прервал меня Арман на полуслове. – И вы не могли этого не заметить. Но вы не знаете Дювалей. Мой отец камня на камне не оставит, его ответ будет безжалостным.

Мои опасения не оправдались. Арман не угрожал, просто констатировал факт, от чего стало по-настоящему жутко. Страшные вещи, сказанные безмятежным тоном, пугают гораздо больше, чем истеричные угрозы.

– Вы не кажетесь мне глупой, Долли, – продолжил он. – Но ваша выходка – это верх идиотизма. Бросить необоснованные обвинения члену семьи Северина Дюваля, как выкопать самому себе яму. Даже если бы все написанное в этой статье было правдой, и я... изнасиловал, – на этом слове Арман скривился, – а потом убил свою подругу, любое издание поостереглось бы писать об этом так нагло. Поэтому я никак не могу понять, что вы такого сделали, чтобы ваш редактор пропустил эту новость в печать, рискуя теплым местом в одной из самых престижных газет города?

И снова изучающе-внимательный взгляд карих глаз ожидал моей реакции. Я схватила чашку с кофе и сделала большой глоток. Слава Богу, что он уже не был огненным, иначе я бы обожгла горло. Мне нечего было ему сказать – я и сама не знала ответа на вопрос, почему Лакомб выпустил эту статью, рискуя не только моей карьерой, но и жизнью? Негодование обернулось злостью, которая обожгла сердце. Да, я спрошу с папаши за все, но что мне это даст? Где-то в глубине сознания постоянно мелькала мысль о заказчиках статьи об Армане. А что если эта статья с самого начала должна быть порочащей имя Дювалей? Что, если ночное происшествие оказалось на руку тем, кому

эта статья была нужна? Но кто рискнул тягаться с Северином Дювалем? Кто хотел свалить этого магната, используя сына? Если Лакомб не испугался пойти против оружейного барона, значит, за его спиной стоял кто-то, обладающий властью. Вопрос в том, как я оказалась посреди всего этого и не найдут ли мой хладный труп где-то на берегу Сены? Зажмурилась, не желая верить, что папаша догадывался, чем все может обернуться для меня, но все равно сделал это. Сердце сдавило болью предательства.

– Мсье Дюваль, – обратилась я к мужчине, который все это время наблюдал за мной, – прошу вас, расскажите мне, когда и где вы расстались с Кароль Пети.

Арман удивленно вскинул брови, но лишних вопросов задавать не стал. Я понимала, что мое поведение выглядело в высшей степени странно, но выбора мне никто не оставил. Чтобы выжить, мне нужно было разобраться во всем самой.

– После нашей с вами встречи мы пробыли в клубе не больше получаса. Точнее, Кароль пробыла менее получаса. Ей принесли записку, и она попросила вызвать такси.

– Что было в той записке?

– Не знаю, – пожал плечами он.

– Ваша спутница спешно покинула клуб и вас это не насторожило?

– Нет, – печально ответил Арман, и я впервые подумала о том, что этот мужчина потерял близкого человека. – Кароль была переменчивой. Ей быстро надоедали развлечения. Она могла в любой момент исчезнуть и не появляться среди друзей неделями.

– Но ваши отношения... – начала я, глядя в его глаза, чтобы попытаться уловить ложь, если таковая будет.

– Мы встречались время от времени. В удовольствие. Не более того. В ее жизни были и другие мужчины.

– И вас это не задевало?

– Нет, – усмехнулся Дюваль. – В моей жизни тоже бывали другие женщины. Я редко привязываюсь к людям.

Прозвучало очень знакомо, словно Арман говорил обо мне. Я склонялась к тому, чтобы поверить ему, потому как тоже никогда не ревновала Амеди.

– Значит, куда она поехала дальше, вы не знаете?

– Нет, не знаю.

– Благодарю вас, – сказала я. Значит, мне придется пойти по следам Кароль и понять, что же с ней случилось на самом деле. Я поспешно поднялась из-за стола и вдруг осеклась, осознав, что не сказала очень важную вещь. – Я приношу вам свои извинения, мсье Дюваль, за эту статью и возможные последствия.

Арман долго-долго смотрел на меня, видимо пытаюсь понять, не сумасшедшая ли я, а потом кивнул и поднялся на ноги.

– Я их принимаю.

Мне показалось, что с моих плеч упал огромный груз, который никак не давал мне выпрямиться и расправить плечи. Я тоже кивнула мужчине и пошла к выходу. Уже у дверей холла Арман нагнал меня и, взяв за руку, развернул к себе:

– Вы не допускали мысли, что я мог это сделать?

Его глаза горели и пытливо всматривались в мои, словно ответ был очень важен.

– Нет, – твердо ответила я, осознав, что это правда.

– Почему?

– Не знаю... не могу ответить... – Я тряхнула головой и пожала плечами. – Возможно, интуиция.

Дюваль отпустил меня, и отстраненность вернула безразличие в его глаза.

– Будьте очень осторожны, Долли.

– Буду... Арман.

Мужчина снова кивнул и зашагал к лифтам.

Глава 4

Непростой разговор

Я вышла из отеля и, чуть отойдя от входа, вжалась в стену. Тело дрожало, отходя от напряжения. Я выдержала этот разговор, впереди был еще один. Некоторое время мысленно металась, признаваясь самой себе, что разговора с Лакомбом сейчас не вынесу. Гнев, негодование, жгучая обида заставляли сердце захлебываться, застилали разум.

– Хорошо, Долли, – пробормотала самой себе, – тогда нужно вернуться в «Забвение» и опросить персонал.

Отбросив пока все эмоции, я попросила швейцара остановить для меня такси и отправилась в клуб, надеясь, что те, кто работал ночью, еще не разошлись. Конечно, шансов мало, но я должна была на что-то надеяться.

Двери клуба, как я и ожидала, оказались закрыты, но я знала, что, как только ночное веселье заканчивается, работа служащих клуба только набирает обороты. Бармены, официанты, музыканты и уборщики готовят заведение к следующей смене и только после этого расходятся по домам. Сделав вдох, я довольно громко постучала. Ожидаемо долгое время никто не появлялся, поэтому я продолжила настойчиво колотить в дверь.

Она открылась, когда я уже начинала терять терпение и уверенность. На пороге возник тот самый громила, который просил у меня приглашение минувшей ночью. Его внимательные глаза под нахмуренными бровями недовольно сверкнули. Мужчина всмотрелся в мое лицо и не сразу, но узнал.

– Мне нужен владелец заведения! – решительно сказала я.

– Прессу велено не пускать, – сердито ответил он и попытался закрыть дверь.

Понимая, что по-хорошему договориться не получится, я просунула ногу в проем и не позволила захлопнуть дверь прямо перед моим носом.

– Вы же понимаете, что журналисты могут быть не только друзьями, но и врагами, а те, которые трудятся в самом продаваемом

издании, особенно? Мое имя известно в Париже, и я могу всего несколькими строчками вознести ваш клуб или же уничтожить! Выбирайте.

– Чего вы хотите? – не скрывая неприязни, спросил громила, но дверь все же открыл шире.

– Мне нужно поговорить с владельцем, а потом и с теми, кто работал этой ночью.

Мужчина сомневался всего несколько секунд. На его лице отразились все чувства, что он испытывал ко мне и к таким, как я. Было неприятно, но привычно. Конечно, если бы он меня не впустил, никакой разгромной статьи я писать бы не стала, но охранник этого не знал. Громила посторонился, пропуская меня внутрь.

То, чего я вчера опасалась, настигло меня в троекратном размере. Этот клуб был не просто тесным, а в буквальном смысле узким подземельем. Лестница, зажатая каменными стенами, расположенными, на мой взгляд, слишком близко друг к другу, привела нас в чуть более широкий сводчатый коридор. Я содрогалась при виде решетчатых клеток, вмурованных в своды под невыносимым углом. Узники, которые когда-то здесь обитали, не могли даже распрямиться, ожидая своего страшного часа.

Мрачность и смертельная безысходность, витавшие внутри, тут же навалились на плечи и сдавили грудь. Атмосфера здесь царилла непередаваемая. Низкий потолок и полумрак, а также страдальческие надписи на стенах и сейчас создавали впечатление тюремного подземелья. Я поежилась, делая все новые и новые шаги. Появилось желание покинуть это место немедленно. И как люди приходят сюда развлекаться?

Мой сопровождающий, которого я ласково нарекла громилой, вывел меня в зал, переделанный для посетителей. Это помещение тоже было тесным и крошечным, рассчитанным на узкий круг ценителей музыки. Не больше десяти деревянных столиков, даже не покрытых скатертями, что поддерживало гнетущую атмосферу, стулья, барная стойка и малюсенькая сцена с выставленными на ней инструментами.

С ночи остались лишь бармен и всего одна официантка, помогающая ему выставлять бутылки. Охранник подошел к невысокому мужчине средних лет, что сидел за стойкой бара, и прошептал ему на ухо несколько слов. Видимо, это был владелец

клуба. Мужчина развернулся и внимательно осмотрел меня с ног и до головы. Я невольно расправила плечи и ответила на его придиричивый взгляд.

– Джозеф Обен, владелец клуба, – сказал он и поднялся с высокого стула. – Чем могу помочь?

Голос его не был приветливым, но и грубо тоже не звучал. Впечатление мсье Обен производил более чем приятное: не вычурно, но модно одетый, со спортивной подтянутой фигурой, живыми серыми глазами и полными губами. В его руках тлела сигарета.

– Меня зовут Долли Пэг, я журналистка...

– Я знаю, кто вы, давайте перейдем ближе к делу, – перебил он и указал на один из столиков.

К делу так к делу. Я развернулась и присела, ожидая мужчину, который тут же присоединился. В тот же миг перед нами возникла пепельница. В настолько замкнутом и не продуваемом месте я курить поостереглась, обитатели клуба, похоже, были людьми привычными. От предложенного услужливой девушкой кофе я тоже отказалась. Мне хватило того, что был выпит ранее, да и обстановка не располагала. Все же это место на любителя, я не смогла оценить его интерьер.

– Вам не нравится клуб? – угадав мое настроение, спросил мсье Обен. Не желая обманывать его, я кивнула. – Это неудивительно, ведь «Под сводом Забвения» – это по сути своей темница, выкопанная ниже уровня Сены еще в двенадцатом веке. Филипп-Август II, правящий Францией в то время, создал ее, чтобы содержать здесь врагов короны. Сюда сажали без суда и следствия, а значит, бессрочно. Вы наверняка видели эти странные подвобы камер, которые оставляли преступников в согбенном состоянии, что само по себе пытка. А знаете, как они туда попадали? Из люка, внезапно открывавшегося прямо под ногами.

Жуткий рассказ. К своему стыду, я не настолько хорошо знала историю страны, в которой родилась. Сделать из бывшей тюрьмы увеселительное заведение довольно странный выбор.

– Можете себе представить, каково это, ждать, когда откроются шлюзы и подземелье затопит водами Сены? Страшная смерть, как и само существование здесь, – печально сказал мужчина и погасил свою сигарету, которой так ни разу и не затянулся при мне. – Тот еще экскурс, мисс Пэг, простите.

– Здесь мрачно и тесновато. – Я повела плечами и вновь бросила взгляд на надписи на стене. – Словно стены и потолок медленно приближаются и давят.

– Вы не переносите замкнутых пространств? – с искренним любопытством спросил мсье Обен.

– Не то чтобы не переношу, правильнее сказать, они меня немного нервируют.

– Вам стоит прийти сюда вечером. Когда играет хорошая музыка и вокруг вас приятная компания, эта теснота становится незаметной. – Владелец клуба заглянул мне в глаза и вновь нахмурился. Видимо, прелюдия закончилась. – Так что привело вас ко мне, мисс Пэг?

– Вы читали утренние газеты, мсье?

– Еще не довелось, а что?

– Вчера ночью была убита Кароль Пети.

Тень прошла по лицу мужчины, он отклонился назад, глаза забегали, словно мсье Обен вспоминал все, что происходило вчера в клубе. По всей видимости, владелец этого весьма специфического заведения пытался понять, как ему вести себя со мной, а потом и с полицией. Если он провел здесь прошедшую ночь, то не хуже меня знал, с кем именно была Кароль. Я не торопила его, понимая, что принесла недобрые вести, которые и для клуба могут обернуться неприятными последствиями.

– Что привело вас именно ко мне? – наконец повторил он свой вопрос.

– Вчера вечером видела Кароль Пети в компании Армана Дюваля. – Я говорила неторопливо, чтобы как можно осторожнее донести до мужчины свою мысль. – Сегодня утром вышла статья о том, что мсье Дюваль и был тем, кто убил несчастную девушку.

– Но мадемуазель Пети ушла задолго до мсье Дюваля! – чуть повысил голос мой собеседник.

– Знаю, – кивнула я в ответ. – Мне нужно понять, куда она отправилась дальше.

Мсье Обен поднял на меня тяжелый взгляд. Ему не нравились ни мое присутствие, ни мои вопросы. Я не давила, чтобы он не вышвырнул меня, прежде чем я получу то, за чем пришла.

– Ищете сенсацию?

– Сенсация уже разлетелась по Парижу, мсье Обен, – чуть жестче сказала я. – Немного поспешно, на мой взгляд. Дать мне нужную информацию в ваших же интересах. Если я докопаюсь, куда именно отправилась Кароль Пети, то смогу доказать, что ваше заведение никак не связано с ее убийством. Вам же не нужна дурная слава?

Громила, что крутился все время поблизости, несомненно, слышал каждое наше слово. Он вновь подошел к хозяину и что-то сказал ему на ухо. Это начинало раздражать, но я была не в том положении, чтобы диктовать свои правила.

– Грэм говорит, что вас вряд ли можно назвать подругой мсье Дюваля, тогда зачем вам эти поиски?

Это был довольно сложный вопрос, и мсье Обен смотрел так пристально, что солгать становилось почти невозможно. От моей откровенности многое зависело. И попытка у меня была всего одна.

– Издание, которое выпустило эту новость, платит мне жалованье, – осторожно сказала я.

– И?

Серые глаза стали похожи на грозовые тучи. Я никак не могла понять, только ли свой бизнес он бросится защищать? По тону и общему поведению мне показалось, будто мсье Обен испытывает нечто вроде уважения или преданности к Арману Дювалю. Исходя из этого, я предположила, что репутация доброго знакомого, если не друга, важна владельцу «Забвения».

– Под статьей стоит мое имя, – выговорила я, глядя мсье Обену прямо в глаза. Он все равно об этом узнает, темнить смысла не было. – Но, как уже говорила, выводы в ней поспешны, я бы хотела это исправить.

– Зачем? – Нотки гнева мелькнули в голосе мужчины. – Теперь не только имя Дювалей будет обсуждать вся Франция, но и ваше.

– Это сомнительная слава, вы не находите? – Мне не хотелось затягивать этот разговор, поэтому я вернулась к своей просьбе: – Помогите мне разобраться. Я должна выяснить, куда отправилась мадемуазель Кароль!

Мсье Обен поднялся на ноги и неторопливо прошелся между столиками, потирая подбородок. Он запустил руки в волосы, а потом одернул пиджак и посмотрел на громилу Грэма. Тому не понадобились слова, чтобы понять, чего от него хотят.

– Какой-то мальчишка принес для нее записку, я передал, – глядя на хозяина, сказал охранник. – Что было внутри, не знаю, но она решила покинуть «Забвение».

Следующий взгляд владельца был адресован молодым людям за стойкой бара.

– Мадемуазель Пети сходила в уборную, а потом сразу сказала мсье Дювалю, что уезжает, – отозвался бармен, который тоже слышал все, о чем шла речь. – Он не спрашивал, куда и зачем, махнул рукой и попросил Этьенна посадить ее в такси.

– Кто такой Этьенн? – тут же ухватилась я за новые сведения.

– Это наш официант, он ушел домой два часа назад, – пояснил бармен.

– Где мне его найти? – спросила я у молодого человека. – Он может знать, куда уехала девушка. Или хотя бы сказать, на каком такси.

– Я напишу вам адрес, но до вечера вы вряд ли до него достучитесь. После смены он спит как сурок. Живет один, разбудить некому. – Бармен пожал плечами. – Я бы посоветовал наведаться к нему ближе к шести вечера. Желудок этого малого проснется, как по звонку.

Пока бармен писал адрес, я чувствовала, как внутри все дрожит от предвкушения. Конечно, рано радоваться и этот Этьенн мог не услышать адреса и не запомнить номера такси, но все же. Если он вспомнит хоть что-то, я смогу попросить Амеди поискать среди таксистов. Мне они вряд ли расскажут, а вот моему любовнику запросто. Схватив бумажку с адресом, я развернулась к хозяину клуба:

– Давайте оставим этот разговор между нами, мсье Обен.

Мужчина кивнул в ответ, и Грэм поспешил проводить меня наверх. Прежде чем закрыть за мной дверь, охранник негромко сказал:

– Мсье Дюваль не делал этого.

Я повернулась и взглянула в его серьезное лицо. Отчего-то слышать эти слова было приятно. Может, оттого, что сама согласна с ним? Я осознавала, что Арман мог и после клуба настигнуть несчастную Кароль, но внутри у меня была какая-то странная уверенность в его невиновности. Головой понимала, что могу ошибаться, но интуиция шептала обратное.

Грэм исчез в «подземелье», а я вдохнула полной грудью, наслаждаясь простором и свежестью воздуха. Как же прекрасно

просто дышать! Что ж, пора отправляться в редакцию и поговорить с папашей начистоту.

На душе лежала неприятная тяжесть, и погода, будто ощутив мое настроение, тоже переменялась. Небо заволокли хмурые тучи, пряча от парижан застенчивое солнышко. Я невольно вздохнула и коснулась пальцем стекла, еще до конца не осознавая, что все это происходит на самом деле. Прислонилась лбом к окну в такси и ощутила его приятную прохладу. Неужели снова зря доверилась? Я не напрасно закрывалась от людей и не торопилась заводить друзей. Мсье Лакомб за последнюю пару лет добился моего доверия. Он был довольно прямым человеком, и между нами никогда не существовало полутонков. Это меня и подкупило. Он не пытался стать мне другом, но стал, привлекая честностью и открытостью суждений. Горько усмехнулась, вспоминая, что всегда думала, будто стала ему кем-то вроде старшей дочери. Разве с детьми так поступают?

Такси притормозило у входа в редакцию, а я никак не могла заставить себя выйти из него, преодолеть расстояние до кабинета папаша и начать разговор. Водитель осторожно обернулся, делая недвусмысленный намек, и я, извиняясь, кивнула и освободила автомобиль.

Ноги едва несли меня через просторный холл, потом в лифте чуть не подгибались, но, как только двери открылись, я сделала глубокий вдох и медленный выдох, набираясь сил.

В наполненном суетящимися мужчинами и женщинами зале повисла тишина. Множество лиц повернулось ко мне, а потом множество глаз все в той же гробовой тишине провожало меня к столу. Дениз вскочила на ноги, откладывая свою «лейку» в сторону.

– Долз, клянусь я... – начала она взволнованно.

Я впервые видела ее такой. Серые глаза смотрели тревожно, щеки пылали. Дениз не знала, куда деть руки.

– Знаю, – перебила я ее и бросила взгляд на дверь редактора. – Он у себя?

– Со вчерашней ночи папаша даже не выходил. Несколько раз говорил по телефону, довольно громко. Никого не впускает, гонит прочь, стоит к двери подойти.

Пока не растеряла решимость, сжала крепче сумочку и направилась в кабинет начальства. Сердце глухо отстукивало

неровный ритм, словно не решалось рухнуть в пропасть. Всего на миг я задержалась у стеклянной двери с написанным на ней именем и опущенной бумажной шторкой. За спиной редакция все так же утопала в давящей тишине. Вздрыгнула, когда сквозь безмолвие прорвался телефонный звонок. Еще один спасительный вдох, и я вошла в кабинет.

Мсье Лакомб выглядел скверно. Пиджак от дорогого костюма, который я помогала выбирать, валялся на полу. Возникло такое чувство, что папаша несколько раз прошелся по нему и даже не заметил. Петля галстука была ослаблена, рубашка измялась, и в нескольких местах красовались пятна от виски. В кабинете стоял такой табачный туман, что на глазах выступили слезы. Я закрыла за собой дверь и распахнула окно, впуская пасмурную прохладу. Папаша так и сидел в кресле с тлеющей сигаретой между пальцев и стаканом виски. Сердце предательски дрогнуло. Подавив ненужную сейчас жалость, я села в кресло напротив и заглянула Лакомбу в глаза.

– Я был вынужден, – сипло проговорил он, а потом осушил неизвестно какой по счету стакан.

– Подставить мою жизнь под удар? – тщательно контролируя голос, чтобы он не дрожал, спросила я.

Папаша оставил пустой стакан, бросил в него окурок и растер слегка отекавшее лицо ладонями.

– Меня прижали, серьезно прижали, Долли, – сказал он, упорно пряча от меня свои глаза. – Я тянул со статьей несколько недель, позволяя тебе отмахиваться от нее в надежде, что все как-то само собой разрешится.

– Что, все?

– Не знаю, – слегка возбужденно повысил он голос, – не знаю, Долз. Думал, может, найдется что-то или кто-то... Что в заказе отпадет нужда. Я не идиот, Долли, понимал, на кого придется замахнуться. И дело тут не только в тебе. Любой поймет, что ты лишь пешка. В печать статью отдаю я!

– Как удачно подвернулось это убийство...

– Если бы раньше добилась интервью, все могло бы получиться менее болезненно... – пробормотал редактор, и я чуть было не взорвалась.

Сцепив зубы и до боли сжав кулаки, я проглотила возмущенный вопль и постаралась говорить спокойно:

– То есть это моя вина?

– Нет, конечно нет, Долли! – воскликнул Лакомб и тяжело поднялся на ноги. Стул громко и неприятно скрипнул, а потом опрокинулся. Папаша не обратил внимания. Он едва заметно качнулся, а потом схватил свой стакан и плеснул в него виски. Окурок тут же всплыл на поверхность. Мсье Лакомб некоторое время гневно взирал на него, а потом от души швырнул стакан в стену. – Здесь нет ничьей вины. Мы попали в движущийся механизм, и нас затянуло...

– Нас не просто затянуло, нас размазало по шестеренкам, мсье Лакомб! – в сердцах поправила я. – Вы ввязались в чью-то теневую игру и меня за собой потащили!

– У меня не было выбора!

– Выбор есть всегда! – Я тоже вскочила на ноги, чувствуя, что усидеть на месте не в состоянии. – Вы могли поставить собственное имя! Не мое!

В последних словах прозвучало столько боли, что я зажмурилась. Пришлось отдышаться, чтобы усмирить пульс, колотящийся в висках. Лакомб сжал зубы и отвел глаза.

– Не мог. – Голос его прозвучал глухо. – Я пытался, поверь, но мне не позволили.

– Кто заказал статью? – Я решила перейти к главному, чтобы хоть как-то отстраниться от бушующих в груди чувств, от обиды, которая рвалась наружу.

– Я не могу сказать, Долли, даже не проси, – папаша медленно осел в кресло и, обхватив голову руками, поставил локти на стол. – Ты должна знать – я сделал все, чтобы обезопасить твою жизнь! Мне обещали, что о тебе позаботятся!

– И как же? Кто убережет меня от Дювалей? Даже Арман Дюваль сказал, что вряд ли сможет!

– Ты говорила с ним? – Лакомб вскинул голову, его глаза лихорадочно блеснули.

– Сегодня утром.

– И что он... думает?..

– На статью ему плевать, но он дал понять, что Северин Дюваль этого так не оставит.

– Тогда тем более лучше ничего не знать, Долли! Если ты пешка, ею и оставайся! Это уберезет тебя.

Лакомб нервно закурил, а я вернулась на свое место и тоже достала портсигар. Некоторое время мы молчали. Я размышляла над всем, что услышала, а точнее, над тем, что и так знала. Для чего мне нужен был этот разговор? Чтобы посмотреть папаше в глаза и для успокоения души увидеть в них раскаяние. Ничего нового я не почерпнула из этой беседы. Поднеся к губам мундштук, заметила, что руки мелко дрожат.

– Может, тебе уехать на время? Отправляйся к родителям...

– Сбежать? А что это даст? Если Дювали захотят, они найдут меня на краю земли. Я намерена поступить иначе!

Папаша вновь поднял на меня взгляд, теперь его брови нахмурились, между ними залегла глубокая складка.

– Не дури, Долли! Не лезь во все это!

– Знаете что, мсье Лакомб? – ощущая новую волну гнева, заявила я. – Если уж меня втянули во все это, я предпочту разобраться! Я хочу знать, кто меня использовал и зачем! Зачем нужна была эта статья? Кому нужно утопить Дювалей?

С минуты Лакомб молчал, а потом все же выдохнул, будто сдался, и сказал:

– Северин Дюваль должен получить патент на оружие нового поколения. Его предложение рассматривается на самом высоком уровне. Как думаешь, кому нужно его потопить?

Представляю, сколько конкурентов Дюваль заимел за годы изготовления и торговли оружием.

– Хорошо, при чем здесь Арман? Почему именно Арман? Не Патрис, который, насколько мне известно, занимается делами отца?

– Чего не знаю, того не знаю, Долли. Прошу тебя образумиться, ты не осилишь все это...

– Чем вам угрожали? – прервала я его на полуслове.

– Семей, – тихо ответил он.

Тлеющая сигарета обожгла его пальцы, и папаша зашипел, а потом раздавил окурочок в пепельнице. В этот миг Лакомб будто постарел на десяток лет сразу. Я понимала его, по-человечески понимала, по-дружески, но простить была не готова. Каждый из нас

борется лишь за себя и своих близких. Возможно, я действительно была ему дорога, но он сделал свой выбор.

– Вы можете еще хоть что-то полезное мне сказать? – глотая ком в горле, выговорила я, желая поскорее покинуть этот кабинет.

– Для твоего же блага – нет, – прозвучал ответ, и я поднялась.

– Я все равно разберусь в этом. Выбора вы мне не оставили. Угроза нависла надо мной в любом случае, но я еще потрепыхаюсь. Сидеть и ждать, когда меня придавит окончательно, не по мне. – Я развернулась и пошла на выход, взялась за ручку двери и все же не выдержала, обернулась. – Что будет с вами?

– Мне остается только ждать, когда мою глотку выпустят и отправят на покой, на пенсию.

Больше мне говорить с ним было не о чем. С тяжелым сердцем я вышла за дверь и, бросив Дениз пару слов, покинула издательство. Мне нужно было немного воздуха и тишины.

Даже не заметила, как добрела до самого уютного и дорогого сердцу места. На углу авеню Рузвельта, прямо за Большим дворцом спрятался маленький двухуровневый сад, не видимый с улицы. Наткнуться на него случайно почти невозможно, нужно просто знать, что он существует.

Сад Нювель Франс приносил покой в душу всякому, кто побывал в нем хотя бы раз. Узкие дорожки вели сквозь многочисленную зелень, подныривали под искусственно созданные каменные арки и выводили к живописному пруду с вечно горюющими ивами или к маленькому водопаду. Стоило войти в тайный зеленый уголок, и тихие слезы хлынули из глаз. Здесь, вдали от посторонних, я могла дать волю чувствам. В это время дня мне никто так и не встретился на пути, поэтому я не стала прятать свое разочарование. Прошла к любимой скамейке и отпустила эмоции, что так старательно пыталась сдерживать.

Я всегда считала себя сильной, непоколебимой, стойкой, но удары судьбы один за другим показали мне, что я ошибалась. Однажды я была сломлена. В юности, когда сердце горело надеждами, когда мечты окрыляли и рисовали чудесное, весьма амбициозное будущее. Война закончилась, и вера возродилась в душе, расцветая, будто свежий бутон. Но жизнь распорядилась иначе, послав испытание, которое изменило мой мир, мои планы и меня саму. С тех пор я научилась держать в руках оружие, от которого отец долгое время

пытался меня оградить. Ему самому пришлось обучить меня стрельбе, а затем открыть глаза на реальность и мир, что нас всех окружал. Тогда и появился внутри этот стержень, который препятствовал сближению с людьми. До сего дня я думала, что так больно уже не будет.

Не знаю, сколько я просидела, вслушиваясь в тишину и вглядываясь в спокойную гладь воды. Редкие голуби спускались к моим ногам, но, поскольку угостить их мне было нечем, они довольно быстро теряли ко мне интерес.

Что ж, выбор у меня и правда невелик. Я попробую распутать этот клубок и остаться при этом живой. Терять все равно было уже нечего.

Без четверти шесть я оказалась у старенького многоквартирного дома, в котором обитал Этьенн – официант из «Забвения». Одна из его соседок указала мне на деревянную дверь с болтавшейся ручкой и съехавшим номером восемь. Я громко постучала, вспоминая слова бармена о том, что разбудить юношу будет не так-то просто. За дверью стояла тишина, поэтому я повторила попытку поднять Этьенна на ноги. И снова тишина.

Я громко выдохнула воздух, собравшийся за надутыми щеками, и в отчаянии простонала, а потом занесла руку для новых ударов. Внезапно справа от меня появилась другая рука, которая довольно бесцеремонно обрушилась на дверь, создавая оглушительный грохот. Я вздрогнула и обернулась.

– Будем настойчивее, мисс Пэг, – заявил Арман Дюваль и невесело подмигнул мне.

Глава 5

Лучше бы открыла шкаф

Неожиданное появление Армана немного удивило, но его нападение на дверь имело результат. В квартире официанта послышались шаги. Я отстранилась и посмотрела на Дюваля. Точеный профиль излучал решительность, от него веяло властью. На мгновение стало неуютно, но я постаралась стряхнуть с себя это чувство, признавая, что рядом с Арманом Этьенн, скорее всего, будет разговорчивее.

Нам открыл довольно высокий и худой, если не сказать тощий, молодой человек с копной кудрявых, соломенного цвета волос, заспанными голубыми глазами и пухлыми губами. Юноша скользнул взглядом по нашим лицам, но, ничего странного не заметив, сладко зевнул и почесал затылок.

– Вы ко мне?

Арман сделал шаг по направлению к официанту и буквально навис над ним, вынуждая парня посмотреть ему в лицо. Этьенн побледнел, опустил руку и, совсем растерявшись, распахнул дверь шире:

– М-м-мсье Дюваль?! Как... что?..

– Впустишь?

Одно слово. Ни угроз, ни давления, лишь брошенное непринужденным тоном слово. Но на юношу оно подействовало невероятным образом: он словно уменьшился ростом, будто ноги от страха подкосились, губы вместе с руками задрожали, с лица исчезли все краски.

– П-п-проходите, прошу. – Этьенн развернулся, приглашая в квартиру, а когда мы вошли, захлопнул дверь и начал нервно комкать полосатую пижаму.

Я осмотрелась. Ничего особенного: разобранная кровать со смятыми простынями, одна подушка на полу, на столе недоеденный завтрак, какие-то книги, стул с горой одежды на нем, шкаф с покосившейся дверцей, чем-то заляпанные шторы. Для юноши, который живет один, неудивительно.

Арман уверенно прошелся по малюсенькой квартирке, заглянул на крошечную кухню, не выказывая и тени брезгливости или чего-то похожего на нее. Осмотрелся, куда бы сесть, но не отыскав подходящего места, решил сразу приступить к делу:

– Этьенн, ты помнишь, как мадемуазель Пети покидала вчера клуб?

– Д-д-да, – продолжая заикаться то ли от страха, то ли от растерянности, ответил юноша. – Я сам посадил ее в такси.

– Отлично. – Арман удовлетворенно хлопнул в ладоши. – Куда она отправилась, ты знаешь?

Я даже дыхание затаила в ожидании ответа. Этьенн неловко пригладил карманы пижамы и снова потянулся к волосам. Мне показалось, что парень заметно расслабился, хотя все еще не понимал, зачем сам Арман Дюваль пожаловал к нему.

– Я лишь слышал, как она сказала «остров Сен-Луи», а точного адреса мадемуазель не называла.

– Ты уверен? – настороженно переспросил Дюваль. – Подумай хорошенько. Точно остров Сен-Луи?

Услышав перемену в голосе Армана, я бросила на него взгляд и успела уловить мелькнувшую тревогу, которая почти сразу исчезла, стоило Дювалю заметить мой интерес.

– Совершенно точно, мсье. – Для убедительности Этьенн закивал головой, да так усердно, что мне показалось, она вот-вот оторвется.

– А записка? – вмешалась я, переключая внимание официанта на себя. – Вы не знаете, от кого была та записка?

Парень мотнул головой, потом прищурился и застыл.

– Что-то случилось с мадемуазель Пети?

Голос Этьенна дрогнул. Спросонья он не сразу сообразил, что все эти расспросы не зря. Теперь, глядя на меня, будто прозрел. Я посмотрела на Армана, словно искала поддержки. Не люблю приносить недобрые вести, а судя по волнению парня, он явно был неравнодушен к Кароль.

– Да, Этьенн, – пришел мне на помощь Дюваль. – К сожалению, мадемуазель Пети была убита, после того как покинула «Забвение». Мы с мисс Пэг хотели бы выяснить все возможное о ее передвижениях.

Глаза юноши блеснули слезами, руки его повисли, он обессиленно сел на кровать, а потом закрыл лицо ладонями. Я снова посмотрела на Армана, который подошел к Этьенну ближе и опустился рядом с ним на корточки. Дюваль отвел подрагивающие руки официанта и заглянул ему в лицо.

– Помоги нам, Этьенн, ведь мадемуазель Пети всегда была добра к тебе. Постарайся вспомнить все, что сможешь. Это очень важно.

Юноша громко втянул носом воздух и постарался взять себя в руки. Я видела, чего ему это стоило. Этьенн был еще совсем молод, на вид не больше восемнадцати. Исходя из того, что я заметила, хорошего в его жизни было мало, а Кароль Пети стала для него чем-то светлым, возможно, даже первой юношеской влюбленностью.

– Кто принес записку, Этьенн? – повторила я свой вопрос. – Вы не помните?

– Принес ее мальчишка, оборванец какой-то. Вряд ли вы его найдете. – Парень шмыгнул носом и посмотрел на поднявшегося на ноги Армана. – Таких в Париже пруд пруди, на каждом углу ошиваются в поисках заработка.

– А такси? Что ты помнишь о такси? Может, номерной знак или лицо водителя? Ничего не запомнил?

– Нет, простите, мадемуазель, – стушевался парень. – Обычное было такси, ничего примечательного. Да я и не смотрел на него, только на...

Я мягко улыбнулась на его виноватый взгляд. Конечно, когда перед тобой объект обожания и ты не ждешь ничего дурного, разве будешь смотреть на что-то другое? Я изо всех сил попыталась скрыть разочарование, но надежду не потеряла.

– Если ты еще что-то вспомнишь, ты знаешь, где меня искать, – сказал Дюваль и направился к выходу.

– Мне очень жаль, – очень тихо сказал парень, и Арман застыл, протянув руку к ручке двери, но так и не коснувшись ее. – Она была вам дорога, мсье Дюваль. Мне жаль, что с ней такое случилось.

Я смотрела на напряженную спину мужчины, который слегка повернул голову и лишь кивнул на слова Этьенна, а потом все же открыл дверь и скрылся в коридоре. Я бросила на юношу прощальный сочувствующий взгляд и поспешила следом за Дювалем.

На улице отпрыск именитого семейства пошел медленнее, сначала вдохнул полной грудью, а потом достал сигареты.

– Мне кажется, что я до сих пор не принесла вам свои соболезнования, мсье Дюваль, – сказала я, наблюдая за тем, с каким удовольствием Арман затягивается, а потом выпускает дым. – Я...

– Благодарю, Долли, – перебил он меня и посмотрел в глаза. – Я могу называть вас Долли?

Я лишь кивнула в ответ, когда Арман неспешно пошел вниз по улице. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Шли мы медленно, и это дало возможность поразмышлять над словами Этьенна. Что-то меня смущало, но я никак не могла понять, что именно.

– Какие тревожные мысли заставляют вас хмуриться? – спросил Арман.

– Пока и сама не понимаю, – сказала я в ответ. – А вам что-нибудь говорит остров Сен-Луи? Почему она поехала именно туда? У нее там были друзья?

Арман отвернулся от меня. Не знаю, прятал ли лицо или это вышло случайно. С ответом он не спешил, может, вспоминал, а может, не собирался делиться своими мыслями.

– Насколько мне известно, друзей на острове у нее не было. Но я могу ошибаться, – ответил Дюваль, сворачивая на широкую улицу, которая выводила нас из не самого благополучного квартала. – Кароль постоянно щебетала, словно канарейка. Я вряд ли смог бы запомнить все, что она когда-либо рассказывала.

Ответ прозвучал туманно, и в этот момент я кожей почувствовала, что он лжет мне.

– Зачем вы пришли? – развернулась я к нему.

– Если вы не забыли, то задета моя репутация, – небрежно бросил он и обошел меня, продолжая путь.

– Только утром вы сказали, что на статью вам плевать! Что изменилось? С чего вдруг вы решили докапываться до правды?

Дюваль резко остановился, а потом повернулся ко мне, сверкая недобрим взглядом.

– Что бы ни случилось, Кароль была близким мне человеком! Она не просто девушка на одну ночь. К тому же наши отцы пересекались в делах, они неплохо ладят, хоть друзьями их и не назовешь.

От такого натиска я попятилась, впервые увидев бурю в потемневших глазах Армана. Как оказалось, средний из отпрысков Дювалей умело скрывал свои чувства, которые наконец прорвались наружу. Возможно, он и не любил Кароль в привычном понимании, но, проводя с ней время, не мог остаться равнодушным абсолютно.

– Прошу прощения, – сказал он, заметив мое недоумение. – Давайте поужинаем и обсудим дальнейшие действия. Вы ведь не собираетесь останавливаться?

Не то чтобы я горела желанием продолжать поиски бок о бок с Дювалем, но его имя может открыть множество дверей, которые закроются даже перед моим упрямым носом.

– У меня назначена одна важная встреча, – пояснил он, – поэтому давайте доберемся до моего отеля на такси, иначе мне просто не успеть.

Уже в ресторане «Хилтона», когда все тот же официант Эмиль принес наш ужин, я поняла, насколько проголодалась. Картофельно-сырное пюре со свининой пахло просто божественно. Алиго было одним из моих любимых блюд. Арман заказал утку с картофелем и вино. Как оказалось, готовили в ресторане отеля отменно. Я получила настоящее удовольствие от нежнейшего угощения. Ужин прошел в молчании, только когда подали десерт, Дюваль заговорил:

– Что думаете делать дальше?

– Найду таксиста, который вез Кароль на остров. Узнаю, куда именно он доставил девушку.

– И как же вы намерены его найти? – спросил Арман и запустил ложечку в пахнувшее ванилью крем-брюле.

Нежная карамельная корочка и заварная основа из сливок с яйцом и сахаром выглядели так аппетитно, что я тоже взялась за ложку.

– У меня есть знакомый, который может помочь, – неопределенно ответила я, наблюдая, как Арман обхватывает длинными пальцами бокал.

Я не могла отвести глаз от его рук. Это было чем-то вроде привычки – изучать мужские руки, я питала к ним слабость. Руки Армана показались мне более чем привлекательными: не слишком тонкие, но и не толстые пальцы, ухоженные, но не изнеженные. Вдруг совсем не вовремя поймала себя на мысли, что эти руки могут быть очень ласковыми.

– Мисс Пэг! – Голос моего собеседника прозвучал настойчиво, будто Арман обращался ко мне уже не в первый раз. – Вы еще здесь?

– Прошу прощения, задумалась. – Я слегка тряхнула головой, отбрасывая мысли о притягательности Армана Дюваля, и вернулась к нашему разговору. – После ужина отправлюсь домой и переговорю со своим другом. Он не откажет мне в помощи.

– Вы живете вместе? – впиваясь в мое лицо взглядом, спросил Арман.

Смотрел он дерзко, если не сказать нахально, будто имел право задавать подобные вопросы, будто привык, что все вокруг должны держать перед ним ответ.

– С кем я живу или не живу, не вашего ума дело, мсье Дюваль! – отвечая на его взгляд, заявила я, а потом нацепила на лицо самую милую улыбку, какую только имела в своем арсенале.

– Хорошо, – криво усмехнулся он и сделал большой глоток вина, – а дальше?

– Ну, это же очевидно! Отправлюсь туда, куда ездила Кароль!

– Надеюсь, вы не будете делать этого прямо сегодня? – серьезно спросил Арман.

– Я сделаю это сразу, как только получу информацию! Время не ждет, мсье Дюваль! Нужно идти по следам мадемуазель Пети, пока они не испарились!

– Не теряйте голову, Долли! – Мой собеседник поставил локти на стол и склонился ко мне как можно ближе. – Вы ведь не забыли, чем закончилась эта поездка для Кароль?

– Нет, Арман, я не забыла! Именно поэтому должна выяснить все!

– Вы невероятно упрямы! – сказал он и хотел еще что-то добавить, но Эмиль склонился над его ухом и прошептал несколько слов.

Арман нахмурился, сжал зубы, а потом отбросил салфетку и кивнул официанту. Дюваль поднялся на ноги, его взгляд показался мне пустым, будто сознание его уже было где-то далеко. Он сделал шаг в сторону выхода из ресторана, а потом будто опомнился и посмотрел на меня.

– Я отлучусь всего на пару минут, Долли. Прошу вас дождаться меня.

Я настороженно кивнула в ответ, пытаясь понять, что могло так изменить настроение моего собеседника.

– Обещайте, что дождетесь! – настойчиво повторил он. – И... прошу вас из этого зала не отлучаться, если возможно. Это важно...

Арман развернулся и зашагал прочь, а я только глазами хлопала ему в след, совершенно не понимая, что происходит. Я с детства не люблю вопросы, которые остаются без ответов. Это как назойливое щекотание в носу, которое ни за что не пройдет, пока не чихнешь. Меня охватило странное волнение, будто сердце предвкушало что-то интересное, но это интересное могло проплыть мимо меня, так и не позволив мне докопаться до сути.

Я уверенно поднялась на ноги и как можно быстрее, но так, чтобы не переходить на бег, отправилась следом за Арманом. Выйдя из ресторана, успела заметить, как он сворачивает в один из коридоров. Не задумываясь, пошла за ним. За поворотом чуть было не попалась, потому как, словно чувствуя что-то, Дюваль обернулся. Я резко отклонилась назад, ощущая, как сердце гулко колотится в груди. Мне показалось, что я услышала обреченный выдох, будто Арману пришлось смириться с чем-то. Или это всего лишь плод моего воображения?

Досчитав до пяти, я успокоила дыхание и снова выглянула. Коридор уже был пуст, только одна из дверей как раз закрывалась за спиной Армана, как я полагала. Оглядевшись по сторонам, очень тихо подошла к этой самой двери и аккуратно, чтобы она, не приведи господь, не скрипнула, приоткрыла ее. За ней было что-то вроде курительной комнаты, где мужчины ведут свои долгие разговоры вдали от посторонних глаз и ушей.

– Зачем ты пришел? – Голос Армана прозвучал сурово.

– Не волнуйся, я не выдам твоего глупого убежища. – Второй голос тоже принадлежал мужчине. В нем была слышна насмешка, если не откровенная издевка. – Никогда не понимал, зачем ты вечно скрываешься? Ну да ладно, не о том сейчас.

В разговоре образовалась пауза, я тут же насторожилась. Но, когда собеседник Дюваля продолжил говорить, расслабилась и еще совсем чуть-чуть приоткрыла дверь, желая не только слышать, но и видеть происходящее.

– Нам не понравилась эта статья! – Тон говорившего изменился. В нем больше не было веселья, только угроза.

– Я и не ждал ничего другого! – ничуть не испугавшись, ответил Арман. – Но вы можете быть уверены, что я не имею к этому ни малейшего отношения!

– А ты сам уверен?

В этот момент мое сердце дрогнуло, потому что я смогла наконец увидеть лицо Армана, которое застыло и превратилось в гипсовую маску. По моей спине пробежал неприятный холодок.

– Не начинай! – ледяным тоном, ответил Арман.

– Я не утверждаю, что...

– Я сказал – довольно! – гневно рявкнул Арман, и я по-настоящему испугалась.

– Хорошо, – согласился его собеседник и подошел ближе.

Этот мужчина оказался не менее привлекательным, чем Арман, даже более. Такой же высокий, темноглазый и темноволосый. Только его привлекательность была холодной, немного надменной. Он выглядел так, будто сошел с картинки модного журнала. Мужчина без изъяна, без каких-либо внешних недостатков. Я без труда узнала его. Патрис Дюваль был похож на своего брата, но Арман казался более живым, более настоящим и правдоподобным. Я не могла найти подходящих слов, чтобы охарактеризовать эти отличия между братьями.

– Я не буду говорить о неприятных для тебя вещах, Арман, но отец хочет, чтобы ты встретился с полицией и разъяснил все, что потребуется. Опровержением статьи он займется сам.

Последние слова Патриса заставили меня зажать рот рукой, чтобы подавить испуганный возглас. У меня получилось, но Арман на мгновение повернул голову к двери, будто услышал меня или почувствовал мое присутствие. Снова пришлось спрятаться, чтобы не быть постыдно пойманной за подслушиванием.

– Черт, – сказал он, но я так и не поняла, к чему именно относилось ругательство. – Как он хочет добиться опровержения?

– Я сказал тебе, что ты должен поговорить с полицией, а тебя волнует только статья? – удивился Патрис. – Этот вопрос не должен тебя занимать. У отца свои методы. Он докопается до сути, ты же знаешь!

Я заметила, как заиграли желваки на лице Армана, как он сжал кулаки, справляясь с эмоциями. Но вот что это были за эмоции, как ни старалась, понять не смогла.

– Передай отцу, что я завтра же поговорю с комиссаром, который ведет это дело.

– Отлично, – ответил его брат и направился к двери.

Как только могла быстро и тихо я покинула коридор и направилась к ресторану, но прямо в дверях меня окликнул голос Патриса Дюваля:

– Мадемуазель Пэг!

Очень медленно я повернулась, проклиная себя за нерасторопность. Прежде чем взглянуть мужчине в лицо, я собрала всю волю в кулак и изобразила удивление. Оба брата взирали на меня с разными выражениями на лицах: Арман был крайне недоволен, Патрис не скрывал любопытства, рассматривая меня.

– Какая интересная встреча, а мы как раз говорили о вас!

– Мы знакомы? – Я приподняла брови, чувствуя, как внутри все сжимается в комок.

– Вы написали такую громкую статью о моем брате!

Справиться с собой было крайне непросто, но от этого зависело очень многое. Я понятия не имела, стоит ли давать понять старшему Дювалю, что мы с Арманом уже образовали некий тандем для исправления сложившейся ситуации. Невольно бросила взгляд на Армана, который едва заметно отрицательно мотнул головой, будто прочитал мои мысли.

– Мсье Патрис Дюваль, я полагаю?

Мужчина шагнул ко мне и оказался настолько близко, что если бы я постаралась, то могла бы услышать биение его сердца. Стало очень неудобно, но я заставила себя остаться на месте. Близость этого человека, в глазах которого читалась явная угроза, давила на меня, как каменная стена. Мне казалось, что Патрис Дюваль душит меня этим взглядом. Страх был настолько реальным, что я ощутила, как воздух покидает легкие. Тело бросило в жар, но я продолжала упрямо стоять, не пытаясь отстраниться.

– Эта статья не сойдет вам с рук! – очень тихо, но очень жестко сказал он. – Вы заплатите за клевету!

– Это угроза? – неживым, но недрогнувшим голосом спросила я.

– Понимайте, как хотите!

Только после этих слов он отошел, освобождая пространство вокруг меня и будто впуская в него недостающий кислород. Патрис бросил взгляд на брата и вышел из отеля. Напряжение, завладевшее моим телом, разом отпустило, ноги подогнулись, но я устояла.

– Я просил вас оставаться на месте, Долли! – подавляя ярость, процедил Дюваль.

– Я... я ходила в уборную, – все еще пытаюсь отойти от неприятной встречи, солгала я.

Не думаю, что Арман поверил, но говорить больше ничего не стал. Продолжить ужин я отказалась, желая как можно быстрее оказаться дома. Арман вновь попросил меня не предпринимать никаких действий, не предупредив сначала его, на что я автоматически согласилась, не способная обдумывать его просьбу.

В такси постоянно думала о разговоре братьев. О каких-то странных намеках Патриса на что-то, о чем Арман не хотел вспоминать. Вопрос «А ты сам уверен?» постоянно вертелся в голове, вызывая противоречивые чувства. Патрис мог предположить, что Арман действительно изнасиловал и убил Кароль? Тогда почему вопрос стоял именно так? Уверен ли он? Как можно убить человека и не быть уверенным в том, делал ли это или нет? Впервые в душе появились сомнения. Я постаралась прислушаться к себе. Что заставило меня увериться в невинности Дюваля? Его притягательность и мое нежелание верить, что он мог это сделать? Или что-то другое? А если мог?

Эта мысль причинила почти физическую боль. Но почему? Арман Дюваль был чужим человеком, незнакомцем, о котором я вообще ничего не знала. Этот человек умело скрывает свои чувства, умеет их контролировать, когда нужно, играет людьми, обладает властью. Может нравиться и пугать одновременно. Гремучая смесь.

Ведь было же что-то, что заставило его брата предположить причастность Армана к случившемуся. На бульвар Монпарнас я прибыла разбитой и уставшей. Голова гудела от мыслей, страхов и недобрых предчувствий. У дома бросила взгляд на окна квартиры мсье Броссара. В них горел свет. Войдя в парадную, я свернула к его дверям. Они, как всегда, были открыты.

– Мсье Броссар! – позвала я.

– Входите, мадемуазель! – послышался ответ откуда-то с кухни.

Я направилась прямо на голос, желая увидеть добрые глаза и ласковую улыбку старика, который никогда не жалел для меня доброты. Сосед сидел на стуле перед странного вида высокой полкой, на которой каблуком вверх лежала женская туфля. Мсье Броссар держал в руке небольшой молоточек.

– Вот, туфельки мадемуазель Ниве требуют ремонта. Присаживайтесь, моя дорогая, угощайтесь чаем!

– А у вас нет ничего покрепче? – спросила я.

Мсье Броссар поднял на меня взгляд и присмотрелся. Глаза его тут же наполнились сочувствием и пониманием, будто он знал обо всем, что меня тревожило.

– Загляните в верхний шкаф справа, у мадам Броссар там должен быть шерри.

Не испытывая в этом доме ни капли стеснения, я отворила дверцы нужного шкафа и взяла бутылку. Напиток приятно опалил горло и согрел дрожащие внутренности. Даже не заметила, что замерзла. Некоторое время я молча наблюдала за неспешной работой человека, рядом с которым чувствовала себя как дома. За те несколько лет, что я прожила в Париже, мсье Броссар стал мне кем-то вроде доброго дедушки. Он никогда не задавал лишних вопросов, не лез в душу, но почти всегда имел нужный совет наготове.

Меня удивляла эта странная черта, которой он обладал. Сказать нужное слово в нужный момент.

– Тяжелый день? – спросил он, поднимая глаза.

– Можно и так сказать, – выдохнула я, позволяя второму глотку шерри расслабить меня еще больше.

Еще несколько нехитрых движений – и мсье Броссар отложил туфельку в сторону. Он отставил полочку, снял с себя фартук и убрал инструменты, а потом присел возле меня и ласково сказал:

– Нет ничего неприятнее несправедливости и недоверия. Тяжело лишиться доверия и тяжело самому не доверять.

– Вы читали газету? – выдохнула я.

– Читал, – кивнул он и накрыл мою руку своей. – Несправедливость нужно исправлять.

– Откуда вы знаете, что это несправедливость?

– Пока нет фактов – это лишь домыслы и жестокие слова, которые ни вернуть, ни стереть невозможно.

– А если все это правда? – спросила я, заглядывая ему в глаза.

– Пока не доказано, что это может быть правдой, нужно бороться до конца. Уничтожить чью-то жизнь легко, восстановить доброе имя ой как сложно!

– А если докапываться до истины опасно?

– Расплата за несправедливость не бывает легкой. Я не могу решить за вас, моя дорогая. Этот выбор вы должны сделать сами! Вы попали во встречное течение, и только вам решать, развернуться и поддаться ему или приложить усилия и плыть дальше. Вопрос в том, что именно является правильным для вас.

Слова старика звучали у меня в голове, пока поднималась к себе. Войдя в свою квартиру, я уловила приятный запах ужина. Амеди ждал на балконе. Он развернулся ко мне и попытался что-то сказать.

– Прошу, не надо, – попросила я его и прижалась щекой к широкой груди.

Амеди обхватил меня руками и крепче сжал. Я позволила себе понежиться в его объятиях всего минуту, а потом настойчивыми поцелуями дала понять, что мне нужно больше. Его не нужно было просить дважды. Он поднял меня на руки и отнес на кровать, где без труда избавил от одежды и покрыл меня легкими поцелуями. Его крепкое тело нависло надо мной, обещая наслаждение и избавление от забот.

Мне нравились его ласки, а сегодня мой любовник был именно ласковым. Амеди умел чувствовать мое настроение и выбирал темп соответственно ему. Сейчас я оказалась не готова к всепоглощающей страсти и яростному натиску. Было немного стыдно, что у меня не хватало сил одарить его в ответ, но Амеди не возражал, взяв все в свои руки. Как только мы насытились друг другом, я провалилась в глубокий сон, который принес кошмары.

Утром обнаружила пустую постель и записку, в которой Амеди обещал сделать все что сможет, чтобы найти таксиста. Я даже не помнила, когда просила его об этом.

– Ох, мсье Луи, – пробормотала я, вынимая мохнатого компаньона из клетки. – Амеди и о вас позаботился! Я не заслужила этого человека.

Маленькие лапки вцепились в мое плечо, теплое тельце тут же его согрело. Я бросила взгляд на странную печатную машинку, которая привела меня в музей Родена.

– И откуда же ты взялась? – пробормотала я самой себе, а потом спустила крысу на стол, а сама начала осматривать машинку со всех сторон.

Никаких надписей, пометок или чего-то подобного на ней не обнаружилось. Странная машинка вызывала во мне неприязнь, будто это она была виновна в смерти Кароль Пети. Чтобы не видеть ее хотя бы какое-то время, я убрала аппарат в шкаф и плотно закрыла дверцы. Стоило мне отойти всего на несколько шагов, из шкафа послышались ровные удары по клавишам. Я вздрогнула и мотнула головой. Снова прислушалась – удары возобновились. Сердце рухнуло в пропасть от неясного страха.

– Чертовщина какая-то, – пробормотала я, а потом испугалась еще больше, когда раздались громкие удары в дверь.

Я застыла на месте, чувствуя себя безумной. Может, и в дверь удары мне только послышались? Однако стук повторился, уже более настойчивый. Запахнув плотнее халат, я отправилась туда, откуда раздавался более правдоподобный звук. Распахнула дверь и увидела на пороге двух совершенно незнакомых мужчин:

– Вас желает видеть мсье Северин Дюваль, – сказал один из них.

«Лучше бы открыла шкаф», – мелькнула в голове нечаянная мысль.

Глава 6

Дювали

Испытывая нечто похожее на оцепенение, я попросила мужчин подождать за дверью, а сама начала одеваться. Движения мои были механическими, голова будто опустела. Ледяными руками натянула свободные брюки, блузку сдержанного бледно-серого цвета и подхватила пиджак. Волосы оставила распущенными, не было ни времени, ни желания возиться с прической.

Сердце билось медленно, словно притихло в страхе. Я поймала себя на том, что дышу через раз; то вдыхаю полной грудью и судорожно выдыхаю, то в ужасе будто застываю, словно льдом скованная. В голове появилась трусливая мысль о побеге. Я остановилась и обдумала ее, а потом отбросила. У Северина Дюваля руки очень длинные. Как долго я смогу бегать от него? Мстительные люди не отпускают своих жертв, а оружейный магнат, по слухам, именно таким и был. Да и куда мне бежать? К родителям? Так я лишь беду на них навлеку. Не думаю, что для Дювалей будет проблемой выяснить мое настоящее имя, и при таком повороте, как быстро они окажутся у порога родительского дома?

Мой отец учил меня решать проблемы, а не убегать от них. Горько усмехнулась, вспомнив об этом. Эту проблему решить будет непросто.

– Вот и посмотрим, каков на самом деле Северин Дюваль, – сказала я, пряча мсье Луи обратно в клетку. – Самодур, жаждущий расплаты и не желающий разбираться, или же человек мыслящий и справедливый?

Спускалась на улицу как под конвоем. И пусть ни один из людей магната никак не проявил грубости или хамства, ощущения были неприятными. На дороге нас ждал новенький, блестящий, как только что начищенные туфли, «Форд Т». С тех пор, как этот автомобиль стали производить во Франции, его можно было довольно часто встретить на улицах Парижа.

– А я слышала, что мсье Дюваль предпочитает баснословно дорогой «буччиали», – нервно пробормотала, скорее для себя, чем для подчиненных оружейного магната.

– Мсье Дюваль да, а его подчиненные выбирают «форд», – спокойно ответил один из мужчин.

Только сейчас, вдохнув немного утреннего воздуха и ощутив тепло солнечных лучей, я смогла предположить, что все может оказаться не так уж страшно. Самообман? Пусть, но без надежды на хорошее не стоит и с кровати подниматься, чтобы начать новый день. Я позволила себе взглянуть на тех, кто меня сопровождал. Два почти совершенно одинаковых человека с непримечательными лицами, не злые, не добрые. Оба высокие, поджарые, сдержанно серьезные. И сначала может показаться, что они безучастно выполняют поручение своего босса, но первое впечатление часто обманчиво. Внимательные глаза осторожно осматривали округу, будто мужчины привыкли быть наготове, будто ждали угрозы из-за каждого угла. Внешне кажущиеся спокойными, эти двое были напряжены и сосредоточены до предела. Привычка или они действительно чего-то ждали? Но чего? Что меня кто-то бросится отбивать? Чуть не рассмеялась нервно. Некому меня защитить. По крайней мере, здесь, в Париже.

Еще раз бросив взгляд на машину, подумала, что выбор подчиненных Дюваля вполне объясним. Автомобиль не выделяется из общей массы, стоит не очень дорого, прост в обращении, надежен. Признаться, я немного интересовалась автомобилями, всегда хотелось сесть за руль. С волнением и интересом следила за Джорджем Естиенном, решившим пересечь пустыню Сахару на «Рено НН». Автомобиль преодолел семнадцать тысяч километров без каких-либо повреждений и неполадок. Вот какой марке я бы отдала предпочтение, если бы собралась приобрести транспортное средство.

– Прошу, – пригласил человек Дюваля и мысли о пустом и праздном тут же улетучились.

Путь до обители одного из сильных мира сего пролегал через Люксембургский дворец, площадь Поля Клоделя, а потом и по бульвару Сен-Мишель. Автомобиль притормозил у дворца аббатов Клюни, в котором сейчас находился музей Средневековья, и я недоуменно посмотрела на мужчину, сидевшего рядом со мной на заднем сиденье. Видимо, мсье Дюваль не берет на службу пустоголовых недотеп, потому как оба конвоира тут же поняли причину моего изумления.

Открыв дверцу и предложив руку, один из них негромко пояснил:

– Мадам Дюваль с некоторых пор поддерживает музей, удовлетворяет его нужды и спонсирует реставрацию. Правительство на таких условиях позволило семье жить в особняке, на какое-то время закрыв его для посетителей.

Я невольно подняла голову на зубчатую стену, опоясывающую здание, и затаила дыхание. Этот шедевр архитектуры когда-то принадлежал аббату Клуни, который возглавлял какой-то значимый орден. Я не очень хорошо помнила какой, да и не уверена, что сейчас было подходящее время вспоминать.

Мы вошли в резную деревянную дверь и направились к входу в здание. Насколько я знала, особняк не раз переделывался и уже после столетнего владения монахами, был передан епископу, который в свою очередь сделал из него резиденцию. Именно этот епископ в процессе перестройки добавил множество готических и ренессансных элементов.

Здание всегда казалось мне таинственным, скрывающим множество секретов, обладающим потрясающей историей, которую непременно хочется услышать. Возможно, у камина с бокалом грога в руке. По дороге я рассматривала фасад с двумя рядами окон и шестиугольную башню. Декор на башне, балюстраде и слуховых окнах как раз и был выполнен в чарующем готическом стиле.

Я много слышала об этом месте и не раз видела его, проезжая мимо, но так и не нашла времени посетить музей, располагавшийся на обоих этажах, а также термы, которые сохранились в более или менее первозданном виде и были наследием римской эпохи.

Один сопровождающий остался со мной, второй в авто. От того, что стражей на одного убавилось, спокойнее не стало, поскольку опасалась я вовсе не их. Мужчина открыл входную дверь и пропустил меня вперед.

Первый этаж с хаотично расставленными экспонатами встретил нас абсолютной тишиной, я бы даже сказала, могильной. От каменных стен с гобеленами и картинами веяло холодом. В голове пронеслась мысль: «И кто станет жить в музее?» Мой конвоир повел меня дальше. Второй этаж оказался более приспособленным для жизни. Как я поняла, Дювали на какое-то время убрали экспонаты и кое-что переделали для своего удобства. Это, конечно, похвально, что они пытались сохранить музей и даже улучшить его состояние, но какая

необходимость такому именитому семейству тесниться в музее, когда Париж кишит более подходящими и роскошными особняками?

Здесь уже ощущалось присутствие жизни. Мимо проскользнула горничная, которая, заметив меня, тут же как по команде опустила глаза и сложила руки на переднике. Чем ближе мы подбирались к временному хозяину особняка, тем некомфортнее мне становилось. Позвоночник будто льдом покрылся и вместо оттаявших капель по коже бежали неприятные колючие мурашки. Было что-то в этом месте, не знаю, изначально обитавшее или внесенное Дювалями, что заставляло волосы на затылке шевелиться.

Мужчина привел меня в большую и очень странную комнату. В ее центре стоял солидных размеров стол, за ним окна, наполовину занавешенные тяжелыми темными шторами, из-за чего здесь царил загадочный полумрак. По правую руку шкафы с экспонатами, представленными в основном средневековым оружием. На полу вместо ковров шкуры. На изысканном диване слева сидела очень красивая женщина средних лет. Я присмотрелась к ней и узнала Жаклин Дюваль, лицо которой не раз видела в газетах. Женщина приподняла одну тонкую бровь и смерила меня презрительным взглядом. Ноздри ее чуть заостренного и вздернутого кверху носа слегка разлетелись в стороны, когда мадам Дюваль остановилась на моем лице. Стоило ее глазам буквально врезаться в мои, я ощутила нечто похожее на удар в грудь, от которого весь воздух уходит из легких.

Жаклин Дюваль медленно поднялась, демонстрируя удивительную грацию, и немного приблизилась. Я уловила тонкий аромат чудесных и, несомненно, очень дорогих духов, которые подходили ей так, словно создавались специально под стальной характер. Запах не был сладким цитрусовым или цветочным, скорее чем-то напоминал древесный. Женщина была одета в деловой костюм, который вопреки современной моде изящно облегал ее стройное тело, выделяя все достоинства фигуры. Волосы, как и мои, не были острижены, лишь собраны на затылке. Прическа хоть и выглядела немного старомодно, но ничуть не портила всего образа. От мадам Дюваль веяло властью, как и от всех остальных членов ее семьи, с кем мне довелось повстречаться.

Прежде чем она успела сказать хоть слово, из-за ее спины послышался мужской голос:

– Прошу проходите, мисс Пэг.

Это вроде и было приглашением, а прозвучало как приказ. Не желая показывать характер и потакать тут же проснувшемуся возмущению, я подчинилась и осторожно обошла мадам Дюваль, направляясь прямо к столу, со стороны которого раздался этот самый голос.

Мсье Дюваль был точной копией своего старшего сына, только на пару десятков лет старше. Такой же холодно-красивый, такой же, на первый взгляд, непримиримый и не допускающий возражений. На нем тоже был шикарный костюм, который сидел как влитой.

Некоторое время отец Армана рассматривал меня, но совсем не так, как его жена. Он изучал меня так, словно хотел знать, что творится у меня в голове, на что я способна, чего от меня ждать. Даже страх не позволил опустить голову, я смотрела в темные глаза Северина Дюваля открыто, поскольку знала, что вины перед ним не имела. Внутри я походила на дрожащего ребенка, снаружи старалась выглядеть спокойной. Моя паника либо оттолкнет этого человека от меня, либо доставит ему удовольствие, подтверждая власть. Ни того, ни другого мне не хотелось.

Мсье Дюваль отодвинулся от стола, сложив тяжелые ладони на гладкой поверхности, чуть приподнялся, приближаясь, и спросил:

– Кто заказал статью?

Такого вопроса я не ожидала. То есть ожидала, конечно, но не так скоро. Выходит, он понимает, что ее писала не я? Нет, скорее Северин Дюваль считает, что мне хорошо за нее заплатили. Сердце сжалось в крошечный комочек, его стук отразился где-то в висках.

– Я не знаю.

А что еще можно было на это ответить? Я ведь действительно не знала, кто заказал эту чертову статью.

– Детка, тебе жить надоело? – вмешалась мать Армана. – Ты вообще соображаешь, с кем связалась?

Ее гнев можно было ощутить, потрогать руками. Он будто навис надо мной, угрожая обрушиться на голову и похоронить меня под руинами этого старого особняка. Я медленно перевела взгляд на едва сдерживающую себя женщину и точно так же открыто посмотрела ей в

глаза. В отличие от глаз детей у матери они были серыми, такими светлыми, что местами казались прозрачными. Эта странная особенность делала лицо мадам Дюваль хищным.

– Я ни с кем не связывалась, – медленно и четко выговорила каждое слово.

Понимала, что сейчас противостоять ярости этих людей просто бесполезно, как и доказывать свою невиновность. Я лишь сошка, песчинка в этой мельнице богов, жернова которой мелют медленно, но неумолимо. Я ничего для них не значу, и завтра они могут не вспомнить моего имени. Сейчас моей задачей было во что бы то ни стало выжить и найти нужные ответы, чтобы отвести от себя эти самые жернова.

Жаклин Дюваль схватила со стола газету и буквально ткнула меня в нее носом.

– Разве здесь не твое имя стоит? – спросила она.

– Мое, – кивнула я, ощущая, как отяжелели ноги.

Слабость накатила неожиданно и с такой силой, что я чуть было не схватила женщину за руку, сжимающую газету. Откуда это взялось? Я знала, что такое страх, не понаслышке. Мне были знакомы его мерзкие липкие руки, его власть, сдавливающая горло, отчаяние, которое он приносит. В эту минуту все было иначе. Ничего подобного я еще никогда не испытывала. Мне казалось, что эту слабость принес проникающий в душу взгляд мадам Дюваль.

– Я знаю, что незадолго до убийства Кароль Пети ты хотела встретиться с моим сыном, это так?

Северин Дюваль вышел из-за своего стола и тоже подошел, но не слишком близко, а как бы аккуратно оттесняя от меня жену. Как только она отвела глаза, дышать стало значительно легче. Слабость сама собой ушла, будто ее и не было вовсе.

– Так, – ответила, чувствуя, как стремительно возвращаются силы.

Я чуть было не ахнула, когда какая-то странная мощь пронеслась по венам, наполняя тело энергией и жизнью. Совершенно ни на что не похожие ощущения. Страх ушел совсем, уступив место твердости и решительности.

– Зачем? – продолжил допрос отец Армана.

– Я должна была взять у него интервью.

– Любое издание в этом городе знает, что Арман не общается с прессой, – нахмурился Северин Дюваль и тоже отступил вслед за женой.

– Мне не раз приходилось говорить с теми, кто не любит прессу...

– Ты как-то связана с убийством?

– Что?

Мне уже совсем не нравилось, куда повернул этот разговор. В голове образовался хаос. Мысли разбегались в разные стороны, а потом собирались снова, приводя к выводам, которые казались один страшнее другого.

– Ты имеешь отношение к людям, которые подставляют моего сына?

Теперь я увидела ярость Дюваля старшего во всей красе. Он не кричал, чем напомнил мне Армана, но голос его подавлял, сгибал и надламывал. Я почувствовала боль в каждой мышце, в каждом суставе, в каждой кости. Чуть не задохнулась от муки и едва устояла на ногах. Это было мимолетно, но чудовищно. Ощущение появилось резко и так же резко исчезло.

Мсье Дюваль бросил на меня странный взгляд, а потом посмотрел куда-то за мою спину.

– Арман!

Голос пронесся по всему особняку, отразился от каждой стены и вернулся к хозяину. Клянусь, я смогла это почувствовать.

– Отец.

Совершенно растерянная и напуганная, я обернулась и увидела, как Арман идет к нам по пустынному коридору особняка-музея.

Отпрыск Дювалей совершенно спокойно прошел мимо меня и встал хоть и чуть в стороне, но между мной и родителями.

– Ты что творишь? – спросил его отец.

– Не думаю, что с прессой стоит говорить именно так. – Последнее слово Арман как-то странно выделил, а я непонимающе нахмурилась, не представляя, о чем идет речь.

Некоторое время мужчины молчали, буравя друг друга ледяными взглядами. Арман не боялся отца, не опускал глаз, не пытался смягчиться или угодить. Судя по всему, отношения в этой семье были сложными. Несмотря на напряжение, возникшее в комнате, с приходом Армана мне стало спокойнее. Объяснить почему, не смогла бы даже

самой себе. Молодой Дюваль, несомненно, был частью этой семьи, походя на родителей и внешне, и внутренне, но все же Арман отличался от них. Черты его лица и выражение на нем были мягче, хоть и демонстрировали ту же властность, присущую всем Дювалям. В его позе и движениях присутствовали решительность и сила, но также читалась некая расслабленность, словно он, в отличие от родственников, не стремился управлять миром.

– Позволь мне решать, как именно говорить с прессой! – не повышая голоса, но с нажимом, сказал Северин Дюваль.

– Арман, – приблизилась к сыну Жаклин, – эта дрянь ославила тебя на весь Париж! Она обвинила тебя в убийстве!

Голос мадам Дюваль дрогнул и будто сел на последнем слове. В ее глазах, обращенных к сыну, я впервые увидела неподдельный ужас. Невольно вспомнила слова Армана о том, что статья для него не важна, что это лишь слух, который развеется в скором времени. Даже простое опровержение хоть и оставит свой след на его репутации, но может исправить положение. В эту минуту я посмотрела на Дювалей иными глазами. Только сейчас мне подумалось, что есть в их страхе что-то еще.

– Точно, – слышался новый голос из-за моей спины, – и ты же знаешь, дорогой братец, что Дювали никогда не прощают клеветы.

Патрис прошел мимо нас и сел на диван, закинув ногу на ногу и одну руку на спинку. Отчего-то мне показалось, что ему нравится эта ситуация, что она приносит ему удовольствие. Хочет собственными глазами увидеть, как я буду расплачиваться? Я сглотнула и невольно сделала пару робких шагов назад. Атмосфера в комнате накалялась, а я теперь чувствовала себя еще мельче и незначительней.

– Это лишь недоразумение, – спокойно ответил Арман.

С тех пор как он вошел, ни разу не посмотрел на меня, ничем не обозначил наше пусть и не самое приятное, но знакомство. От мысли об этом стало не по себе. А что, если он отгораживается намеренно, чтобы не пожалеть меня, если его семья решит расквитаться со мной физически? Что, если мое тело спустя неделю обнаружат в Сене? Вернулось оцепенение, вот теперь настоящий страх пополз по позвоночнику.

– Недоразумение?! – взвизгнула Жаклин Дюваль.

Сейчас она совсем не походила на ту благодетельницу, которая хотя бы пару раз в месяц мелькала на страницах газет, рассказывающих о ее добром сердце и благочестивых деяниях.

– Неужели не очевидно, что это продуманный заказ? – спокойно сказал Арман. – Она – лишь имя под статьей, которую позволили опубликовать.

Казалось, молодой Дюваль намеренно не называет меня по имени, чтобы еще раз подчеркнуть свое безразличие к моей судьбе. Я бросила на него быстрый взгляд, ощутив, как сдавило сердце. Да, я была обижена на мсье Лакомба, но Арман намеренно переключил внимание отца на редактора «Фигаро 41». Мой страх за старика объявился сам собой.

– До редактора мне пока не дотянуться, – недовольно скривился отец семейства, – но я подожду. И с ним успею побеседовать.

– погоди, – снова вмешалась Жаклин, – заказ на статью – это понятно, но убийство!

– Всего лишь стечение обстоятельств...

– Весьма удачное, спешу заметить, – перебил брата Патрис. Он хотел еще что-то сказать, но, будто вспомнив обо мне, умолк.

– Кто-то должен заплатить! – пугающе спокойно сказал Северин Дюваль и сделал шаг по направлению ко мне.

Я заметила, как Арман дернулся, будто хотел заслонить меня собой, но потом передумал, продолжая стоять там, где стоял. Сердце обрушилось в пятки, когда Дюваль-старший вновь обратился ко мне:

– Никто не может безнаказанно нападать на нашу семью!

– Эту статью писала не я, и кто ее заказал, тоже не знаю! – Ощущая, как земля уходит из-под ног, я постаралась выглядеть как можно убедительнее. – Но я попытаюсь докопаться до истины.

– И как же? – делая еще один шаг ко мне, спросил Дюваль-старший.

– Я найду того, кто убил Кароль Пети.

Мои слова, возможно, прозвучали жалко, но глаза Жаклин вспыхнули испугом, а потом она повернулась к мужу. Чего испугалась? Не меня же, в конце концов.

– С чего ты взяла, что справишься? – недоверчиво хмыкнул Патрис.

– Справится, – вдруг сказал Северин Дюваль, и его жена испугалась еще больше. – У нее не будет другого выхода!

Слова оружейного магната пригвоздили меня к полу, прозвучав как приговор. Он вроде и не угрожал напрямую, но этот убийственно-спокойный тон и ошеломляющая уверенность говорили сами за себя.

– Я не верю, что ты не имеешь отношения к этому поклепу, – продолжил он, опасно приближаясь.

Его вкрадчивый негромкий голос будто под кожу проник, смешался с кровью и подогрел ее. Я громко выдохнула, ощущая пламя, разлившееся по всему телу. Что здесь, черт возьми, происходит? Эта странная семья и сама по себе вызывает мурашки по коже, так еще и мой организм так болезненно реагирует. Паника бывает такой? Отчего мое тело горит и будто плавится на глазах у этих людей? Ощутила, как слезы скатились из глаз, но я не могла даже всхлипнуть или издать какой-либо другой звук, даже шелохнуться была не в состоянии. Со страхом и болью перевела взгляд на Армана. Его лицо окаменело. Несомненно, мужчина видел, как я страдаю, но вновь он не сделал ровным счетом ничего, чтобы помочь.

– Скажу прямо – в твоих интересах сделать то, что задумала, и восстановить репутацию моего сына.

– Мы вполне можем и сами разобраться, – обратилась к мужу Жаклин. – Зачем нам она?

– Затем, что лишняя шумиха нам сейчас не нужна. Пусть попытается, может, и от нее польза будет. Люди в отчаянном положении способны удивлять. Если не справится, будем думать по обстоятельствам.

Они говорили так, словно меня здесь не было. Решали, жить мне или нет, не опасаясь, что я разнесу о них дурную славу или что-то в этом роде. Угрозами Северин Дюваль не сыпал, но только идиот не прочитает их между строк. Вся эта сцена выглядела чудовищно, но внутри все равно поселилась робкая надежда. Болезненные ощущения потихоньку уходили, им на смену пришло жгучее желание бежать отсюда как можно дальше. Что это за семья такая? Что за атмосфера царит в их пристанище? Мне казалось, будто я вижу один из кошмарных снов, которые преследовали меня когда-то. Только сюжет и действующие лица изменились. Я чувствовала себя в этой комнате и

как бы вне ее, совершенно точно была здесь и будто смотрела со стороны. Настолько нереальным казалось происходящее.

– Согласен с отцом, – кивнул Патрис. – Наш патент и без того под угрозой, незачем усугублять положение. Мы можем и вовсе лишиться его, а это недопустимо. Столько лет работы будет потеряно напрасно. – Он посмотрел прямо на отца и добавил: – И пусть Арман поможет мисс Пэг в поисках.

На последние слова Патриса отреагировали все без исключения, развернувшись к мужчине, расслабившемуся на диване. Он один не сверкал глазами, не угрожал, просто рассуждал с холодной головой.

– Это еще зачем? – Жаклин тоже будто немного успокоилась. В ее голосе больше не звучал гнев.

– В конце концов, это его репутация.

Некоторое время Северин Дюваль обдумывал слова сына, а потом растер пальцами лоб и кивнул. Он снова посмотрел на меня и сказал:

– Но я должен подстраховаться.

Магнат взял меня за подбородок и больно сжал. Я пискнула, но вновь не смогла пошевелиться.

– Каждый из нас будет постоянно знать, где ты, чтобы контролировать твои передвижения. Все члены моей семьи будут отслеживать каждое твоё действие, чтобы ты не усложнила нам жизнь и не заставила искать тебя по всей Франции. Не будь душой и делай, что велено. Попытаешься меня обхитрить, я избавлюсь от тебя, не моргнув и глазом.

Он еще сильнее сдавил мой подбородок и дернул головой, после чего все находящиеся в комнате, кроме меня, на миг прикрыли глаза. Что это? Ритуал какой-то? Меня так пометили? Жаклин Дюваль будто выдохнула от облегчения, попятилась и села рядом со старшим сыном на диван. Меня наконец отпустили, и я почувствовала, что держусь из последних сил. Я испытала нечто похожее на зуд, вызванный нетерпеливым желанием покинуть этот дом и оказаться в одиночестве. Если бы не зрители, я бы скатилась в истерику.

Арман резко развернулся и, с силой подхватив меня под локоть, потащил прочь из комнаты. Когда оказались в проеме, краем глаза заметила, как мать Армана резко махнула рукой. Дверь мгновенно с грохотом захлопнулась за нашими спинами.

Всего несколько тяжелых шагов – и я обессиленно повисла на руке Армана. Мужчина ловко подхватил меня и поставил на ноги, продолжая придерживать:

– Молодец, – прошептал он, – умница. Справилась.

– Что это было, Арман? Что это было?

Мне казалось, что все произошедшее только сейчас обрушилось на меня. Будто до этого мгновения я дремала, наблюдая со стороны и не принимая участия в решении собственной судьбы. Нервы сдали, слезы вновь покатались по щекам.

– Домой, сначала домой. Я приведу тебя в чувства. Все вопросы потом.

Глава 7

Дом девятнадцать по набережной Бурбон

Я не помнила, как мы сели в автомобиль, как мелькали улицы и бульвары за окнами, как попала в собственную квартиру. Тело била мелкая дрожь, губы тряслись, а в мыслях образовался хаос. Было такое ощущение, что на меня действуют какие-то странные лекарства, словно они лишили меня сил. Нещадно клонило в сон.

Очнулась, когда сильные руки погрузили меня в теплую ванну. Арман дал мне несколько секунд привыкнуть, а потом пустил холодную воду. Стоило воде стать совсем холодной, и я обняла себя руками, подтянув колени к груди. Мокрая одежда противно прилипла к телу, но я старалась не замечать этого. Появилось ощущение, схожее, тем, что я испытала перед самым появлением Армана в особняке Кюни. Силы, хоть и намного медленнее, но возвращались. А ощущение было схожим оттого, что казалось, будто эти самые силы поступают извне. Тряхнув головой, я подняла гневный взгляд на Дюваля.

– Что происходит, Арман?

Он сидел на невысокой тумбочке, сложив руки в замок и наблюдая за тем, чтобы я не переохладилась.

– Ты немного перенервничала, испугалась...

– Речь не об этом... – Я взялась за голову и с силой пригладила волосы мокрыми руками. Как объяснить все те чувства, что испытывала, и не прослыть безумной? – Твои родители... они... я не знаю, как это сказать... более чем странные. Глаза твоей матери и голос отца...

Я дернула плечами и выставила перед собой дрожащие руки, ладонями вверх. А не сошла ли я с ума от страха? Что, если моя параноя вернулась? Что, если все это лишь плод моего воображения? Лишь одна мысль заставила вновь воспрянуть духом и найти себе оправдание:

– Гипноз? Это был гипноз? Они определенно что-то сделали со мной... Временами я будто не могла шевелиться, испытывала слабость или жуткую боль. Я уверена, что ты это понял. Ты... будто поддерживал меня...

Арман устало растер ладонями щеки, а потом опустил руки и вслед за ними взгляд.

– Не думал, что ты такая впечатлительная. – Дюваль поднялся на ноги и сделал несколько шагов по моей крошечной ванной комнате. – Мои родители, бесспорно, производят неизгладимое впечатление, но чтобы настолько! Возможно, ты еще не до конца отошла от убийства Кароль. Найти труп само по себе жутко, а тут еще эта заварушка со статьей. Думаю, ты устала, нервы сдали... вот и видится всякое...

Безусловно, в словах Армана был смысл и все мои ощущения, страхи и прочее можно объяснить, но... Я ведь не обезумела, нет? Ну не тронулась же я рассудком? Все, что я ощущала, казалось давлением со стороны Дювалей, будто... будто... Сама я уже не понимала, на что это походило. Возможно, они и правда талантливые гипнотизеры. Есть же люди, обладающие разного рода необъяснимыми талантами. Пророки и вещатели всякие, лекари, которые шарят руками и лечат любые болезни, гадалки и другие... шарлатаны. Последнее слово заставило выдохнуть и снова взяться за голову. Во все эти сказки я никогда толком не верила, поскольку считала таких вот уникалов просто людьми, отменно разбирающимися в человеческих душах. Хотя гипноз – это нечто другое. Он уже не первый год используется некоторыми врачами, чтобы докопаться до недр сознания человека. Можно сказать, это даже своего рода научный подход. Правда, говорят, что действует гипноз только на податливых людей, хорошо внушаемых. Я себя к таковым не относил.

Арман прав, нужно просто успокоиться и немного отстраниться от этих мыслей, а то действительно с ума сойду. Сейчас у меня есть задачи поважнее, чем разбираться в собственном помешательстве. Бросила взгляд на мужчину, который внимательно смотрел на меня. Может, он уже считал меня тронутой? Я выдохнула:

– Ты прав, нервы сдали.

Истерия понемногу отпускала, тело расслаблялось, тремор прекратился. Я медленно поднялась на ноги, слегка пошатнулась, но Арман подоспев вовремя, подхватил меня под локоть.

– Спасибо, – пробормотала я неловко. – Выйдешь? Я сниму с себя мокрую одежду.

– Конечно. – Он тут же отодвинулся, а потом осторожно отпустил мою руку.

Когда Арман покинул ванную комнату, я вылезла из воды и постаралась побыстрее избавиться от одежды, с которой не просто капало, а стекали настоящие потоки. Время, которое понадобилось, чтобы привести себя в порядок, я старалась вообще не думать о произошедшем в музее Ключни. На первый взгляд, все казалось загадочным и необъяснимым, но я уверена, что рано или поздно всему найдется решение. С сожалением посмотрела на брюки и блузку, как могла отжала и отложила в сторону. Белье последовало за ними. Никакой другой одежды, кроме шелкового халата, в ванной не оказалось. Не то чтобы я стыдилась выйти в халате, но тот факт, что под ним совсем ничего не было, отчего-то смутил.

– Приди в себя, Долли, – прошептала я своему отражению в зеркале, – такие проблемы, как любовник в лице Армана Дюваля, тебе точно не нужны.

Выдохнула, открыла дверь и вышла. Первое, что привлекло мое внимание, – это божественный запах свежесваренного кофе и корицы. Я осторожно заглянула в кухню и увидела Армана, который разливал ароматный напиток по чашкам.

– Подумал, что тебе не повредит чашка кофе.

Я вздрогнула и вышла из своего укрытия. представитель семейства Дювалей довольно странно смотрелся на моей кухне, да и в квартире вообще. Ресторан Хилтона – это как раз то, что нужно, однако Арман чувствовал себя вполне комфортно. Я подобрала пальцами края халата, чтобы он не распахивался на груди, и присела на стул. Арман поставил передо мной чашку и обхватил ладонями свою, возвращаясь к плите. На столе уже стояла вазочка с печеньем.

– Сладкое сейчас тебе будет полезно.

Я сделала глоток кофе и ощутила, как его тепло благотворно влияет не только на тело, но и на растревоженную душу.

– Почему ты не живешь с родителями? – внезапно спросила я. – То есть я не говорю, что ты обязан, но, как поняла, члены твоей семьи стараются держаться вместе.

Арман нахмурился, отпил немного кофе, не спеша с ответом. Его взгляд говорил о том, что он пытается разобраться в моих намерениях.

– Это интервью? – наконец спросил он.

– Я не только журналистка, Арман, но и просто человек. И иногда я общаюсь с людьми не только ради статьи.

– Я бы, возможно, чуть охотнее говорил с тобой, если бы тебе не поручили взять интервью и если бы не опасался увидеть собственные откровения в завтрашнем выпуске «Фигаро».

– Никаких откровений, – кивнула я, понимая, что он имеет в виду. Давить и расспрашивать не было смысла. Он не доверял мне, потому как не видел причин.

– Что думаешь делать дальше? – сменил он тему.

Я допила свой чудесный кофе, размышляя над вопросом Армана, поднялась и вышла на балкон в большой комнате. Закурила. Дюваль вышел вслед за мной. Послеполуденное солнце уже так не грело, но мне все равно было хорошо, словно и не было этого странного и изматывающего разговора с четой Дювалей. Тревожность отступала, хоть и не уходила окончательно.

– Я жду сведений от приятеля, который обещал найти таксиста.

– Он найдет? – задумчиво выпуская дым, спросил Арман.

– Найдет, – в способностях Амеди я ничуть не сомневалась, вопрос был в том, как много времени это займет.

– Так ты с ним живешь?

Я усмехнулась и посмотрела в темные и сейчас довольно притягательные глаза собеседника. По лицу мужчины нельзя было понять, насколько его волновал ответ.

– Никаких откровений, помнишь? – ответила я. – Это работает в обе стороны.

Какое-то время мы просто задумчиво курили, размышляя каждый о своем. Арман не торопился уходить, а я не гнала. После беседы с его родителями присутствие Дюваля меня странным образом успокаивало. Каким-то непостижимым образом мы оказались повязаны, и теперь артачиться было бы глупо.

– Расскажи мне про патент, – попросила я.

Мужчина вопросительно приподнял брови и присел на ограждение балкона. Его поза казалась расслабленной, но руки, сложенные на груди, едва заметно напряглись.

– Ты не думаешь, что следует рассмотреть проблему со всех сторон? А если статью заказали те, кому патент твоего отца встал бы поперек горла? Я, конечно, не воротила бизнеса и толком ничего не смыслю в больших корпорациях, тем более оружейных, но рискну предположить, что разработки твоего отца принесут вам немалый куш.

Я подошла ближе и тоже прислонилась к барьеру, обняв себя руками. Арман снова не спешил с ответом, вероятно обдумывая каждое слово, которое достигнет моих ушей.

– Это совершенно новые разработки, созданные специально для армии и жандармерии Франции. Я бы назвал новый... продукт отца прорывом. Большого пока раскрыть не могу. Отец и брат ревностно охраняют информацию о разработках, материале, деталях и прочем.

– Вполне возможно, что статью заказал тот, по кому этот патент ударит в первую очередь.

– Получив его, а потом и одобрение правительства, Северин Дюваль окончательно и бесповоротно захватит оружейный рынок, растоптав других поставщиков огнестрельного оружия и амуниции. Так что, сама понимаешь, желающих уничтожить репутацию Дювалей достаточно. Любой скандал вокруг нашей фамилии отберет у отца голоса. Правительство не одобрит сотрудничество с тем, кто запятнал себя убийством. Единственный выход – доказать, что я не убивал Кароль.

– Как думаешь, статья и убийство могут быть связаны? – осторожно поинтересовалась я, наблюдая за профилем Армана.

Я заметила, как заиграли желваки, как напряглись его скулы. Дюваль выдохнул, а потом нервно постучал согнутым пальцем по губам.

– Сейчас сложно сказать... Если нет, то это довольно странное совпадение.

– К тому же статью заказали чуть больше двух недель назад...

– Даже так? – повернулся ко мне Арман.

В этот момент мне показалось, что я зря подошла так близко. Его дыхание согрело кожу, а аромат, исходящий от тела, взволновал. Чтобы прийти в себя, я отстранилась, а потом и вовсе отошла, делая вид, что просто рассуждаю на ходу.

– Редактор сначала просто попросил сделать интервью, я не отреагировала, занимаясь другим материалом. Папаше Лакомбу

пришлось несколько раз напоминать мне. Только утром того злополучного дня он не сдержался и уже надавил. Тогда я поняла, что эта статья кому-то нужна. Сейчас подозреваю – что бы я ни написала, мои слова бы переврали и все равно истолковали, как им удобно.

– Зачем? Лакомб мог и сам написать статью и просто поставить твое имя. Ты в любом случае стала разменной монетой. Зачем такие сложности?

– Не знаю, – призналась я и закуталась в халат, снова ощутив холод предательства.

Мне не хотелось погружаться в эту тему и рассуждать о том, что, быть может, папаша до последнего пытался меня оградить, что до последнего на что-то надеялся. Мои доводы прозвучали бы жалко, а мне совсем этого не хотелось.

Меня спас телефонный звонок, я бросила быстрый взгляд на Армана и вернулась в комнату, где сняла трубку и услышала голос Амеди:

– Долз! – позвал он. – Пиши адрес. Набережная Бурбон, дом номер девятнадцать. Туда Кароль Пети приехала после клуба.

Его слова огорошили меня, и я даже не сразу поняла почему. Адрес вертелся в голове, и я уже не слышала дальнейших слов любовника. Почему номер дома показался мне таким знакомым?

– Долз! – Голос Амеди буквально прорвался в мое сознание. – Ты здесь?

– Да... да! – словно опомнившись, ответила я. – Да, спасибо, Амеди! Я даже не знаю, как расплачусь с тобой за помощь.

– Сочтемся, детка, – ответил приятель и отключился.

Я все еще держала телефонную трубку в руке, задумчиво прижимая ее к груди, когда Арман приблизился.

– В чем дело? – спросил он нахмурено. – Что тебе сказали?

– Адрес. – Я посмотрела на Дюваля, все еще отчаянно пытаюсь вспомнить, почему номер дома показался мне знакомым. – Дом девятнадцать по набережной Бурбон.

Стоило произнести его вслух, как озарение буквально взорвало сознание. Я схватила Армана за руку.

– Дом номер девятнадцать по набережной Бурбон! Это особняк Жассо, в котором до тысяча девятьсот тринадцатого года была студия скульптора Камиллы Клодель, любовницы и ученицы Родена!

Взволнованная и до крайности возбужденная, я тут же бросилась к шкафу и начала подбирать удобную одежду. В голове постоянно крутился злосчастный адрес и безусловная связь между поездкой Кароль и местом, где я обнаружила ее тело.

– Каким образом все это связано с Роденом? Почему все вертится вокруг Родена? – бормотала я, копошась в одежде. Несколько платьев упали с вешалок, образуя беспорядок, но я не стала их поднимать.

– Откуда ты знаешь этот адрес? – спросил Арман.

– Несколько лет назад, когда я приехала в Париж, мои желания и стремления были более честолюбивыми. Я хотела писать интересные статьи о по-настоящему интересных личностях. Тогда я побывала в музее Родена, собрала кое-какую информацию, но Лакомб зарубил мою идею прямо на корню. Безжалостно зарубил. И со временем мне пришлось писать о светской жизни, сплетнях и прочей мишуре. – Я выбрала наконец прямое платье темно-синего цвета от модного дома «Итеб», который возглавляла мадам Буззард, эмигрантка из России. Платье было не привлекающим лишнего внимания, очень удобным и максимально простым – с низкой талией и минимумом украшений. – Я бывала на острове Сен-Луи и видела этот особняк, но после отказа редактора внутрь так и не попала.

Я развернулась к мужчине и многозначительно на него посмотрела, демонстрируя вешалку с платьем. Арман усмехнулся и вышел на балкон, а я проследила, чтобы он смотрел строго на улицу, и начала одеваться.

– Ты сказала, что любовница Родена работала там до тринадцатого года, а где она сейчас и что в этом особняке теперь? – заговорил Дюваль.

– Насколько мне известно, несчастная Камилла помешалась, и родной брат Поль отправил ее в психиатрическую клинику.

– Помешалась? Внезапно?

– Подробностей не знаю, но Камилла была самой одаренной ученицей Родена, которой он позволял даже завершать некоторые из своих работ. По слухам, Камилла обвиняла любовника в том, что он выдает ее работы за свои. А потом у нее появилась навязчивая идея, что Роден хочет ее убить.

– Вот тебе и любовь, – послышалось с балкона.

– Любовь на самом деле была несчастной. – Полностью одевшись, я присоединилась к Арману. – Роден жил одновременно с двумя женщинами и, по сути, не принадлежал ни одной из них. Довольно печально, когда ты отдаешь кому-то свое сердце безраздельно, а для этого кого-то ты одна из...

– Знакомо? – пристально вглядываясь в мое лицо, спросил Арман.

– Я еще не любила, если ты об этом. – Изображая равнодушие, я пожала плечами. – Да и не думаю, что способна на подобные чувства. Привязанность к людям – это верная дорога к разочарованию.

– Занятое суждение, – задумчиво констатировал Арман.

– Поехали? – отрезала я, чтобы не продолжать эту беседу. – Посмотрим, может, удастся выяснить, что Кароль забыла в особняке Жассо.

Не дожидаясь его ответа, я надела самые удобные туфли, взяла перчатки, шляпку и такого же насыщенного синего цвета, как и платье, пыльник. Неизвестно, как долго продлятся наши изыскания, вечера в эти дни были прохладными.

– Ох, мсье Луи, – обратилась я к компаньону в клетке, – прошу прощения, что в последнее время уделяю вам слишком мало внимания. Обещаю исправиться.

Мой мохнатый сосед по квартире встал на задние лапки и принялся, забавно шевеля усами. Арман склонился к клетке, которую, похоже, прежде и не заметил, и нахмурился. Мсье Луи чуть подался вперед, изучая моего нового знакомого. Смотреть на эту картину было по меньшей мере странно, поскольку со стороны казалось, что эти две особи мужского пола делят территорию.

Поймав мой вопросительный взгляд, Арман неопределенно хмыкнул и пошел к двери. На пути нам встретился встревоженный мсье Броссар, который взял мою прохладную ладонь и прижал к губам.

– Как вы, мадемуазель? – Добрые глаза смотрели так пронзительно, что ненароком навернулись слезы. Трепетная забота соседа трогала душу. – Этот молодой человек принес вас почти в беспомощности.

– Благодарю вас, – улыбнулась я, накрывая своей его руку, все еще удерживавшую мои пальцы. – Я просто немного устала, сейчас мне значительно лучше.

Пожилой сосед внимательно посмотрел мне в лицо, словно желая найти подтверждение моих слов, а потом, удовлетворенно кивнув, перевел взгляд на Армана.

– Я уверен, что вы во всем разберетесь и все недомолвки останутся позади.

Эти слова немного удивили. Неужели мой сосед понимал, кто перед ним, и уже успел разобраться в происходящем? Может быть, они разговаривали, пока я была не в себе?

– Если понадобится моя помощь, я всегда здесь, мадемуазель, – мягко сказал он и отпустил мою руку, чуть отходя назад, в дверной проем своей квартиры. – Что бы ни приключилось, я готов вас выслушать и направить.

– Еще раз спасибо, мсье Броссар, – искренне сказала я, зная, что каждое его слово истинная правда.

На улице было еще светло, но ощущалось неторопливое приближение сумерек. Сумерки для меня – это не просто потускневший свет, это умиротворенное угасание дня, неспешное и чарующее преобразование, будто весь мир устал и готовится к ласковому летнему вечеру в кругу друзей или близких. Это не просто видимость, но и ощущения. Вечерний Париж не менее прекрасен, чем утренний. Я отчаянно любила этот город, всей душой, всем сердцем. Он покорила меня и влюбил в себя окончательно и бесповоротно, когда я была еще девчонкой. Папа привозил нас сюда. Мы много гуляли пешком, а он рассказывал все, что знал об этом чудесном городе. Война, безусловно, оставила свой след, но для меня Париж совсем не изменился, ведь сердце слепо и не замечает шероховатостей и недостатков. Во мне горела именно та любовь, которая зародилась в детстве.

– Я вызвал свой автомобиль, – сказал Арман, указывая на почти такой же «форд», что я видела утром.

Этот мужчина явно не гнался за статусом и узнаваемостью. С водительского сиденья поднялся невысокий коренастый мужчина, примерно лет тридцати:

– Мсье Дюваль, – поклонился он, демонстрируя почтение.

Арман будто бы смутился, подошел к шоферу и положил руку ему на плечо.

– Не стоит, Тьери.

Было что-то неуловимое в этих жестах и словах, что шофер почти мгновенно понял. Зеленые глаза сверкнули смешинками, и он улыбнулся, демонстрируя красивые ровные зубы. Шофер кивнул Арману и посмотрел на меня открыто.

– Тьери – мой армейский друг, – представил Дюваль своего шофера. – Мы вместе прошли всю войну и с тех пор не разлучались.

– Разлучались, – снова улыбнулся Тьери и пояснил для меня: – Но всего на пару месяцев. В начале девятнадцатого года я ездил домой, чтобы повидаться с семьей, а потом уже вернулся к другу и напросился на эту работу.

– Я не знала, что ты воевал, – искренне удивилась я, глядя на Армана.

– И я, и мой брат, – коротко ответил он и нахмурился, будто не желая обсуждать эту тему.

– Не просто воевал! – воскликнул его друг. – Арман настоящий герой!..

– Довольно, Тьери, – прервал друга Арман, а потом взял его за плечи и развернул к дверцам автомобиля. – Вези нас на остров Сен-Луи.

– Понял. – Тьери тихо рассмеялся и уселся за руль.

По дороге мужчины негромко переговаривались, и из их беседы я сделала вывод, что Тьери достаточно хорошо осведомлен о текущем положении дел. Стоило коснуться темы убийства, как друг Армана тут же стал серьезным и до крайности сосредоточенным.

Тьери был довольно умелым автомобилистом, насколько я могла судить. За рулем вел себя спокойно и уверенно, никуда не спешил, не нервничал. Вождение явно доставляло ему удовольствие. Рядом с другом и Арман будто расслабился. По бульварам Сен-Мишель и Сен-Жермен мы добрались до моста Сюлли, соединявшего левый берег Сены и остров Сен-Луи. В преддверии вечера Сена уже не казалась такой грязной, как обычно. Глядя на нее, я думала, что она просто дремлет в наступающем полумраке.

Изучая остров для той самой статьи, которая так и не увидела свет, я узнала, что в его застройке основную роль сыграл известный архитектор Луи Лево, тот, что участвовал в строительстве Версальского дворца. Поскольку на острове возводились сплошь богатые особняки, первыми его жителями стали состоятельные судьи,

финансисты и аристократы. Позже – художники, писатели и поэты. Одним словом, здесь было на что посмотреть.

Автомобиль медленно скользил по Анжуйской набережной, позволяя мне рассматривать красивые фасады, кованые решетки с цветниками и разнообразные ворота и двери. Миновав один из старейших мостов, который был назван в честь предпринимателя Кристофа Мари, построившего его на свои деньги, я удивилась собственной памяти. Даже не думала, что все это, когда-то услышанное или прочитанное, сохранилось в ней по сей день. Удивительное дело.

После моста Мари как раз и начиналась набережная Бурбон. Еще несколько ударов взволнованного сердца – и мы притормозили у ворот особняка Жассо. Тревога, дремавшая до сего мгновения, вновь подняла голову. Мои ладони похолодели, как только я подумала, что это место, вероятно, было последним, «видевшим» Кароль Пети живой.

Мужчины выбрались наружу, и Арман протянул мне руку. Взявшись за нее, поймала себя на мысли, что мы можем вот-вот разгадать тайну убийства молодой и жизнерадостной девушки. Я сделала резкий вдох и быстрый выдох, настраиваясь на решительные действия.

Четырехэтажный особняк из светлого камня, множество окон с белыми решетчатыми ставнями и темно-синие ворота, над которыми возвышался аккуратный балкончик и висела табличка с номером дома.

Мужчины, а следом и я, вошли в двери и оказались в просторной парадной. Если я все правильно помнила, то студия Камиллы Клодель находилась на первом этаже, но мы не были уверены, что Кароль приезжала именно в мастерскую скульптора.

Из одной из дверей выглянула седая голова. Арман тут же направился к любопытному жильцу:

– Прошу прощения, мсье, – обратился Дюваль к старику, – можем мы задать вам всего пару вопросов?

Морщинистый старичок с прищуренным взглядом некоторое время придиричиво нас изучал и, видимо отметив, что мы не похожи на проходимцев, приоткрыл дверь шире.

– Что вам угодно?

– Мой вопрос прозвучит странно, но вы, случайно, не знаете, приезжала ли сюда молодая девушка позавчера поздним вечером? Улицы у вас тихие, возможно, ее приезд не остался незамеченным?

Старик снова окинул нас хмурым взглядом, и мне показалось, что он не станет говорить с Арманом, но мои выводы были ошибочными.

– А то как же. Приблизительно в четверть двенадцатого и прибыла. Они все раз в неделю приезжают сюда в это время.

– Кто – все? – непонимающе тряхнул головой Дюваль.

– Ну как же... последователи мадам Клодель. В студию их никто не пускает, но они обосновались этажом выше.

– А почему по ночам-то собираются? – вмешалась я.

– А бог их разбери. Они вообще странные. В плащах с капюшонами, как колдуны какие. Все у них такое тайное и скрытое. – Старичок сморщился и фыркнул. – Тьфу, безбожники!

– А чего? Шумят? – спросил Тьери.

– Нет, – мотнул головой старик. – Просто приходят, не пойми что делают и через два, а то и три часа расходятся. Молодежь в основном.

– Думаешь, она именно сюда приезжала? – обратилась я к Арману.

Он обдумал мои слова и неуверенно кивнул.

– Больше вроде некуда. Кароль очень любила все таинственное, правда, про это собрание поклонников Камиллы Клодель ничего не говорила.

– Или просто ты не слушал... – пробормотала я, поглядывая на лестницу, ведущую на второй этаж.

– Может быть, и так, – с сожалением ответил мне Дюваль, а потом вновь обратился к старику: – Большое спасибо, мсье.

Некоторое время жилец дома номер девятнадцать еще смотрел на нас, а потом, хоть и нехотя, но собрался закрыть дверь.

– Мисс Пэг?! – прозвучал за спиной недовольный голос, и мы все обернулись. К нам направлялся комиссар Гобер в компании своего помощника Байо. Полицейские остановились в нескольких шагах, и комиссар стрельнул взглядом в Армана. – На ловца и зверь бежит. Мсье Арман Дюваль, надо полагать? Я как раз все собираюсь побеседовать с вами.

Глава 8

Странная квартира и загадки спиритуалистов

Гобер смерил нас более чем недовольным взглядом, его чуть взлохмаченные брови нахмурились, он сердито поджал губы:

– Мое имя комиссар Гобер, и я расследую убийство неизвестной вам мадемуазель Пети. А что вы здесь делаете, позвольте полюбопытствовать?

– То же, что и вы, полагаю, – непринужденно ответил Арман, и я перевела взгляд на него.

Дюваль держался легко и расслабленно, но это только на первый взгляд. Присмотревшись, я поняла, что снаружи он беспечен, а внутри как натянутая струна. Губы хоть и изображали подобие улыбки, а вот глаза стали колючими, выдавая настороженность. Арман не был знаком с комиссаром и осторожно присматривался к нему. Мне вдруг подумалось, что будь здесь его отец или брат, то они вели бы себя совсем по-другому.

– Ваша затея? – посмотрел на меня Гобер.

– Даже если и так, вы не можете запретить мне вести собственное журналистское расследование, – как можно спокойнее, под стать Арману, ответила я.

– Для чего? – Одна бровь комиссара насмешливо взлетела вверх. – Для светской хроники?

Укол попал точно в цель, Гобер знал об этом. Ощувив волну горечи, я сделал вдох, подавляя желание съязвить в ответ. Сейчас препирательства с законом мне совершенно ни к чему.

– Весьма неожиданно увидеть вас вместе после статьи, которую написала мисс Пэг. – А этот вопрос предназначался Арману.

– Мы с мисс Пэг уладили все проблемы между собой, – ответил Арман и невесело усмехнулся. – Вы хотели поговорить со мной о чем-то?

Дюваль смотрел открыто, не юлил, не изворачивался, не льстил. Я с трудом отвела взгляд от его лица.

– По словам мисс Пэг, да и других свидетелей, Кароль Пети в вечер перед смертью была именно с вами, – сказал Гобер, пристально, будто голодный бульдог, всматриваясь в лицо Армана.

Я невольно затаила дыхание. Ощутила легкое движение справа, Тъери шагнул к нам ближе и тоже застыл.

– Судя по тому, что вы здесь, комиссар, могу предположить, что все те же свидетели рассказали вам о времени, когда Кароль покинула мое общество интересующим вас вечером, – спокойным голосом ответил Дюваль.

– Верно, – кивнул Гобер, продолжая буравить своими цепкими глазами лицо моего спутника. – Однако, как и когда вы покинули клуб, вспомнить никто не может.

Слова комиссара прозвучали как гром среди ясного неба. Я бросила быстрый взгляд на Армана, который на миг растерялся, но довольно быстро овладел собой. Мое сердце отчего-то дрогнуло. А ведь я его об этом ни разу не спрашивала. Ни его, ни владельца клуба.

– Расскажите мне, когда вы ушли и куда направились? – спросил комиссар, делая крошечный, но весьма заметный шаг к Арману.

Обстановка накалилась моментально, я почувствовала возникшее между мужчинами напряжение. Как ни странно, Гобер не очень-то и боялся влияния Дювалей. Вероятно, он был из тех, для кого все равны перед лицом закона.

– Я покинул клуб через полчаса после Кароль. Отправился в отель, где проживаю, там и оставался до самого утра – ответил Арман, но былая уверенность будто выветрилась из его голоса.

– Кто-нибудь видел вас?

Этот вопрос тяжело повис в воздухе. Я смотрела только на Армана, который выглядел все так же непоколебимо спокойным. Однако моя уверенность в его невинности почему-то впервые дрогнула.

– В фойе никого не было, если вы об этом. Ключ от номера я всегда ношу с собой, таковы мои условия в любом отеле. Двери ресторана были открыты, официанты собирали посуду, возможно, кто-то из них заметил меня, но я не могу этого утверждать.

– А в номере?

– Я живу один, – коротко констатировал Дюваль, чуть задрал подбородок, прекрасно понимая, к чему клонит комиссар.

– Значит, алиби на время убийства у вас нет, – не то спросил, не то заключил Гобер.

– По-вашему, одинокие люди априори виновны? – вмешался Тъери. – Я тоже провел ту ночь один и тоже был хорошо знаком с Кароль.

Арман сделал легкий жест рукой, словно останавливая друга, который и не пытался скрыть своего негодования.

– А вы?.. – спросил комиссар.

– Тъери Перрен, – представил Арман, – мой друг.

– А вы, мсье Перрен, состояли в близких отношениях с мадемуазель Пети?

– Нет, но...

– Ваш порыв оправдать друга мне вполне понятен, но я буду благодарен, если вы не станете вмешиваться в беседу до тех пор, пока вас не спросят, – довольно спокойно, но твердо сказал Гобер, а потом снова вернулся взглядом к Арману. – Мсье Дюваль, в каких отношениях вы были с Кароль Пети?

– В близких, – ответил мой спутник.

– Насколько близких? – уже немного нетерпеливо уточнил комиссар. – В дружеских или же вы были любовниками?

– Были, – подтвердил он.

– Ее семья об этом знала? – прищурившись, поинтересовался комиссар.

Арман немного удивился такому вопросу, несколько секунд подумал, вероятно не зная точного ответа, и сказал:

– Не думаю. Кароль была не из тех, кто отчитывается перед отцом. По ее словам, Гастон Пети доверял дочери. Несомненно, он знал, что мы иногда проводим время вместе, но, насколько подробно, она никогда не говорила.

Мое внимание привлек Бернارد Байо, который во время этой беседы ничего не спрашивал, но постоянно записывал что-то карандашом в крошечный блокнот. Время от времени он поднимал голову на Армана точно так, как сейчас, и в этом его взгляде я отчетливо прочла уже установившееся мнение. Не знаю, как сам Гобер, но его помощник уже осудил Армана. В этот миг я ощутила

непонятный страх. А непонятным он был потому, что сама себе не смогла ответить, чего испугалась. Того, что комиссар заикнется на Армане и не станет искать других подозреваемых или того, что Арман может оказаться действительно виновным? Внутри все похолодело от подобного предположения. Я снова посмотрела на Армана. Верю ли я, что он мог изнасиловать и убить Кароль? Но зачем ему это? Тело девушки и так было доступно для него. Судя по взглядам Кароль, которые она бросала на Дюваля, девушка была не из тех, кто мог отказать обаянию мужчины. Одним словом, смысла насилловать Кароль у него не было.

Я попыталась представить, как они ссорятся по какой-либо причине и Кароль отказывает Арману в близости. Скривилась, подумав о том, как он выходит из себя и берет девушку силой. Хорошо, я не настолько знаю Армана, чтобы быть уверенной в нем, когда он охвачен гневом, но даже если он неосторожно убил Кароль, зачем было нести ее в музей Родена? Отвести от себя подозрения? Но Дювалям доступны все возможные средства, чтобы тело исчезло бесследно.

Я даже не заметила, как отвлеклась от беседы, а когда очнулась, то увидела внимательный взгляд Армана, обращенный ко мне. Сердце дрогнуло. Я словно почувствовала, как он разгадал ход моих мыслей, и видела в его глазах горечь от невысказанных обвинений. Но я ведь и не обвиняла! Я лишь размышляла о возможностях...

– Хорошо, – продолжил комиссар, словно откладывая эту тему на потом, но не отбрасывая окончательно, – ваше алиби мы проверим, поговорив с обслуживающим персоналом отеля. Вы знали, куда направилась мадемуазель Пети, оставив клуб?

– На тот момент нет, – дернув плечами, ответил Арман.

– То есть вы отпустили ее одну неведомо куда? – с вызовом спросил комиссар.

– Позвольте объяснить вам, комиссар, – с нажимом ответил Арман и тоже сделал шаг вперед, критично сокращая расстояние между ними.

Я неожиданно для себя самой взяла его за руку, чтобы удержать. Получилось так, будто Дюваль возвысился над Гобером, всей своей фигурой и позой излучая угрозу. Однако мне показалось, что Арман просто не сдержал чувства, одолевавшие его с тех самых пор, как он

узнал о смерти Кароль. Вероятно, он и сам винил себя за то, что отпустил ее одну.

– Кароль никогда и ни перед кем не отчитывалась. Ее семья и положение в обществе даровали ей некую свободу, которую она не любила ограничивать. У мадемуазель Пети было множество друзей и весьма переменчивый характер. Она редко сидела долго на одном месте. Мы не любили друг друга в привычном понимании этих слов. Да, порой мы весело проводили время и могли себе позволить интимную близость, но отчета друг перед другом не держали. Никогда не оправдывались и не осуждали поступков друг друга. В тот вечер я был не лучшим компаньоном, ей стало скучно, и Кароль просто сорвалась с места и, как я подумал, решила присоединиться к более веселой компании. Это меня не удивило. Я не держал ее возле себя насильно.

– Ясно, – раздражающе спокойно ответил комиссар. – То есть вы не знаете, зачем она приехала сюда и что делала?

– Нет, не знаю, – ответил Арман и сделал шаг назад.

Я выдохнула от облегчения и сняла свою руку с его предплечья.

– Вы что-нибудь слышали об этом месте? Мадемуазель Пети называла когда-нибудь этот адрес? Возможно, упоминала, что уже бывала здесь.

– Нет, – уже полностью овладев своими эмоциями, ответил Арман. – До сегодняшнего дня я ничего не слышал об этом месте?

– Как вы о нем узнали?

Повисла пауза, и Гобер чуть склонил голову, а потом прошелся по всем нам тяжелым взглядом. Арман молчал, чем вызывал еще большую настороженность в комиссаре.

– Этот адрес узнала я. – Теперь уже я сделала робкий шаг вперед.

– Как?

– Так же, как и вы, комиссар, я не выдаю свои источники, на что имею полное право. – Внутри все сжалось от страха, но я понимала, что стоит только раз обратить взор полиции на Амеди, как он тут же потеряет в этом городе все свое влияние, которое зарабатывал долгие годы. Ему удавалось оставаться в тени, а я не хотела быть той, кто оплатит ему предательством за помощь.

– Вы понимаете, что, скрывая информацию, препятствуете расследованию?

– Мои источники никоим образом не влияют на расследование, – ничуть не испугавшись на этот раз, ответила я.

– Я могу и задержать вас, – сказал комиссар, однако мы оба понимали, что он этого не сделает. Гобер проверял меня на прочность, испытывая удачу.

Некоторое время мы смотрели друг на друга, а потом комиссар отступил и сказал уже для всех:

– Мне совершенно не нравится ваша вовлеченность в это дело, она выглядит довольно подозрительно. Попрошу всех покинуть этот дом и позволить нам делать свою работу. Мсье Дюваль, продиктуйте адрес моему помощнику, чтобы мы проверили ваше алиби и знали, где вас искать, если возникнут новые вопросы. Байо, опросите соседей.

Сказав это, комиссар направился вверх по лестнице, похоже уже точно зная, куда приезжала Кароль. Арман повернулся ко мне и некоторое время смотрел прямо в глаза:

– Что ты об этом думаешь? Твоя интуиция подвела тебя? Я мог убить Кароль?

Что-то в его потрясающих глазах заставило меня замереть и перестать дышать. Никто и никогда не смотрел на меня с такой надеждой. Арман ждал ответа, а я не могла не то только говорить, даже думать не была способна. Сердце трепетно ускорило, как только Дюваль еще чуть-чуть приблизился, словно настаивая. Тонкий аромат парфюма, смешанный с запахом тела, вскружил голову, я едва удержалась, чтобы не коснуться руки мужчины. Арман продолжал испытывать меня взглядом и ждать. Пришлось приложить руку к груди, прямо над взволнованным сердцем, будто это помогло бы его успокоить, и сделать шаг назад, пытаясь избавиться от наваждения.

– Я все еще думаю, что ты этого не делал.

Дюваль кивнул удовлетворенно и посмотрел на друга. Между ними произошел какой-то немой диалог, после этого Арман двинулся к лестнице, а Тъери остался на месте, наблюдая за Байо, который уже постучал в одну из дверей. Недолго думая, я последовала за Дювалем. Широкая лестница с деревянными перилами на металлическом основании, привела нас к мрачному коридору, где мы увидели всего две двери, одна из них была приоткрыта.

Арман обернулся, услышав мои шаги, хотел было что-то сказать, но потом, словно смирившись, передумал. Выставив руку чуть назад,

он немного меня притормозил, прислушиваясь к звукам из квартиры. Дюваль нахмурился, сделал еще один шаг и замер.

– Стой! – громким шепотом сказал он, и я отставила назад поднятую для шага ногу.

Арман чуть склонил голову набок, но теперь он не прислушивался, а... даже не знаю, что именно он делал. Прикрыл глаза и втянул носом воздух, а потом выставил перед лицом ладонь и как будто погладил что-то невидимое. Мне показалось, будто он хотел сделать что-то еще, но обернулся ко мне и не стал.

– Я не могу войти, – вызвав мое крайнее удивление, сказал он, – а ты аккуратно загляни, но постарайся не попадаться на глаза Гоберу. Справишься?

– П-п-попробую, – все еще не понимая, что происходит, ответила я. – А почему ты не можешь?

– Нет времени на вопросы, комиссар не будет там вечно.

Стрельнув в него взглядом, обещающим продолжение этого разговора, я обошла Армана и осторожно проскользнула в квартиру. Сделав шаг внутри, поняла, что туфли выдадут меня, издавая довольно отчетливый стук в тишине, царившей вокруг. Не хотелось бы, чтобы комиссар заметил мое проникновение, особенно после просьбы удалиться из особняка. С легкостью скинула туфли и побрела дальше в одних чулках, прижимая обувь к груди.

Квартира оказалась довольно просторной, с достаточным для освещения количеством окон и высокими потолками. Место, которое я аккуратно рассматривала, тоже скорее походило на студию скульптора, чем на обычные апартаменты. Первая комната была заставлена фигурами обнаженных тел, бюстами, руками со скрюченными будто от боли пальцами. Я поежилась и пошла дальше мимо стеллажей и полок с различными инструментами и материалами. Здесь было довольно чисто, ни следа гипса на полу или столах. Или тут давно не работают, или тщательно убирают, что для людей творческих редкость, на мой взгляд.

Перед следующей комнатой я застыла в нерешительности, поскольку слышала присутствие Гобера. Набравшись смелости, все же заглянула и чуть было не вскрикнула от удивления.

Комиссар с интересом изучал стоявший в центре круглый стол с брошенной на него скатертью. На столе лежали книги в старых

потрепанных переплетах, какие-то листовки со странными картинками, кинжал, а еще стояли свечи, оплавленные почти до основания, какой-то небольшой котел, скорее похожий на декоративную копию, чем на сам предмет обихода. Уже довольно давно я ничего не слышала о спиритизме. Когда-то эта тема будоражила умы многих, но еще до войны она ушла на задний план, словно люди вдоволь насытились ею. Не берусь утверждать, что в этой комнате занимались именно спиритизмом, поскольку никогда не интересовалась этим вопросом, но в моих представлениях все выглядело именно так.

Благодаря тому что Гобер был очень увлечен изучением предметов на столе и чтением листовок, я осталась незамеченной и так же тихо покинула квартиру.

Арман ждал меня у дверей и, как только я вышла, спросил:

– Ну что там?

– Квартира – студия, кто-то пытается подражать таланту Родена и Камиллы Клодель.

– И? – нахмурился Арман.

– И довольно посредственно, хоть я и не эксперт. Когда видишь скульптуры мастеров, дух захватывает от вложенных в них эмоций, которые они с легкостью передают нам, простым обывателям...

– Долли, я не об этом!

Ощувив холодный камень под ногами, я вспомнила о туфлях, поставила их на пол, а потом, опираясь на руку Армана, принялась обуваться. Если мои движения и удивили Армана, то он и виду не подал.

– Насколько я поняла, здесь собирались любители мистики и спиритуалисты. Вся атрибутика налицо, обстановка тоже.

Выровнявшись и оправив платье, я посмотрела на Армана, в котором мои слова вызвали живой интерес.

– И что же Кароль забыла в таком месте, как думаешь? И почему это ты не смог войти?

Арман нахмурился, провел рукой по волосам и будто нехотя ответил:

– Что здесь делала Кароль, не представляю, а войти не смог, потому как я, кажется, главный подозреваемый, для меня это могло быть чревато не самыми приятными последствиями.

Ни на грамм не поверила, не про Кароль, нет, а про препятствия. Арман явно лукавил, что-то скрывая от меня. Почему-то это задело.

– Не веришь? – спросил он, тут же прочитав недоверие на моем лице. Надо сказать, что мне не очень нравилась эта его способность.

– Мы ввязались в это вместе, Арман, и я надеялась, наше... содружество будет основано на доверии, но я, видимо, зря надеялась. Ты что-то скрываешь, принимая меня за дурочку, но я не зря занимаюсь журналистикой. Кое-что тоже умею. Наблюдать за людьми, например. И мои наблюдения показывают, что ты лжешь.

Арман недовольно скривился, а потом как-то уж очень устало выдохнул. Он понимал – я права, но почему-то открываться передо мной не хотел. Хорошо, я ведь не прошу его душу обнажать, но по делу хочу знать все, что ему известно. По-моему, это честно.

– Мне кажется, это не самое подходящее место для подобной беседы. Нам пора исчезнуть с глаз комиссара и его людей.

– Хорошо, – кивнула я, но не сдвинулась с места, – а когда выйдем отсюда, ты расскажешь мне то, о чем умалчиваешь?

Арман неопределенно хмыкнул и мотнул головой, указывая на лестницу, но я так и осталась стоять в ожидании ответа. Тогда он подхватил меня за локоть и буквально потащил за собой.

– Будь уверен, Арман Дюваль, я с тебя живого не слезу, пока ты не поделишься информацией! – возмущенно воскликнула я, пытаюсь выдрать свою руку из его хватки. – Я буду рисковать, а ты преспокойно умалчивать от меня что-то важное?!

Мне не было больно, Арман не сжимал локоть излишне крепко, но сам факт того, что меня волокли по лестнице, возмущал до глубины души. Я стукнула обидчика в плечо, но на это он не обратил ни малейшего внимания. Еще несколько ступеней – и уже показался первый этаж, где Байо беседовал с тем самым старичком, что высунулся из двери, когда прибыли мы.

Арман замер на месте и прислушался, продолжая удерживать меня.

– Отпусти! – громко зашипела я. – Арман, я предупреждаю...

Договорить мне не дали, мой спутник притянул меня к себе за талию одной рукой, а другой зажал рот:

– Т-ш-ш-ш, – шикнул он на меня, – дай послушать.

Негодование клокотало во мне и искало выход. Содружество содружеством, но хамство – это уже другое дело. Я попыталась вырваться, но Арман лишь плотнее прижал меня к себе.

– Значит, вы говорите, что девушка прибыла в четверть двенадцатого? – спросил помощник комиссара и записал что-то в свой блокнот. Старичок усиленно закивал в ответ. – А как она уходила, вы, случайно, не видели?

– А как же! Видел!

Услышав эти слова, я перестала сопротивляться и отдирать ладонь Армана от своего лица. Мои пальцы так и остались поверх его руки, когда я полностью обратилась в слух.

– И когда же она ушла? – продолжил расспрашивать Байо.

– В этот раз собрание наверху продлилось недолго. Мы с супругой услышали топот множества ног, потом тишина и спустя еще пару минут снова шаги. Я приоткрыл дверь и увидел эту бедняжку, лицо которой напечатано во всех газетах. Она повернулась, когда моя дверь скрипнула.

– Мадемуазель Пети была одна?

– Нет, с ней был мужчина.

Рука Армана напряглась, а потом, наоборот, расслабилась. Он отпустил меня и шагнул еще на одну ступеньку ниже, словно хотел оказаться еще ближе к старику, чтобы не пропустить ни единого слова. Я шагнула за ним, положила руки на его плечи, чтобы опереться и выглянула из-за широкой спины.

– Как он выглядел? – нащупав новую зацепку в расследовании, воодушевился Байо.

– Вот тут я мало что могу сказать. Видел только со спины. Высокий, темноволосый, атлетически сложенный. Это, пожалуй, все. Он вел девушку так, будто она не могла идти сама. Когда мадемуазель обернулась, мне показалось, будто она пьяна или что-то вроде того. Странный у нее был взгляд. Но ведь от этих безбожников всего можно ожидать.

– В котором часу это было?

– Когда я закрыл дверь, часы пробили полночь.

– Нам очень повезло, что вы так поздно не спите, – хмыкнул Байо.

– Кости ломило, в ту ночь же дождь шел, а у меня всегда кости ломит, когда дождь или ветер.

– Понимаю... понимаю, – посочувствовал помощник комиссара. – А вот, скажем, если увидите того мужчину еще раз, сможете узнать?

– Нет, скорее всего, нет, – с сожалением покачал головой старик. – Я и девицу не узнал бы спустя несколько дней, если бы не увидел ее лицо в утренних газетах.

– А прежде вы ее здесь не видели?

– Нет, не видел, но утверждать, что она не приходила, тоже не могу.

Некоторое время Бернадд Байо держал старика в дверях, записывая его показания и уточняя подробности, а потом убрал книжечку во внутренний карман и распрощался:

– Благодарю вас, мсье Аггаль. Вы нам очень помогли. Если возникнут новые вопросы, мы заглянем к вам еще.

Старик кивнул и закрыл дверь. Арман хмуро повернулся ко мне, а потом взял за руку и начал медленно спускаться. Первым нас заметил Тъери, который снова молча кивнул другу и направился к помощнику комиссара, чтобы отвлечь на себя его внимание.

– Вы все еще здесь? – удивился Байо и завертел головой, к тому времени мы уже успели немного отойти от лестницы.

– Уходим, – будто сдаваясь, поднял руки Тъери, и мы действительно покинули парадную дома номер девятнадцать.

Идти к машине я не торопилась, вдохнув влажного воздуха, принесенного с берега Сены, я перешла дорогу и устремила взгляд в воду. Знала, что мужчины последовали за мной, поэтому не оборачиваясь сказала:

– Значит, убили Кароль не здесь. Судя по всему, из особняка вывел ее убийца. – От этих слов самой стало жутко.

Я зябко обняла себя руками. Внутри было такое чувство, что я уже столкнулась с монстром лицом к лицу. Мы лишь тень его уловили, а на душе было скверно, как от личной встречи. Как будто после посещения этого дома я ощутила реальность происходящего, словно сама прикоснулась к убийце.

– И она пошла с ним, – задумчиво пробормотал Арман.

– Не забывай, что она была словно не в себе, – уточнил Тъери. – Старик же сказал, что она будто пьяна была.

– Думаешь, ее опоили? – с какой-то странной надеждой в голосе, спросил Арман.

– Возможно, – с горечью пожал плечами его друг.

Некоторое время мы просто смотрели на воду, погруженные в свои собственные мысли и переживания. Все трое были так или иначе связаны с Кароль. Арман любил ее, по-своему, но все же любил. Тьери, вероятно, знал, как друга, ну а я... Что я?.. Я нашла ее тело.

Снова поежилась, вспомнив, бледную кожу и кровь. Кровь была свежей, насколько я могла судить. Она все еще стекала с израненного тела Кароль. Но на земле ее было немного. Я, конечно, не медик, не могу знать определенно, но разве при такой ране крови не должно быть больше? На миг в голову пришла мысль, что девушка оказалась в музее Родена как раз перед моим появлением. Сердце замерло от страха, и снова в голове закружился вопрос, что это за машинка и как она попала ко мне? Почему именно ко мне?

Машинка! От ужаса я схватилась за первое, что попало под руку, чтобы устоять на ногах. По спине пробежал холодок, и я повернулась к Армону, чью руку в отчаянии стискивала.

– Едем ко мне! Срочно!

Больше я ничего сказать не смогла, просто кинулась к автомобилю. Стоило нам тронуться с места, как страх овладел мною полностью. В голове звучал мерный стук клавиш, и по мере приближения к бульвару Монпарнас он становился все громче. Волосы шевелились на затылке, когда думала о том, что напечатало мое жуткое наследство.

Глава 9

Сокровище или проклятие Бертленов

Поднималась в квартиру с тревогой в сердце. Как я могла позабыть о машинке? Закрыла ее в шкафу, и будто нет ее больше. Она ведь что-то печатала. Застыла на ступеньках, подумав о том, что это мог быть новый адрес. Внутренности скрутило от страха, руки похолодели.

– Ты в порядке? – спросил Арман, который следовал за мной. Тьери остался в автомобиле.

– Д-да, – не поворачиваясь, я ответила и медленно пошла дальше.

С первого раза открыть входную дверь не получилось, непослушные пальцы тряслись от дурного предчувствия. Я очень не хотела входить в квартиру, и такое было впервые. Не хотела подходить к шкафу, открывать дверцы и читать. Безумие какое-то.

Сделав над собой усилие, выдохнула и повернула ключ в замке. В общем-то, привычная для меня тишина сейчас показалась мрачной, давящей. Не разуваясь, не зажигая света, я прошла в комнату. Балкон был распахнут настежь, легкий ветерок шевелил тонкие шторы, а неполная луна будто подмигивала из-за плывущих в ночном небе облаков.

Неожиданный звук с улицы заставил вздрогнуть и отшатнуться. Отступив назад, я наткнулась на широкую грудь Армана. Взглянув на него, увидела, как он плавно поворачивает голову и прислушивается. Мое сердце гулко забарабанило, когда я ощутила мощное сердцебиение Дюваля. Медленно развернулась и посмотрела ему в глаза. Арман выдохнул, согрев мое лицо теплым дыханием, и опалил горящим взглядом. На мгновение я забыла обо всем на свете. Так вот, значит, как теряют голову? Мужчина медленно поднял руки и скользнул ими по моим плечам. Я невольно потянулась ближе, поддаваясь внезапному желанию. Лицо Армана в лунном свете завораживало меня, лишая способности мыслить. Чарующие глаза выворачивали душу так, что ноги подкосились. Чтобы хотя бы выдохнуть, я чуть опустила взгляд и тут же пожалела. Дюваль чуть приоткрыл рот, и кончик его языка скользнул по губам, а потом снова

исчез. Это простое и вполне естественное движение окончательно лишило меня воли. Я падала и падала, медленно погружаясь в омут потрясающих ощущений, дарованных невероятным притяжением, которого я еще никогда не испытывала. Не помня себя, я пальцами коснулась нижней губы мужчины и услышала судорожный выдох, сердце дрогнуло в ответ. Арман чуть склонил голову, и я подалась навстречу, наслаждаясь дурманящим ароматом, исходящим от него. Еще не коснувшись губ Дюваля своими, я ощутила трепет и предстоящее блаженство.

Ровный стук из шкафа показался оглушительным. Я снова вздрогнула и отпрянула от растерянного мужчины. Он тоже слышал? Господи, пусть он тоже слышал! Я ведь не сумасшедшая? На мгновение в комнате вновь повисла тишина. Я приложила руку к груди, пытаюсь усмирить испуганное сердце. Звук повторился.

– Что это? – тихо спросил Арман.

Не в силах ответить, указала на шкаф, и мой гость сделал несколько шагов. Я не отважилась последовать за ним. Мое тело дрожало, рвалось его остановить, чтобы продлить еще хоть на мгновение ощущение нереальности, чтобы сделать вид, будто никакого безумия в моей жизни не происходит. Но я этого не сделала, лишь обняла себя руками, будто удерживая появившийся озноб.

Арман застыл у дверей шкафа и снова прислушался. Стук повторился, словно специально для него.

– Быть не может! – выдохнул мужчина и тряхнул головой.

Больше не откладывая, Дюваль резко распахнул створки и через мгновение швырнул на пол один из моих нарядов.

– Проклятье! – в сердцах выругался Арман и развернулся ко мне.

В его руках была та самая машинка, что своим появлением отравила мою жизнь. Арман казался не на шутку встревоженным; глаза его блестели, он глубоко и часто дышал.

– Включи свет! – скомандовал он, и я подчинилась.

Пришлось зажмуриться, когда комната осветилась электричеством. Арман широким жестом смахнул бумаги со стола и, бросив мимолетный взгляд на мсье Луи, с громким стуком поставил машинку.

– Откуда она у тебя? – развернувшись, спросил он.

Я приоткрыла рот, чтобы ответить, но мужчина стремительно приблизился и уже совсем неласково схватил меня за плечи.

– Долли, откуда у тебя эта дрянь?

Я в ужасе смотрела в испуганное лицо Армана и не понимала, почему его реакция была такой бурной. В глазах мужчины эмоции сменяли одна другую так быстро, что я не успевала уловить их все. Сначала это был страх, чистый, неприкрытый, затем гнев, а за ним глубокая печаль, потом снова гнев и всеобъемлющий страх. Пронзительная догадка резанула по сердцу, и я стряхнула руки мужчины со своих плеч:

– Ты знаешь, что это, – не спрашивала, а скорее утверждала, указывая пальцем на чертово наследство. – Знаешь!

Арман отвернулся, шумно выдохнул, стараясь овладеть собой, а когда повернулся вновь, на его лице не осталось и следа былых эмоций. Лишь в глазах все еще читалась горечь. В этот момент я поняла, что он вновь закроется, что этот внезапный всплеск эмоций был порывом, ставшим полной неожиданностью и для него самого.

Дюваль снова подошел к столу и внимательно осмотрел машинку. Но смотрел он на нее не как на нечто новое и необычное, а как на что-то, уже виденное прежде. Грудь сдавило болью. В голове роились десятки вопросов, но я их придержала, давая Арману возможность успокоиться окончательно.

Вышла на балкон и закурила, думая о том, что в последнее время совершенно не узнавала себя. Прежде я бы уже накинулась на Армана, пытаюсь выудить все, что только возможно. Но, оказавшись в гуще чего-то опасно непредсказуемого, замечала, как все чаще наружу выбирались отцовские наставления и не так давно приобретенная осторожность. В погоне за интересным материалом я не всегда видела границы, а точнее, раздвигала их, чтобы добиться желаемого. Такова моя работа, ведь информация – мой хлеб. Медленно затянувшись и выпустив колечко дыма, я утвердилась в решении вытащить из Армана все, что потребуется. Но действовать нужно было не нахрапом. Дюваль не капризная певичка или молодой гуляка, здесь торопливость не на пользу. Безусловно, расспрашивать буду, но не давить.

Спустя несколько томительных минут Арман оказался рядом и тоже закурил.

– Откуда у тебя машинка? – уже совсем спокойно спросил он.

– Почтальон принес утром перед убийством Кароль, – ответила я и снова затаилась.

Внутри вдруг появилась пустота, огромная, вытесняющая все остальное из сердца и души. Я почувствовала чудовищную усталость. Последние три дня были похожи на безумную гонку непонятно за чем, непонятно куда. Я смотрела на засыпающий город, редкие огни автомобильных фар на дорогах, фонари, а потом в ночное небо с проплывающими, кажущимися тяжелыми, пугающими облаками.

– Просто принес? Это подарок? От кого? – продолжил расспрашивать Арман.

– Внутри была карточка с парой слов о каком-то наследстве, – сказала я и повернулась к мужчине. – Точнее, о том, что эта машинка – моя часть наследства. Больше ничего. Ни имени отправителя, ни адреса.

– Дальше, – коротко велел он.

– А что дальше? Я ничего не поняла, но разобраться было некогда. Отправилась на работу. Получила нагоняй от редактора за то, что оттягивала интервью с тобой. Выяснила, где тебя найти, – продолжила я, перечисляя события того дня. – Встретилась с тобой, а когда вернулась домой, обнаружила в машинке адрес. Так я и нашла Кароль.

И снова тишина. Арман положил ладони на ограждение и сжал его так, что пальцы побелели, затем согнулся и коснулся лбом своих рук.

– Расскажи мне о ней, – попросила я. – Ты же явно видел ее прежде.

Дюваль вновь выпрямился и неохотно посмотрел мне в лицо. Я точно знала, что говорить со мной об этом он не хочет. Видела, понимала, но и отступать так скоро не планировала.

– Вижу, что ты растерян, – тихо сказала я. – Но ты явно знаешь, что это за вещь. А теперь представь, каково мне? Представь, как растеряна я? Уже третий день я чувствую себя не вполне нормальной. Сумасшедшей, если хочешь! И мне совсем не нравится чувствовать себя так, поверь.

Арман вымученно скривился, и в этот момент я поняла, что могу добиться своего. Очень старалась говорить как можно спокойнее, скрывая дрожь и подавляя желание кричать и нетерпеливо вытряхивать из него правду.

– Я бы не хотел втягивать тебя...

– Во что? – Я смотрела в его глаза и чувствовала, как он ускользает от меня, как вновь выстраивает барьеры, которые лишь иногда чуть опускаются, чтобы явить истинные чувства Армана, а потом вновь поднимаются и твердо стоят на его защите. – Если ты не заметил, то я уже втянута по самые уши, Арман. Кто-то для чего-то прислал мне эту дьявольскую вещь. Я просто хочу знать, что это за машинка и чего еще мне от нее ждать.

Дюваль вздохнул, а потом опустился прямо на пол, опираясь спиной на балконный парапет:

– Нальешь чего-нибудь? Есть виски?

Я кивнула и отправилась в кухню. Достала бокалы, хотела плеснуть в них напиток, но передумала, захватила с собой всю бутылку. На обратном пути у стола замешкалась. Скинула обувь и пыльник. На столик на балконе поставила бутылку и, после того как наполнила бокалы, присела рядом с Арманом.

– Лет пять или шесть назад эта вещь принадлежала семье моей матери, но по ее же настоянию была продана с закрытого аукциона, – сделав большой глоток и поморщившись, сказал Арман.

– Что это за машинка, Арман? – почему-то шепотом, будто дьявольский агрегат мог меня услышать, спросила я. – Она печатает сама!

– Да, – кивнул Дюваль и нервно ослабил галстук. – Машинка непростая...

– И мне кажется, что с ней тебя связывает какая-то неприятная история. Тебя и твою семью, – осторожно предположила я и подняла на него глаза.

Арман развернулся ко мне, и в его глазах появилась боль. Ее мощь достигла и моего сердца. Не совладав с ней, я порывисто коснулась руки мужчины.

– Твоя семья не проста, точно так же как и эта машинка, – прошептала я. – Рядом с ними я не чувствовала себя в безопасности. Рядом с ними мне было не по себе, как никогда в жизни. Рядом с ними мне было страшно.

– Понимаю, – кивнул Арман, глядя, как плещется золотистая жидкость в бокале.

– Ты тоже так себя ощущаешь и поэтому не живешь с ними? – Еще один неприятный вопрос, который мог закрыть этот разговор окончательно.

– Нет, – поспешно ответил мужчина. – Не так. Не в этом дело...

Арман положил локти на согнутые в коленях ноги и отвел глаза, крутя в руках почти пустой бокал. Еще один выдох, и он коснулся затылком каменного балконного ограждения и повернулся ко мне.

– Прошу, не спрашивай меня о семье. В ней все непросто, запутано... Моя мать... отчаянно любит меня и порой этой любовью душит. Она способна разорвать голыми руками любого, кто осмелится даже посмотреть не так в мою сторону.

Отчего-то мне показалось, что Арман говорил вполне буквально. Я без проблем могла представить, как Жаклин Дюваль разрывает кого-то голыми руками. Содрогнулась, подумав, что могу стать этим кем-то.

– Я ведь не от испуга так ощущала себя? Это ведь не было просто истерикой, правда? Твои родители что-то сделали со мной?

Я с детства отличалась живым воображением и бурной фантазией, но даже мне самой эти слова показались чем-то бредовым. Арман растер лицо ладонями, а потом запрокинул голову и закрыл глаза. Я вновь терпеливо ждала, опасаясь, если буду настаивать, то не услышу ровным счетом ничего.

– Скажем так, – наконец заговорил он, – в них есть некая... сила. Есть... некие возможности, но я обещаю, что ты больше не столкнешься с ними. Со своей семьей я разберусь сам, с их стороны больше не будет угроз.

– Что это за сила? Что за возможности? – взволнованно переспросила я. – Они будто околдовали меня, будто добрались до всех моих страхов и вытащили их наружу. Эта слабость, оцепенение. Мне казалось, будто из меня уходит жизнь, Арман. Или нет, мне казалось, что из меня ее вытаскивают. А потом пришел ты, и она вернулась.

Догадка озарила голову, распугав все прочие мысли. Я вскочила на ноги, задев и опрокинув бокал. Не в силах сдерживаться, воскликнула:

– Ты вернул ее! Это ты вернул мне силы и будто ускользающую жизнь! Это ведь ты сделал? Но как? – Я быстро шагала по балкону туда-сюда, ощущая стук рвущегося из груди сердца и заламывая пальцы на руках. – Как такое возможно?

Так и не получив ответа, я снова замерла и схватилась за голову.

– Я несую какой-то бред! Точно с ума сошла.

Лишь бросив взгляд на Дюваля, поняла, что попала в точку. Он пристально смотрел на меня, и в этот самый миг мне показалось, что ему отчаянно хочется рассказать, поделиться со мной. Или нет, ему хочется, чтобы я сказала все за него, чтобы догадалась и произнесла вслух собственными устами.

– Кто ты? – вдруг спросила я и почувствовала болезненный укол в сердце.

Арман тоже поднялся на ноги, медленно поставил бокал на столик и осторожно шагнул ближе. На миг замер, будто боялся, что я отступлю или не позволю ему подойти, но, не увидев ничего подобного, сделал еще шаг. Он снова обхватил мои плечи горячими ладонями:

– Прошу, давай сегодня не будем говорить обо мне. Я понимаю, что все это странно и вопросы без прямых ответов мучают тебя, но... но я не готов. Пойми, Долли, я никогда и ни с кем, кроме разве что Тьери, не обсуждал семью. Я не привык говорить о себе, рассказывать больше, чем того хочу. Тебе может не понравиться то, что я могу поведать. Да и у подобной осведомленности тоже могут быть последствия.

После этих слов я немного отстранилась, чтобы заглянуть Арману в глаза и выразить вопрос в своих.

– Нет, я тебя не пугаю, – тут же понял меня Дюваль. – Не угрожаю, нет. Просто...

Он отпустил меня и отошел к парапету, вновь сложив на нем свои руки. Арман, как и я несколькими минутами ранее, посмотрел на ночной Париж.

– Я боюсь, раскрыв тайны моей семьи, я разворошу то, что не следовало бы. Боюсь, ответы на все прозвучавшие вопросы лишат тебя покоя, а назад уже ничего нельзя будет вернуть.

– Ты ведь понимаешь, что подобными словами лишь разжигаешь мой интерес?

– Ну, я все же в душе надеялся убедить тебя, – грустно усмехнулся Арман.

– Хорошо, если сейчас не время говорить о твоей семье, – отступила я, давая себе обещание, что рано или поздно все равно

доберусь до правды, – Расскажи хотя бы о машинке. Все, что сможешь. Все, что важно для меня.

Дюваль выдохнул, развернулся и сел на ограждение, сцепив руки в крепкий замок. Я видела, как он борется с собой, со своими желаниями и... похоже, со страхами.

– Не представляю, как объяснить... – начал он, и я даже дышать перестала, чтобы никаким своим движением не спугнуть момент откровения. – Эта машинка передавалась в семье из поколения в поколение и, по идее, должна принадлежать исключительно женской линии. То есть от бабушки к маме, а потом и к дочери. Пишет она только для женщин семьи Бертлен, это девичья фамилия моей матери. Ну, или писала, по крайней мере, так было прежде.

– Что именно она для них пишет? – шепотом спросила я.

– Вот такие вот непонятные, на первый взгляд, сообщения. Что-то вроде пророчеств. Такие записки всегда к чему-то приводят, но, как правило, раньше только к хорошему. Отправившись по адресу, напечатанному ею, мама встретила отца. А спустя несколько лет с помощью этой машинки она помогла ему разбогатеть, выполнив некоторые указания.

– Тогда почему вы ее продали?

– За некоторое время до продажи машинка принесла в наш дом горе, боль, с которой мама по сей день пытается справиться. Раз, напечатав адрес, она чуть было не уничтожила нашу семью, и что бы мы ни делали, она настойчиво продолжала печатать. Мама чуть с ума не сошла от назойливого стука клавиш.

Я опасливо посмотрела на злосчастную машинку и поежилась, представляя, до чего может довести этот зловещий звук.

– погоди, – проговорила я, медленно приближаясь к Арману, словно рядом с ним безопаснее, – не знаю, конечно, как правильно назвать, и ты можешь посчитать меня безумной, но машинка ведь... магическая? Ну, это же не заложенный механизм, который выдает записульки в необходимое время, это же не дело рук человеческих, верно? Скажи, что я не сошла с ума!

Сделала еще несколько шагов, но Арман отвел глаза. Чтобы вернуть его взгляд, я обхватила лицо мужчины ладонями и вынудила снова посмотреть на меня.

– Я ведь не сошла с ума? И все это происходит на самом деле?
Арман...

Его имя я прошептала, а когда он все-таки заглянул мне в глаза, вновь перестала дышать. Сердце замедлилось, замирая от волнения и от этой странной близости, образовавшейся между нами.

– Нет, – также шепотом ответил Дюваль и выдохнул, – ты не сошла с ума. Эта машинка не творение рук человеческих.

Я тоже выдохнула, но от облегчения, и прислонилась лбом к его груди. Да, в голове не укладывалось, но, по крайней мере, я теперь знала, что не помешалась, что это не просто мои фантазии.

Несколько мгновений я так и стояла, обретая покой, ощущая сердцебиение Армана. Отчего-то оно меня умиротворяло, словно если слышала его, то знала, что все будет хорошо.

– Тогда что это за закрытый аукцион, на котором можно продать магическую вещь? – немного успокоившись и отстранившись, спросила я. – Если я все верно понимаю, обычным людям такая вещь ни к чему, они ее ценности не поймут.

Арман печально улыбнулся:

– Ты усложняешь мне жизнь, задавая такие правильные вопросы. Иногда я забываю, что ты не просто девушка, с которой мы вместе оказались в неприятной ситуации, а еще и журналист.

– И все же? – не позволила я ему отвертеться от ответа.

– И все же, – вздохнул он. – Таких, как моя семья, на самом деле немало.

От его слов я вздрогнула и попятилась, а потом тряхнула головой. Но Арман был прав, назад сказанного уже не вернешь. Разговор о машинке, можно сказать, давался мне легко. Ведь это предмет, всего лишь предмет, и его сила, или как это назвать, воспринималась мною абстрактно. Но если говорить о людях, отгородиться уже не получалось.

– Таких, как твоя семья? Это что?.. Магов? Колдунов? Медиумов? Как вас правильно называть? И есть ли этому вообще название?

Я чувствовала, как внутри зарождается истерика. Да, я уже прежде думала о родителях Армана, но те мои рассуждения наводили на мысли о гипнозе или о чем-то другом вполне объяснимом. Но теперь я испугалась собственных выводов. Сжав и разжав несколько раз кулаки, я налила себе еще виски и осушила бокал одним глотком.

Жгучая жидкость заставила меня поморщиться, но принесла тепло и словно привязала к реальности. Я все еще я, я все еще здесь, в Париже, в своей квартире. Да, мой мир словно перевернулся, но возможно ли поверить, что среди нас есть люди, обладающие магическими способностями? Где они? Как живут? Почему скрываются?

Заметив мои внутренние терзания, которые, вероятно, отразились на лице, Арман налил мне еще и прикурил для меня сигарету. Вставил ее в мундштук и протянул вместе с новой порцией виски.

– Давай мы будем дозировать информацию, – с надеждой в голосе произнес Дюваль. – Ты очень умная и стойкая девушка, Долли, и, признаться, я поражен твоей реакцией, но и твоему сознанию нужно время, чтобы осмыслить и принять то, что я говорю.

– А ты ничего и не говоришь... – сиплым голосом ответила я.

– Я же сказал – ты умная девушка, все понимаешь сама.

– Не боишься, что я вынесу эту информацию за пределы своей квартиры?

Арман на время задумался, но его молчание меня не пугало.

– Нет, не боюсь, – наконец произнес он. – Объяснить почему, не смогу, не спрашивай. Где-то в глубине души я доверяю тебе, и это необъяснимо даже для меня. Наверное, сродни тому, как ты сказала в фойе Хилтона, что не считаешь меня убийцей.

– Даже несмотря на мою профессию, ты доверяешь?

– Даже несмотря на нее.

Воцарившаяся после его ответа тишина пошла мне на пользу. Я смогла перевести дух и постаралась уложить в голове все то, что узнала о Дювалях. В сущности, я вроде ничего конкретного так и не узнала, но в то же время слишком многое открылось для меня.

– Как думаешь, почему она оказалась у меня? Ведь если я все правильно поняла, то машинка должна печатать для твоей матери или сестры.

– Для Ивет она никогда не открывалась, не писала для нее, и на это есть причины.

– Какие?

– Моя сестра не похожа на нас... – медленно, неохотно, будто со скрипом пояснил Арман. Но стоило ему произнести имя сестры, как лицо мужчины полностью преобразилось. В глазах появилось тепло, в голосе нежность.

– Иными словами у нее нет ваших... способностей? – Сама не верила, что всерьез говорила о чем-то вроде магии и колдовства. С трудом подбирала слова, все еще не понимая, как правильно называть таланты Дювалей.

Арман повернулся ко мне и снова печально улыбнулся. Моя проницательность нравилась ему, но и немного напрягала, потому как, даже не желая продолжать разговор, он отвечал на мои вопросы.

– Это само собой происходит, – сказал он, и я не сразу поняла, о чем зашла речь. – С тобой легко говорить, слова будто сами рвутся наружу, словно разум и сердце давно ждали кого-то, кому можно открыться.

Арман взглянул на свой бокал и отставил его в сторону, вскинул руки, а потом прошелся ими по волосам.

– Ты заставляешь мои мысли путаться, и я несу всякий бред, – неловко усмехнулся он. – И мне не стоит больше пить.

– Ты прочел мои мысли? – непослушными губами, произнесла я.

Дюваль искренне удивился, приподняв брови вверх.

– Нет, озвучил свои, а что?

Все это чертовщина какая-то, но сегодня я готова была поверить во что угодно. Когда Арман отвернулся, я украдкой присмотрелась к нему и прислушалась к собственным чувствам. Этот мужчина, со всеми его странностями и загадками, совершенно меня не пугал. Напротив, рядом с ним я чувствовала себя защищенной, спокойной и будто обогретой.

В моей жизни, с тех пор как я перебралась в столицу, были разные мужчины, но ни с одним из них я не чувствовала себя подобным образом. Да, с Амеди тоже спокойно и тепло, но по-другому. К нему не тянется мое сердце, не колотится взволнованно, когда он рядом. Амеди близок мне, но совсем иначе. Когда его нет рядом, мне не холодно, и, если он больше не придет и не согреет мою постель, я опечалюсь, но не более того. На миг я заставила себя представить, что этот Дюваль исчезнет из моей жизни. Насовсем. Сердце тут же сдавил страх, оно забилось быстрее. Внезапно захотелось подойти к Арману, обнять и прижаться щекой к его спине. И это после того, что мы обсуждали здесь?

Господь с тобой, Долли, мы знакомы всего три дня?! Это, возможно, всего лишь страсть, и стоит нам максимально сблизиться,

провести вместе ночь, как эмоции улягутся, буря утихнет, расставив все обратно по своим местам. Закрепив эту мысль у себя в голове, я решил вернуться к вопросу, на который так и не получила ответа.

– Итак, что ты думаешь? Как машинка появилась в моем доме? Кто ее прислал?

– Понятия не имею, – ответил Дюваль. – Этот вопрос мучает и меня. Почему именно ты?

– А ты помнишь, кто ее купил?

– Нет, я не то что не помню, я этого никогда не знал. На аукцион ездила мама. Уехала с машинкой, а через два дня вернулась и велела забыть о ее существовании.

– А мы можем это выяснить?

Арман, похоже, хотел спросить, зачем, но потом задумался и кивнул:

– Я возьму это на себя...

В этот миг машинка вновь напомнила о себе, начав печатать. От неожиданности я вскрикнула, а потом закрыла рот ладонью. Что-то со мной совсем не так, ведь в этих разборках с Арманом я вновь забыла прочитать то, что она написала.

– Ты прочел? – обратилась я к Дювалю.

– Да, там снова адрес, и написан он уже раз двадцать.

– Тогда поехали, – глядя на часы, показывающие начало двенадцатого, сказала я и отправилась за пыльником.

– Идя по следам этих сообщений, мы можем вновь прийти к беде, которая когда-то обрушилась на мою семью, – тихо ответил Арман, и я повернулась к нему. Он все так же стоял, опираясь на парапет, и не двигался с места.

Мне ужасно хотелось спросить, что это за беда такая, которая вернула боль в его глаза, но я вновь удержалась, надеясь, что для подобных вопросов время еще придет. Вместо этого я вернулась к Арману и как можно мягче сказала:

– Беда уже пришла в твой дом. И принесла ее я, повинуюсь собственному любопытству. Несмотря на то что вы изолировали машинку от семьи, она все равно продолжает вещать, будто что-то хочет сказать. И сказать именно вам! Понятия не имею, почему она выбрала меня. Назови меня чокнутой, но я думаю, что эта машинка сама меня выбрала. Осталось понять – зачем! Возможно, прозвучит

дико, но иногда даже самое ужасное ведет к чему-то прекрасному. Мы должны разобраться во всем, что происходит, и тогда, возможно, машинка оставит вас в покое.

Не знаю, какие именно слова убедили Дюваля, но он пристально взглянул на меня, а потом кивнул. Это стало сигналом к действию.

– Тъери отвезет нас, – сказал он, помогая мне надеть пыльник.

Вовремя вспомнив о мсье Луи, я достала его из клетки, чмокнула в маленький нос и вернула компаньона обратно, проверив наличие еды.

– И снова прошу прощения, – шепнула ему. – Я совсем не уделяю вам внимания, но я обязательно возьму.

Добравшись до входной двери, я уверенно распахнула ее, но застыла на пороге, нос к носу столкнувшись с Бастианом Идо, моим отцом.

Глава 10

Оскверненный сад

– Папа, – растерянно произнесла я и шагнула назад, пропуская родителя в квартиру.

Высокий, широкоплечий, с черными как уголь волосами и пронзительными голубыми глазами, мой отец был писанным красавцем. Он медленно вошел, миновав Армана и даже не взглянув на него, а потом развернулся и посмотрел в мои изумленные глаза:

– Сандрин.

Этого мне хватило, чтобы ощутить, насколько я скучала, и шагнуть в медвежьи объятия отца. Крепкие руки по обыкновению мягко стиснули, а потом с силой прижали к груди. Внезапно захотелось плакать и говорить. Говорить долго и безудержно, как в детстве. Захотелось рассказать все, что случилось, но, судя по внезапному приезду, мой папа уже все знал. Нехотя отстранилась и заглянула в его лицо.

– Я приехал за тобой, – сказал он и коснулся ладонью моей щеки. – Как только узнал о случившемся, тут же собрал вещи и приехал. Поехали домой.

Как бы ни рвалось мое сердце вновь оказаться в объятиях отца, я еще отступила:

– Нет, пап, я не могу сейчас вернуться домой.

– Это безрассудно! – Он нахмурился, и глаза вмиг стали суровыми. – Даже в Марселе знают фамилию Дюваль! Зачем ты связалась с ними, зачем так рисковала?

Я понимала чувства отца, видела его беспокойство и даже страх. Да, в один прекрасный день он перестал относиться ко мне как несмышленной девочке и вложил в мою ладонь пистолет, а потом начал вести со мной достаточно взрослые разговоры, порой жестокие, но в тот момент иначе было нельзя. Мой мир перевернулся, и это отразилось на всей семье. Отъезд в Париж он не запрещал, но и не поддерживал. Я пообещала вести себя благоразумно и за годы, прожитые в столице, ни разу не заставила родителей вновь пережить страх за меня.

– Что случилось, то случилось, папа, – спокойно ответила я и краем глаза уловила резкое движение головы Армана.

Посмотрела на него и поняла, что он не ожидал такого ответа. В этот момент отец тоже заметил Дюваля и очень внимательно изучил моего гостя от макушки и до каблуков на сверкающих туфлях.

– Познакомься, папа, – тихо сказала я, указывая на моего соратника, – Арман Дюваль.

Едва заметно отец вздрогнул и еще пристальнее впился взглядом в черты Армана. Молодой человек не стушевался, взгляда не отвел, а, напротив, открыто посмотрел в глаза моему отцу.

– Арман, это мой отец, Бастиан Идо, – почему-то с волнением произнесла я.

Глядя на двух мужчин, с интересом изучающих друг друга, я нервничала. Сердце тревожно трепыхнулось в груди. В голове мелькнула мысль, что мне бы очень хотелось, чтобы эти двоеладили. Арман кивнул почтительно и протянул руку для рукопожатия. Мой отец немного замешкался, вероятно пытаюсь понять, что именно происходит. Эта задержка заставила меня затаить дыхание. Но она не была долгой, папа твердо пожал протянутую руку и повернулся ко мне:

– Я хочу знать, что происходит, Сандрин.

– Я понимаю, папа, но сейчас не самое подходящее время. У нас... – я бросила быстрый взгляд на Армана, – ...есть срочное дело. Как только я вернусь, все тебе расскажу.

Папа аккуратно взял меня под локоть и отвел в сторону, чтобы оказаться в относительном уединении, что в моей крошечной квартирке было почти невозможно.

– Я не понимаю, – растерянно сказал он, словно только в этот миг картинка из мелких кусочков сложилась в готовое полотно, – что он делает рядом с тобой после того, как ты фактически назвала его убийцей и ославила чуть ли не на всю Францию? Он угрожает тебе? Чего-то требует?

– Нет, папа, погоди, – торопливо заговорила я. – Арман ничем мне не угрожает, скорее наоборот, защищает.

Отец нахмурился, изучая мое лицо и выискивая на нем что-то, что, по его мнению, я могла от него скрывать.

– Если ты его боишься... – прошептал он.

– Нет-нет, – мягко улыбнулась я. – Арман меня не обидит. Все не так.

Я снова бросила осторожный взгляд на Дюваля, который держался более чем достойно. Папины нападки его не испугали и, кажется, даже не удивили. Выражение его лица можно было назвать приветливым. Внутри колыхнулась теплая благодарность, которую я тут же вложила в свой взгляд.

– Рядом с ним я в безопасности, не волнуйся, – продолжая смотреть в карие глаза Армана, успокоила я отца. – Я понимаю, что все это выглядит довольно странно, но мы вместе пытаемся разобраться в случившемся...

– Но ведь ты назвала его убийцей! – возмутился отец. – Разве не ты написала, что он изнасиловал и убил несчастную девушку?

На словах об изнасиловании Дюваль скривился, его глаза вспыхнули болью. Несмотря на отдаление, папа не мог держать себя в руках и то и дело повышал голос.

– Нет, папа, Арман не убивал! – твердо сказала я. – Все это чудовищное недоразумение! Я обещаю, что все тебе расскажу, как только вернусь. Где... где ты остановился?

– В Хилтоне, – ответил он, и этот факт отчего-то смутил меня. – Я говорил, что тебе нужна квартира побольше.

– Меня все устраивает. – Я улыбнулась, наблюдая, как отец потихоньку расслаблялся, но взгляда с Армана все еще не сводил.

Он знал, что я никогда не лгала ему, знал, что не солгу и теперь. Свое доверие папа отчетливо показал, когда позволил перебраться в Париж и не совал своего носа в мои дела, хоть я и знала, что и у него, и у мамы неустанно болело за меня сердце. Я знала – все это время они прожили в тревоге, множество раз останавливали друг друга, чтобы не сорваться и не приехать за мной, чтобы увезти домой, в Марсель. Отец не хотел меня душить своей опекой, а маме пришлось смириться. Они попытались понять, что мне было необходимо уехать и вновь научиться жить. – Давай позавтракаем вместе... а лучше пообедаем, и я все тебе расскажу.

– Куда ты собралась на ночь глядя?

Его серьезный взгляд заставил сердце сжаться от любви и благодарности. Я знала, что стоит мне лишь слово сказать – и папа сделает все возможное и невозможное, чтобы уберечь меня и помочь

распутать этот загадочный клубок. Надежное плечо и постоянную поддержку чувствовала даже на расстоянии. Я никогда и ничего не скрывала от родителей. Знала, что максимальной откровенностью уберегу их от ненужных тревог, помогу держаться. Вдруг подумалось, как же я расскажу отцу о предательстве Лакомба? Ведь доверяла папаше не только я, но и родители. Из груди вырвался тяжелый вздох, но я снова заставила себя мягко улыбнуться:

– У нас встреча, это важно. Прошу тебя, не тревожься и доверься мне.

Некоторое время отец молчал, и я видела, как он борется с самим собой. Его разрывали надвое желание взять меня за руку и немедленно увезти в Марсель и обещание, данное несколько лет назад, обещание доверять. Нехотя он кивнул, а потом вновь переключился на Армана.

– Я позабочусь о ней, – сказал Дюваль. – Со мной ваша дочь в безопасности.

– Понимаю, что тебе нужны объяснения, но я тебе в них не отказываю, а лишь прошу подождать. – Я вновь прижалась к груди отца, вдыхая запах, любимый с детства.

– Мы можем подвести вас до отеля, – услужливо предложил Арман.

– Благодарю, – все еще хмурясь, ответил отец. – Я арендовал автомобиль, доберусь сам.

Впервые между мной и отцом возникла неловкая пауза, которую можно было объяснить лишь присутствием Армана. Нарушил ее как раз Дюваль, он кашлянул будто невзначай и направился к двери. Нам осталось лишь последовать за ним. По ступеням спускались молча, но замерли внизу, наткнувшись на мсье Броссара, который никогда не ложился рано. Мой добродушный сосед как раз выходил на полуночную прогулку, во время которой зачастую разносил соседям их отремонтированные вещи. Он просто клал их у дверей, а потом еще около получаса сидел на скамейке, разглядывая звезды или наш уютный двор.

– Мсье Броссар, – душевно поприветствовал его мой отец.

Это был не первый визит папы, поэтому с моим соседом они уже встречались и не раз вели долгие беседы о политике, прошедшей войне, в которой был убит единственный сын четы Броссар, а временами и обо мне.

– Мсье Идо! – не менее радостно воскликнул пожилой мастер.

Арман чуть задержался, поймав взгляд мсье Броссара, приветственно кивнул и поспешил дальше.

– До встречи, папа. – Я чмокнула отца в чуть шершавую от щетины щеку. – Не волнуйся.

Мсье Броссар улыбнулся мне и предложил папе выпить и немного поговорить. Выходя из парадной, я услышала, как отец согласился, но всего на одну рюмочку, поскольку он устал с дороги. На душе стало чуточку спокойнее, потому что я была абсолютно уверена, что удивительные качества моего соседа успокоят отца. Мсье Броссар обладал поистине волшебным даром убеждения. В беседах с ним гарантированно можно было обрести покой и умиротворение. А еще мсье Броссар всегда являлся вовремя, будто знал, что кому-то нужно доброе слово.

Арман ждал меня у автомобиля, он распахнул дверцу, пропуская меня, а сам уселся рядом с задремавшим Тьери. Уже разместившись в салоне, мы оба воззрились на мирно посапывающего друга.

– Поглядите на него, – негромко пробурчал Арман, – спит как младенец.

– Не ворчи, – сказала я. – Уже полночь, мы все устали.

Арман хмыкнул и легонько толкнул друга в плечо. Тьери мгновенно открыл глаза и выровнялся, поднимаясь на сиденье, на котором полулежал.

– Куда? – спросил.

– К Большому дворцу.

– Есть что-то новое? – оживившись, поинтересовался Тьери.

– Приедем – узнаем, – задумчиво ответил Арман и на какое-то время затих.

Я откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Тревога, на время отступившая из-за неожиданного появления отца, вновь вернулась. Я ощущала, как тело деревенеет от холода, распространявшегося внутри. К чему нас приведет машинка на этот раз? Представила, каково было бы, будь я вновь одна, вздрогнула, а потом подняла голову, отгоняя кровавые картинки.

Вскинув глаза, заметила, что Арман чуть развернулся ко мне. Он наблюдал и о чем-то размышлял. Интересно, что за мысли бродили в его голове?

– Значит, твое настоящее имя Сандрин Идо? – наконец спросил он. – И ты из Марселя?

– Верно, – кивнула я, комкая в руках перчатки.

В этот миг мне казалось, что я обнажена перед ним, будто, узнав мое настоящее имя, Арман проник в душу еще глубже. Я пока точно не знала, как именно к этому относиться, но избавиться от чувства, что мы словно стали ближе друг другу, не могла.

– Это что-то меняет?

– Нет, – пожал плечами Дюваль. – Имя Сандрин очень тебе подходит, а вот за легкомысленным Долли ты будто спряталась. Зачем?

– А ты за Анри Аненом?

– Туше, – невесело улыбнулся он. – Что думаешь рассказать отцу?

Это был довольно сложный вопрос, поскольку рассказать абсолютно все я не могла. Как я скажу о машинке? О Дювалях? Чтобы не тревожить отца, мне бы не хотелось говорить об угрозах родителей Армана. Я вздохнула:

– Все, что смогу.

Арман поерзал на сиденье и будто попытался приблизиться, его голос стал еще тише:

– Мне показалось... не знаю... показалось, что страх в глазах твоего отца...

Пока Дюваль подбирал слова, я застыла, думая, что любопытство Армана может сыграть со мной злую шутку.

– ...этот страх как будто из прошлого, словно он связан не только с этой статьей. Не знаю, будто твой отец ждал чего-то подобного, чего-то плохого. Я не могу объяснить, просто чувствую.

Я втянула носом воздух, боясь до дрожи, но все же глядя мужчине прямо в глаза. Нужно отдать должное его пронизательности.

– Я его узнал, – почти шепотом, задумчиво сказал он, – потому что нередко вижу в глазах собственных родителей.

Тъери медленно повернул голову к другу, и его взгляд, полный горечи, поднял в душе волну нечаянной жалости.

– У всех у нас найдется печальная история, не правда ли? – глядя в бездонные глаза Армана, сказала я, а потом отвернулась.

Дальше ехали молча, я смотрела в окно, в душе искренне надеясь, что Дюваль не так любопытен и не будет копаться в моем прошлом.

Хотя при чем здесь любопытство? Не думаю, что я настолько ему интересна, чтобы ворошить былое.

– Подъезжаем, куда конкретно вам надо? – спросил Тъери.

– Сад Нювель Франс, – уточнил Арман, и я вздрогнула.

Что-то беспокойное шевельнулось в груди. Выходила из машины на дрожащих ногах, вложив ледяные пальцы в руку Армана, помогавшего мне выбраться. Мужчина подозрительно посмотрел на меня, но ни о чем спрашивать не стал. Тъери выудил откуда-то из салона фонари и первым направился в мой самый любимый зеленый уголок в Париже.

Идти совсем не хотелось, я отставала и намеренно замедляла шаг. Внутри все леденело от ужасного предчувствия. Я все больше напрягалась, и мне казалось, что дошла уже до того предела, когда нервы не выдержат. Подойдя к лестнице, я снова замешкалась. Арман обернулся и бережно взял меня за руку:

– Если хочешь, подожди нас здесь.

Его глаза излучали понимание и легкую тревогу. Мужчина сжал мои пальцы, ожидая решения.

– Нет, я не хочу оставаться одна, – прошептала в ответ.

Он кивнул и начал медленно спускаться по ступеням, так и не отпустив мою ладонь. Рядом с Арманом было значительно спокойнее, надежность и мужество, исходящие от него, помогали справляться со страхом.

– Куда дальше? – спросил Тъери, обшаривая лучом фонаря сад.

– Сад Нювель Франс, пруд.

И снова укол в самое сердце. Странное, ползущее, будто змея по спине, подозрение увлекло меня прямо к тому самому месту, где я любила засиживаться, глядя на голубей и водную гладь. Чем ближе я подходила, тем страшнее мне было.

– Куда ты идешь? – спросил Дюваль.

– Не знаю, Арман, – честно ответила я, – но мне кажется... я думаю...

Арман насторожился, крепче сжав мои пальцы, мне пришлось развернуться к нему:

– Это мое любимое место! – громким шепотом, почти срываясь на плач, сказала я ему. – Я бываю здесь раз в неделю, точно. Это мой

приют, понимаешь? Здесь я переживаю все, что мне выпадает, здесь прячусь. У пруда, на скамейке. Всегда в одном и том же месте.

– Ты думаешь?.. – пораженно спросил Арман, но фразу не закончил. Он, как и я, подумал, что это не может быть просто совпадением.

Грудь сдавило, я начала задыхаться и хватать пальцами воздух. Паника. Нет, только не сейчас. Я умела справляться с ней сама, наедине с собой, но не на глазах у посторонних. Горло перехватило, ноги и руки онемели, сердце заколотилось как обезумевшее. Я резко отвернулась, пряча лицо от мужчин. Чуть отошла и коснулась рукой ствола ближайшего дерева, изо всех сил пытаюсь успокоиться и просто дышать.

– Сандрин, – позвал меня Арман и коснулся плеча, – что с тобой?

– Ничего, – отмахнулась я, чувствуя, что еще немного – и задохнусь. – Минутку... дай мне минутку.

Такие приступы случались у меня давно, еще в Марселе, но только уверенная, что полностью избавилась от них, я отправилась в столицу. За последние три дня – это уже второй случай. Дела мои совсем плохи. Я знала, что мне нужно, и твердо решила, как только будет время, отрешусь от всего и утащу Дениз в какой-нибудь клуб, где выпью и постараюсь забыться. Просто дни выдались тяжелые, напряженные. Я толком не отдохнула, не успела разложить все в голове и хоть как-то успокоиться. Слава богу, этот приступ довольно быстро отступил. То ли я действительно хорошо с ними справлялась, то ли присутствие Армана так подействовало.

– Ты можешь не ходить дальше, – приобняв меня за плечи, сказал Дюваль. – Просто скажи, где эта скамейка...

– Нет, – встряхнулась я, ощущая, как наваливается смертельная усталость. Я была разбита как никогда. – Я покажу.

Собирая последние силы в кулак, на ватных ногах я устремилась к своему некогда любимому тайному месту. Никто, совершенно никто, даже Дениз, не знал, что я любила здесь прятаться. К скамейке я буквально подлетела, но, осмотрев все вокруг нее, мы сначала совершенно ничего не обнаружили. Осознав, что машинка не привела меня к новому трупу, я выдохнула и почти расслабилась. Но тут Тьери присел на корточки и посветил фонариком под лавочкой.

– Арман! – позвал он, а потом запустил руку под деревянное сиденье и начал шарить по нему ладонью. – Здесь что-то есть.

Еще мгновение – и мужчины разложили на скамье побагровевший в некоторых местах сверток из плотной бумаги. Прежде чем развязать бечевку, они переглянулись. Получив согласие друга, Тъери достал из кармана куртки складной нож и перерезал веревку, а потом медленно развернул бумагу. Схватившись за плечи Армана, я с опаской из-за его спины взглянула на содержимое свертка и не сразу поняла, что это. Какая-то серебристая ткань в засохших бурых пятнах. Под ней туфли и чулок, один. Я вскрикнула и зажала рот рукой.

– Что это? – шепотом спросил Тъери.

– Это одежда Кароль, в которой она была в ту ночь, когда ее убили, – сиплым голосом ответил Арман.

Глава 11

В тени сирени и отцовской заботы

Ужас сдавил горло, дикий первобытный страх гнал меня вперед. Босые ноги бились о мелкие камни, но я почти не замечала этого. Слезы душили, и очень хотелось кричать и звать на помощь, но тогда монстр услышит, тогда он меня найдет. Где-то неподалеку послышался мерный шум прибоя, я остановилась и выглянула из-за большого камня. Не считая звука накатывающей на скалы воды, вокруг была тишина, пугающая тишина.

От бессилия и пожирающего меня страха я присела на корточки и, зажав рот рукой, завопила, осознавая, что совсем одна. Услышав шорох, я вновь вскочила на ноги и помчалась дальше, не разбирая дороги. Из груди вырывался то ли стон, то ли всхлип. Монстр вот-вот догонит меня. Не видя перед собой дороги из-за пелены слез, я обо что-то споткнулась и повалилась на землю. Больно ударившись, вскрикнула, а потом села и обернулась. Собственный визг застрял в горле. Позади меня лежало тело девушки. Ее глаза были открыты и смотрели прямо на меня, изо рта стекала струйка крови. Девушка была очень красивой, но, бесспорно, мертвой.

– Кароль, – непослушными губами пробормотала я, даже не представляя, откуда знаю ее имя.

Взгляд приковал белый цветок в ее волосах. Я не могла отвести от него глаз, даже показалось, что я уловила его тонкий аромат. Тело будто заморозило ужасом, я не могла пошевелиться и боялась даже дышать. Просто продолжала смотреть на этот цветок у девушки в волосах.

Новый шорох за спиной будто пробудил меня, но мне не хватало сил обернуться. С каждым ударом собственного сердца я словно слышала новый шаг монстра, что неумолимо приближался. Рыдания наконец вырвались на свободу, и, потеряв всякую надежду, я свернулась в клубок, прижавшись к собственным коленям, и закрыла голову руками.

Первое, что я почувствовала, – холод, ледяное дуновение по влажной коже. Я открыла рот в беззвучном крике и приготовилась к

удару. Монстр не знает жалости, а я не жду пощады. Легкий гул достиг моих ушей, и я не выдержала и все-таки обернулась. Неведомо откуда передо мной выросло уродливое и одновременно прекрасное творение Родена. Врата ада в лунном свете выглядели еще более устрашающими. Они будто приближались, давили на меня, и чем ближе они становились, тем отчетливее я видела кровь, стекающую по лицам и рукам, тянущимся из камня.

Я закричала, когда монстр неожиданно набросился на меня и повалил. Прижал запястья к земле и навис надо мной, обездвигив всем своим телом. От него веяло холодом и властью. Я попыталась вырваться, но монстр держал крепко. Я не видела его лица, потому что голова была покрыта глубоким капюшоном, и в ночи мне казалось, что под ним просто черная, пугающая, бездонная дыра. Монстр сорвал с меня одежду, жестко стиснул грудь, и я завизжала во весь голос...

Проснувшись я в ледяном поту, сердце билось как очумелое, а перед глазами стояло лицо несчастной Кароль. То, что с ней случилось, и то, что я оказалась в центре ее трагедии, очень сильно повлияло на меня. Я села на постели и подтянула колени к груди, а потом уткнулась в них носом. Я никак не могла забыть глаза Кароль, глаза прекрасной молодой девушки, у которой вся жизнь была впереди. Когда дрожь в теле немного поутихла, я поднялась на ноги и, накинув халат, вышла на балкон. Ночная мгла приняла меня в свои объятия, укутала черным одеялом, подарила возможно призрачный, но покой.

Я села на стул и закинула ноги на парапет, сделала глубокий вдох, пытаюсь отогнать ночной кошмар. Получалось не очень успешно, потому что события минувшего дня тоже не отпускали.

После того как мы обнаружили вещи Кароль, все было как в тумане. Тьери вызвал полицию и так и оставил сверток на скамейке, стараясь больше к нему не прикасаться. Помню сквозь какой-то белый шум в голове, как Арман диктовал мне, что именно я должна рассказать Гоберу. Как и в первый раз, я должна была солгать о подsunутой под дверь записке.

Глядя на кровавые разводы на серебряном платье Кароль, я могла думать лишь о том, что больше никогда не смогу вернуться в этот сад. Покой и умиротворение этого места были нарушены, и, кроме ужаса, шевелящего волосы на затылке, ничего не осталось.

Я невольно цеплялась за Армана, словно ждала, что он вот-вот скажет, будто все это просто сон и никто не пришел в мой секретный сад и не совершил этот жестокий поступок. Пока ждали полицию, Тьери осмотрел все вокруг и сделал вывод, что Кароль убили не здесь, а значит, вещи просто принесли и оставили для чего-то. Но почему именно здесь?

– Этот вопрос сродни тому, почему машинка попала именно к тебе, Сандрин, – тихо сказал Арман, бережно обнимая меня за плечи.

– Кто-то безжалостно ворвался в мою жизнь, – хватаясь за его куртку, сказала я, – и пытается ее разрушить. Почему, Арман? Почему я оказалась посреди этого кошмара?

– Я не знаю, – прошептал в ответ Дюваль и притянул меня к своей груди, мягко поглаживая ладонью волосы.

Сейчас вспоминать свою слабость было неловко, я впервые прижималась к чьей-то груди, кроме отцовской. С некоторых пор мне пришлось разделить свою жизнь на слабую юность, проведенную в стенах дома в Марселе, и на стойкое взросление в столице. Мне нравилось думать, что в Париж я приехала уже другим человеком. Но оказалось, что душа не все может выдержать, что страхи могут вернуться и навалиться с еще большей силой, вновь погружая меня в прежнее отчаяние.

Глядя в ночное небо, я твердила себе о том, что нужно выбираться из этого состояния. Очень хотелось забыться. Порой, когда тоска или какая-либо боль уже здесь, в Париже, одолевали меня, я брала Дениз и отправлялась в ночной клуб, чтобы послушать дерзкий джаз и от души потанцевать. Возможно, познакомиться с кем-то и приятно провести ночь. Это помогало снять напряжение и словно переродиться, ощутив новый прилив сил. Так и нужно поступить, но только сначала все же увидеться с папой.

Вчера мы добрую половину дня провели в участке, где Гобер придирчиво снова и снова расспрашивал нас обо всех наших действиях за последние три дня. Комиссар не давил открыто, по крайней мере на Дюваля, но и подозрений с него не снимал. Он ворчал, что наши передвижения мешают расследованию и поведение подозреваемого в убийстве и той, кто, собственно, его обвинил изначально, кажется весьма подозрительным. Промариновав нас несколько часов, комиссар сжалился и отпустил выспаться и

отдохнуть. Мне пришлось позвонить папе в Хилтон и перенести нашу встречу на следующий день. Я заверила его, что все в порядке, просто устала и хочу побыть одна.

Так и было. Покинув участок, я отказалась от обеда с Арманом и Тъери, ощущая, что мне просто необходима передышка. Немного отстраниться от этого дела казалось мне полезным для моих не на шутку расшатавшихся нервов. С тех пор я закрылась в своей квартире и ни с кем не разговаривала, кроме разве что одного короткого диалога с Амеди. Он беспокоился, и это было приятно, но его тепла я уже не искала. Правда дело было не только в этом. Я вдруг подумала, что, пока тень чудовищного преступления витает надо мной, неправильно тащить еще кого-то в свою жизнь. Хотя... возможно, это лишь оправдание отказу любовнику в близости. Наверное, мне хотелось казаться лучше, чем я есть на самом деле.

Даже если очень хочется побыть одному, быть одному на самом деле ужасно не хочется. Звучит довольно странно, но это так. Я поднялась и подошла к клетке. Мсье Луи приподнялся на задних лапках и издал тихий писк, словно тоже искал компанию.

– Доброй ночи, мсье Луи, – грустно улыбнулась я, сажая приятеля на ладонь и поглаживая его головку пальцем. – Со всеми этими страстями я совершенно позабыла о вас, но, я надеюсь, вы меня простите.

Вздыхнув, снова присела на стул и подставила лицо легкому дуновению ночной прохлады. Погода стояла изумительная: не жаркая и не холодная. Я вроде и была в эту минуту одна, но одинокой уже себя не чувствовала. Да, мсье Луи не может сказать добрых слов, но само его присутствие делало этот мир лучше. С тех пор как я его купила, не пожалела ни разу. Было в этом чудесном животном что-то уютное, словно в мое отсутствие он вдыхал в квартиру жизнь и тепло, словно сохранял в ней уют, присущий ему самому. Я знала, что крысы долго не живут, и думать о скорой кончине моего компаньона было страшно.

– И что я без вас буду делать? – снова вздохнула я, а мсье Луи словно поняв каждое слово, коснулся носом моей руки. – Кто будет скрашивать мое одиночество? Кто будет греть мои руки?

И зачем я думаю о смерти? Хотя в той ситуации, которая сложилась, думать о чем-либо другом было сложно. Этот кошмар и глаза Кароль во сне впервые за последние годы натолкнули меня на

мысль, что и я могу не пережить это лето. Как странно, вместо страха от этой мысли пришла апатия, безликое отупение и осознание какой-то неотвратимости. В этом оцепенении я встретила рассвет, а потом и позавтракала. Мы с папой договорились встретиться в полдень, чтобы выпить кофе в «Клозери-де-Лиля», а потом прогуляться пешком до Люксембургского сада. Это было своего рода традицией, и сейчас ничего лучше чего-то милого из детства я представить не могла.

Приняла ванну, совершенно не торопясь и подливая горячую воду до тех пор, пока моя кожа совсем не размякла и не превратилась в подобие косточки персика. Неторопливо выкурила сигарету, наслаждаясь утренней суетой уже давно приступившего к своим делам города, а потом озаботилась выбором одежды. Почему-то в моей голове засела мысль, что чем лучше я буду выглядеть, тем спокойнее будет моему отцу, который наверняка за прошедшие сутки не находил себе места от тревоги. Я гордилась тем, что, несмотря на это, папа все же держал свое слово. Знала, чего ему это стоило, и была безмерно благодарна.

Натягивая чулки, вспомнила об Армане и на время выпала из времени и пространства. Ласковое солнце скользнуло по моему лицу, и я зажмурилась, воспроизводя в памяти прекрасное лицо Дюваля. Его строгие черты, пронизательный взгляд, который заставлял дыхание сбиваться, а сердце взволнованно стучать. Я распахнула глаза, чтобы избавиться от навязчивой мысли, которая врывается в голову уже не в первый раз, но лицо Армана все еще упрямо стояло перед глазами. Помимо внешней привлекательности мой новый знакомый обладал невероятной притягательностью. Его движения, походка и даже голос манили меня своей сексуальностью, и я не могла не фантазировать о том, как хорошо бы испробовать на себе все ласки, которые он мог предложить. Контролировать это было практически невозможно. Чтобы отвлечься от его тела, я нарочно вспомнила о словах Дюваля. Он собирался заняться поисками адептов, посещающих дом номер девятнадцать по набережной Бурбон. Арман был уверен, что не только мои связи могут оказаться полезными в нашем расследовании.

Будто очнувшись, я надела самое элегантное платье из всех, что у меня имелись, выбрала украшения, которые на прошлое Рождество подарила мне мама, немного подкрасилась и пристроила на голову шляпку. Взглянув на себя в зеркало, поняла, что справилась. Теплая

ванна и почти незаметный макияж помогли скрыть следы бессонной ночи. Вид у меня был более или менее цветущий. Я насильно улыбнулась своему отражению, будто репетируя, насколько правдоподобно будет выглядеть перед папой моя напускная веселость.

– Что ж, пора успокоить родителя, а заодно и самой понежиться в его заботе.

До знаменитого кафе дошла пешком, неизбежно прокручивая в голове предстоящий разговор. Точнее, я представляла, что скажет отец и что на это буду отвечать я.

«Клозери-де-Ли́ла» в девятнадцатом веке открыл некий Бюлье, который первоначально создал здесь бальный зал, окружив его кустами сирени. И примечателен этот зал был тем, что на балах могли присутствовать все, независимо от звания и состояния. Это привлекало внимание разношерстной публики. Напротив зала когда-то находилась старая почтовая станция дилижансов, последняя при выезде из Парижа по дороге на Орлеан. Бюлье купил ее и открыл кафе. Все это нам когда-то рассказал один из официантов. Однако, несмотря на интересную историю, прославилось «Клозери-де-Ли́ла» только после Всемирной выставки 1900 года. А уже после войны кафе стало одним из тех мест Монпарнаса, которое посещали писатели, поэты и художники.

От шумного проспекта и перекрестка кафе отделяла живая изгородь, при входе я попала в уютный дворик, где гостей встречал распорядитель, который проводил меня к одному из свободных столиков. Я пришла немного раньше, что позволило перевести дух и подготовиться к встрече с отцом.

Бастиан Идо появился буквально через несколько минут, ласково чмокнул меня в макушку и присел напротив. На миг по его лицу скользнуло облегчение, будто он не надеялся застать меня в добром здравии. Я улыбнулась и накрыла его руку своей ладонью.

– Опять кошмары? – тревожно спросил он, тем самым разрушив все мои надежды.

Да, он обрадовался, что я цела и невредима, но не смог не заметить моего состояния. Таким папа был всегда. Очень внимательным, не теряющимся в деталях. Папа всегда умел вывести меня на разговор, которого я пыталась избежать, обходил стороной прямые расспросы и делал все для того, чтобы в процессе беседы я

сама пришла к нужной теме. Но сегодня он решил не затягивать. А возможно, это и был очередной маневр, ведущий к чему-то более серьезному. Я предпочла не разбираться.

– Выглядишь усталой.

– Это всего лишь тревожность, папа, – ласково ответила я, понимая, что лгать в лицо просто нечестно. Отец этого не заслуживал. – Прошу, не волнуйся. Последние дни выдались непростыми. К тому же это я нашла тело, отсюда и сны.

Отец вздрогнул, а я не смогла поднять на него глаза, чтобы не видеть испуга на родном лице. Мы заказали кофе и булочки. От предложенного обеда из изумительных морепродуктов мы отказались, хотя не понаслышке знали, как вкусно готовили повара «Клозери-де-Лила». Как только официант принес наш заказ, я неспешно рассказал отцу все, что смогла, так и не решившись посмотреть ему в лицо. Повествуя о событиях последних нескольких дней, я изучала скатерть, цветущие растения и еще бог знает что. При этом я ловко уклонялась от опасных моментов, умолчав о встрече с Дювалями, о магической машинке и даже об одежде Кароль под моей любимой скамейкой. Рассказ получился сбивчивым и даже немного несуразным. Вряд ли папа поверил всему. Я уверена, он понял, что я недоговариваю. Было стыдно, но мне вполне хватило и реакции на предательство Озанна Лакомба. Отец побагровел и с силой ударил по столу.

– Да как он посмел! Кто дал ему право распоряжаться твоей жизнью?!

Я обернулась на встревоженных папиным взрывом посетителей и вымучено извинилась. Назначая здесь встречу, я тщетно надеялась, что отец будет вынужден держать себя в руках.

– Лакомб не виноват, – сказала, пытаясь потушить вспыхнувший пожар эмоций. На какое-то мгновение сидевшего напротив родителя это обескуражило, и я не смогла не воспользоваться моментом. – Папа, я тоже злюсь, поверь. И мне ужасно обидно, но мсье Лакомб был вынужден, и ты бы видел его. Он был на грани того, чтобы пустить себе пулю в лоб! Ты же знаешь, что бывают обстоятельства, от нас не зависящие, и условия вынуждают совершать то, чего нам вовсе не хочется!

Папа проглотил слова, которые хотел произнести, несколько раз сжал и разжал внушительные кулаки, а потом нервным движением

ослабил галстук.

– Угрожали расправиться с семьей, – продолжила я. – Моя боль не становится от этого меньше, но и понять я его могу. Ты же знаешь, что папаша поздно женился, его дети еще маленькие, он не мог...

– Я понимаю, – вновь не сдержавшись, рявкнул папа. – Но оправдать его не могу! Я отец, такой же, как и он, Сандрин! И этот человек... человек, которому мы всецело доверяли, подставил мою дочь под удар! Мощный удар, Сандрин! Как ты не понимаешь? Если ты каким-то чудом выберешься из этого, твоя жизнь в Париже закончится! Но это мало меня волнует, а для тебя очень и очень важно, я знаю! Твое сердце рвалось сюда с тех самых пор как... с тех пор...

В одно мгновение лицо отца переменилось. Его исказили страдания, от которых сжалось мое сердце. Я вновь потянулась к его руке и легким пожатием вынудила поднять на меня глаза:

– Я оставила это в Марселе, папа. Я перевернула страницу, и моя жизнь здесь действительно очень много для меня значит. Я правда смогла построить новую жизнь, смогла если не забыть, то хотя бы смириться и научиться не оглядываться, а смотреть в будущее.

Папа мотнул головой, словно стряхивая все, что причиняло боль, и заставил себя улыбнуться мне в ответ.

– Я хотел сказать, что для меня важна лишь твоя безопасность, а для тебя еще и будущее в Париже. Мне даже представить страшно, чем для тебя обернется эта статья!

– Все не так плохо, – как можно бодрее ответила я и даже выпрямилась, расправляя плечи. – Ты же видел, Арман не держит на меня зла. Он понимает, что произошло, и помогает мне во всем разобраться.

– Это меня тоже пугает, Сандрин, – серьезно глядя мне в глаза, сказал отец. – С чего бы это молодому Дювалю объединяться с тобой? Зачем ты ему нужна? Как-то это все подозрительно.

– Так сложилось. Я поставила его перед фактом, что буду разбираться сама в том, что произошло на самом деле. Ему ничего не оставалось, как присоединиться. В конце концов, это о его репутации идет речь. – На миг я задумалась и пробормотала сквозь зубы для самой себя: – Хотя о своей репутации он не очень-то и печется.

Некоторое время мы просто смотрели друг другу в глаза, и я заметила, как папа что-то обдумывал, но мыслями своими со мной не

поделился. Выспрашивать и настаивать не стала, как и он, я старалась просто доверять.

– Я предполагаю, что именно ты мог слышать о Дювалях, но Арман не похож на других членов своей семьи. Он и живет отдельно. Мы нашли общий язык, но, даже несмотря на это, я все равно осторожна, папа. Я помню все, чему ты меня учил.

– Твои слова меня ничуть не успокаивают...

– Я понимаю, но подумай о влиянии его семьи. И о том, как мне поможет это знакомство. Кто лучше уберет меня от Дювалей, как не один из них? Поверь, рядом с Арманом я в безопасности.

– Почему ты так веришь ему? Почему ты уверена, что он не убивал эту несчастную девушку? – строго спросил отец.

– Я не знаю, объяснить не смогу...

– И после этого ты предлагаешь мне слепо довериться? – нахмурился он.

– Я прошу, – с мольбой в голосе ответила я.

– Ты понимаешь, что будет, если с тобой что-то случится?

– Прячься в Марселе, я не решу проблему! Ты же сам меня учил поворачиваться к трудностям лицом! Говорил, что бегство – это не выход, что, как бы ни было трудно, нужно бороться!

Каждое мое слово заставляло папины плечи опускаться все ниже. Он помнил свои слова, и теперь они повернулись против его желаний и стремления защитить меня.

– Оружие у тебя с собой? – будто смирившись, спросил он.

– Всегда, – кивнула я облегченно и указала на сумочку.

– Тренировалась давно?

– Давненько, если честно, но рука моя тверда, – заверила я его, после чего предложила прогуляться, чтобы немного проветриться и сменить направление разговора.

Мы шли мимо фонтана четырех частей света по направлению к Люксембургскому саду и говорили о расследовании, о том, что удалось выяснить и что еще предстояло узнать. Папа предупреждал об опасности фанатизма, который присущ спиритуалистам, и без конца твердил о здравом смысле и осмотрительности. Невзирая на боль и страх за меня, он тоже понимал, что мне не выпутаться из этого, не разгадав загадку убийства Кароль Пети.

– У тебя живой ум, и ты отменно им пользуешься. Еще есть смекалка и выдержка. К опасности тебе не привыкать, – как-то обреченно подытожил отец, когда мы присели на скамейку. – Это немного успокаивает меня, но не избавляет от жгучего страха и непреодолимого желания увезти тебя домой.

– Рада, что ты смог меня понять, – прошептала я, положив голову на его плечо, – и отпустить.

– Мама не поймет, – вздохнул он.

– Тогда скажи ей, что все улажено. – Просить отца лгать маме было неприятно, но так лучше, чем видеть ее терзания. – Когда ты возвращаешься в Марсель?

– Не знаю, – уклончиво ответил он, будто что-то скрывал. И вновь я предпочла этого не заметить. – У меня есть еще дела в Париже.

Еще пару часов мы бродили по саду, и я увлеченно расспрашивала отца о новостях в бизнесе, о друзьях и соседях. Это немного подняло мое настроение и, вернувшись домой, я позвонила Дениз, чтобы договориться о встрече в клубе. Мне нужно было расслабиться.

Глава 12

Новая встреча с «Забвением»

Во время разговора с подругой отчего-то машинально назвала местом встречи клуб «Под Сводом Забвения», а не то заведение, в котором мы бывали чаще всего. По пути домой я размышляла о том, что не очень хотела оказаться среди большого скопления народа, там, где меня многие знали. Пока не решится вопрос с Дювалями, хотелось избежать расспросов, порицания или сочувствия. В «Забвении» меня никто не знал, если не считать хозяина. Так я аргументировала и Дениз свой выбор. Подруга согласилась сразу, поскольку тоже давно хотела туда заглянуть. Мы сговорились встретиться пораньше, потому что очень хотелось успеть занять столик, прежде чем клуб заполнится до отказа.

Времени было достаточно, поэтому я заставила себя выбросить печальные мысли из головы и приготовила легкий ужин. Спасибо мадам Броссар, которая не забывала обо мне и не только прибирала в квартире, но и заполняла холодильник свежими продуктами. Готовила я очень редко и только самые простые блюда. Дело не в том, что я не умела, просто не любила. Для себя одной готовить скучно, а принимать пищу в гордом одиночестве уныло. Поскольку в мои планы сегодня входило хорошенько повеселиться, что само по себе подразумевало алкоголь, подкрепиться было просто необходимо. И именно всего лишь подкрепиться, чтобы отяжелевший желудок не мешал танцевать.

Я обожала танцы и провокационные звуки джаза. Никогда не смогу забыть, как два года назад посетила кабаре «Фоли Бержер» и увидела дебютное выступление несравненной Жозефины Бейкер, чей голос сейчас слушала по радио. Дерзкая, заводная афроамериканка выступала лишь в одной набедренной повязке, сделанной из бананов. Это было настолько экзотично, что зал ревел от восторга. Поговаривают, будто Жозефина перед выступлением несколько часов продержала ведро с кусочками льда возле груди, чтобы ее формы не разочаровали зрителей. Услышав эту байку впервые, я восхищалась и ужасалась одновременно. Теперь Жозефина стала звездой «Фоли

Бержер», и, когда у нас с Дениз было желание, мы отправлялись в кабаре, чтобы посмотреть на полуобнаженную танцовщицу и послушать ее дивный голос.

Я прислушалась к мелодии, а потом и к словам песни «У меня две любви – моя страна и Париж». На миг прикрыла глаза, наслаждаясь чудесными звуками, а потом приступила к выбору платья. Сегодня мне хотелось быть яркой, игривой и свободной. Свободной от проблем и страхов. Я остановилась на коротком платье бледного серо-зеленого цвета без рукавов, с глубоким декольте и открытой спиной. Вырез сзади был таким же провокационным, как и впереди, и спускался почти до самой талии. Колени прикрывала только черная бахрома, которая никак не стесняла движений. Само платье было изысканно расшито стеклярусом и бисером, на лифе, прямо между грудей, красовалась вышивка, напоминающая брошь, от которой вверх и вниз расходились плавные волны бисера.

Я аккуратно уложила волосы и закрепила их шпильками, а потом приладила ленту того же цвета и с теми же узорами, что и платье. Справа красовалось страусиное перо. К этому наряду у меня имелись и парчовые туфли на ремешках от самого Андре Перуджа, которые я заказала специально для комплекта. Весь туалет обошелся довольно дорого, но, глядя на себя в зеркало, поняла, что затраты стоили того. Добавив браслеты и серьги, сложила в сумочку портсигар, зажигалку и револьвер. До той самой ночи я не носила оружие с собой постоянно, но теперь не чувствовала себя в безопасности без него или без Армана. Подумав о Дювале, поймала себя на том, что мечтательно улыбаюсь. Фыркнула своему отражению и повесила на руку легкое манто, отороченное мехом по краям.

В клуб мы вошли как раз вовремя, он еще не был заполнен. Выбрали столик и тут же заказали выпить. Дениз надевала платье исключительно на вечеринки, поэтому меня не удивило ее не менее фееричное появление. Опустошив первый бокал, я тут же заказала еще, но торопилась я только для того, чтобы перестать обращать внимание на тесноту «подземелья».

– Как ты? – спросила подруга, пока музыканты играли медленную мелодию, позволяя гостям беседовать.

– Сложно сказать. – Я пожала плечами, разглядывая клуб уже совсем другими глазами.

Он больше не казался казематом с давящими стенами и опускающимся на плечи потолком. Было что-то в этом месте мистическое, таинственное и оттого притягательное. Вновь в памяти мелькнуло лицо Армана. Ну да, таинственное и притягательное, совсем как мой новый соратник. Тряхнула головой, отгоняя непрошенные мысли.

– Если можно, давай не будем говорить о моих проблемах. Я пришла сюда, чтобы расслабиться.

– Конечно, – тут же согласилась Дениз, – прости! Все, никаких проблем! Только веселье!

Подруга широко улыбнулась и устремила взгляд серых глаза на постепенно собиравшуюся публику. Этот взгляд я хорошо знала – подруга искала жертву. Я усмехнулась собственному выбору слов. Но это действительно так. Дениз была очень решительной девушкой и почти всегда сама выбирала мужчину на вечер, да и на ночь, если все складывалось удачно. Устоять перед ее строгой сексуальностью не мог почти никто, по крайней мере, я таких не встречала. В отличие от меня подруга не проводила две и более ночи с одним мужчиной, и даже такие отношения, как у нас с Амеди, ее не интересовали. Она считала, что постельных ласк ей достаточно, а со всем остальным, что прежде было принято считать мужскими занятиями, она могла справиться сама.

Дениз говорила, что до войны была совсем другой; более приветливой, доверчивой и жизнерадостной, а после остался цинизм и холодный расчет. Я не очень-то в это верила, зная о том, насколько она отзывчивая, но, если близкому человеку так было проще, предпочитала не спорить. Война никого не пощадила, оставив рубцы на телах и душах. Я любила подругу за молчаливую преданность и готовность протянуть руку помощи, а еще за ее шутки, даже те, что ниже пупка.

Зал постепенно набивался любителями джаза, но в скором времени поток гостей иссяк. Скорее всего, охрана впускала лишь ограниченное количество, чтобы мы здесь не чувствовали себя как сардины в бочке. Выпив уже третий коктейль, я ощутила, как мышцы расслабляются, но в голове пока было светло. Обычно мне много не надо, чтобы ощутить влияние алкоголя, но напряженность последних дней и страхи, о которых я предпочитала не думать, все равно не

оставляли окончательно. Словно подсознательно я ждала беды из-за каждого угла и боялась отпустить себя.

Но все изменилось, когда неизвестный мне коллектив перешел к быстрым мелодиям. Я осмотрела незнакомую малочисленную публику, изучила мужские лица, размышляя о том, как пройдет ночь. Танцевать здесь не спешили, наслаждаясь выпивкой и компанией.

Чья-то рука легла на мое плечо.

– Мисс Пэг, – произнес хозяин заведения, когда я повернулась к нему. – Не ждал вас снова.

– Ну как же, мсье Обен, разве не вы говорили, что мне стоит прийти сюда вечером, чтобы избавиться от неприятных ощущений? – улыбнулась я. – Я так и сделала.

– Вам нравится? – спросил Обен, и прозвучало это так, словно я собираюсь писать рецензию о его клубе.

Я приподняла брови, и мужчина рассмеялся, догадавшись о ходе моих мыслей. Смех у него был очень заразительным, да и вообще, сейчас он выглядел веселее и даже моложе, чем в тот день, когда мы познакомились. Я достала сигарету, а мсье Обен услужливо поднес горящую спичку, игриво заглядывая в мои глаза. Я буквально почувствовала, как его взгляд скользнул по обнаженной коже и устремился в декольте.

– У вас совсем не танцуют? Мы зря выбрали это место, чтобы хорошенько повеселиться? – отвлекла я его вопросом.

Мужчина хмыкнул и нехотя оторвался от моего платья и, скорее всего, от фантазий о том, что скрывалось под ним:

– В основном сюда приходят послушать новые коллективы, но танцы не возбраняются и даже приветствуются. Места немного, но пока еще ни разу из-за этого не возникло проблем.

– Ваши гости привыкли, – присоединилась к беседе Дениз.

– О! Прошу прощения, – улыбнулась я, – я вас не представила. Мсье Обен – это моя подруга мадемуазель Дениз Бош. Дениз – это владелец клуба мсье Джозеф Обен.

Подруга протянула руку и придирчиво изучила мужчину, отмечая для себя его приятную внешность и обаяние. Мсье Обен прекрасно понял этот ее взгляд и тут же потерял ко мне всякий интерес.

– Очень приятно, – сказал он и коснулся губами ее руки.

Дениз хмыкнула и мягко выдернула свои пальцы из его ладони. Одна из пар решительно двинулась в центр зала, а те, кто стоял у сцены, посторонились, чтобы предоставить больше места для движений. Внутри у меня что-то всколыхнулось, предвкушая начинающийся праздник, я ощутила приятное нетерпение. Мсье Обен пригласил Дениз, и веселье началось.

Первая пара часов пронеслась стремительно, мы пили, танцевали до головокружения и смеялись. Смеялись громко и безудержно. К нашему столику подходили мужчины и женщины, и вскоре мне показалось, что в клубе не осталось ни души, с которой бы я не познакомилась. Мы с Дениз оценили тесноту, позволяющую свободно общаться в довольно узком кругу тех, кто успел попасть сюда вовремя. Обен рассказал, что «Забвение» пользуется небывалой популярностью, но, к сожалению, вместить всех желающих невозможно. Большинство относились с пониманием, но встречались и те, кто уже успел выпить где-то в другом месте и устраивал скандал, пытаясь проникнуть внутрь, когда зал уже заполнен.

Джаз – яркий, заразительный и азартный, заставлял сердце колотиться и рваться наружу от счастья и ощущения свободы и вседозволенности. Быстрые движения, модные танцы и потрясающие голоса. За все это время я ни разу не вспомнила о машинке, убийстве, несчастной Кароль и странностях Дювалей.

В одно мгновение, когда алкоголь уже выполнил свою задачу и сделал меня развязнее, мне показалось, что я увидела в толпе знакомое лицо. На миг застыв, я моргнула, но пришла к выводу, что просто померещилось. Танцевала я все медленнее, ощущая усталость и легкую дрожь в ногах. На какое-то время решила отдохнуть от друзей и присела за столик, чтобы перевести дух. Наблюдать за танцующей Дениз было приятно. Схватив кого-то проходящего мимо за руку, я притянула его наручные часы к глазам, стрелки показывали четверть третьего. Отпустив мужчину, я махнула ему рукой, чтобы шел дальше, но он и не подумал:

– А может, ты и со мной потанцуешь?

Бархатный голос скользнул по гладкой коже шеи и вызвал приятные мурашки по всему телу. Я вновь прикрыла глаза, не желая, чтобы наваждение проходило. Повела обнаженными плечами, будто напрашиваясь на прикосновение, и шумно выдохнула, когда теплые

пальцы дотронулись до спины. Мягкими плавными движениями они спустились к талии и скользнули по кромке платья. Дыхание участилось, я невольно коснулась шеи и немного выгнулась, ощущая, как тело задрожало.

Как только мужчина убрал руку, я возмущенно обернулась и столкнулась лицом к лицу с Арманом, который приподнял брови и усмехнулся.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, пытаюсь унять проснувшееся возбуждение.

– Пришел проведать тебя, – ответил Дюваль. – Тъери сказал, что ты уже достаточно выпила, поэтому я решил без приключений доставить тебя домой.

Ага, значит, знакомое лицо не померещилось! Друг Армана действительно здесь, и, похоже, ради меня.

– Ты что – следишь за мной? – решила я возмутиться.

Поскольку не до конца осознавала, как именно относиться к его выходкам, это и злило, и будоражило одновременно.

– В таком состоянии ты легкая добыча, Сандрин, – проговорил он мне прямо в ухо, потому что музыка не позволяла нормально разговаривать, не повышая голоса до крика.

А я вновь заблудилась в собственных чувствах. Меня неудержимо тянуло к Арману, и я едва-едва держалась, чтобы не прижаться к нему и не поцеловать. В этот миг, кроме его губ, уже ничего не видела. Я и трезвая теряла голову от его близости, а уж после стольких коктейлей могла и вовсе не устоять.

– Не для тебя, – улыбнулась я и отстранилась на, как я считала, безопасное расстояние. Для убедительности даже уперлась ладонью в его грудь, чтобы и он отдалился.

Я вовсе не хотела этого делать, но где-то в голове настойчиво маячила мысль, что лучше не стоит с ним сближаться настолько. Впереди непростое расследование, и неизвестно, кто из нас сможет выбраться из-под руин, когда оно закончится. Я даже отвернулась и закусил губу, чтобы не выдать собственного сожаления. Послышался чудесный смех Дюваля. Арман обошел меня и сел на соседний стул.

– И чем же я плох? – продолжал ухмыляться он, даже не пытаюсь скрывать сексуального интереса ко мне.

– О нет! Ты хорош! И очень даже! – ощущая, как тело горит под его пылким взглядом, ответила я. – В этом-то и дело!

Объяснить было очень сложно, и соблазн действительно велик. Впервые я встретила человека, которого не просто желала телом, но который интересовал меня настолько, что появлялись неуверенность и страх. А что, если наутро я не смогу его отпустить, если мне будет больно расставаться, если это принесет страдания? Я так привыкла к своему уютному одиночеству, к независимости. Независимости прежде всего от мужчин и от чувств к ним. Привязанность пугала меня до дрожи.

Арман расспрашивать не стал, просто бросил на меня еще один хитрый взгляд и сделал знак бармену. Реакция со стороны персонала была молниеносной. Официантка тут же принесла двойной виски безо льда. Дюваль повертел бокал в руке, а потом осушил одним большим глотком. Находиться рядом с ним в такой обстановке становилось все тяжелее. Алкоголь и богатая фантазия все красочнее рисовали мне жаркие сцены, настолько реалистичные, что усидеть на месте оказалось просто невозможно. Я подскочила со стула и, провожаемая насмешливым взглядом Армана, врезалась в толпу танцующих.

Весь тот огонь, что поселил в груди Дюваль, я пыталась выпустить на танцполе, но зажигательные танцы нисколько этому не способствовали. Ни о чем и ни о ком, кроме Армана, я думать уже не могла. Спустя еще полчаса и пару коктейлей ему надоело наблюдать за мной. Он вновь сделал знак рукой, и ревущие ритмичные темпы сменились страстной мелодичностью, а нежный голос певицы забрался под кожу, распаяя меня еще больше. Не спрашивая, не предлагая, Арман увлек меня в танец, снова вызывая дрожь по телу и трепет на душе.

Удивительный мужчина смотрел в глаза, позволяя мне тонуть и таять в его объятиях. Я смогла прочувствовать каждое прикосновение, едва ощутимое касание к обнаженной коже на плечах и спине. В один момент, прижав меня чуть плотнее, Арман скользнул носом по шее и зарылся им в волосах, шумно втягивая мой запах. Тело тут же вспыхнуло, реагируя на это почти животное действие. Я откинула голову и сладко застонала, звук утонул в переливах саксофона. Это было потрясающе. Кровь бурлила, когда почти невесомое дыхание Дюваля опаляло кожу. Страсть захлестнула нас обоих. Я вновь

скользнула взглядом по его губам, и, правильно расценив мое желание, Арман притянул меня к себе и поцеловал.

Я много раз целовалась в своей жизни, знала нежные, робкие, страстные и похотливые поцелуи, даже граничащие с грязными, но таких, как подарил мне Дюваль, у меня еще не было. Его губы буквально поработили мои, будто давали понять, что, кроме него, никто и никогда больше не будет меня целовать. Настойчивый язык проник внутрь и словно сердца коснулся, я ощутила, как оно задрожало от счастья. Сладкий, вкусный поцелуй показался мне слишком коротким, и я не смогла этого скрыть, когда Арман отстранился. Он провел большим пальцем по моей верхней губе и прохрипел:

– Уходим.

Я и не думала возражать, наплевав на все страхи и неуверенность. Знала лишь, что тело горело, что все мои клеточки тянулись к Арману, что если я не подчинюсь, то испытаю гораздо большую боль, чем от разлуки. Притяжение оказалось сильнее меня.

– Но... Дениз... – вспомнила я о подруге.

– Обен позаботится о ней, не волнуйся, – последовал ответ.

Пути домой я даже не заметила, потому как, снова завладев моими губами в такси, Дюваль целовал меня всю дорогу. На миг почувствовала себя подростком, в котором так неудержимо бушуют гормоны и так неумолимо вспыхивают страсти.

Уже в моей квартире на бульваре Монпарнас, едва успев захлопнуть дверь, Арман прижал меня к стене и обрушился с новой силой. Горячие поцелуи спустились к шее, а потом и к груди. Мужчина стискивал руками мои бедра и медленно поднимал платье к талии. Ощущая жгучее нетерпение, я скинула пиджак с его плеч, потом жилет и принялась за рубашку.

Запах Дюваля сводил с ума, усиливал мое опьянение, кружил голову, дурманил. Его сильное гибкое тело влекло меня, а дразнящие руки снимали все запреты.

В какой-то момент Арман остановился, выдохнул, словно сам себя удерживая, и вернулся к моему телу с совершенно другим настроем. Теперь его страсть была не такой яростной, она стала томительной, словно он готовил меня к чему-то или готовился сам. Я не спорила, не

возражала, полностью отдавшись его воле. Повиноваться такому любовнику, как Дюваль, было необычно, но правильно.

Медленно, невыносимо медленно, Арман спустил лямки моего платья и огненными пальцами потянул их вниз. Соскользнув с кистей рук, шелк упал к ногам, и я задохнулась новой волной возбуждения. На мне остались лишь чулки, кружевной пояс и коротенькие шелковые панталоны.

Неистовые ласки продолжились, Арман, как и в моих мечтах, оказался смелым и очень раскованным любовником, знающим, чего хочет сам и как порадовать женщину. Он не скупился на поцелуи и прикосновения, которые вновь и вновь заставляли меня изгибаться и стонать. Я зарывалась руками в волосы Дюваля, когда он влажными губами выкладывал дорожку от уха и до пупка. Мое тело звенело и дрожало от удовольствия, от желания, чтобы эта ночь не заканчивалась. Утопая в феерии чувств, я потянула Армана к кровати, а потом позволила ему подарить мне самые незабываемые минуты в жизни.

– Это было... неожиданно, – выговорила я, лежа головой на его животе.

К Парижу медленно подкрадывался рассвет, а я молила, чтобы он не торопился.

– И не только для тебя, – тихо рассмеялся Арман. – Я приехал в «Забвение» с совершенно другими намерениями, но, увидев тебя такую... красивую, разгоряченную, не смог устоять.

– Не смог не воспользоваться моим состоянием? – насмешливо спросила я, разворачиваясь на живот и позволяя ему любоваться моими изгибами вдоволь.

Дюваль погладил подушечками пальцев мою спину, скользнул к пояснице, потом ниже. Я закусила губу и прикрыла глаза, наслаждаясь легкими касаниями. Близость, что случилась между нами, выветрила алкоголь и подарила потрясающие ощущения, а потом и эмоции. Я чувствовала себя растерянной и ошеломленной. Арман, его страстность, его темперамент идеально мне подходили, и я откуда-то знала, что он тоже это понял.

– Не смог, – задумчиво сказал он. – Только потому, что ты прекрасно понимала, что делаешь. Если бы нет, я бы к тебе не прикоснулся.

Я вопросительно вскинула брови и чуть склонила голову, заинтересованная его словами.

– Если бы я не был уверен, что ты тоже этого хочешь, – улыбаясь, пояснил он, – и не только когда пьяна, этой ночью ничего не случилось бы.

– То есть ты был уверен, что это все не просто проделки алкоголя? – Я села, завернувшись в простыню и внимательно изучая его лицо.

– Конечно!

– И как же ты это понял? – делано возмущенно спросила я.

Дюваль расхохотался и поднялся на ноги, совершенно не смущаясь собственной наготы. Он вышел на балкон и закурил, а я не могла отвести глаз от великолепного тела, тонувшего в лучах желто-красного восхода. На миг даже дышать перестала, залюбовавшись поразительным зрелищем. Что-то дрогнуло внутри, и страх разлуки вернулся, сдавив сердце ледяной рукой.

Арман глубоко вдохнул, а потом развернулся ко мне, присев на ограждение:

– Я видел, как ты смотришь на меня, слышал, как вздыхаешь, чувствовал, как тянешься ко мне, будто тебя влечет необъяснимой силой!

Он затянулся и медленно выпустил дым, сложив еще припухшие от поцелуев губы трубочкой. Ничего более эротичного я в жизни не видела. Затолкав свои страхи поглубже, тоже поднялась, оставив простыню на кровати, и подошла к нему ближе. Глядя в глаза, забрала сигарету из его пальцев и втянула ароматный дым, приковывая к себе взгляд Дюваля намертво. Он сглотнул и положил теплые ладони мне на бедра, а потом потянул, придвигая меня еще ближе.

– Это всего лишь зов тела, Арман, – как можно легкомысленнее сказала я, чтобы, не дай бог, он не подумал, что я увлеклась им. – И все эти сигналы были лишь ответом на твои.

Дюваль пристально взгляделся в мое лицо, выискивая следы лжи, но врать я умела, поэтому раскусить меня ему не удалось. По крайней мере, я на это надеялась. Не могла сказать точно, зачем эта ложь нужна была на самом деле, скорее всего, чтобы предупредить боль, которую, бесспорно, мог причинить мне этот мужчина. Уже сейчас, стоя на собственном балконе и позволяя ему гладить мое обнаженное тело,

я понимала, что пропала. Понимала, что хочу избавиться от него и одновременно хочу, чтобы он никогда не уходил.

Арман такой же, как и я, он не привык привязывать себя к кому-то, и мне ужасно не хотелось давать ему возможность напомнить мне об этом. Такого унижения я бы не вынесла. Уже очень давно я не чувствовала себя настолько уязвимой.

После моих слов между нами даже воздух переменялся, показалось, что стало прохладнее, хотя лицо Дюваля оставалось прежним. Только в глазах появилось что-то колючее. Или мне почудилось?

– Кофе будешь? – спросила я, отдавая ему сигарету.

– Да, – улыбнулся Дюваль. – Кофе был бы как раз кстати.

Успела сделать всего несколько шагов по направлению к кухне, когда мое тело содрогнулось, и я ощутила боль не сравнимую ни с чем другим. Адское пламя опалило кожу, проникло в кровь и понеслось по венам. Я не смогла даже закричать. Схватила за штору и, падая сорвала ее с петель.

Глава 13

Расплата за близость

– Сандрин! – как в тумане прозвучал голос Армана.

Я почувствовала его руки, которые с легкостью подняли меня и понесли куда-то.

Тело будто плавилось, а я только хрипела не в силах даже застонать.

– Дьявол тебя подери, мама! – разобрала я проклятия Дюваля.

Сквозь огненную пелену в глазах увидела, как Арман быстро натягивает брюки, а потом вновь кидается ко мне. Он сел близко-близко, обхватил мою голову руками и положил ее к себе на колени.

– Потерпи, сейчас все пройдет... – бормотал он. – Я здесь, я рядом. Сейчас все пройдет. Дьявол, я же обещал... прости...

Я почувствовала толчок, несмелый такой, робкий, а потом еще один. Все вокруг озарилось легким сиянием. Каким-то бледно-голубым, неестественным, но прекрасным. Толчки были похожи на что-то освежающее и бодрящее, но никак не способное пробиться сквозь каменную стену.

– Давай же... – сквозь зубы бормотал Дюваль, а потом с силой шумно вдохнул.

Я как замороженная смотрела, как переливаются его вздувшиеся вены, как напрягаются мышцы, а сияние все плотнее окружает нас. Арман начал что-то бормотать на незнакомом мне языке, а я все так же не могла пошевелиться.

– Мама, отступи! – рявкнул он и еще больше напрягся.

В этот момент попытка усилилась, и вот тогда я выгнулась от боли и схватилась пальцами за плечи Дюваля. Ощущала всю силу, с которой ногти впились в его кожу, теплая кровь потекла по пальцам. Арман лишь стиснул зубы и усилил напор. Преграда рухнула, и живительная энергия хлынула в меня, вытесняя страдания. Я вдохнула и упала на кровать с колен Армана. Он дышал громко, часто, голова его поникла, а по голым плечам из маленьких ранок сочилась кровь.

Я свернулась, подтягивая колени к груди. От наполненности чужой жизненной силой тело звенело, в голове появился неприятный

гул.

– Хватит, – сипло сказала я. – Что бы ты ни делал, прекрати.

Арман завернул меня в простыню и обнял, накрывая своим телом. Его была мелкая дрожь.

– Прости, – простонал он мне прямо в ухо. – Я знаю, что обещал...

– За что она так со мной? – Ощувив, что мне значительно легче, я развернулась к нему лицом и заглянула в глаза.

– Она... она считает тебя угрозой, – сказал он, касаясь своим лбом моего и обхватывая ладонями лицо. – Как ты? Тебе лучше?

В этом вопросе прозвучало столько сожаления, столько раскаяния, что я заставила себя улыбнуться и кивнуть.

– Ощущения странные, будто я – это не я, но в целом нормально...

Арман прикрыл глаза и облегченно выдохнул, на несколько секунд задержался у моего лица, а потом нежно поцеловал в губы и встал с кровати.

– Я не должен был забывать, что они следят за каждым твоим шагом. Я... потерял голову, прости...

Так и не надев белья под брюки, Дюваль продолжил одеваться. Его движения были быстрыми, нервными, а лицо искажала злость, и я не до конца понимала, на кого именно он злился сильнее. Я же ощущала себя будто оглушенной, немного потерянной и до конца не пришедшей в себя. Внутри распространялась пустота. Нет... не так, опустошение. Казалось, будто из меня все соки выжали, и я не в силах даже думать о том, что случилось. Головой понимала – это было страшно и даже жутко, а вот прочувствовать всецело не могла. Наверное, это к лучшему. Подсознательно догадывалась, отчего чувствовала себя именно так.

Вернув себе прежний более или менее спокойный вид, Арман снова присел на кровать:

– Сейчас ты уснешь и во время сна полностью восстановишься. Морально и физически. Твое тело наполнится силами, а разум избавится от страха перед тем, что произошло. Это моя вина, Сандрин. И за мою беспечность пришлось расплатиться тебе.

– И кому еще... из твоих любовниц повезло так же, как и мне? – попыталась я пошутить.

Арман лишь скривился, отвечать не посчитал нужным. Коснулся пальцем лица и стремительно покинул мою квартиру. Спустя короткое мгновение мои веки отяжелели, и я провалилась в глубокий и очень странный сон.

Я неслась куда-то, подобно вьюге, сердце горело огнем праведного гнева. Боль, отчаяние и неукротимое чувство вины выжигали на душе горестные узоры. Ничего перед собой не видела, только переполнялась чувствами все больше и больше.

В какой-то момент меня куда-то выбросило, и я будто прозрела. Знакомые стены вновь надавили и заставили внутренне сжаться в комок. Я услышала голоса:

– Ты же знаешь, что это кончится скандалом, мама, – лениво проговорил Патрис Дюваль, который сидел все на том же диване в музее аббатства Клюни.

– И что? По-твоему, я должна оставаться в стороне, когда мой сын творит несусветную глупость? – холодно ответила Жаклин.

Ее голос прозвучал так, будто ледышкой проскрипел по стеклу. Теперь я хорошо видела обоих, но они не видели меня. Станный какой-то сон.

– Не думаю, что тебе следовало вмешиваться именно так, мама, – все так же безэмоционально ответил Патрис.

Двери с грохотом распахнулись, и в зал влетел разъяренный Арман.

– Мама! – рявкнул он.

Жаклин Дюваль выгнула тонкую бровь и холодно выставила руку вперед, задерживая сына на полушаге:

– Прежде чем ты накинешься на меня с обвинениями, Арман, имей в виду, что я не сожалею!

Я еще не до конца осознавала, о чем именно шла речь, но внутри все похолодело от предчувствия. Арман остановился, с трудом выдохнул и сверкнул на мать глазами.

– Ты не должна была этого делать! Ты могла убить ее!

– Я с самого начала говорила, что тебе рядом с ней не место, Арман! Неужели ты не видишь, что она опасна? – искренне удивилась Жаклин. – Ты совсем ослеп, мой мальчик? Я никогда не лезла в твои постельные рандеву. Ты молод и красив. Это неудивительно, что

женщины сами вешаются тебе на шею, но я никогда не считала тебя глупцом!

Жаклин все больше распалась, медленно приближаясь к сыну. Ее гнев прошелся морозом по моей коже. Ее напряженное тело стало похожим на струну, которая угрожала вот-вот лопнуть и причинить вред всем, кто оказался поблизости. Мадам Дюваль подошла к младшему сыну и заглянула прямо в глаза.

– Ты всегда спал с кем хотел, и я не возражала, но, когда твои развлечения касаются всей семьи, я молчать не стану! Ты соображаешь, что творишь?

– Моя личная жизнь никак не касается семьи! – Без капли смирения или испуга Арман смотрел матери в глаза.

Жаклин стиснула зубы и медленно сжала кулаки. Как мне показалось, она пыталась справиться с новым приступом гнева. Никогда в жизни я еще не видела настолько реалистичного сна. Я была словно в коконе: не испытывала страха, беспокойства или еще чего-то похожего. Просто наблюдала. Только мороз время от времени пробежал по позвоночнику.

– Даже так? – вновь вскинула бровь его мать. – Память короткая, сынок?

– Мама, не стоит... – чуть приподнявшись, предупредил Патрис.

– Я не буду упрекать, дорогой, только напомню, – сказала Жаклин старшему сыну, а потом вновь повернулась к младшему.

Лицо Армана застыло, вид у него сделался такой, будто он готов принять заслуженные побои.

– В прошлый раз твое увлечение закончилось тем, что мы покинули дом, Арман! – спокойным, но продирающим до костей голосом сказала она. – Ты не слушал меня, когда я говорила, что ты не совсем здоров, сынок, и чем это обернулось? Твоя сила двулика – это феномен, и он опасен, Арман! Опасен для всех нас! Твоя боль, и твой гнев, и даже радость отражаются на всей семье! Время прошло, и ты успокоился, все улеглось, я понимаю. Но призываю быть благоразумным! Эта журналистка опасна для нас!

– Если ты так считаешь, это вовсе не означает, что нужно измываться над ней! Она еще ничего не сделала...

– Не сделала? – взвизгнула Жаклин, наконец теряя видимый контроль. – Она назвала тебя убийцей! Она журналистка, Арман!

Нет гадже профессии. Приставучие, вездесущие, неугомонные, охочие до славы и не гнушающиеся чужим грязным бельем!

Все эпитеты были произнесены с глубоким презрением, с настоящим чувством, видимо давно засевшим в ней и искавшим выход. Это навело меня на мысль, что семья Армана уже имела дело с моими братьями.

– А тебе не приходило в голову, что своими выходками ты даешь ей почву для размышлений? Ты открыто демонстрируешь нашу силу, а потом обвиняешь меня в безрассудстве? – ответил Арман.

– Если нужно будет, я удавлю ее, лишь бы наша семья больше не пострадала! Я готова на все, лишь бы ты больше не оказался в том аду!

– То есть таким способом ты мне помогаешь? Пытаешься подарить душевный покой? – изумился Арман. – Истязая девушку, которая провела со мной ночь, ты хочешь исцелить мои раны?

– Я хочу, чтобы она не приближалась к тебе! И думать забыла о своих обвинениях! Чтобы не надеялась, переспав с тобой, обеспечить себе безопасность!

Я посмотрела на Армана, который глотал слова матери, но всем своим видом демонстрировал, что не согласен с ними.

– Не будь дураком, Арман! Эта девчонка хочет выжить и считает тебя лишь способом защититься от твоего отца. Неужели это не очевидно? Она использует тебя, а потом попытается уничтожить!

Теперь была моя очередь возмущаться. Слова Жаклин пробудили гнев:

– Нет, Арман!.. – воскликнула я, а потом поняла, что меня все равно никто не слышит.

Сделала шаг и попыталась коснуться его плеча, но он не почувствовал, не повернулся. Это же сон, просто сон. Ничего этого не происходит на самом деле, а значит, оправдываться и доказывать свою бескорыстность не было смысла.

– Я не ребенок, мама, и в состоянии разобраться в собственной личной жизни, – сказал Арман и, когда Жаклин попыталась что-то ответить, прервал ее. – Прошу, не делай так больше. Не хочу спорить и продолжать ругаться. Не трогай Долли. Тебе не о чем

беспокоиться. Я покинул дом, чтобы отдалиться от твоей заботы, если не оставишь Долли в покое, я покину страну.

Сказав это, Арман развернулся и вышел прочь из комнаты, а Жаклин Дюваль возмущенно смотрела сыну вслед и хватала ртом воздух.

Я с трудом разлепила глаза и увидела, что комната моя залита дневным светом, который причинял боль. Сомкнула веки, ощущая чудовищную усталость, что противоречила обещаниям Армана, и даже не заметила, как Морфей вновь принял меня в свое царство.

Пробуждение было тяжелым, за окном занимался рассвет уже следующего дня. Я медленно приподнялась на локтях и ощутила ломоту во всем теле. Смутно припомнила слова Армана о том, что должна проснуться посвежевшей и отдохнувшей. Обманул, значит. Села, чувствуя странное оцепенение как в теле, так и в мыслях. Некоторое время просто смотрела в никуда, пытаюсь вспомнить ушедшие сутки.

Память услужливо бросила меня в водоворот воспоминаний, которые заставили согнуться пополам и зажмуриться. Они безжалостно нападали на меня, стремительно сменяя друг друга. Чудесная близость с потрясающим мужчиной обернулась чудовищной болью. Я задрожала и обняла себя руками. Безумие какое-то. Тело мерзло и сотрясалось в беззвучных рыданиях. Куда я угодила? Как я оказалась впутанной во все это?

Ощущая, как тело и душа мерзнут, я заставила себя подняться на ноги и пройти в ванную. Наполнив ее горячей водой, насколько могла выдержать, я залезла внутрь и подтянула колени к груди. События последних дней разом навалились всей своей тяжестью и угрожали расплющить меня.

Сердце заколотилось как обезумевшее, стоило вспомнить родителей Армана и это голубое свечение, когда он пытался справиться с натиском матери. Но как такое возможно? Что это за сила, которая способна воздействовать на меня на таком расстоянии? Что это за люди?

Да, Арман говорил о неких возможностях, но в подробности не вдавался. Когда слышишь о чем-то подобном, это одно, а когда чувствуешь – совсем другое. Слова воспринимаются просто словами, не более. Это просто рассказ о чем-то или о ком-то, не имеющем к тебе

никакого отношения. И даже то воздействие, что я ощутила в аббатстве Ключни при первой встрече с Дювалями, показалось мне чем-то незначительным в сравнении с тем, на что способна мать Армана.

Тело понемногу согревалось, а в голове прояснялось, хотя не чувствовать себя сумасшедшей было трудно.

– Магия... – пробормотала я и провела мокрыми ладонями по лицу.

Или все это лишь сон? Может, и правда воображение разыгралось? В последнее время жизнь стала беспокойной. Вернулись кошмары и приступы паники. Вполне может быть, что все это было очередным кошмаром. Я снова зачерпнула воды, чтобы плеснуть в лицо, но взгляд уловил грязь под ногтями, и я застыла, вновь ощущая бегущий по позвоночнику мороз на коже. Я присмотрелась, чувствуя, как задрожали губы. Кровь, под моими ногтями была кровь. Кровь Армана. Я тут же вспомнила, как впивалась пальцами в его плечи от боли, страха и отчаяния. Значит, все это случилось на самом деле!

Я съехала спиной по гладкой стенке ванны и разрыдалась. Все это было правдой! Я действительно билась в агонии, а мать Армана действительно пыталась меня убить. А голубое сияние? Это Арман? Его живительная сила? Господи, да как же такое возможно? Магия?! Она существует?!

А этот сон и разговор Армана с Жаклин? Я резко села, и вода расплескалась на пол. Он был настоящим? Но как? Как я смогла оказаться там?

В голову сплошным потоком хлынул разговор, и слова Жаклин заставили сердце оборваться:

– *В прошлый раз твое увлечение закончилось тем, что мы покинули дом, Арман!*

Что это значило? Что случилось, раз Дювали покинули дом? Продолжение еще больше напугало:

...*Ты не слушал меня, когда я говорила, что ты не совсем здоров, сынок, и чем это обернулось? Твоя сила двулика – это феномен, и он опасен, Арман! Опасен для всех нас! Твоя боль, и твой гнев, и даже радость отражаются на всей семье!*

Я схватилась руками за голову и потянула себя за волосы, выпуская наружу сиплый стон.

– Что все это значит? О чем она говорила? Что за сила, что за двуликость? Что не так с Арманом?

Ощущая, как страх и боль, и замешательство переполняют меня, я снова окунулась в воду, только уже с головой. Некоторое время полежала и вынырнула, громко выпуская воздух изо рта. Руки все еще дрожали, но я буквально заставила себя успокоиться, дышать ровнее. Я не сошла с ума, хотя некоторые мелочи на это указывали.

– Спокойно, Сандрин, спокойно! Ты во всем обязательно разберешься. Не время впадать в панику. – Натянула искусственную улыбку на лицо и взялась за края ванны. – Приди в себя, Сандрин!

Несколько раз выдохнула и глубоко вдохнула. Потребовалось время, чтобы унять дрожь и немного отодвинуть страх. Окончательно уничтожить его не удалось, но, если он некоторое время помолчит, я смогу думать холодной головой.

В гробовой тишине услышала звук из коридора. Кто-то открывал замок входной двери. Сердце замерло, я в ужасе застыла. Дверь открылась негромко, но в моем состоянии мне казалось, что товарный поезд промчался. Я даже не сразу заметила, что до боли в костяшках сжимаю белоснежные края ванны. Осторожные робкие шаги в комнате, и внутри все оборвалось.

– Долз! – послышался голос Амеди. – Долз, ты дома?

Я оторвала ноющие пальцы и растерла их, прикрыв глаза от облегчения:

– Да. – Голос прозвучал хрипло, поэтому я прокашлялась и повторила. – Да, Амеди, я здесь!

Послышался шум на кухне, а потом дверь ванной открылась. Мужчина посмотрел на меня пристально, изучил лицо и нахмурился.

– Паршиво выглядишь. Плохо спала?

Я повернулась к зеркалу и поняла, что мой друг прав. По лицу растеклась косметика, под глазами образовались тяжелые мешки, лицо осунулось, а взгляд выглядел затравленным. Тихий ужас.

– Нет, – пробурчала я, – спала я как убитая.

– Вылезай, – сказал он, – а я сделаю завтрак, и мы поговорим.

– Амеди! – позвала я мужчину, прежде чем он закрыл дверь. – Подойди, пожалуйста.

Что-то мелькнуло в глазах моего друга, что-то понимающее и теплое. Он тут же подошел ко мне и попытался сесть на корточки,

чтобы оказаться ближе, но я опередила его. Встала на ноги и порывисто обняла, как можно теснее прижимаясь. Мне просто необходимо было почувствовать, что он настоящий, он живой. Мой такой хорошо знакомый, без тайн и страшных секретов, не связанный с убийствами, магией и прочим. Он казался нитью в нормальную жизнь. Не знаю как, но Амеди понял, что в этих объятиях не было ни тени эротики, ни капли желания близости, лишь просьба о поддержке. Позволив мне успокоиться и изрядно промокнув, мужчина отстранился, обхватил мое лицо широкими ладонями и заглянул в глаза.

– Все устаканится, малышка. Ты очень сильная, и нет никого и ничего, что могло бы выбить тебя из колеи!

Он поцеловал меня в лоб и вышел, давая возможность прийти в себя. Я еще несколько раз вдохнула и выдохнула, а потом хорошенько вымылась, приводя лицо и тело в порядок. Амеди прав – я не раскисну! Это не в моих привычках. Можно впасть в уныние и жалеть себя, склоняясь под гнетом обстоятельств. Я выбираю другой путь. Нужно разобраться во всем, что происходит, и освободиться от всех нависших угроз.

Я вылезла из ванны и впервые испытала смущение. Что-то скребущееся и жалобно скулящее внутри больше не позволяло мне фривольно разгуливать перед Амеди обнаженной. Объятия чуть раньше были бездумным порывом, но выйти к мужчине без одежды, когда я более или менее успокоилась, стало почему-то невозможным. Я хорошенько обтерлась полотенцем, как могла им же просушила волосы и закуталась в один из халатов, что висел на крючке двери. Он был нежным и мягким, насыщенного, словно ночное небо, темно-синего цвета, с широкими рукавами и с огромным поясом. Кутаясь в него, я вышла на кухню, где на столе уже стоял дымящийся кофе, а из тарелки на меня смотрела веселая глазунья.

Амеди сидел на стуле, развернув его спинкой вперед, и задумчиво курил, глядя на поднимающийся из чашки пар. Я любовалась строгими линиями привлекательного лица и прерывать размышления мужчины не спешила. Аппетита не было совсем, поэтому, проигнорировав яичницу, придвинула к себе только кофе, аромат которого призывно щекотал ноздри.

– Из своих источников я знаю, что с Дювалем уже говорила полиция и что он считается главным подозреваемым. У него нет алиби, Долз, – поднял на меня глаза Амеди. Брови его хмуро сдвинулись, он выглядел встревоженным. – Я, как мог, погрузился в это дело, желая хоть как-то помочь тебе выпутаться. Пришлось со многими людьми побеседовать, много информационных долгов раздать и многими обзавестись.

Его слова не звучали как упрек, лишь скупая констатация фактов. На душе стало немного теплее, хоть разумом я и понимала, что опасно впутывать еще и Амеди. Но мой приятель не зря зарабатывал свой хлеб, обрастая связями. Он хорошо понимал, что делает и чем рискует. Это пробуждало во мне еще большую благодарность.

– Дело очень непростое, Долз, – сказал он и, сложив руки на спинке стула, в упор посмотрел на меня строгими глазами. – Я знаю, зачем нужна была эта статья, и знаю, кому она нужна. Но никак не могу понять, при чем здесь это убийство. И связаны ли вообще эти два события?

– Мы тоже думали об этом, – тихо ответила я.

– Мы? – спросил Амеди, а потом сам себе кивнул: – Дюваль.

– Я спрашивала его о конкурентах отца, и Арман поведал о том, что на кону стоит чуть ли не весь оружейный бизнес Франции. Статья могла стать способом дискредитировать Дюваля и тем самым вывести из гонки.

– Так и было, – снова кивнул Амеди. – На твоего редактора надавили сверху, а именно один из министров, который тесно связан с Александром Корро. Слышала о таком?

– Нет, не слышала.

– Его имя не так известно, как Дюваль, но занимается он в основном тем же. Его бизнес – оружие. Он собрал вокруг себя всех лучших инженеров-разработчиков. Ему принадлежит большинство полигонов и заводов, которые он успешно использует для изготовления и тестирования новаторского оружия. Дюваль со своими новинками крепко мешает ему, и риск лишиться первенства не просто велик, а дошел до грани. Но у Корро безупречная репутация, и он любимец правительства, мыслящий и смотрящий в «нужном» направлении.

– И репутация может стать определяющим фактором при выдаче грантов и патентов в этой сфере, а значит, и в обозначении первенства... – продолжила я.

– Именно. Обвинение сына одного из оппонентов в громком убийстве – это повод исключить Дюваля из всех возможных правительственных программ. А это потеря бизнеса.

Амеди поднялся на ноги и снова закурил, а потом передал пачку мне. Ароматный дымок заполнял небольшую кухню, пока мужчина расхаживал по ней и рассуждал:

– Заказная статья должна была наделать много шума, поднять волну возмущения и призвать к ответу Дюваля.

– Но от меня хотели какого-нибудь скандала, не более. – Ощущая вновь появляющуюся дрожь, я сделала спасительный глоток кофе и медленно выдохнула.

– Это должно стать лишь началом. Один мой приятель... не стоит тебе знать, кто он, помог докопаться до сути замысла. С Армана должны были начать, привлечь внимание аудитории к фамилии Дюваль. Твой новый приятель и без того считался темной лошадкой, это было бы нетрудно. Потом Патрис. Всем мало-мальски публичным людям известна его любовь к вечеринкам. Он не выходит за рамки, по крайней мере, публично, но и здесь было бы нетрудно добавить пару штрихов и выставить его в невыгодном свете. Даже несмотря на то, что в последние месяцы, я думаю, как раз в связи с этой ситуацией, старший сын Дювалей не посещал клубов и баров Парижа. Это кропотливая и умелая работа – уничтожить репутацию. Есть еще дочь и жена, да и сам Северин Дюваль.

– Но подвернулось это убийство, и необходимость в натиске с разных сторон сама собой отпала, – пробормотала я.

– Именно, – подытожил Амеди, погасив окурок. – Если Арман не оправдает себя в ближайшее время, его отец, который сейчас с пеной у рта доказывает, что все это провокация и саботаж, потеряет все.

Я тоже поднялась, обдумывая слова друга, запахнула плотнее халат на груди и вышла на балкон, цепляясь пальцами за тонкую ткань. Утро выдалось свежим, немного прохладным, но это было именно то, что мне нужно. Эта прохлада помогала приходиться в себя и переключаться на темы, никак не связанные с магией, о которой даже думать страшно.

– У меня такое чувство, – произнесла я, когда услышала шаги Амеди, – что убийство – это лишь чудовищное совпадение. Я осознаю, что, когда на кон поставлены такие огромные деньги и такая власть, любые методы идут в ход. Даже угроза семье редактора главной газеты страны и, по сути, принесение в жертву рядовой журналистки. Я способна допустить, что в погоне за всеми этими патентами и грантами даже тот самый Корро мог убить девушку, чья жизнь ничего не стоит. Или не убивать сам, но поручить кому-нибудь.

– Но?.. – спросил мой друг.

– Но мне кажется... я чувствую, что нападки на Дювалей через газету и убийство Кароль никак не связаны. Есть в ее смерти... не знаю, не могу объяснить... что-то большее...

Мне хотелось сказать «что-то мистическое», но я прикусила язык. Моя жизнь разом перевернулась с ног на голову, а Амеди и так рисковал многим, копаясь в этом деле, я не хотела путать его мысли тем, в чем сама не до конца разобралась.

– Ты уверена в том, что делаешь, Долли? – тихо спросил меня Амеди, и я повернулась к нему. – Уверена, что человек, которого ты подпустила так близко, не причастен к смерти этой девушки?

Я смутилась под его взглядом, впервые чувствуя тень вины за ночь, которую провела с Арманом. Сейчас, стоя на этом балконе и глядя в глаза Амеди, я четко понимала, что между нами больше никогда уже ничего не будет. Даже сейчас, в ворохе всех этих страхов, подозрений, загадок и прочего мое сердце стремилось к мужчине, который заставлял его биться чаще или замирать от восторга.

Внезапно тело окатила ледяная волна, а потом на смену ей пришел жар. А вдруг все мои чувства – это лишь воздействие магии Армана? Я же понятия не имела, способен ли он на подобное? Да и, вообще, на что он способен. На мгновение стало не по себе, но я потрянула головой, не желая верить в собственные бредни. Зачем Арману околдовывать меня? Ради секса? Не думаю, что у него хоть когда-нибудь возникали с этим проблемы. Ради чего еще ему влиять на мои чувства и привязанности?

– Уверена, – ответила я, хотя уже не ощущала той самой уверенности, о которой говорила. Своих подозрений озвучивать не стала, чтобы не вызывать лишнего беспокойства у Амеди.

Глядя на него, мне казалось, что мой бывший любовник уже все знал или, по крайней мере, догадывался. Он был умным человеком, опытным и благоразумным. Сейчас Амеди уже понимал, что наши прежние отношения закончились. Понимал и принимал. Внутри что-то дрогнуло, и я испытала чувство, похожее на сожаление, но отказ от близких отношений с ним не причинил мне боли. Я знала, что он не уйдет из моей жизни окончательно, и он тоже это знал.

Серые глаза излучали тепло и легкое беспокойство, я не удержалась и шагнула ближе к мужчине, чтобы утонуть в крепких объятиях.

– Чем еще я могу помочь, Долли? – обжигая макушку горячим дыханием, спросил Амеди.

Не отрываясь от груди друга, я пробормотала:

– Ты можешь найти все о Дювалях? Откуда они приехали в Париж? Есть ли какие-то странные истории, связанные с ними? Может, что-то из прошлого?

– Эх ты, – усмехнулся Амеди и немного отстранился, чтобы заглянуть мне в лицо. – Ты полагаешь, мсье Корро, которому жизненно необходима подобная информация, не обнаружил ничего провокационного, а я смогу? Я, конечно, благодарен за такую веру в мои силы, но...

– Прощу, Амеди, хотя бы попробуй, – взмолилась я. – Этот Корро может быть большой шишкой и любой степени важности фигурой, но ни у кого в нашем городе нет столько глаз и ушей на улицах, как у тебя. Газеты и статьи можно уничтожить, друзей и знакомых заставить замолчать, но мало кто обращает внимание на простых людей, которые привыкли все подмечать. Возможно, звучит абсурдно, но можно же попробовать? Вдруг сейчас из-за этой треклятой статьи всплывет какая-то информация, кто-то что-то вспомнит, уронит неосторожное слово. Ниточка и потянется. Ты найди мне эту ниточку, а я потяну за нее сама. Мне терять нечего.

Я не могла не зацепиться за слова Жаклин о прошлом ее семьи, хоть и временами все еще думала, что они мне просто приснились.

– Но умоляю тебя не рисковать! – добавила я к своим словам. – У тебя потрясающее чутье и огромный опыт в таких делах. Прощу, если почувствуешь, что пахнет жареным, что твои расспросы или даже

взгляды не в ту сторону кого-то насторожат, прекращай. Я встречалась с Северином Дювалем, с ним шутки плохи.

– Я не подставляюсь, не переживай, – улыбнулся Амеди и отошел, глядя на наручные часы. – Ничего обещать не буду, мне мила моя сытая жизнь, но сделаю все, что возможно.

Я уже пожалела о своей просьбе, о том, что не обдумала ее, прежде чем озвучить. Теперь, даже если попрошу, Амеди не отступит.

– Что ты будешь делать? – поинтересовался он.

– Отправлюсь в архив и перерою все доступные издания, когда-либо упоминавшие фамилию Дюваль. Шансов мало, но и сидеть сложа руки я не могу.

Амеди присвистнул, намекая на объем работы, а потом еще раз поцеловал в лоб и ушел. На душу легло тревожное чувство, рожденное собственным лицемерием. Я же не хотела впутывать Амеди, но все равно это сделала. Сердце дрогнуло, когда подумала о возможных последствиях. Зря я это сделала, ой зря.

Пытаясь заглушить голос совести, я привела себя в порядок. Получилось мило, но как-то небрежно. Для удобства выбрала брюки и свободную блузу, накинула длинное летнее пальто и в цвет к нему шляпку. Собралась с силами и отправилась в архив.

Целый день ушел на то, чтобы изучить ворох публикаций прошлых лет. Конечно, ничего интересного я в них не нашла. Статьи о благотворительности, о приемах, о политике и бизнесе Северина Дюваля. Его семья попадала в газеты нечасто, и в основном только Жаклин. Глядя в ее красивое, но суровое лицо, я боролась с вновь и вновь накачивающим оцепенением. Эта женщина вызывала дрожь по телу даже одной лишь фотографией.

Домой вернулась поздно вечером, усталая и недовольная, хоть и не рассчитывала на чудо. Сбросила пальто и шляпку, покормила мсье Луи и застыла, услышав мерный стук по клавишам печатной машинки. Уже более или менее смирившись с присутствием адского механизма, я сделала над собой усилие и подошла к столу, с которого так и не убрала машинку в шкаф.

– Арены Лютеции, – прочитала я, ощущая, как холод охватывает тело.

Сердце бешено забилося в груди, я выхватила бумагу и сжала ее в кулаке. Игнорировать смысла не было, машинка будет писать этот

адрес снова и снова, до тех пор, пока я не отреагирую.

– Да что тебе нужно от меня, дьявольское отродье?! – выпалила я.

Громко выдохнула, справляясь с дрожью, и взялась за телефонную трубку. Номера я не знала, поэтому обратилась к телефонистке. Раздался характерный щелчок, и я произнесла:

– Отель «Хилтон Париж Опера».

Некоторое время пришлось подождать, а потом мне ответили, и я снова обратилась с просьбой:

– Мне нужно поговорить с мсье Арм... Анри Аненом.

– Одну минуту, мадемуазель, – послышался ответ, и эта минута показалась мне вечностью. – Мсье Анен не появлялся в отеле со вчерашнего дня.

Голова пошла кругом, комната поплыла, я схватилась за стол, чтобы устоять на ногах.

– Ну где же ты, Арман? – простонала я, бросив трубку на рычаг.

Некоторое время лихорадочно соображала, а потом позвонила Дениз. Одна я точно никуда не поеду. На счастье, подруга была дома.

В такси тряслась и нервно комкала перчатки, и еще поминутно проверяла сумочку, в которой лежал револьвер. На Арены одна не спускалась, предпочитая дожидаться Дениз. Девушка подросла, когда я докуривала третью сигарету. Горло саднило, руки дрожали. И в этот раз я совершенно точно знала, что именно увижу.

Чутье меня не подвело – посреди круглой античной арены лежало обнаженное тело молодой девушки.

Глава 14

Ужасы не заканчиваются

Арены Лютеции некогда представляли собой галло-римский цирк II–III веков, и, перебравшись в Париж, я писала об этом амфитеатре небольшую статью, которая так и не увидела свет.

Руины античной арены были обнаружены совершенно случайно в середине девятнадцатого века. В это время в городе проводилась грандиозная реконструкция. Древняя кладка северной части арены была открыта во время строительства депо омнибусов. Часть ее вскоре после этого оказалась уничтожена. Сохранить удалось южную часть арены, обнаруженную чуть позже под бывшим женским монастырем на улице Монж. Одним из защитников наследия прошлого был Виктор Гюго, написавший открытое письмо, всколыхнувшее общественность и заставившее городской совет принять решение о сохранении амфитеатра.

Когда-то меня интересовали подобные темы, а сейчас я сидела на скамье, наблюдая за суесящимися ажанами, и гадала, почему убийца выбрал именно это место? Почему именно я должна была обнаружить несчастную девушку?

Жуткое оцепенение не мешало памяти снова и снова демонстрировать страшные картинки. Девушка была очень красивой и совсем молодой, на вид лет семнадцати. Имени ее я не знала, но, судя по всему, она из состоятельной семьи. Мысль о насилии над ней заставляла содрогаться. От том, что над бедняжкой надругались, мы с Дениз догадались сразу же, даже несмотря на то, что преступник оставил на ней шелковые панталоны. Как и у Кароль, на теле этой девушки имелась рваная рана. Как и в предыдущем случае, крови вокруг почти не было.

– Это что же за животное так поступает с девочками? – пробормотала Дениз, которая только освободилась после опроса Гобера.

Комиссар смотрел на нас, хмуро покусывая нижнюю губу изнутри. Что за мысли витали в его голове, оставалось только догадываться. Я отдала ему записку и подробно рассказала о том, как

приехала сюда и все-таки решилась добавить пару слов о том, что это место мне знакомо, как и скамейка под которой нашли вещи Кароль.

Слова мои Гоберу не понравились, карие глаза смотрели с подозрением. Ему был совсем не по душе тот факт, что весь этот ужас каким-то образом связан со мной. Помощник комиссара Бернард Байо тоже кривился и нелестно высказывался в мой адрес. Одна его фраза, сказанная шефу вполголоса, никак не выходила из головы:

– Быть может, девчонка таким образом пытается привлечь к себе внимание? Вдруг она имеет ко всему этому прямое отношение?

– Сообщница? – недовольно переспросил Гобер.

– Все может быть. Ведь куда ни глянь, из-под каждого камня всплывает мисс Пэг...

– Вы здесь все с ума посходили, что ли? – возмутилась Дениз, услышав подобные речи. – Как такое в голову могло прийти? В чем вы ее обвиняете?

– Спокойнее, мадемуазель Бош, – поднял руки Гобер. – Никто и никого ни в чем не обвиняет. Мой коллега всего лишь сказал, что все это выглядит в высшей степени подозрительно.

Подруга ринулась на мою защиту, в то время как мои мысли были заняты лишь телом, распростертым на земле посреди древней сцены. Чудовищность и изощренность преступления никак не умещались в голове.

И вот я сидела на скамье и никак не могла покинуть Арены, хотя Гобер меня уже отпустил, попросив явиться завтра утром в участок.

– Кто-то играет со мной, – пробормотала я.

– Что, милая? – переспросила Дениз.

– Кто-то играет со мной, – повторила я громче. – Эти записки, присланные именно мне, эта статья, которую поручили именно мне. Хоть я не думаю, что статья связана с убийствами, но, согласись, все вместе выглядит просто нереальным совпадением! И вещи Кароль поместили именно под той лавочкой, которую я полюбила несколько лет назад. Никто, Дениз... – Я посмотрела на подругу, чувствуя, будто скольжу по грани. – Слышишь, никто не знал о том, что я сбегая в этот сад, чтобы остаться наедине со своими мыслями! И это место, Дениз! Я писала о нем! Но это было давно, и статья не вышла, о ней тоже никто не знал! Я даже не смогу сейчас сказать, где мои наброски.

Я все больше нервничала, следя за тем, как тело убитой девушки переложили на носилки и накрыли белой простыней.

– Я не хочу быть в центре всего этого, не хочу быть причастной... даже косвенно к этой боли, к страданиям. Не хочу больше, Дениз.

– О чем ты? – удивленно прошептала подруга, развернувшись ко мне.

Мое сердце болезненно билось о грудную клетку, дышать становилось все труднее, но я резко вдохнула и медленно выдохнула, понимая, что, если не разберусь в происходящем, эти страшные эмоции вновь утянут меня в тяжелое уныние.

– Прости, – пробормотала я, – и спасибо тебе большое, что согласилась приехать. Я должна найти Армана.

Решительность все стремительнее вытесняла страх и панику. Я сжала кулаки и направилась к неприметному выходу. Возможно, мое поведение показалось Дениз, мягко говоря, странным, но более адекватных поступков ожидать не приходилось.

Не без труда отыскав такси, я велела шоферу везти меня к отелю, где проживал Дюваль. Нужно было хотя бы с чего-то начинать. Тревожно металась в голове затравленная мысль о том, что Арман не объявлялся со вчерашнего дня. Я постоянно ее отодвигала, загоняла вглубь и пыталась спрятать, однако она все равно находила выход и вызывала настоящий ураган в груди.

После случившегося у меня в квартире Арман ворвался к матери и выдержал непростой разговор. Теперь я уверена – это был не сон, я каким-то образом была зачем-то приглашена на эту беседу. Зачем? Кто хотел, чтобы я услышала все, о чем говорила Жаклин? Она сама? Чтобы отпугнуть меня от сына и посеять сомнения в моей голове? Но ее неосторожные слова, которые не могли не осесть в сознании, лишь распалили любопытство. Она не могла этого не понимать. Тогда сам Арман? Он тем более не захотел бы, чтобы я стала свидетелем. Случайно получилось? Странности и загадки магии, о которой мне ровным счетом ничего не известно?

Чем ближе мы подъезжали к «Хилтону», тем я больше утверждалась в мысли, что мне просто необходимы ответы и я должна знать как можно больше о том, что скрывают Дювали. И как, черт возьми, вся эта чертовщина связана со мной?

– Мсье Анри Анен, – назвала я имя, как только влетела в отель.

Портье изумленно уставился на меня, а потом перевел взгляд на часы, что висели у него за спиной. Второй час ночи. Я понимала его замешательство, но мне было не до правил приличия.

– Анри Анен вернулся в отель? – настойчиво спросила я.

– Д-д-да, – все так же растерянно ответил портье.

– Давно?

– Нет, меньше часа назад...

– Проводите меня в его номер. – Всем своим видом я демонстрировала такую решимость, что портье, который, по идее, должен был привыкнуть к разного рода странностям, неизменно происходящим в любом отеле, растерялся. – Поверьте, мсье Анен не будет против встречи со мной. Более того, это в его интересах!

Молодой мужчина все еще хлопал глазами, пытаясь принять решение. Беспokoить постояльца в такой час непозволительная бестактность, тем более такого постояльца. Но и мои слова проигнорировать он не мог. А вдруг то, что я хотела сказать мсье Анену, действительно важно?

– Не беспокойтесь, у вас не будет проблем. Это я возьму на себя.

Мой тон, поза и настойчивость сделали свое дело. Портье все еще неуверенно кивнул, но из-за стойки вышел. Он подозвал коридорного и велел проводить меня в номер. Юноша тоже сначала замешкался, уже зная, как некоторые гости реагируют на ночные вторжения. Сердце продолжало бухать в груди, руки немного подрагивали от пережитого напряжения, но я не обращала на все это внимания.

Добравшись до заветной двери, коридорный робко постучал, но никто не откликнулся. Он выразительно посмотрел на меня, а я, ощущая дикое нетерпение, уже громче заколотила в дверь. Что-то тревожное, грызущее и терзающее изнутри не давало мне покоя, не позволяло прийти в себя. Я готова была скатиться в истерику, но вместо этого лишь приложила больше усилий. Дверь соседнего номера приоткрылась, из-за нее выглянул заспанный мужчина, который недовольно пробурчал что-то вроде «проваливайте» и вернулся обратно к себе.

Коридорный суетился вокруг меня, пытаясь утихомирить, а я все громче колотила в дверь, чувствуя что-то неладное.

– Мадемуазель, – восклицал юноша, – прошу вас. Мсье Анен должно быть уже спит. Прошу вас, вы тревожите гостей...

– Открывай! – велела я, ведомая каким-то странным чувством. – У тебя есть ключи, открывай.

– Но... но я не могу...

– Немедленно открывай, – рявкнула я, – не то я закачу здесь такой скандал, что проснутся все вокруг, и тогда тебе придется успокаивать весь этаж!

Не знаю, что мог подумать обо мне этот несчастный юноша, впечатление я, наверное, производила странное. Но сейчас в ушах шумела тревога, в груди нарастало что-то огромное, беспокойное и неудержимое. А вдруг с ним что-то случилось? Вдруг Арман ранен? Вдруг ему нужна помощь? Эти мысли ворвались в голову с оглушительным гудком, подобно поезду, и вытеснили все прочие.

Напуганный юноша открыл дверь, и я шагнула в полумрак, не позволив ему последовать за мной.

Я сделала еще один робкий шаг в темноту, ощущая, как сердце болезненно сжимается в груди. В номере Армана стояла звенящая тишина, я невольно затаила дыхание, не решаясь идти дальше. Что-то темное и пугающее подкрадывалось к сердцу и заставляло сжимать похолодевшие пальцы. Вся моя решительность разом испарилась, будто и не было ее вовсе.

– Арман, – сипло позвала я и сама удивилась, насколько чужим показался голос.

Комната снова ответила тишиной. Я заставила себя сделать еще пару шагов и наткнулась ногой на какой-то предмет. Чуть не вскрикнула от неожиданности, но вовремя зажала рот рукой. Осторожно продвинула ногу вперед, что-то глухо стукнуло о носок туфли. Бешено колотящееся сердце готовое вот-вот вырваться из груди, облегченно замедлило ритм. Предмет был твердым.

– Не тело, – прошептала я и даже зажмурилась, чувствуя, как слезы обожгли глаза.

Я рвано выдохнула и заставила себя собраться. Присела на корточки и, отгоняя страх, пошарила руками по полу. То, что встретилось мне на пути, оказалось лампой, упавшей со столика, стоявшего возле дивана. Слабый лунный свет немного осветил номер, да и глаза уже привыкли к мраку. Чуть дальше я обнаружила подушку все с того же дивана, потом еще одну, а у одной из ножек нашла опрокинутую пепельницу.

– Что же здесь произошло? – поднимая лампу, прошептала я. А потом снова позвала Дюваля: – Арман!

И снова тишина. Водрузив светильник на столик, я наконец решилась зажечь свет. После полной темноты даже одна лампа показалась мне слишком яркой, я даже зажмурилась.

– Арман, – с надеждой пробормотала я и распахнула глаза.

Комната предстала передо мной в полном беспорядке; вещи разбросаны, сдвинуты, на ковре бокал и распечатанная бутылка. Я медленно обвела номер и застыла, увидев приоткрытые двери спальни. Осторожно приблизилась и вновь замерла, а потом вскрикнула. Поперек кровати на животе лежал мужчина, раскинув руки и повернув голову к подушкам.

– Арман! – позвала я, и обжигающее пламя страха пронеслось по телу.

Распахнув двери шире, бросилась к лежащему, стремительно перевернула его на спину и дрожащими руками обхватила лицо.

– Арман, очнись! Арман... – Дюваль не отзывался, и горячие слезы хлынули из глаз. – Арман, прошу...

Я поспешно осмотрела его и обнаружила кровь на рубашке, немного, но этого было достаточно, чтобы испугаться еще больше. Я потрясла мужчину за плечи, постоянно повторяя его имя, обшарила руками все тело, расстегнула рубашку, но никаких ран не обнаружила. Разве что покраснение на костяшках пальцев правой руки. Может, он с кем-то подрался в баре? Я принялась, но запаха алкоголя не почувствовала. Приложила к шее трясущиеся пальцы и, замерев, прикусила губу. Ожидание было ужасным, но, как только ощутила под кожей первый толчок, радостно выдохнула и уронила голову Дювалю на грудь.

– Живой...

В этот момент меня будто прорвало, я стиснула в руках его одежду и не сдержала рыданий. Боль, страх и напряжение хлынули из глаз горькими слезами. Мне казалось, что сил совсем не осталось, что я больше не смогу, больше не выдержу. Еще один такой день, или, точнее, ночь, и я сдамся.

Послышался тихий стон, а потом Арман едва ощутимо пошевелился. Я понимала, что он приходит в себя, но оторваться от его груди была не в силах. Рыдания не отпускали, чувства смешались, а

силы оставили меня окончательно. Новый глухой стон – и рука Армана легла мне на спину.

– Сандрин? – хрипло спросил он и попытался сесть.

Получилось у него не сразу, поскольку он, похоже, и сам был слаб, а тут еще я никак не выпускала его рубашку из рук.

– Сандрин, что происходит? – Дюваль все же сел и аккуратно обхватил мои плечи руками – Что происходит?

Я наконец отстранилась, являя ему свое зареванное лицо с покрасневшим припухшим носом и дрожащими губами.

– Где ты был?! – вскрикнула я. – Где тебя носило?!

Арман растерянно осмотрелся, а когда чуть резче повернул голову, схватился за нее обеими руками и снова застонал. Теперь и я хорошо видела его лицо: глаза словно пеленой покрыты, помутнели, взгляд рассеянный, а тело била мелкая дрожь. Дюваль поежился:

– Я... я... не понимаю... не помню...

– Где ты был? – словно не слыша его, повторила я.

Арман медленно поднялся на ноги, и его тут же повело в сторону, он схватился за стену и устоял на ногах. Несколько раз моргнул, и мне показалось, что он не до конца понимает, где он и с кем.

– Что с тобой? – аккуратно вставая с кровати, спросила я.

– Голова... – зажав ладонями виски, пробормотал он.

– На тебе кровь... – Я протянула руку и коснулась его рубашки в том месте, где было бурое пятно.

Арман отшатнулся, словно его ударили, резко опустил голову и растерянно посмотрел на свою одежду. Так же, как и я несколькими минутами ранее, он обшарил тело руками и так же, как и я, ничего не обнаружил.

– Чья она? – мотнул головой Дюваль.

– Я не знаю, – Сердце рухнуло в пропасть, я отступила на шаг, и комната пошатнулась. – Где ты был?

Арман заметил мой испуг и попытался подойти, но я снова отступила. В голову лезли чудовищные мысли, тело тряслось, и я продолжила отступать, ощущая холод.

– Что случилось? – сурово спросил он. – Не пугай меня, в голове и без того туман. Сандрин, что, черт возьми, произошло?

Я не знала, что думать, как быть. Какая-то часть меня почему-то захотела бежать прочь, но я постаралась подключить здравый смысл.

После случившегося я была не в состоянии трезво рассуждать, поэтому нужно прежде всего успокоиться и не делать поспешных выводов. Мне было страшно. На миг я подумала, что Арман имеет отношение к этим убийствам. Ведь очевидно же?! Он в крови, пусть ее не так уж много, но она есть, и она не его. Но другая часть меня не хотела в это верить, не принимала эти мысли, изо всех сил выталкивая их и пытаюсь найти другие логичные объяснения.

Мне вдруг снова захотелось плакать, плакать от отчаяния. Я не желала оставаться одна во всем этом. Может, поэтому мое сердце пыталось найти оправдания для Армана? Я смотрела в его лицо и снова ощущала, как слезы катятся по щекам. Я не смогу одна.

– Я звонила тебе вечером, – прошептала, решив все же сначала разобраться во всем. – Искала...

Арман снова робко предпринял попытку подойти, на этот раз я осталась на месте.

– Я помню клуб, – тихо сказал он, медленно приближаясь, – потом такси, твоя квартира и часы, что мы провели вместе, а потом...

Дюваль прервался, и я поняла, что ему неприятно вспоминать о поступке матери.

– Потом ты поспешно ушел, и у тебя был разговор с матерью, – закончила я за него ту часть, о которой знала.

Арман резко вскинул голову и остановился на полушаге. Брови его нахмуренно сдвинулись, глаза внимательно впились в мое лицо.

– Откуда ты знаешь? – не своим голосом спросил он. Значит, я оказалась права – не Арман «пригласил» меня на семейный разговор.

– Я... я была там, – неуверенно ответила, заранее зная, что ему это не понравится.

– Как? Каким образом? Нас было трое! Я, мама и...

– Патрис, – кивнула я. – Я не присутствовала физически. Это было очень странно, словно приснилось мне. После того как ты ушел, я погрузилась в сон, но обещанного тобой покоя и отдыха он не принес. Скорее наоборот, добавил страхов и тревог. Да и физически я чувствовала себя разбитой.

– Расскажи подробнее, – попросил Арман, а потом снова отошел и начал расстегивать рукава рубашки.

Движения его были резкими, нервными. Казалось, он хотел занять себя чем-нибудь, чтобы держать себя в руках и думать. Я снова

невольно отступила.

– Не знаю, что тебе еще сказать. Я будто была там, но и не была. Я слышала ваш разговор, но ты не видел меня и не мог почувствовать. Я... прикасалась к твоему плечу.

Арман снова поднял голову, и в глазах его стояла неприкрытая боль.

– Что ты слышала?

– Все. – Я опустила глаза. – Все, что говорила Жаклин.

Послышался громкий выдох, а потом рубашка Армана полетела на кровать. Дюваль подошел к шкафу, некоторое время просто стоял, глядя в никуда, а потом все же выбрал новую одежду.

– Арман, как я попала туда? – воспользовалась я затишьем, но подходить не осмелилась. – И о чем говорила твоя мать? Почему она сказала, что ты нездоров и что твоя магия двулика?

Спина Дюваля напряглась, он взялся одной рукой за дверцу шкафа и стиснул ее до скрипа.

– Я понимаю, тебе не хочется говорить с посторонним человеком, – слова дались нелегко, даже несмотря на мой страх, глупое сердце все равно хотело, чтобы ночь, проведенная со мной, значила для Армана хоть что-то. – Но если мы не будем откровенны, то не сможем помочь друг другу. Я все время чувствую недосказанность, недопонимание убивает меня. Помоги мне разобраться, прошу! Не оставляй меня одну во всем этом!

Арман склонил голову, выдохнул, а потом повернулся ко мне. Не знаю, что именно он разглядел на моем лице, то ли бессилие, то ли безмерное одиночество, то ли отчаяние. Карие глаза стали теплее, но боль из них никуда не ушла.

– Я не могу сказать точно, как ты оказалась свидетелем нашего с Жаклин разговора, – ответил он, медленно натягивая рубашку. Застегивать ее он не стал, поднял опрокинутый стул и тяжело опустился на него. – Такое могло быть только в двух случаях, если бы мы с тобой были тесно связаны... магически, чего на самом деле нет, иначе я бы знал об этом.

– Что это за связь такая? – позволила я себе вопрос, присаживаясь на край кровати.

– Она устанавливается заклинанием, древним и опасным. Магия объединяет двух людей, может, и трех и даже больше. Связанные люди

чувствуют друг друга на расстоянии, могут проникать в мысли, видеть глазами друг друга, если захотят, помогать друг другу, если среди них есть сильные маги.

Я нахмурилась, представляя, как это неприятно, будто ты никогда не можешь остаться наедине с самим собой.

– Это похоже на то, что сделал твой отец со мной?

– Не очень, – скривился Дюваль. – Мой отец установил слежку за тобой, если можно так назвать. Моя семья может знать, где ты находишься, чем занимаешься, а порой, очень редко, поскольку это отнимает много сил, они могут подглядывать за тобой. Вроде того, что ты увидела в их доме. Скорее всего, именно так мама узнала о нас.

– Вся твоя семья следит за мной? – в ужасе спросила я.

– Меня и Ивет отец исключил из тех, кто наблюдает за твоими передвижениями.

Арман поднял на меня глаза, полные сожаления, сердце дрогнуло, но я сдержала порыв приблизиться и ощутить поддержку в его объятиях.

– Прости, – выдохнул он. – Так вот, подобная связь очень опасна, поскольку связывает не только эмоции, но и жизни. Один из связанных чувствует боль другого и может умереть вместе с ним.

– А что за другой случай?

– Если тебя «пригласили», – пояснил Дюваль, сжимая руки в замок и яростно растирая большим пальцем ладонь. – Я этого не делал. Патрис очень ревностно относится к своей силе, он бережно ее хранит и не растрчивает попусту. Да и вообще, зачем оно ему?

– Вы не близки? – осторожно спросила я.

Арман посмотрел на меня, и я заметила внутреннюю борьбу, которая раздирала его на части. Затаила дыхание, ожидая, доверится ли он мне.

– Не очень, – наконец негромко сказал Дюваль. – Мы разные. У нас никогда не было общих интересов, мы никогда не ссорились из-за игрушек или чего-то подобного. Патрис ведет себя довольно отстраненно, если только это не касается его интересов. Ты же слышала наш разговор в отеле. Мой брат переживает за фамилию, за бизнес, а не за меня. Он довольно снисходительно относился к моим детским проказам и к безмерной, удушающей любви нашей матери.

Эта прохлада была между нами всегда, и она давно не вызывает ни горечи, ни обид.

Мне показалось, что на последних словах Арман слукавил, но допытываться не стала. Давить на больную мозоль не было смысла, тем более сейчас.

– Хорошо, а Жаклин могла пригласить меня?

– Не знаю. – Арман поднялся и прошелся по комнате, взъерошив волосы длинными пальцами. – Возможно, и нет. Не понимаю. Она жаждет от тебя избавиться и, в общем-то, могла затуманить твою голову подозрениями, страхами. Но с другой стороны, она наговорила лишнего. Нелогично как-то. Не знаю, Сандрин. В последние годы я отдалился от семьи и почти не пользуюсь силами. Мне не нужна власть, которую они могут дать. Я хочу лишь покоя.

– Почему ты перестал использовать свои силы? – взволнованно спросила я. – Это имеет какое-то отношение к словам твоей матери?

– Имеет. – Дюваль открыто посмотрел на меня, и в его глазах вновь колыхнулась боль, будто он открыл едва зажившую рану. – Несколько лет назад я ими упивался. Иногда переставал видеть границы, забывался, доставлял семье беспокойство. Но мои силы безвредны по большей части.

В последнем предложении я не услышала уверенности или твердости. Арман отвернулся, а потом вышел в соседнюю комнату. Он остановился, увидев беспорядок, положил ладонь на голову, а потом растер шею.

– Хочешь чего-нибудь? – спросил он, слегка повернувшись ко мне.

Стоило подумать о еде, как в животе громко заурчало, но при этом к горлу подступила тошнота. Образ мертвой девушки все еще стоял перед глазами. Я посмотрела на Армана, осознавая, что так и не сказала ему о произошедшем. Но пока он говорил о себе, прерывать опасалась. Закрывать Дюваль умел. Поэтому отрицательно мотнула головой.

Мужчина дернул за шнурок, вызвал прислугу и начал поднимать валявшиеся на полу вещи. Чтобы занять себя чем-то, я поспешила помочь.

– Почему вы уехали из дома? И где он был этот, дом?

Некоторое время стояла тишина, мы лишь медленно обходили номер, приводя его в порядок. Через минуту в дверь негромко постучали, и Арман, выглянув, сделал заказ. Когда мы снова остались одни, я хотела повторить свой вопрос, но этого не потребовалось.

– У меня случались провалы в памяти... я не мог вспомнить, где был и что делал. А потом... потом до родителей доходили разные слухи о моем поведении. – Арман старательно избегал моего взгляда и говорил все тише. – Я ввязывался в драки и проводил время с беспутными женщинами. А однажды зашел слишком далеко. Но об этом говорить мы не будем. Это было давно, я уже не тот. Сила не соблазняет меня, не туманит разум.

– Тогда как объяснить, что ты не помнишь, где был? Что ты делал, после того как поговорил с матерью? И, может, этот приступ был следствием твоей помощи мне?

Последний вопрос был очень важен для меня, а точнее, ответ на него.

– Не думаю, – мягко сказал Арман, – если говорить о двуликости моих сил, то как раз эта сторона никогда не приводила к провалам.

– А как выглядит другая их сторона?

– Не будем об этом, прошу, Сандрин, – попросил он. – Это давно в прошлом. Я попробую разобраться, что же произошло и кто вызвал тебя в аббатство Ключни. Но теперь я хочу, чтобы ты сказала, почему плакала? Что так напугало тебя?

Говорить стало трудно, мешал ком в горле, слезы снова навернулись на глаза, но я не позволила им пролиться.

– Подумала, что ты мертв, – выдохнула я. – А когда почувствовала пульс, не сдержала эмоций.

От собственного признания стало неловко, поэтому я предпочла не смотреть на Армана. Прошла к окну и отодвинула шторы, чтобы взглянуть на ночной Париж.

– Почему ты решила, что я мертв? И как ты оказалась в моем номере посреди ночи? – услышала я голос Дюваля прямо за спиной.

– Машинка снова печатала. – Я развернулась к нему, чувствуя, что вот-вот сорвусь. – Я позвонила тебе, чтобы ты поехал со мной, но портье сказал, что ты не появлялся уже сутки! Я позвонила Дениз, и мы поехали к Аренам Лютеции, а там...

– Что там? – замер Арман.

– Еще одна девушка была убита, – севшим от волнения голосом сказала я.

Арман прикрыл глаза, а потом зажал рот ладонью. Между его бровей образовалась глубокая складка, а в глазах отразилось внутреннее страдание.

– Как?

– Она тоже была почти обнажена, – тихо продолжила я, все время сдерживая собственную руку, которая постоянно тянулась к мужчине, чтобы коснуться его и поддержать. Моя душа была в смятении: рвалась к Арману и в то же время остерегалась. – Те же раны. Только... она совсем молодая...

– Кто она?

– Не знаю, но, судя по белью, из состоятельной семьи. Гобер сказал...

– Гобер? – вскинулся Арман. – Ты вызвала полицию?

– Странный вопрос, конечно. А что мне оставалось делать? Бедняжка так и должна была лежать посреди арены?

– Нет, нет, конечно, – спохватился Дюваль. – Я не то имел в виду.

– Гобер велел явиться утром. Ему кажется подозрительным, что я получаю записки с адресами, где находят тела. – Я обхватила себя руками и приподняла плечи. – Его помощник даже считает меня сообщницей.

Я выдавила из себя смешок, но он получился не легкомысленным, скорее горьким.

– Этот Байо сразу показался мне недалеким, но Гобер – толковый комиссар. Возможно, он не самый приятный собеседник, но дело свое знает. Не волнуйся, полагать, что ты причастна, абсурдно. А вот ко мне они точно придут, поскольку все еще считают меня подозреваемым в убийстве Кароль.

На миг Арман осекся, застыл и врезался в меня взглядом, от которого у меня от страха подкосились ноги.

– Ты тоже считаешь меня причастным? – горячо спросил он. – Вот почему ты испугалась меня? Вот почему отступала? Увидев кровь, ты решила, что это я?

Я не смогла выговорить ни слова. Не знала, что сказать. В этот раз ответить твердо и решительно оказалось непросто. Это было бы

ложью. На самом деле я не знала, чему верить, и даже несмотря на то что одной остаться было страшно, самообман опасен.

Легкая надежда, вспыхнувшая в глазах Дюваля, потухла, он отступил и понуро опустил плечи. На меня он больше не смотрел.

– Арман... – хотела объяснить я, но он мне не позволил.

– Я понимаю, – сказал Дюваль, и в номере повисла тяжелая тишина.

В дверь негромко постучали, служащий отеля вкатил тележку с кофе и булочками. Было что-то еще, но я не стала смотреть, потому что меня интересовало только лицо Армана. Казалось, мои слова или скорее их отсутствие буквально раздавили его. Весь ужас случившегося между нами еще не настиг меня, но уже сейчас я ощущала вину и стыд. Я попыталась отринуть эти чувства и забыть о близости между нами, забыть о страсти, что неумолимо вспыхивала и, несмотря на страх, что Дюваль может оказаться убийцей, только разгоралась все сильнее с каждым днем. Ужас от того, что подозрения возвели между нами стену, заставил колени подогнуться, и пытаясь скрыть это, я сделала шаг к двери.

– Я очень устала, ночь была тяжелой... попрошу портье вызвать для меня такси.

Это было последним, что я смогла сказать, прежде чем покинула номер.

Глава 15

Гобер и его подозрения

Стоило вернуться домой, как усталость накатила новой волной. Смогла лишь свернуться на кровати, даже раздеться сил не хватило. Так и уснула, провалившись в забытие.

Проснувшись я около девяти, голова немного гудела, но в целом чувствовала себя уже лучше. Стараясь загнать тоску по Арману как можно глубже, приняла ванну, позавтракала и сделала все, чтобы привести себя в порядок. Из зеркала на меня смотрела уставшая и измотанная молодая женщина. Блеск в глазах погас, щеки чуть впали, и кожа стала бледнее. Неудивительно. В вихре последних событий я совсем забыла о себе, о том, кто я есть, о собственной силе духа.

Сидя перед зеркалом, обхватила лицо руками и с силой разгладила кожу, всматриваясь в мягкие черты.

– Ох, Сандрин, во что же ты вляпалась, – зажмурилась и выдохнула я, ощущая, как горечь сдавливает грудь.

Не думать об Армане не получалось. Стоило только бросить взгляд на постель, как ночь, проведенная с ним, тут же оживала в памяти. Как я и думала, руки у Дюваля оказались нежными, ласки умелыми, а тело чувственным. Таких любовников у меня еще не было. Тело помнило его прикосновения, жар волнующего дыхания и сладкие поцелуи.

– Ох, Арман, ох, – выдохнула я и резко поднялась на ноги.

Сердцу не было покоя, мириться с собственными подозрениями не хотелось. Крепко обхватила себя руками и тихо застонала от бессилия. Что я могу? Как понять, что верно, а что нет? Кто прав? Разум или сердце? Если слушать первого, то я все сделала правильно. Чувства, которые вызывала во мне близость Армана, не повод для абсолютного доверия. Два убийства – это не шутки. Я и так у кого-то под прицелом.

– Мсье Луи, – обратилась я к компаньону, – как мне быть?

Я вытащила животное из клетки и приласкала мохнатого друга пальцем. Мсье Луи потянулся носом к моему лицу, будто пытался приободрить.

– Сердце неумолимо тянется к нему, понимаете? Стонет, ноет и замирает от страха, что я обидела первого мужчину, который стал мне дорог. А если я поторопилась? Если стала той, кто предал его доверие, когда он так на него рассчитывал? Ведь логика подсказывает, что глупо так подставляться. Неужели он убил и решил так вот, с помощью семейной реликвии, сообщить мне об этом? Но зачем? Какая-то глупость.

Я нервным движением схватила портсигар, достала сигарету и приладила ее в мундштук. Руки немного подрагивали. Чувства брали верх и справляться с ними было все сложнее. Мсье Луи сидел на плече, и его лапки неприятно скребли кожу через тонкую ткань халата.

– Но эти провалы... и его рассказ о прошлом... и кровь... Я с ума сойду! Поддалась влечению и вот теперь совершенно не могу себя понять. Ничего хорошего не будет, когда в такие сложные дела вмешиваются чувства. От того, что сердце дрожит рядом с ним и тело просит ласки, я не могу нормально думать...

Давно я не разговаривала сама с собой. Чувствовала себя потерянной и одинокой. Раздался резкий звонок телефона, и я подпрыгнула от неожиданности. Посадила крысу на стол и подошла к аппарату. Трубку снимала, нервно покусывая нижнюю губу.

– Слушаю.

– Долз. – Голос заставил сердце совершить прыжок в пропасть.

– Мсье Лакомб, – негромко ответила я, теребя тугой провод пальцами.

– Как ты? – Вопрос прозвучал искренне, голос у моего редактора был сильным, не менее усталым, чем у меня самой.

– Нормально. Пытаюсь разобраться во всем.

– Нашли новый труп, ты знаешь? – с неприкрытой тревогой спросил он.

– Я его нашла, – нехотя ответила, ощущая, как тяжело мне продолжать этот разговор.

Я верила, действительно верила, что папаша искренне волнуется за меня, но боль еще не утихла, сердце не перестало разрываться на части, стоило вспомнить, как редактор со мной поступил. В трубке послышался печальный вздох.

– Детка, присмотри за своим отцом, я волнуюсь, – после выдоха сказал папаша, и я напряглась.

– Что случилось?

– Ничего, не волнуйся, пока ничего, – поспешил успокоить Лакомб. – Он был у меня, случился тяжелый разговор...

Новый выдох и наступила тягостная для нас обоих тишина.

– Вы в порядке? – спросила я, осознавая, что преданное доверие моего отца могло дорого обойтись папаше.

– Спасибо, Долли, – тихо сказал он. – Я заслужил. Но дело не во мне. Он расспрашивал о Дювалях. Хотел встретиться с Северином, который яростно требует опровержения и заодно твою голову. Пока он действует в рамках закона, но мы все понимаем, что терпением Дюваль не отличается.

Я подавила вздох. Если бы мсье Лакомб знал, на что действительно способен Северин Дюваль.

– Твой отец тоже не последний человек во Франции, детка. Он найдет путь к этой встрече. Но вот чем она закончится...

Я устало растерла пальцами переносицу и снова зажмурилась. Ох, папа! Мне сегодня остается только вздыхать. Какие еще сюрпризы принесет сегодняшнее утро?

– Я попробую его отыскать и убедить не влезать в это дело...

– Он твой отец, его поведение нормально. Не дави. Я просто хотел, чтобы ты знала.

– Спасибо, – только и смогла ответить.

А что еще сказать? Разговор получился неловким и сумбурным. Многое осталось недосказанным, но мне кажется, что мы смогли понять друг друга.

– Долз, – окликнул меня редактор, прежде чем я опустила трубку на рычаг, – будь осторожна и... прости меня...

Боль обожгла глаза, когда папаша отключился. Тут же захотелось домой, в Марсель, туда, где средиземноморское побережье приносит покой, а запах маминой выпечки – уют. Дала себе обещание, что, как только закончу с этим делом, при условии, если выживу, конечно, отправлюсь домой и, отдыхая, придумаю, как быть дальше. В газету я вряд ли смогу вернуться.

Снова запросила у телефонистки отель «Хилтон» и пригласила к телефону мсье Идо, однако и его на месте не оказалось. Поехать туда сейчас я бы не решилась, вспоминая прошедшую ночь, поэтому

попросила передать записку для отца, как только он вернется. В ней говорилось о том, что дочь мсье Идо просит его перезвонить ей.

– Что ж, мсье Луи, – прошептала я, отдирая компаньона от скатерти на столе. – Пора мне отправляться в полицейский участок. Лучше поговорить с Гобером, пока он сам не решил навестить.

Собиралась неохотно, без удовольствия. Выбрала темно-синее шелковое платье прямого покроя, с белыми отворотами на рукавах и такого же цвета треугольным воротником. Повязала белый полупрозрачный шелковый шарф и отыскала перчатки. Шляпка к этому платью тоже была синей, с пушистым белоснежным пером и легкой асимметрией, которая придавала головному убору оттенок изысканности. Очень красиво, но сдержанно и скромно. Последним штрихом стали туфли на крошечном каблучке.

Затолкала в сумочку портсигар, зажигалку и уже ставший таким привычным револьвер. Спускалась по лестнице с тяжелым сердцем. Избавиться от мыслей об Армане так и не смогла, да и папа прибавил забот. Я знала, что он у меня очень сильный и очень упрямый, но эти его качества совсем не успокаивали.

– Доброе утро, мадемуазель, – с неизменно теплой улыбкой на приветливом лице поздоровался мсье Броссар. Он входил в квартиру со свертком свежей выпечки, но, увидев меня, задержался. – Как вы?

– Благодарю, – с радостью сжала я его мягкую руку, – все хорошо.

Мой добродушный сосед присмотрелся и с досадой покачал головой, вздохнул печально, а потом слабо улыбнулся.

– Вы очень сильная девушка и обязательно справитесь, но позвольте дать непрошенный совет.

Я так и не выпустила его пальцев из своих и благодарно кивнула, зная, что любое его слово ляжет бальзамом на душу.

– Не страйтесь беды, в которой оказались, она кажется вам огромной и потому непреодолимой. Но ведь все большие вещи так или иначе состоят из множества маленьких. Продвигайтесь постепенно, устраняя проблемы помельче, так, глядишь, и доберетесь до сути.

Мудрые слова мсье Броссара надолго осели в моей голове. Я продолжала прокручивать их, когда входила в полицейский участок.

Шумное, прокуренное, даже несмотря на солнечное утро, темное помещение мне не особенно нравилось. Гомон почти никогда не умолкающих разговоров, суэта, стук по клавишам печатных машинок,

на которых писались бесконечные рапорты, и, помимо сигаретного, тут витал запах безнадежности. Участок чем-то напоминал редакцию, но здесь царили отчаяние и смердящий смертью дух преступного мира. Работы будет всегда достаточно и у них, и у нас.

– Долз, – окликнул меня радостный голос.

Я повернулась и даже с неким облегчением выдохнула. Встретить знакомое доброжелательное лицо было приятно. Брис Аркур – один из тех, с кем доводилось пересекаться по работе. Молодой, немного самовлюбленный, вполне симпатичный мужчина лет тридцати, возможно тридцати двух. Пытливые серые глаза, аккуратно и даже как-то маниакально тщательно уложенные светлые волосы, кривая усмешка и легкий нрав. Вот как можно было описать моего знакомого.

– Ты ко мне? – Он широко улыбнулся и, как всегда, приобнял за плечи, пытаясь клюнуть привычным поцелуем в щеку.

– Нет, – нервозно оглядываясь, ответила я. – К Гоберу.

– Вот как, – нахмурился Брис. – Слышал, слышал. Ты попала в очень неприятную историю. Чем-то могу помочь?

Отправляясь сюда, я даже не собиралась обращаться к Аркуру, но его предложение оказалось как раз кстати.

– Ты сам спросил, – уточнила я, серьезно глядя в его глаза, Брис кивнул. – Можешь достать мне все, что есть у Гобера?

– Да ты что, Долз! – вскинулся он, а потом перешел на шепот, отводя меня в сторонку: – Ты же понимаешь, какое это дело! Гобер, не удивлюсь, и спит над материалами, изучая даже во сне. Таких щепетильных надо еще поискать.

– Брис, мне очень надо, прошу! Я должна знать детали, чтобы разобраться и как-то помочь самой себе! Ты же понимаешь, кто такие Дювали. Я не выберусь без посторонней помощи! Не прошу рисковать понапрасну, понимаю, могу утянуть за собой, но вдруг что-то услышишь или увидишь. Простоними трубку и набери меня.

– Что именно ты хочешь знать? – уже чуть спокойнее спросил он.

Его глаза смотрели придирчиво, серьезно вглядываясь в поисках ответов на невысказанные вопросы. Я посмотрела в ответ, максимально открываясь и давая понять, что мне нечего от него скрывать, я не обману.

– Как и где были убиты девушки, что делали за некоторое время до гибели. Какую-то информацию о них самих и их окружении. Кое-

что я и сама знаю о Кароль Пети, но вторая девушка для меня загадка... О ней вообще ничего не слышала.

– Это я тебе и без Гобера скажу. Ее имя Моник Планель...

Сначала показалось, что мне послышалось, но первой реакцией все равно стал всеобъемлющий ужас. Прежде чем память разобралась, сердце уже среагировало на знакомое имя.

– Как? – переспросила я, чувствуя, что весь воздух вышел из легких разом. – Как, ты сказал, ее зовут?

– Моник Планель, – медленнее повторил мой приятель, – дочь Огюста Планеля, какого-то богача, переехавшего в Париж год назад откуда-то из Прованса.

Нет-нет-нет-нет... Как же я ее не узнала?! Малышка Моник. Стараясь сохранить самообладание, я вцепилась в ближайший стол и глубоко вдохнула. Моник была младшей сестренкой моей подруги из Марселя. Да, мы давно не общались и не виделись, но как я могла не узнать девочку? Насколько я помнила, она была младше лет на семь или восемь, а значит, я почти угадала с возрастом убитой, ей исполнилось всего восемнадцать. Изо всех сил подавляя панику и удушье, я старалась не смотреть на Бриса, который звал меня и без конца спрашивал, все ли в порядке. Каким-то извращенным способом все эти убийства были связаны именно со мной.

– Мадемуазель Идо, – послышался голос Гобера за спиной, и новый удар не заставил себя ждать.

Инспектор выяснил мое настоящее имя, а значит, и детали моего прошлого, которое безжалостно наступало на пятки.

Я подняла голову, все еще ничего не видя перед собой. В ушах стоял какой-то гул.

– Прошу в мой кабинет, – пригласил комиссар и указал рукой на одну из дверей со стеклянным окошком, на котором было написано его имя.

На ватных ногах я проследовала за Гобером. Кабинет его оказался маленьким, но опрятным. Папки, канцелярия, стопки бумаг на столе и даже пепельница были аккуратно расставлены и разложены. Ни пятен, ни пыли, ни сумбура. Казалось, у Гобера все необходимое всегда под рукой. Я уже немного успокоилась, когда присаживалась в предложенное кресло, и могла отвлечься от мыслей о Моник,

рассматривая кабинет комиссара. Создавалось такое впечатление, что тот же порядок царил и в его мыслях.

Гобер плотно прикрыл за нами дверь и присел за свой стол. Исполдлобья смотрел колючими глазами. Я нервно повела плечами и приготовилась слушать. Говорить самой очень не хотелось. К тому же необходимо было знать, какой поворот приняли мысли комиссара обо мне.

– Мадемуазель Идо, – произнес Гобер, и от звука собственного имени, прозвучавшего из его уст, я поежилась, – почему вы сменили имя?

Я сглотнула, не понимая, к чему был задан этот вопрос. Комиссар открыл ящик стола справа от себя и вытащил картонную папку. Положил ее прямо перед собой и накрыл руками. Эта папка будто магнит притягивала мой взгляд. Я догадывалась, что скрывалось в ней, но только догадывалась.

– Долли Пэг – это мой журналистский псевдоним, – ощущая сухость в горле, ответила я. Кашлянула, чтобы говорить стало легче, но не очень-то помогло. – Многие мои коллеги берут псевдоним, разве это удивительно?

– Нет, – качнул головой комиссар, – не удивительно, но мне кажется, что у вас были на то и другие причины.

Я снова бросила взгляд на папку под его ладонями. Мое напряжение росло и сосредотачивалось где-то в области ноющей поясницы. Захотелось сменить позу, но я сдержалась, боясь пошевелиться. Гобер наконец открыл папку и опустил глаза на страницы, спрятанные в ней.

– Тереза Сандрин Мария Идо, год рождения одна тысяча девятьсот первый, уроженка города Марсель. После войны изучала филологию в университете Прованса. Все верно?

– Верно, – не своим голосом ответила я, стискивая сумочку, лежавшую на коленях.

Гобер выдержал неприятную, словно скребущую по сердцу паузу. Я знала, к чему он приближался, и оттого ощущала неудержимый порыв к бегству. В глазах комиссара мелькнуло что-то похожее на сочувствие, я невольно скривилась, и это не ускользнуло от его взгляда.

– В возрасте восемнадцати лет вы подверглись нападению, за которым последовала попытка самоубийства...

Слова комиссара колоколом ударили в голову, меня на секунду будто оглушило. Я неопределенно дернула головой и запустила руку в сумочку. Она была крошечной, но отчего-то портсигар упрямо не хотел находиться. Заставляя себя дышать ровнее, я все-таки добралась до сигарет и нервно закурила. Выпуская первое облако дыма, ответила:

– Я была молода, и то, что произошло, в то время казалось мне концом жизни. Крушением надежд, если хотите. Не так давно закончилась война, и многие воспрянули духом, я тоже строила планы.

– Не справившись со случившимся, вы попытались выпрыгнуть в окно...

Его слова не звучали холодно и безучастно, но сам факт, что кто-то посторонний так запросто говорит о настолько тяжелом периоде в моей жизни, причинял боль.

– Мне было страшно и больно...

– Я вас не осуждаю, мадемуазель Идо, – поспешил заверить меня комиссар. Он пристально наблюдал за моими движениями и, когда убедился, что я владею собой, продолжил свой беспощадный допрос: – Вы провели несколько месяцев в лечебно-психиатрическом учреждении, где боролись с депрессией, паническими атаками и кошмарами. Верно?

Меня бросило в жар, а потом окатило холодной волной, мелко задрожали руки. Пришлось сделать несколько вдохов и выдохов, чтобы справиться с подступающей паникой.

– К чему вы заговорили об этом? – Я курила без мундштука, поэтому то и дело соскребала пальцем с нижней губы прилипший табак.

– На вас напали в каланках,^[2] где вы отдыхали с друзьями, – негромко продолжил Гобер, игнорируя мой вопрос. – В деле сказано, что вы не видели лица нападавшего и вообще ничего рассказать о нем не смогли.

– Не видела и не смогла.

Я не хотела говорить о прошлом, не хотела вспоминать. Мне хватало того, что события в настоящем постоянно напоминают о том, что я пережила.

– Почему, мадемуазель? – строго глядя мне прямо в глаза, спросил он.

– Что – почему?

– Почему вы не смогли описать нападавшего?

– А в деле не написано? – указала я тлеющей сигаретой на папку.

– Нет, – коротко бросил Гобер и откинулся на спинку своего стула.

– Мне бы не хотелось...

– Я прошу вас.

– Не понимаю, как все происходящее связано с нападением на меня, которое было почти восемь лет назад? – сиплым голосом спросила я.

– Просто ответьте на вопрос, – с легким нажимом попросил комиссар.

Я впиалась взглядом в его чистый, но далеко не новый костюм. Почему-то подумала о том, что мадам Гобер, наверное, бережно ухаживает за мужем, приводя в порядок его одежду. Штопает, стирает, разглаживает ладонями пиджак на спине, после того как поможет его надеть утром, провожая комиссара на службу.

– Я была оглушена собственным страхом, комиссар. Бежала от него по камням, много плакала. Кричать не осмелилась, потому что боялась быть обнаруженной. Но он все равно меня настиг, прямо на берегу. На нем был глубокий капюшон и темная одежда. Ничего примечательного.

Говорила, словно тарабанила давно заученный текст. Отступление от него было бы губительным. Эти фразы я давно обезличила, сделал просто словами, не имеющими смысла, не причиняющими боль. Стоит Гоберу попросить подробностей, и я уже не смогу остаться беспристрастной, какой хотела казаться.

– Друзья искали вас?

– Да, моя подруга Бернадет Планель забила тревогу, не обнаружив меня у костра, – тихо ответила я, споткнувшись на имени подруги.

Гобер закивал головой. В материалах дела он уже видел свидетельские показания Бернадет, темнить и недоговаривать не было смысла.

– Отправившись на поиски, друзья громко выкрикивали ваше имя и тем самым спасли...

– От смерти, не от надругательства, – резко сказала я.

Глаза комиссара вспыхнули, будто он не знал об изнасиловании. А может, не ожидал подобного выпада с моей стороны. Горечь, боль, злость и обида смешались внутри. Я понимала, что если не справлюсь с чувствами, то скачусь в истерику или что-то подобное. Для него это просто работа, для меня – вся моя жизнь.

– Я все еще не понимаю, почему мы говорим о моем прошлом, комиссар?

– Разве для вас это не очевидно? – качнул головой Гобер. – Прошедшей ночью была убита Моник Планель, младшая сестра той самой подруги, которая давала показания по вашему делу.

– Это совпадение, – сама не веря в то, что говорю, ответила я.

– Вы общались с сестрами Планель в последнее время?

– Нет, после того, как вышла из клиники, я разорвала все прошлые связи. У меня не осталось в Марселе друзей.

– И с тех пор вы ни разу не виделись и не разговаривали ни с одной из них?

– Ни разу, – чувствуя подступающую головную боль, ответила я. – Это всего лишь чудовищное совпадение.

– И записки, которые присылают вам, тоже совпадение? И скамейка, на которой вы любите бывать, и первая жертва, которую вы видели вечером, прямо перед убийством? Все это тоже просто совпадение?

– Возможно, выглядит все это странно, но...

– За время службы в полицейском департаменте я встречал людей с покалеченной психикой. С ними когда-то случалась беда, они проходили лечение, а потом каким-то непостижимым образом сами становились преступниками. Или оказывали содействие преступникам.

– Что вы хотите сказать, комиссар? Что я как-то связана с убийцей? – На последнем слове мой голос прозвучал визгливо.

– Я этого не утверждаю, но... Согласитесь, мадемуазель Идо, ваше... сотрудничество с главным подозреваемым наводит на определенные мысли.

– Бредовые мысли, комиссар! Я никак не связана с убийцей! Это возмутительное предположение! И мсье Дюваля я убийцей не считаю! Он не настолько глуп, чтобы так подставляться. Вы знаете, что статья была заказной. Из этого любой, даже не самый дальновидный человек

вполне обоснованно может сделать вывод: мсье Дюваля подставляют. Направленно и умело.

– И с чем же связаны эти нападки на вашего знакомого? – спросил Гобер, но я уже видела по его лицу, что в эту сторону он тоже уже смотрел.

– Все крутится вокруг патента...

Комиссар медленно кивнул, и я не стала продолжать. К чему бессмысленно сотрясать воздух?

Защищать Армана оказалось чем-то настолько само собой разумеющимся, что я даже не заметила, как в груди разгорелся праведный огонь негодования. Я говорила искренне и твердо, как не смогла наедине с Дювалем. Почему же тогда казавшиеся мне правильными сомнения сейчас выглядели глупо? Абсурдные предположения комиссара, вероятно, должны были вывести меня на эмоции, поскольку он внимательно наблюдал за моей реакцией. Однако весь этот бред помог мне собраться и взять себя в руки. Почему-то именно в эту минуту я окончательно осознала, что верю в невиновность Армана.

– Вы хотите еще что-то мне сказать? – Я решительно поднялась, давая понять, что не желаю продолжать этот разговор.

– Я лишь хотел, чтобы вы помогли мне разобраться, – пояснил комиссар, прищуривая свои пробирающие до костей карие глаза.

– Все, что я могу вам сказать: я понятия не имею, что происходит! Я не знаю, почему эти убийства вращаются вокруг меня. Я никак не связана с убийцей. Разбираться во всем этом – ваша работа. Вот и разбирайтесь.

Гобер нахмурился, снова повисла тишина, но на меня она уже не давила.

– Я могу идти?

– Пока да, – ответил комиссар, вставая на ноги. – Но будьте уверены, рано или поздно я доберусь до ответов.

– Бог в помощь! – ответила я и вышла из кабинета.

Глава 16

Немного покоя в парке Бют-Шомон

Вышла из полицейского участка сама не своя. Глупо было предполагать, что Гобер не докопается, но его предположение, что я каким-то образом связана с убийством, не укладывалось в голове. Взяла такси и отправилась в еще одно любимое место в Париже, в парк Бют-Шомон. Место прекрасное, но бывала я там редко в силу вечной занятости. Сейчас я не хотела оказаться в звенящей и давящей на голову тишине, поэтому парк показался мне идеальным местом, чтобы затеряться в толпе, разглядывая людей и размышляя о том, какими проблемами озабочены они.

Огромная площадь в двадцать пять гектаров, многие километры дорожек, зелень и множество посетителей. Вот что мне сейчас было нужно. Расплатившись с таксистом, вышла в летний день с тяжелым сердцем. Полуденное солнце здорово припекало, стало даже жарко. Я медленно осмотрелась и вошла в парк.

Посещая ранее какие-либо примечательные места, особенно в первые полгода моей жизни в столице, я непременно узнавала о нем все, что могла. Сейчас, гуляя по дорожкам, прокручивала в голове историю создания парка, чтобы отвлечься и оказаться вдали от мрака собственной жизни.

Историю Бют-Шомон нельзя было назвать веселой, но это прекрасный пример того, как из чего-то ужасного можно сотворить нечто поистине чудесное. Хмыкнула невесело появившейся мысли. Интересно, а из моей ужасной истории, могло бы получиться что-то хорошее? Сейчас и думать об этом было смешно, но любая проблема со временем теряет свою остроту, ее шероховатые стенки размываются, боль и страх притупляются. Конечно, след всегда остается, в виде опыта, болезненных воспоминаний или даже фобий. Как в моем случае. Нападение, которое я пережила в юности, принесло боль многим людям. Не только мне, но и семье. Я зажмурилась, невольно вспоминая то отчаяние, с которым шагнула на подоконник, как остервенело открывала окно и как мама молила меня одуматься.

«Прости меня, мамочка», – мысленно обратилась я к самой любимой женщине на свете. Моя храбрая, стойкая, самая сильная мамочка на свете. Она отважно боролась со мной и с самой собой: с собственной болью, со страданиями, которые я ей причиняла, с незаслуженной обидой. Она терпела и ни разу не пожаловалась. Уже сейчас, спустя столько лет, я вспоминала ее страдания и слезы бессилия, но она не сдавалась, помогая мне преодолевать последствия того нападения. Мама истязала себя, пытаюсь казаться сильной, изводила и изматывала, но ни разу меня не упрекнула.

Папа страдал иначе. На какое-то время он ожесточился, в том числе и в обращении со мной. В конечном счете это очень помогло. После клиники он научил меня стрелять, немного обороняться без оружия и уже больше никогда не говорил со мной как с ребенком.

Благодаря моим родителям я выбралась из уныния и смогла преодолеть случившееся. Конечно, отголоски того отчаяния все еще звучат во мне, но я продолжила жить.

Снова вспомнив о том, что хотела отвлечься, я огляделась и решила дойти до озера, на котором есть остров с пятидесятиметровой скалой. На вершине этой скалы расположен храм Сибиллы, копия одноименного храма в Тиволи. К острову вели два моста, один – подвесной, а второй – каменный, именуемый «мостом самоубийц». Я выбрала второй, он вел как раз к храму. А еще я хотела увидеть место, где в озеро впадает ручей. Оно было красиво оформлено в виде искусственного каскада над гротом.

Неспешно прогуливались туристы и жители Парижа, их неторопливые беседы, обрывки которых я невольно улавливала, успокаивали растревоженную душу.

Подумать только, но много лет назад на этом самом месте вывешивали мертвые тела после казни, которые порой, если не было новой партии, висели до полного разложения. После революции 1789 года это место превратили в городскую свалку для мусора и отходов, а позже здесь еще начали забивать лошадей. Последствиями стали вспышки инфекционных заболеваний в соседних районах, а про постоянное зловоние и говорить даже не стоит. Другая часть будущего парка в это время использовалась как карьер, где добывали гипс и известняк.

И вот совершенно непонятно, почему именно эта территория привлекла внимание барона Османа, мэра Парижа, когда он решил разбить парк для отдыха и развлечений. В 1864 году инженер Альфанд, архитектор Давью и садовод Дешамп занялись строительством парка. За три года здесь появилось несколько километров дорог, множество террас и газонов, высадили тысячи деревьев, кустарников и других растений. Чтобы вывезти отсюда весь мусор и доставить строительные материалы, понадобилось специально достроить железнодорожную ветку до самого парка. Даты, имена и события всплывали в голове сами собой.

Я разглядывала окрестности и старалась не думать ни о чем, связанном с убийствами, хотя бы какое-то время. Прогуливалась по огороженным низким зеленым заборчиком дорожкам, подставляя лицо палящему солнцу, словно оно было способно выжечь все мои горести и заставить проблемы испариться. В какой-то момент, когда ноги немного устали, прилегла на траву в тени высокого дерева и посмотрела в небо, по которому неспешно плыли малочисленные облака. Хотелось остаться здесь навсегда, вот так лежать, забыв о реальности, боли и ошибках, но, к сожалению, это было невозможно. Иногда, позволяя себе немного похандрить, я снимала напряжение, чтобы оно не копилось и не обернулось чем-то большим. Хотя сейчас, конечно, ситуация выходила из-под контроля и даже покой и стрекотание насекомых вокруг не очень-то помогали.

Не знаю, сколько времени я провела в парке, наслаждаясь свежим воздухом и запахами трав и цветов, пока не ощутила голод. Зашла в первый попавшийся ресторанчик и отведала отменного огуречного супа, а потом идеально приготовленного лосося. От сладкого отказалась, настроения для него не было, что со мной случалось редко.

К дому вернулась уже после четырех часов и сразу заметила знакомый автомобиль.

– Добро пожаловать в реальный мир, Сандрин, – пробормотала самой себе, разглядывая Тъери, опиравшегося на крыло машины.

Мужчина меня еще не заметил, стоял, сложив руки на груди, и жевал тлеющий окурок. Стайка детворы, гонящейся друг за другом вокруг автомобиля, совершенно его не беспокоила. Невольно пробежалась глазами по округе, но того, кого искала, так и не нашла.

Стоило Тъери меня увидеть, как он тут же встрепенулся, выпрямился и изобразил что-то напоминающее виноватую улыбку, благодаря которой стал похожим на нашкодившего мальчишку.

– Здравствуй, – сказал он, когда я подошла ближе. – Как ты?

– Здравствуй, – ответила, стараясь больше не смотреть ему в лицо.

Интересно, он знал о размолвке между мной и Арманом? – Неплохо, была у Гобера.

– В связи со вторым убийством? – спросил Тъери.

– Да, – ответила я, но о подробностях говорить не хотелось.

Образовалась пауза, во время которой я старательно отводила глаза, а друг Армана пытался поймать мой взгляд.

– Он понимает, – тихо сказал Тъери, и я вздрогнула, а потом все же посмотрела ему в лицо.

Ни капли осуждения не увидела я в его глазах, ни тени неприязни или какого-то недовольства мною. На душе стало теплее, но и стыд никуда не делся.

– Хочешь кофе? – внезапно спросила я и, получив утвердительный ответ, повела мужчину в свою квартиру.

Тъери с любопытством разглядывал легкий беспорядок, царивший после утренних сборов. Он заглянул в клетку мсье Луи, а потом оценил вид с балкона. С ним рядом было легко даже молчать. Мы пили кофе и не нарушали тишины. Казалось, он и приехал только для того, чтобы вот так провести со мной немного времени и убедиться, что я в порядке. Было приятно осознавать, что и ему, и, бесспорно, его другу безразличны, как моя судьба, так и душевное спокойствие.

Конечно, я чувствовала, что для приезда ко мне у Тъери была еще какая-то причина, но это ничуть не омрачало его поступка. Я не собиралась спрашивать его об истинной цели визита, до тех пор пока он не захочет рассказать сам, ну или, на худой конец, пока не придет время.

Спустя полчаса рассматривания Парижа я предложила Тъери сыграть в карты, на что он с радостью согласился. За игрой в «заем», которой когда-то обучила меня бабушка, мы весело провели еще около двух часов, и эти два часа, как и прогулка по парку, пошли мне на пользу.

Стоило Тъери взглянуть на часы и немного напрячься, как я тут же поняла, что то самое время пришло, и выразительно посмотрела на

него.

– Мы нашли одного из адептов, – не стал увиливать Тъери. – Он будет дома примерно через час. Собирайся.

– Ты так уверен, что я поеду? – Я удивленно вскинула брови.

– Сомнения были. – Он почесал затылок. – Но испарились уже через минуту, после того как я тебя увидел. Ты сожалеешь о сказанном или, наоборот, несказанном и не решаешься увидеться с Арманом. А он переживает, что эта ситуация пугает тебя, и тоже не делает шаг вперед, предоставляя тебе возможность решить, нужно ли тебе дальнейшее сотрудничество.

– Это приглашая на встречу с адептом, он дает мне возможность решать? – усмехнулась я.

– Ну, – широко улыбнулся Тъери, – мы оба надеялись, что любопытство победит чувство вины и ты присоединишься, что, само собой, сгладит ситуацию.

– Вот проходимцы! – улыбнулась я в ответ. – Конечно, я не упущу возможности продолжить расследование. Тем более встреча с адептом может быть весьма полезной.

Мы пересекли арочный мост Руаяль, чтобы попасть на правый берег Сены, потом миновали памятник Жанне д'Арк на площади Пирамид и неспешно добрались до улицы де Мартир. Я не спрашивала у Тъери об Армане, и он сам тоже не заговаривал о друге. Легче было сосредоточиться на предстоящей встрече с одним из адептов, поклоняющихся Камилле Клодель, чем думать о глазах Дюваля. Увижу ли я в них укор?

Внутри появилось странное чувство щекочущего нервы азарта, словно мы приближались к ответам на очень важные вопросы. Я заставляла себя отгонять мысли о том, что все будет просто, что этот самый адепт легко и непринужденно расскажет о загадочном человеке, с которым ушла Кароль. Это было бы большой удачей, но своим предвкушением я боялась ее спугнуть.

Вышла из автомобиля и обернулась на церковь Девы Марии Лоретанской. Ее фасад из большого портика с четырьмя колоннами украшал треугольный фронтон, в котором находилась удивительная скульптурная композиция. Мне всегда нравились три статуи на крыше фронтона, символизирующие веру, надежду и любовь.

Сердце предательски дрогнуло, когда, повернувшись к дому номер четыре по улице де Мартир, заметила Армана. Он стоял у входной двери и смотрел прямо на меня. Карие глаза с тревогой задержались на моем лице, изучая его и при этом выворачивая мою душу. Тъери проскользнул мимо и скрылся в парадной, а я неуверенно приблизилась к Дювалю. Внутри все дрожало и трепетало, а снаружи я была как натянутая струна. Заглянула в глаза, полные тепла, и мысленно прижалась к широкой груди, сожалея о недоверии и промелькнувшем между нами недопонимании.

– Привет, – чуть хрипло сказал Арман, и голос его окутал меня словно мягкое одеяло. – Как ты?

Вот что значит – друзья. Оба прежде всего интересуются мной. Чувство вины увеличилось во сто крат.

– Арман... – с трудом выговорила и отвела глаза. – Я... я...

– Не надо, – тихо сказал он и коснулся пальцем моего подбородка, а потом мягко приподнял его, чтобы я вновь оказалась в плену его глубоких глаз. – Оставим позади.

Внутри словно что-то лопнуло, как воздушный шарик, постоянно давивший на грудь и мешавший дышать в полную силу. От облегчения даже ноги слегка подкосились. Теплые ладони легли на плечи и аккуратно их сдавили, ободряя.

– Пойдем за Тъери, – улыбнулся Арман, и от этой лучезарной улыбки на душе потеплело, – его распирает похвастаться своей находкой. Он этого адепта два дня выслеживал.

– Ты прав, – тихо рассмеялась я, поддаваясь настроению Дюваля, – пойдем, пока он не начал без нас.

Арман распахнул передо мной дверь и пропустил вперед. Мне казалось, я услышала, как от радости запела душа. Как же мало нужно для счастья. Даже во мраке можно найти что-то светлое, если просто знаешь, что прощена кем-то по-настоящему близким. Застыла на полушаге и невольно оглянулась, встречаясь глазами с вопросительным взглядом Армана. «По-настоящему близким», – мысленно повторила для себя. Приятная волна пробежала по телу, я ощутила пробуждение во мне чего-то нового. Чего-то, что было мне неизвестно до этой самой минуты. Арман склонил голову набок, вероятно ожидая от меня каких-то слов, но я лишь снова улыбнулась и отрицательно мотнула головой, откладывая все разговоры на потом.

– Рад видеть вас такими счастливыми, – подмигнул нам Тъери, который подпирал стену возле двери на первом этаже. – Он уже дома, я слышал какую-то возню за дверью.

– Тогда не будем медлить, – ответил Арман и постучал.

Сердце замерло, я невольно сжала сумочку, нащупывая револьвер. В последнее время совсем нервной стала. Бросила взгляд на Армана, который нахмурился и сделал шаг назад, когда за дверью послышались шаги. Из квартиры показался чопорного вида камердинер, который смерил нас придирчивым взглядом.

– Мсье Руже дома? – поинтересовался Арман холодно.

Камердинер тут же оценил гостя, еще больше приосанился и добавил взгляду почтения, а потом чуть поклонился, пропуская нас внутрь.

– Как мне вас представить, мсье? – обратился слуга к Дювалю.

Арман запустил руку во внутренний карман пиджака и извлек карточку, на которой значилось его настоящее имя. Занятно, здесь он не собирался скрывать свою личность. Камердинер бросил взгляд на имя и тут же испарился. Я огляделась. Мы попали в большую, пяти- или шестикомнатную квартиру, полностью выполненную в светлых тонах: стены, мебель, шторы и даже ковры. Благодаря этому апартаменты казались еще больше, чем были на самом деле.

– Прошу вас, господа, – гордо провозгласил камердинер, открывая еще одну дверь в белоснежную гостиную.

Арман стремительно ворвался в комнату и, демонстрируя исключительную важность и деловитость, обратился к хозяину квартиры:

– Благодарю, что приняли нас, мсье Руже!

Я шагнула из-за спины Дюваля и рассмотрела того, кому была адресована благодарность. Напротив нас стоял довольно упитанный молодой человек с не очень свежим цветом лица и тусклыми глазами непонятного цвета, выразившими сейчас полное недоумение.

– Мсье Дюваль, – произнес он, еще раз посмотрев на карточку, – чему обязан?

– Прошу, присаживайтесь, – по-хозяйски велел Арман и сам опустился на узкий, на вид совсем неудобный диван, – и мы поговорим.

Мсье Руже робко плюхнулся в кресло, продолжая удивленно взирать на гостя, который полностью завладел его вниманием. Нас он будто и не заметил. Вот она власть фамилии Дюваль.

– Сиприен! – позвал молодой человек.

– Прошу вас, не беспокойтесь, – по-кошачьи улыбнулся Арман, – мы ничего не будем, зададим пару вопросов и удалимся.

Таким я Дюваля еще никогда не видела: холодно-властным и будто неприступным. Показавшийся в дверях камердинер был отправлен обратно одним нервным жестом хозяина. Мсье Руже чувствовал себя неуютно, ерзал в кресле и беспокойно ждал.

– Представлю вам моих друзей, – продолжал Арман, – мисс Долорес Пэг и мсье Перрен.

Долорес? С тех пор как я взяла этот псевдоним, ни разу не слышала, чтобы кто-то называл меня полным именем. Долли, только Долли. Наверное, моя реакция красноречиво отразилась на лице, потому что Арман усмехнулся в кулак, делая вид, что устраивается удобнее на каменном диване.

– Приветствую вас, – тихо сказал мсье Руже.

Наши имена сейчас были на слуху в жужжащем как улей Париже, поэтому молодой человек бледнел, краснел, а потом снова бледнел с такой скоростью, что мне казалось, его вот-вот хватит удар.

– У нас к вам всего пара вопросов, – попыталась я мягко сгладить впечатление, а потом бросила укоризненный взгляд на Дюваля, который в ответ всплеснул руками. – Нам стало известно, что вы являетесь членом одной... скажем так, организации, которая проводит встречи в особняке Жассо на острове Сен-Луи.

И без того странные глаза молодого человека чуть было не выкатились наружу. Он привстал, но, увидев приподнятую бровь Армана, тут же сел обратно. Сглотнул, поправил воротник рубашки, который сейчас по всей видимости казался ему удушающим.

– Нас совершенно не волнует то, чем именно вы там занимаетесь, – пояснил Дюваль. – Вы вольны развлекаться как угодно. Нам нужно знать все о том вечере, когда ваше собрание посетила Кароль Пети. Вы ведь помните ее?

Мсье Руже смотрел на Армана с откровенным страхом. Мне даже стало немного жаль его. Судя по всему, он был весьма впечатлительным и романтичным молодым человеком, легко

увлекающимся и ведомым. Из состоятельной семьи, но предпочитающий жить отдельно, хоть и под надзором камердинера, скорее всего выбранного родителями. Осмотрев комнату, заметила томики стихов и несколько небольших скульптур.

– Помню, – на выдохе ответил он. – Она была у нас впервые.

– Как она попала на ваше собрание? – спросил Арман, наклоняясь вперед и упираясь локтями в колени.

Молодой человек инстинктивно отклонился на спинку кресла, чтобы быть подальше от Дюваля.

– Е-е-её привели...

– Кто? – нетерпеливо рявкнул Арман.

Я подошла сзади к дивану и положила руку на его плечо, чтобы он немного сбавил обороты. Если этот молодой человек совсем испугается, мы не вытянем из него ни слова.

– Я не знаю его имени, – затараторил мсье Руже, – я видел его всего второй раз. Многие из нас видели его второй раз. Хотя сказать, что мы его видели, нельзя. Он был в плаще и капюшоне. Высокий, крепкий, с глубоким грудным голосом, очень завораживающим, буквально пленяющим. До этого он приходил один, постоял в углу, посмотрел, послушал и удалился. А в тот вечер привел ее.

– Зачем? – мягко спросила я, чувствуя, как мой голос начинает дрожать.

Мсье Руже поднял на меня глаза и будто впервые увидел. Он снова занервничал:

– Не знаю. Я много думал об этом после... после статьи о ее убийстве. Может, для того, чтобы сломить ее волю?

– Это как? – нахмурился Тьерри.

– Ну, – замялся молодой человек, – во время этих собраний... мы выпиваем, курим и... в общем, пытаемся войти в транс... чтобы быть ближе к нашим кумирам...

– Наркотики, – понимающе кивнул друг Армана.

– Мадемуазель Пети была в приподнятом настроении и все с интересом рассматривала, задавала много вопросов. Она была очаровательной девушкой, просто очаровательной. – Он виновато посмотрел на Армана, будто был виновен в ее смерти. – Если бы я знал...

– То что? Что бы вы сделали?

– Не знаю, – перешел он на шепот и опустил голову, – возможно, проводил бы домой.

– Но она пришла не одна...

– Да! – встрепенулся молодой человек. – Именно, мне и в голову не пришло ничего дурного. Ведь она ушла с тем, кто ее привел!

– Что-нибудь можете вспомнить о странном госте в плаще? – поинтересовался Тъери.

Арман заметно насторожился, чуть повернул голову и застыл.

– Вроде нет, – с сожалением сказал мсье Руже.

– Подумайте, пожалуйста, хорошенько, – настаивал Тъери. – Любая деталь...

Арман поднялся с дивана и медленно прошел к закрытой двери. Я тревожно следила за ним, чувствуя недоброе.

– Нет! Постойте! – радостно воскликнул хозяин квартиры. – Я вспомнил! Была одна деталь, которая не сразу, но бросилась в глаза! Как я мог забыть?

Молодой человек подпрыгнул в кресле, его глаза засияли, а мое сердце вздрогнуло, когда Арман приложил ладонь к двери. Что-то явно его настораживало.

– И что же это было? – нетерпеливо давил Тъери, не замечая поведения друга.

Но ответить мсье Руже не успел. Арман резко развернулся к нам и закричал:

– На пол!

Внезапно прогремел сильнейший взрыв, отбрасывая нас кого куда. Удар невероятной силы врезался в грудь и отшвырнул меня, словно пушинку, далеко к окну. Послышался звон стекла и треск ломающейся мебели. Осколки и обломки посыпались на меня сверху. Кроме боли, я уже ничего не чувствовала. Боли по всему телу, оглушительной боли. Прежде чем потерять сознание, я успела лишь поднять глаза и увидеть, что комната превратилась в руины.

Глава 17

Откровения

– Сандрин, Сандрин, очнись, – слышался голос будто из глубины.

Я приходила в себя, словно со дна морского всплывала. В голове стоял звон. Постаралась открыть глаза, но не получилось. Веки будто слиплись. Чьи-то крепкие руки держали меня за плечи.

– Больно, – смогла я выговорить сквозь зубы, понимая, что ничего, кроме всеобъемлющей боли, не чувствую.

– Знаю, милая. – Мягкий голос Армана прошелестел прямо над ухом. – Потерпи немного.

Я снова попыталась разомкнуть веки, и на этот раз попытка удалась. Перед глазами стояла мутная пелена. Повернуть голову оказалось не так-то просто, но мне хотелось понять, где я нахожусь и что меня окружает.

– Ему уже не помочь, Тъери, – с сожалением сказал Дюваль другу.

– Но... может, попытаешься?

– Я не возвращаю мертвецов, – не без горечи в голосе прозвучал ответ.

– Я посмотрю, где Сиприен, – спустя несколько бесконечных секунд сказал Тъери.

Мы все еще были в доме мсье Руже, значит, беспамятство длилось совсем недолго. Я лежала на полу среди обломков и осколков, израненная и покрытая пылью. Арман сидел рядом и поддерживал меня в более или менее сидячем положении:

– Я чуть с ума не сошел, когда увидел тебя под обломком стены, – пробормотал он, заглядывая в мои глаза. – Думал... думал, что ты погибла...

– Все в порядке, – едва шевеля губами, ответила я, чувствуя, как силы вновь покидают меня.

– Думаю, нам пора убираться отсюда, Арман, – сказал Тъери. – Сиприен в порядке, напуган и оглушен, не более. Удар пришелся на эту комнату, а он был на кухне.

– Сандрин не сможет идти, мне нужно сначала помочь ей, – ответил Дюваль.

– В машине... ты сможешь сделать все в машине? Скоро здесь будет полно ажанов!

Арман кивнул и подхватил меня на руки. Я не смогла сдержать вскрика, боль прокатилась по всему телу, слезы брызнули из зажмуренных глаз. Дюваль ласково притянул меня ближе:

– Прости, совсем немного осталось. Я исцелю тебя. Тъери, ты сделал все, что нужно?

– Насколько смог, – ответил тот, открывая перед нами входную дверь. Как еще соседи не сбежались, непонятно. – Сиприен крепкий старик. Нервы у него в порядке. Я велел забыть о нашем приходе и обещал щедрое вознаграждение. Он кивнул, но сам понимаешь...

– Понимаю, – недовольно ответил, Арман, укладывая меня на заднее сиденье автомобиля. – Заводи, убираемся отсюда.

Дюваль забрался в салон и положил мою голову себе на колени. Постоянно извиняясь, он расположился удобнее и взял мои руки в свои, коснулся их горячими губами, а потом что-то зашептал на все том же непонятном языке. Я не отрываясь смотрела на его растрепанные волосы, разбитую губу и глаза, полные вины. Легкое голубое свечение вновь засияло над нами, и бурлящая живительная энергия хлынула в меня с такой силой, что я чуть было не захлебнулась.

– Прости, – вновь извинился Арман, – немного перестарался. Больно?

Я смогла мотнуть головой, а потом застыла, буквально ощущая, как затягиваются раны на моем теле. Кожу стягивало, покалывало, она зудела, и я едва держалась, чтобы не начать чесаться.

– В больницу? – спросил Тъери, слегка повернув к нам голову.

– Домой, Арман, – попросила я, чувствуя накатившую усталость и то, как отяжелели веки. – Хочу домой.

Сила, которой наделил меня Дюваль, была неумемной, суетливой и непостижимой. Кровь в жилах скользила будто обновленная, невозможно было объяснить эти ощущения. Тело мое словно переродилось или помолодело, не знаю даже, как назвать. Я чувствовала бодрость и невероятный подъем, но при этом дикую усталость. Глаза слипались, поэтому я просто поддалась ощущениям и прикрыла их.

– Как твоя нога? – спросил у друга Дюваль.

– Ничего, бывало и хуже, – отозвался тот. – Немного болят ушибы, но я в порядке. Что это было?

– Ловушка, – тихо сказал Арман, задумчиво поглаживая пальцами мое плечо. – Нас будто ждали. И ловушка была настроена очень грамотно. Думаю, если бы Руже не вспомнил какую-то деталь, которую мы, к сожалению, так и не услышали, то ничего бы не случилось.

– Тут... тут твои замешаны?

Это слово «твои» прозвучало как-то странно. Не знаю, какой именно смысл вкладывал Тъери в него, то ли о семье говорил, то ли о тех, кто обладает силой.

– Несомненно, – ответил Арман. – Ловушка магическая, и поставил ее очень сильный маг.

– Ты можешь узнать, кто это был?

– Нет, распознавать силу я не могу, да и вообще мало кто может.

– То есть, встретив мага, который поставил ловушку, ты его не узнаешь?

– Нет, хотя... Думаю, если он применит свою силу... возможно... Не знаю, Тъери. Ты же в курсе, что я отошел от всего этого. Я многого не знаю, стараясь держаться в стороне.

– Ты здорово исцеляешь, – словно утешил друга Тъери.

– Это чуть ли не единственное, что я время от времени практикую, и то по необходимости.

Пока мужчины негромко беседовали, я пыталась справиться с энергией, что бурлила внутри, наполняя меня жизненными силами. Да, Арман явно перестарался, отчего тело жужжало и звенело, а еще совсем чуть-чуть дрожало.

– Все это навело меня на мысль, которая как-то не приходила в голову прежде... – медленно проговорил Дюваль.

– Убийца – маг...

– Именно! Только вот статья... я никак не могу связать все воедино. Голова кругом идет, и на душе неспокойно... Тъери, я боюсь, что история повторяется. А что, если я действительно?..

Автомобиль будто мотнуло в сторону, а потом он поехал медленнее. Я раскрыла глаза и увидела, как Тъери развернулся к другу и сурово посмотрел ему в лицо.

– Даже не думай, слышишь! Если эта дьявольщина снова витает в твоей голове, я, если понадобится, вытрясу ее оттуда! Я не шучу, Арман! Забудь и больше не вспоминай!

– Но память...

– Это объяснимо, я уверяю тебя...

Тъери не договорил, заметил мой внимательный взгляд и замолчал, а потом развернулся к дороге, и мы вновь заколесили по ночному Парижу.

– Ясно одно, полиция уже ничем не поможет, – продолжил Тъери. – Они будут топтаться на месте, совершенно не подозревая о сущности убийцы.

– Кто может бросить нам такой вызов? – будто у самого себя спросил Арман. – В нашем кругу все знают отца, знают о его крутом нраве, никто в здравом уме не осмелился бы нападать на кого-то из Дювалей. Это просто абсурд...

– Это кто-то дерзкий, если не сказать наглый... Не припомнишь, может, среди «ваших» есть кто-то достаточно сильный, чтобы противостоять твоему отцу? Может, ссорился кто с ним?

– В Париже мы не единственные, но равных нам нет. Здесь отец ни с кем не соперничал, да никто бы и не рискнул...

– Это в Париже, а было ли что-то в прошлом? – спросил Тъери. – Может, ранее твой отец успел с кем-то схлестнуться? Может, кто-то злопамятный или умеющий выжидать?

– Были, конечно, случаи... но я сразу не вспомню, – мотнул головой Арман и прикрыл ладонью глаза, а потом нервно растер ею лицо. – В то время я не был примерным сыном. Впрочем, как и сейчас.

– Вот черт, – выпалил Тъери и резко затормозил.

– В чем дело? – воскликнул Арман, едва удержавший меня от падения.

– Это не автомобиль твоего отца у дома Сандрин? – почему-то шепотом спросил мужчина.

Арман выглянул из-за плеча друга и резко выдохнул, очевидно тоже узнавая машину. Мужчина аккуратно усадил меня, обхватил ладонями лицо и сказал:

– Потерпи еще немного, совсем чуть-чуть, и я отнесу тебя домой.

Я взялась за запястья Армана, не желая, чтобы он убирал теплые руки от моего лица. А еще меньше я хотела, чтобы он снова вступил в

конфликт с семьей.

– Я быстро, – сказал он и вышел из автомобиля.

Я постаралась выпрямиться, чтобы разглядеть хоть что-то. Внутри у меня все дрожало и от напряжения, и от страха, и от все еще бурлящей силы Дюваля.

Дверь сверкающего «буччиали» открылась, и из-за нее показалась тонкая рука, обтянутая перчаткой. Арман помог матери выйти. Я даже глаза прикрыла от сожаления. Жаклин Дюваль прибыла к моему дому лично. Даже не знаю, что лучше: Северин или его жена? Поскольку Арман не закрыл за собой дверцу, мы с Тьери могли слышать беседу матери и сына.

– Что случилось, Арман? – спросила Жаклин дрогнувшим голосом. – Я наблюдала за твоей подружкой, и вдруг что-то мощное будто вытолкнуло меня...

– А я думал, что это мощное твоих рук дело... – сухо ответил Арман.

– Не глупи, – скривилась его мать, – даже если я не согласна с твоей связью, я не пойду против тебя, и ты об этом знаешь. Неужели ты действительно мог подумать, что я как-то причастна?..

– Нет, – выдохнул Арман, – прости, я на самом деле так не думаю. Просто не сдержался. Ты желала зла Долли...

– Но не тебе! – повысила голос Жаклин. – Так что все-таки случилось?

Властный голос мадам Дюваль не оставлял собеседнику выбора. Любой на месте Армана стушевался бы, но сын, видимо, привык к тону матери и попросту не обращал на него внимания. На миг на его лице появилась такая усталость, что мое сердце дрогнуло. Боль, тоска и одиночество. Чудовищное одиночество, пожирающее его изнутри.

– Мам, – сказал он, – можешь помочь?

Жаклин вдруг посмотрела на сына другими глазами. Тень пробежала по ее лицу. Женщина развернулась к Арману и едва не кинулась обнимать, но сдержалась, будто их разделял невидимый барьер, который ни один из них никак не мог преодолеть. Мне показалось, что эта просьба разорвала сердце матери в клочья. Сейчас передо мной предстала совсем иная Жаклин Дюваль, просто мать, которая не сражается с легкомыслием сына, а изо всех сил жаждет помочь. Она ловила измученный взгляд своего ребенка, как

последнюю надежду на что-то, неведомое окружающим, ставшим невольными свидетелями настолько личного разговора матери и сына.

– Что я могу сделать? – с дрожью в голосе спросила она.

– Был ли у отца кто-то, кто желал бы его уничтожить? Кто-то из нашего круга? Кто-то, кто мог бросить ему вызов таким извращенным способом?

– Ты думаешь? – Глаза Жаклин вспыхнули. – Ты уверен, что не...

– Не уверен, мама, – ответил Арман, – совсем не уверен, но я должен за что-то зацепиться, иначе сойду с ума, понимаешь?

Голос Армана все труднее было разобрать. Чувства переполняли его, и в этот миг казалось, что никто, кроме матери, не способен был этого понять. Жаклин коснулась щеки сына и с силой закусила нижнюю губу.

– Понимаю, – хриплым голосом сказала она.

– Вспомни, – медленно отстранившись, попросил Арман. – Кто первым приходит тебе на ум?

Губы Жаклин превратились в тонкую нить, она попыталась скрыть боль, причиненную движением сына.

– Шаплен, Филипп Шаплен, – взяв себя в руки, ответила она. – Но я не думаю, что он в Париже. Мы бы знали. Хотя всякое может быть.

Женщина бросила еще один взгляд на сына и, гордо задрав подбородок, вернулась к дверце автомобиля.

– Я попробую разузнать о его местонахождении, – сказала она напоследок. – У меня еще остались связи... дома.

Арман кивнул матери в знак благодарности, и, прежде чем сесть в автомобиль, Жаклин бросила холодный взгляд на нас с Тьерри.

Как и обещал, Арман отнес меня домой. Это уже становилось чем-то вроде привычки. Сколько раз за последнее время я попадала в квартиру у него на руках? Дюваль по-хозяйски прошел к кровати и опустил меня на нее, снял туфли и укрыл теплым пледом. Меня немного лихорадило, и глаза все еще слипались.

– Сделать тебе чай? – спросил он, присаживаясь на корточки у кровати.

– Да, – тихо ответила я, – сладкий.

Арман кивнул, и его рука дрогнула, будто он хотел коснуться моего лица, но передумал. Он поправил край пледа и поднялся на ноги. Мое усталое тело жаждало сна, но мозг отключаться не хотел. От

этого чувствовала себя совсем разбитой. Слушала, как Дюваль орудует на моей маленькой кухне, как ставит чайник, как гремит ложечкой в чашке. Эти звуки показались такими уютными, что я вдруг замечталась о тихой, мирной жизни рядом с этим мужчиной. Просыпаясь по утрам, мне бы хотелось первым делом видеть его заспанное лицо и приветливую улыбку, чувствовать запах его тела и жар поцелуев на своей коже. Я бы хотела засыпать в его руках, прислоняясь щекой к груди и чувствуя биение его сердца. Почему именно он? Почему не Амеди? Почему мое сердце стремилось именно к Арману Дювалю? Почему тело так отчаянно желало только его? А может, все дело как раз в теле, в страсти, в желании? А все остальное лишь глупые фантазии?

Я чуть приподнялась на локтях, а потом устроилась удобнее на подушке, опираясь на нее спиной. Мне хорошо была видна кухня, и я наблюдала за тем, как Арман готовит мне чай. Нас связало чудовищное убийство, опасность, общие переживания. Но если рассудить, мы совсем ничего не знаем друг о друге. Мы оба закрыты друг от друга. И если подумать головой, то мне бы держаться от Дюваля как можно дальше, ведь и Армана, и его семью окружает столько странного, если не сказать страшного. И, само собой, эта тайна, их сила и туманное прошлое Армана, в котором явно есть что-то очень нехорошее. Но могу ли я судить? Ведь он тоже ничего не знает о моей юности. Разговор с Гобером освежил в памяти все, что я так хотела забыть.

Я невольно засмотрелась на точеный профиль мужчины, который снимал с огня чайник, а потом наливал в мою любимую чашку кипятка. Откуда он знал, что она моя любимая? Да просто взял ту, что стояла ближе. Как же сердцу нравится фантазировать, как же ему хочется чуда. Хочется с уверенностью сказать, что этот мужчина создан именно для меня! Только для меня!

– Чушь какая, – пробормотала я, накрывая лицо ладонями. – Очнись уже, Сандрин. Вокруг тебя люди гибнут, а ты о чем думаешь?

– И о чем же? – спросил Арман.

Я даже не заметила, как он подошел так близко с дымящейся чашкой в руке. Смущенно взяла ее и опустила глаза.

– Что там случилось, Арман? – спросила, чтобы сменить тему. – Эта ловушка могла нас убить.

– Могла, – кивнул он, доставая сигареты. – И если бы я не отстранился от всего магического, то засек бы ее раньше. Ружье мог бы выжить, а ты... ты бы не пострадала.

– Со мной все в порядке. – Я осторожно коснулась пальцами его руки.

Теплая кружка грела руки, но мне этого было мало. Я заглянула в глаза Арману, и он безошибочно угадал мое желание. Скинул обувь и забрался на кровать рядом со мной, поднял руку, приглашая к своей груди, и обнял меня. Я сделала глоток чая и, отставив чашку в сторону, прильнула к Дювалю.

– Устала? – спросил он, перебирая мои волосы.

– И да, и нет. – Я с радостью вдохнула аромат, исходящий от него и на мгновение прикрыла глаза, наслаждаясь. – Что мы будем делать дальше? Как будем искать убийцу?

– Не знаю.

Арман тоже прикрыл глаза, откидывая голову на спинку кровати. Так же, как и я, Дюваль не отдыхал все эти дни, так же, как и я, переживал и расстраивался.

– Я вот все думаю, – приподнялась я, – а почему Роден? Почему Арены? Как он места выбирает? И ведь не там их убивает...

– А может, и там. – Дюваль резко сел ровнее. Некоторое время в его глазах горела какая-то идея, а я боялась шевелиться, чтобы не сбить его с мысли. Арман поднялся на ноги и закурил, меряя шагами небольшую комнату. – Если исходить из того, что он маг... Сандрин...

Арман поднял на меня глаза, потом нервно затаился и взволнованно почесал пальцем лоб.

– Он маг, понимаешь? – Дюваль подошел чуть ближе и заглянул мне в глаза. – Это все меняет.

– Ты что-то понял? – с надеждой спросила я. – Что пришло тебе в голову?

– Я не очень хорошо понимаю в этом, просто не особо интересовался... Понимаешь, есть такая магия... сильная, древняя и очень опасная. Магия крови. Это когда повелеваешь кровью, подчиняешь себе человека.

– Как это? – Я тряхнула головой, окончательно просыпаясь.

– Даже не знаю, как объяснить. Для такого колдовства нужна энергия мощная и сила огромная. Я и не знаю таких магов. Это самое

темное колдовство и с ним не шутят. Чужая кровь придает сил, дурманит...

– Такой маг пьет ее, что ли? – содрогнулась я.

– Нет, – застыл на месте Арман, – не пьет, но будто впитывает часть. Прости, технически не знаю, как это делается, но нужно выяснить. Что, если Кароль убили именно там, где ты ее нашла? «Врата ада» несут в себе очень мощный энергетический заряд! Да и Арены тоже. Подобные места – это сокровищница для магов.

– То есть ты хочешь сказать, что крови было мало, потому что маг мог ее впитать? Боже, жуть какая... И как с ним бороться? Как его обнаружить? И почему он выбрал меня для своих игр?

Сердце вновь заколотилось как безумное. Нервы сдавали.

– Не знаю, Сандрин. – Арман затушил сигарету и снова подошел ко мне. – Ты никак не связана с магией и с жертвами тоже...

– Вторую жертву знала, – тихо ответила я, чувствуя легкий укол вины. Дюваль удивленно отшатнулся и заглянул мне в лицо. – Девушку звали Моник Планель, я когда-то дружила с ее старшей сестрой.

– И ты говоришь мне об этом только сейчас? – возмутился он.

– Прости, как-то не до того было... Это было очень давно, когда я жила в Марселе и...

– В Марселе? Господи, я и забыл, что ты из Марсея.

Арман снова встал и обхватил руками голову. Его что-то терзало, но он пытался скрыть это от меня. Похоже, рой мыслей жужжал в его голове, и он никак не мог справиться со всеми сразу. Дюваль ходил взад и вперед и о чем-то сосредоточенно размышлял, едва заметно шевеля губами, будто бормотал что-то лишь для себя одного.

– Как давно ты приехала в Париж? – вдруг спросил он.

– Около двух лет назад...

– До этого ты все время жила в Марселе?

– До девятнадцати лет да, потом был университет, а что? – Я удивленно уставилась на возбужденного мужчину.

– Нет... нет, ничего, прости, – сказал он и устало опустил руки. – Я пытаюсь понять, но в голове сейчас такой хаос!

– Ты... словно напуган, – осторожно сказала я, не представляя, какая реакция последует.

Арман замер на секунду, а потом попытался улыбнуться. Вышло криво и неуверенно. Он сел рядом на кровать и взял меня за руки.

– Прости, если напугал тебя. Я сожалею, что недостаточно осведомлен в вопросах, о которых должен знать больше. Признаюсь, я растерян немного, но это не повод бояться, Сандрин. Мы разберемся во всем обязательно. Ты мне веришь?

Его изумительные глаза смотрели мне прямо в душу, и я невольно кивнула, утопая в них и снова забывая обо всем. Разве можно вот так раствориться в человеке? Так, что все вокруг становится незначительным, не важным и будто лишним.

– Тебе нужно отдохнуть после всего, что произошло. Завтра придумаем, что делать дальше. Раз замешана магия, то и действовать нужно иначе.

– Ты можешь спросить у матери, кто купил машинку? Давай попробуем зайти с этой стороны, – предложила я. – Ведь кто-то же отправил ее мне. Не напрасно же. В этом должен быть какой-то смысл.

– Да, нужно спросить, давно нужно было, если честно, – согласился Арман.

– В таком круговороте событий разве все упомнишь, – печально сказала я, вглядываясь в его лицо. Как бы Арман ни пытался успокоиться, его возбуждение и страхи все равно лезли наружу, и таким я видела его впервые. – Тебя что-то тревожит, то о чем ты мне не рассказываешь. Я вижу.

– Тебе кажется, – опуская глаза, ответил Дюваль.

– Нет, мне не кажется, Арман. Это настолько мучает тебя, что ты не находишь себе места. Ведешь себя странно.

– Пойми, – будто отрешенно сказал он, – я просто пытаюсь уложить все, что случилось, в голове. Я пытаюсь объяснить все это и найти ответы. Теперь, когда вмешалась магия, я считаю... не знаю, как это сказать... считаю себя причастным к этим убийствам.

– При чем здесь ты? – Теперь уже я возмутилась. – Только потому что убийца маг, не значит, что все маги причастны. – Я посмотрела на Армана, но он выглядел все таким же растерянным. Мои слова нисколько его не убедили. Сердце сжалось. – Или есть что-то еще?..

На лице Армана застыла мука, которая причинила мне боль. Что же такое творилось в его мыслях, что он уже не мог скрыть своих

чувств? Страшная догадка пришла в голову, и я зажала рот рукой и поднялась с кровати:

– Ты думаешь о своих провалах? Ты боишься, что?... Боже, нет, Арман! Вот о чем говорил Тъери! Ты думаешь, что имеешь ко всему этому отношение? Чушь!

– Чушь? – Он поднял на меня глаза. – Совсем недавно ты сама сомневалась.

– Я решила верить тебе, Арман, – сурово ответила я. – И ты верь! Ты не мог!

– Откуда ты это знаешь?

– Знаю, и все! Тебе этого мало? Ты сам сказал, что тот Арман, который упивался силой, в прошлом! Ты почти не используешь магию.

– Но провалы в памяти снова появляются! – с отчаянием в голосе сказал он.

Его взгляд рвал мое сердце на части. Он боялся, действительно боялся, что мог убить этих женщин.

– Я согласна с Тъери, этому наверняка есть объяснение! Почему ты думаешь, что мог изнасиловать и убить этих девушек? С чего ты вообще взял, что способен на такое? Может, все на самом деле проще, и ты лишь напиваешься до беспмятства и спишь где-нибудь? Почему не допускаешь мысли, что забытые тобой события вполне невинны и провалы в памяти не скрывают ничего плохого? К чему это самобичевание? Почему ты думаешь, что причастен к этому?

– Потому что в прошлом я уже совершил нечто ужасное! – выпалил он.

В комнате воцарилась тишина. Арман смотрел мне в глаза и ждал реакции.

– И что это было? – Я сглотнула, ощущая, как внутри меня поднимает голову страх.

– Я не очень хорошо помню. В моей памяти сохранились лишь обрывки, и... они ужасны. Моя семья хорошо знает, что тогда произошло, но мне они намеренно не рассказывают. Я часто слышу крики и плач во сне. Думаю, по моей вине кто-то пострадал.

– И ты не пытался вспомнить?

– Я не смог бы, даже если бы захотел. В моей голове будто блок стоит. Патрис предлагал помощь, и однажды у нас почти получилось, но Жаклин вмешалась и запретила брату копаться в моей памяти.

Слова Армана принесли боль, но я сказала ему правду, я выбрала веру в него и больше не отступлю. Возможно, это глупо и безрассудно, но моя уверенность только росла с каждым днем. Было ли страшно? Определенно. Но я слушала сердце, а оно кричало во весь голос, что я права.

– Спасибо, – сказала я Арману, приближаясь к нему и касаясь ладонью его щеки, – что не стал отпираться. Спасибо, что поделился со мной. Это важно. Очень.

– Почему ты поверила мне? – тихо спросил он, прижимаясь своим лбом к моему.

– Спросила свое сердце. – Я пожала плечами, наслаждаясь близостью. – Мы во всем разберемся. Вместе.

– Вместе, – повторил он и крепко меня обнял, а потом ласково поцеловал.

Больше говорить не хотелось. Сумасшествие последних дней лишило любой рациональности и осмысленности. Остались только чувства и желания.

Казавшийся легким поцелуй стал сладким и настойчивым. Руки Армана подняли меня и уложили на кровать. Вмиг стерлись все страхи, ужасы и даже усталость. Я наслаждалась поцелуями, ласками и нежными словами, которые Дюваль нашептывал мне на ухо, вызывая горячим дыханием новые волны возбуждения. Я окунулась в собственную страсть и позволила дерзкому любовнику вознести меня на вершину блаженства. Такого, которого в моей жизни еще никогда не было.

Глава 18

Новый удар

– Доброе утро, – раздался нежный шепот над ухом, и я сладко потянулась, а потом завернулась в простыню и распахнула глаза.

Арман нависал надо мной и улыбался. Растрепанные волосы падали ему на глаза и в сочетании с чудесными ямочками, от которых сердце взволнованно подпрыгивало, делали его невероятно привлекательным. Я вновь ощутила желание и, чтобы не поддаться ему, закрыла глаза и со стоном отвернулась. Дюваль расхохотался, лег на меня сверху и заставил посмотреть на него.

– Твое желание я чувствую даже на расстоянии, можешь не отворачиваться.

Он скользнул губами по моей шее, и я обхватила его талию руками, а потом прошлась ладонями до лопаток. Разгоряченное тело Армана, его невесомые поцелуи, запах и едва уловимые движения бедрами сводили меня с ума. Противостоять магнетизму Дюваля было просто невозможно. Продолжая улыбаться, он стащил с меня простыню. Я тоже рассмеялась и попыталась прикрыться, но Арман не позволил, снова наваливаясь сверху и отвлекая сладким томительным поцелуем. Больше я даже не пыталась сопротивляться, растворяясь в ласках мужчины, которого самозабвенно полюбила. Или мне так казалось? Мое тело отвечало на каждое прикосновение дрожью и волнами невероятного наслаждения. Арман будто чувствовал меня, будто знал наперед все, что доставит мне удовольствие. Его нежная страсть уносила прочь от всего дурного и заставляла мечтать о том, чтобы эти мгновения никогда не заканчивались. Сердце восторженно стучало, душа пела и расцветала от каждого поцелуя и пылающего взгляда Дюваля. Впервые я была счастлива поддаться эмоциям и настолько сблизиться с мужчиной.

Прекрасное утро мы провели в постели, но как бы ни было чудесно отрешение от всего реального, внешний мир все равно о себе напомнил.

– Что мы будем делать дальше, Арман? – спросила я, утыкаясь носом в его шею и плотнее прижимаясь к обнаженному телу.

Это не было попыткой возобновить ласки. Я чувствовала нестерпимую необходимость прикоснуться к нему, будто прячась под защиту Дюваля. Он словно понял мое настроение и крепче прижал к себе:

– Будем искать мага. Так дальше продолжаться не может. Он изводит нас обоих...

– Я боюсь, – вырвалось у меня.

Сама испугалась сказанных слов, но вернуть их было уже нельзя. Арман приподнял мою голову и заглянул в глаза. Он смотрел в них очень внимательно, с болью и невероятной тоской.

– Мы разберемся во всем. Ты мне веришь? – спросил он.

Дюваль ждал ответа с таким лицом, будто от моих слов зависела его жизнь.

– Я еще никогда и никому так не верила. Мои стены, которые я воздвигала с таким трудом, пали перед тобой. И я даже самой себе не могу объяснить, почему, – ужасаясь собственному смущению, ответила я.

Никогда и никому не говорила ничего подобного, возможно, потому что никогда и ни с кем не чувствовала себя настолько счастливой и несчастной одновременно. Сказать хотелось еще много, слова сами собой рвались на свободу, но я отбрасывала их, все еще опасаясь, что они не нужны Дювалю.

Арман удивленно развернулся, а потом сел на кровати, некоторое время молчал, чем вызвал во мне новый приступ страха. А если мои слова его отпугнут, если для него это обуза? Внутри все похолодело.

Дюваль поднялся и надел брюки, старательно пряча от меня лицо. Сердце сжалось. Ну зачем я все это сказала? Он прошел на кухню и поставил чайник на огонь, все еще не произнеся ни слова. Молчание стало для меня невыносимым.

– Ты потрясающая женщина, – наконец сказал Арман, и я еще больше напряглась. Мне показалось, что за этими словами последует ненавистное «но», – и я даже поверить не могу: после того что принесло тебе знакомство со мной, ты продолжаешь мне верить. Это... просто удивительно!

Дюваль снова вернулся к кровати и присел на ее край, поднимая на меня свои пронзительные глаза.

– Будет нечестно, если я промолчу о том, что испытываю.

Говорил он осторожно, будто боялся задеть мои чувства. Я едва сдержала порыв остановить его на полуслове, чтобы не слышать чуткий и деликатный отказ. Села и подтянула к груди колени, пытаюсь скрыть дрожь в руках.

– Я ни разу не привязывался к женщинам, не потому что не хотел, просто не получалось. То ли образ жизни был такой, сначала разгульный, потом, напротив, замкнутый, то ли женщину подходящую так и не встретил. Недостатка во внимании противоположного пола не испытывал и даже наслаждался им от души, но никогда никому не лгал. Ты видела мою семью, привести в нее кого-то сущий идиотизм, да я и не хотел, но думал иногда. Не о ком-то конкретном, а так, возможно, на будущее.

Арман говорил и гулял глазами по комнате, нарочно не глядя мне в лицо. Я же слушала, затаив дыхание и ожидая, будто приговора.

– Увидев тебя впервые, там, у «Забвения», я тебя не разглядел. Я имею в виду не внешность, конечно, – криво усмехнулся мужчина и наконец остановил свой взгляд на мне. – Но на следующее утро, в ресторане «Хилтона», я увидел, как отважно ты прячешь свой страх, как стойко выдерживаешь мой взгляд, с каким достоинством держишься. У меня в груди все замерло от неожиданного восхищения. В тот день мне впервые было важно чье-то мнение, чья-то вера в меня. Важно до такой степени, что я чуть не рехнулся, догоняя тебя в фойе. Нелепо и как-то даже нереально, но я должен был знать, что ты не считаешь меня убийцей. С тех пор ничего не изменилось, Сандрин, я все так же восхищаюсь твоей отвагой и все так же нуждаюсь в том, чтобы ты верила мне.

Его невероятные глаза обжигали душу и заставляли сердце захлебываться нечаянным счастьем.

– Я желал тебя с того самого утра, и это не было для меня открытием, хоть и время, прямо скажем, не самое удачное выдалось. Но тело не всегда в ладу с разумом. Когда моя семья угрожала тебе, я испугался, что ты исчезнешь из моей жизни. Тогда даже сам не понял, отчего хочу, чтобы ты всегда была рядом. Не буду говорить громких слов о любви или о чем-то подобном, потому как не уверен, что это она. Не знаю, Сандрин, как назвать то, что я испытываю рядом с тобой, но я совершенно точно не хотел бы лишиться этих чувств. Давай просто попробуем быть вместе, если ты тоже этого хочешь,

а время или обстоятельства рассудят, что же это такое случилось между нами.

Каждое слово, прозвучавшее из уст Армана, было искренним. В своей неуверенности мы были очень похожи, ведь оба впервые говорили о чувствах. Мне нравилось, что Дюваль не бросается громкими словами, ничего не обещает, а открыто говорит, что думает. Даже если мне и хотелось пылких признаний, правда всегда лучше. Я улыбнулась и кивнула, давая понять, что его предложение мне подходит.

– А теперь вставай и будем завтракать, – усмехнулся Арман.

– Время близится к обеду, – рассмеялась я в ответ, но с постели поднялась и отправилась в ванную, чтобы умыться и переодеться.

Завтрак готовили вместе, по большей части смеясь и перекусывая на ходу между шкафом с продуктами, плитой и столом. На какое-то мгновение жизнь словно остановилась. Мы говорили об отстраненных вещах, много улыбались и старались узнать друг друга лучше, насколько это было возможно.

– Как все это странно, – не смогла не сказать я, все равно вспомнив о том, что нас связало в самом начале. – Мы вот тут сидим полуголые и довольные, а вокруг нас такие страшные вещи происходят. Разве так бывает? Разве человек может быть настолько счастлив, когда мир вокруг него сошел с ума?

– Мы просто продолжаем жить, Сандрин. В предложенных условиях мы все равно остаемся всего лишь людьми, ищущими для себя то же самое, что и все остальные.

На миг в квартире повисла тишина, лишь мсье Луи шуршал обрывками газеты на дне своей клетки. Внезапно раздался телефонный звонок, показавшийся мне оглушительным. Я вздрогнула и посмотрела на Дюваля, он кивнул, прикрывая глаза. Снимать трубку с рычага почему-то было страшно, словно я отовсюду ждала лишь плохих новостей.

– Слушаю, – робко сказала.

– Дай трубку моему сыну, – послышался властный голос Жаклин Дюваль.

– Но... откуда вы узнали мой номер? – Я понимала, что вопрос глупый, но он вырвался сам собой.

– Ты думаешь, для меня проблема найти твой телефонный номер? – все так же холодно ответила она, и я протянула трубку Арману.

Он нахмурился и ответил матери. Говорил он с ней тоже холодно и отрывисто.

– Да. Нашла? Хорошо. Я понял. Спасибо.

Жаклин еще что-то говорила, Арман молча слушал, потирая пальцами переносицу. Не знаю, что именно творилось у него на душе. Рад ли он был ее звонку или не очень?

– Увидимся, – наконец сказал он и повесил трубку.

– Что-то важное? – осторожно спросила я.

– Я просил ее узнать о ком-нибудь из «наших», кто осмелился бы бросить вызов отцу. Жаклин назвала одно имя и должна была выяснить, не объявлялся ли этот человек в Париже.

– И что? – с замиранием сердца спросила.

– В Париже он не объявлялся, – задумчиво сказал Арман и замолчал.

Я его не тревожила, решив занять себя домашними делами, пока Дюваль над чем-то сосредоточенно размышлял. Почистила клетку мсье Луи, налила ему свежей воды, а затем решила хоть немного прибраться после ночи.

В Марселе, в нашем большом доме, подобными вещами занимается множество слуг, но, приехав в Париж, я училась ухаживать за собой самостоятельно. Именно поэтому сняла эту крошечную квартиру. Признаться, уборку не очень любила и по большей части полагалась на мадам Броссар, но собрать свою одежду или расставить предметы обихода по местам худо-бедно могла. Время пролетело довольно быстро. Арман все еще молчал, переместившись на свежий воздух и докуривая одну сигарету, прикуривал новую.

Ближе к сумеркам я решила приготовить обед. Очень хотелось вспомнить какой-нибудь мамин рецепт и порадовать Армана, да и себя саму. Для него, а точнее для нас обоих, готовить было приятно. Идиллию нарушил мерный стук клавиш печатной машинки. С балкона послышалось чертыханье, и Дюваль вернулся в комнату, напряженно сдвинув брови.

– Где она? – спросил мужчина.

– Кажется, я снова спрятала ее в шкаф, – указала я рукой на деревянные дверцы.

Арман, в отличие от меня, не стал робеть, быстро подошел к шкафу и извлек дьявольскую машинку. Он резко дернул за листок и вытянул его, чтобы поднести к лицу.

– Что там?

– Новый адрес, – сказал хмуро мужчина. – Пустырь...

Дальше я уже не слушала, пошатнулась, схватилась за кухонный дверной проем. Пустырь... это значит новый труп?

– Сандрин, – окликнул меня Арман, ответа не дождался, поэтому ему пришлось повторить: – Сандрин!

Я подняла на него глаза, но все равно будто не видела. Все мои мысли были скованы холодом страха. По телу расплзался ужас, который пробирался под кожу, а потом проникал все глубже и сдавливал горло, лишая воздуха. Я оказалась словно под водой: оглушенная и растерянная, будто не могла понять, где дно, а где поверхность.

– Сандрин, – встряхнул меня Дюваль, – собирайся.

– Не могу... – пробормотала я. – Не смогу увидеть еще одно тело, Арман!

– Сможешь! – сурово сказал он, а потом его взгляд смягчился. – Прости, но тебе придется. Машинка зовет тебя и, к сожалению, это теперь твой путь. Он ужасен, безжалостен и крайне опасен. И пусть я ненавижу эту дрянь, которая играет жизнями людей, но теперь отступить не получится. Она выбрала тебя, а это не напрасно! Мы сейчас не понимаем, но во всем этом должен быть смысл!

Дюваль приблизился ко мне вплотную и знакомым жестом обхватил ладонями мое лицо. Теплые пальцы согрели, казалось, заледеневшую кожу, я будто оттаивала.

– Мне очень и очень жаль, милая, что тебе пришлось столкнуться со всем этим! Если бы я мог, то поверь, я бы избавил тебя от этого бремени, но это твоя дорога, по которой я могу лишь следовать за тобой и вовремя подставлять плечо!

Его слова словно огнем выжигались в сознании и поднимали мою решимость со дна. Сколько всего страшного у меня позади, сколько еще впереди. Я еще жива. Напугана, истощена, но не сломлена. У меня пока есть силы, а значит, придется брать себя в руки, сжимать зубы и

идти дальше. Бог знает, почему машинка выбрала именно меня, но, если я могу сделать хоть что-то, чтобы остановить чудовище, я сделаю. Мысли так и остались неозвученными, я просто кивнула мужчине и пошла к шкафу.

– Я вызову Тьери, – сказал Арман и поспешил к телефону.

Одевалась, почти не глядя, продолжая мысленно убеждать себя, что уже не осталось ничего, чего бы я не смогла вынести. За последнее время испытала всяческую боль, ощутила на себе разнообразные терзания и даже столкнулась со смертоносной магией. Что еще может быть?

Арман положил трубку на рычаг и уперся ладонями в стол, на котором стояла зловещая машинка. Он склонил голову и стиснул дерево так сильно, что костяшки побелели. Я хотела подойти к нему и постараться поддержать, как он меня несколькими минутами ранее, но почувствовала, что не время. Мужчина еще немного постоял, а потом тоже начал одеваться. Мы оба молчали, оба погрузились в собственные страхи и предчувствия. Я как могла гнала от себя образы Кароль и совсем юной Моник, запрещая себе думать об очередной жертве безжалостного убийцы. Пыталась даже заглушить их предположениями о том, что мы найдем всего лишь вещи Моник. Ведь такое может быть?

Однако, как бы я ни пыталась, страхи все равно находили дорогу, а богатая фантазия иллюстрировала представления о новой смерти. Еще одна девушка. Чья-то дочь, сестра или невеста... Невыносимая боль для ее близких, рана, которая никогда не затянется. Сердце сжалось. Отчаянно захотелось взять его в руки и сдавить самой, чтобы оно больше так не мучилось.

Тьери постучал в дверь буквально через пять минут, я невольно бросила вопросительный взгляд на Армана, он пояснил:

– Тьери на время поселился поблизости...

Я не знала, что на это ответить – то ли поблагодарить, то ли отругать, поэтому просто промолчала, принимая как факт. В автомобиле совсем не слушала, о чем вполголоса беседовали мужчины. Я смотрела в окно, по которому забарабанили мелкие капли дождя. Внезапно вздрогнула, вспоминая ту ночь, когда нашла Кароль. Тогда тоже шел дождь. Обхватила себя руками, чтобы хоть как-то согреться и не провалиться в пустоту апатии.

Ехали мы довольно долго, за дорогой я не следила, поэтому, когда Тъери притормозил посреди непроглядной тьмы, совершенно не поняла, где именно мы находимся.

– В багажнике есть пара фонарей, – негромко сказал друг Армана и вышел на улицу.

– Ты как? – осторожно спросил Дюваль. – Готова?

– Нет, – честно призналась я, – но разве это что-то меняет?

Арман кивнул, бросил на меня еще один печальный взгляд и открыл дверцу автомобиля. Сердце обрушилось, после того как его пронзило страшное предчувствие. Я отчаянно не хотела выходить наружу, но затолкала страх поглубже и приняла предложенную руку Дюваля.

Мужчины взяли по фонарю, и мы осмотрелись. Как я поняла – это был не просто пустырь, а одна из заброшенных строек. Несколько домов, которые остались так и не достроенными. Я когда-то что-то слышала о том, что стройку должны возобновить. Если мы обнаружим здесь новый труп, то это место приобретет не самую выгодную репутацию.

И откуда этот бред в моей голове? Или я подсознательно пытаюсь заполнить голову чем-то пустым и несущественным?

Очень осторожно мы направились к домам, поскольку больше ничего в округе не обнаружили. Ледяными пальцами я держалась за руку Армана и едва-едва передвигала ноги. Все то же ужасное предчувствие не желало оставлять меня, сердце стучало уже где-то в горле, в ушах шумела кровь. Почему моя интуиция так громко вопит о новой боли?

Под ногами постоянно мешал строительный мусор, да и дождь уже изрядно вымочил землю, так, что она стала скользкой, поэтому шли мы медленно. Я постоянно оступалась, и Дювалю приходилось меня поддерживать.

– Прости, я сама не своя... – пробормотала извинения, не глядя на него, но зная, что он услышит.

– Ничего, мы все на нервах, – ответил он, когда мы повернули за дом, который был ближе всех к дороге и заслонял собой будущий двор.

– Что это? – воскликнул Тъери и замер на месте.

Мы с Арманом тоже остановились. Перед нами развернулась странная картина: блуждающие лучи света, несколько автомобилей с

зажженными фарами и с десяток людей, шарящих фонарями по земле и ищущих что-то.

– Пойдем узнаем, – сказал Арман и осторожно зашагал по направлению к людям.

– Это полиция, – выпалил Тъери, как только мы подошли ближе.

– В этот раз они приехали первыми... – тихо сказал Арман и сжал мою ладонь.

– Что, мисс Пэг, снова записка под дверью? – слышался голос Гобера, и луч фонаря ударил мне в лицо.

Я подняла руку, закрывая глаза от яркого света. Комиссар приблизился, рассмотрел всю нашу троицу, поцокал языком и отвернулся, бросая на ходу:

– Вы не должны здесь находиться!

– Прошу вас, – рванула я к нему, сама не осознавая зачем.

Гобер остановился, вздохнул и вновь повернулся к нам, приподняв брови, будто задавал вопрос.

– Прошу вас, – на выдохе повторила я, чувствуя, как в горле появляется ком, мешающий говорить, а на глаза наворачиваются слезы, – скажите, эта новая жертва? Очередная девушка? Скажите, я вас умоляю!

Гобер некоторое время вглядывался в мое лицо, едва-едва освещенное фарами. В его глазах я впервые увидела нечто похожее на жалость и понимание. Возможно, мой внешний вид так подействовал на него, а может, трясущиеся губы и руки.

– Нет, – сказал наконец он, и я непроизвольно выдохнула, желая ухватиться за что-нибудь надежное, чтобы не осесть на подогнувшихся от напряжения ногах, – на этот раз мужчина.

Мне показалось, что меня ударили в грудь. Воздух вышибло из легких. Страх вернулся, и его сила достигла такой величины, что я разом заледенела. «Папа», – почему-то пронеслось в голове. Силы ушли разом, но я постаралась все же устоять на ногах. Арман подоспел вовремя, подхватил меня за локоть, и я простонала не своим голосом:

– Папа...

Гобер дернул головой, снова присмотрелся ко мне, а потом сказал:

– Нет, мужчина молодой, не больше тридцати, – он замолчал, подумал немного и добавил: – взгляните, вдруг вы его знаете.

Я посмотрела на Армана, он кивнул, давая понять, что будет рядом. Комиссар махнул рукой, и ажаны расступились, пропуская нас ближе к автомобилям, освещавшим небольшую площадку, на которой под белой простыней лежало тело. Я впиалась взглядом в вымокшую ткань, по которой расплзлось кровавое пятно. К горлу подступила тошнота, я замедлилась и отвела глаза. Но лучше бы я этого не делала. Отвернувшись, заметила во тьме знакомый номер машины. Мир вокруг меня содрогнулся, все поплыло перед глазами, и мне показалось, что я куда-то падаю.

– Нет, – прошептала непослушными губами, и слезы обожгли глаза. – Нет, только не это!

– В чем дело, Сандрин? – взволнованно спросил Арман.

– Нет, прошу, только не это... – повторила, срываясь на рыдание.

Я отбросила руку Дюваля и упала на колени перед телом, продолжая плакать и бормотать. Я чувствовала, как сердце рвется на мелкие части, как душа мечется от боли, как неукротимые страдания овладевают мной.

– Так не должно было быть... – захлебываясь слезами, простонала я и отогнула край простыни.

Первой мыслью было: «Какое же красивое у него лицо!». А потом только боль: беспощадная, убийственная, всеобъемлющая.

– Амеди...

Я уткнулась лицом в вымокший пиджак мужчины, и из груди вырвался вопль. Пальцы отчаянно сжимали ткань его одежды, а сокрушительное горе истязало душу. Я цеплялась за Амеди, будто могла поднять его на ноги. Вот он, тот самый удар судьбы, которого я не ожидала. Как же глупо было считать, что меня уже невозможно сломить. Как же самонадеянно было думать, что уже не осталось того, что я не смогу вынести.

Продолжая рыдать, я оторвалась от мужской груди и вновь посмотрела в его лицо. Безмятежное, выглядящее так, словно он просто спит. Если бы не странный цвет кожи и холод. Холод! Как давно он здесь лежит? Приложила ладони к щекам, желая согреть дорогого сердцу человека, но глаз он не открыл, как бы мне того ни хотелось. Может, все это кошмар и я вот-вот проснусь в холодном поту? Может, мужчина, который был для меня ближе прочих, на самом деле жив?

– Амеди, – сорвалось с губ, – Амеди...

Тело была мелкая дрожь, пальцы застыли от холода и дождя. Позади слышались шаги, и чьи-то руки попытались приподнять меня и поставить на ноги. Я оттолкнула их и снова вцепилась в Амеди, ощущая, что схожу с ума.

– Прости, – прошептала я ему на ухо, склонившись почти к земле, – это я виновата. Это я втянула тебя... Прости, Амеди... прости... Я не должна была... Умоляю прости меня... прости...

– Сандрин, – раздалось надо мной. – Пойдем отсюда, пойдем.

– Арман! – воскликнула развернувшись. – Это я виновата, это все моя вина...

– Нет, Сандрин, не твоя!

Дюваль быстрым движением поднял меня и прижал к себе:

– Не твоя, это не твоя вина!

– Я попросила его, я... это я отправила его... он хотел помочь... он никогда не отказывал мне... никогда не отступал...

На последнем слове я вновь сорвалась и чуть ли не завывала от боли. Арман все крепче прижимал меня к своей груди и все настойчивее повторял, что я не виновата. Крепкие руки сдавили мое трясущееся тело в кольце и уже не выпускали.

– Она вот-вот впадет в истерику, мсье Дюваль, – сказал Гобер. – Отвезите ее в больницу...

– Нет! – взвизгнула я и обернулась. – Только не в больницу!

Комиссар нахмурился, а потом его лицо осветила догадка, он кивнул мне, и я вновь увидела участие в его глазах. От этого стало еще больнее, хоть я и думала, что больше уже некуда.

– Поехали домой, – сказал Арман. – Мы отвезем тебя домой.

Я обернулась на тело Амеди, которое уже снова накрыли посеревшей от воды простыней.

– Увезите его, – взмолилась я, – пусть он не лежит на земле...

Колени дрогнули, и я повисла на руках Дюваля, которому ничего не оставалось, как подхватить меня и донести до машины. Тъери шагал впереди, освещая другу путь и не произнося ни слова. В автомобиле я свернулась на сиденье и беззвучно скулила, оплакивая потерю.

Несколько дней прошли как в тумане: приезд домой, горячая ванна, сухая одежда, вымученный полусон, потом разговор с комиссаром, точнее по большей части говорил Гобер, я ошалело

смотрела в одну точку и иногда кивала, потом снова полусон и кошмары, а потом похороны. Я будто выпала из жизни на время, заперев себя в непроницаемой комнате, куда изо всех сил старалась не пустить боль и глубокое отчаяние.

На следующий день после похорон ко мне пришла Дениз. Мы выпили кофе, выкурили несколько сигарет, разговор не клеился.

– Это моя вина, – вновь повторила я. – Он помогал мне, и его убили...

– Прекрати уже это самобичевание, Долли! Это неразумно! Ты доведешь себя до депрессии или еще чего похуже.

– Но это правда, – тихо ответила я подруге. – Я попросила Амеди о помощи. Он не очень-то и хотел, но отказать мне не смог. Он множество раз предупреждал меня об опасности.

– О чем ты его попросила? О чем-то связанном с этими убийствами? – Дениз взяла меня за руки и заглянула в глаза.

– И да, и нет, – сказала я, поднимаясь со стула. Тело ломило от усталости и недосыпа, глаза резало, а голова за эти дни будто стала больше.

– Как это?

– Я попросила его выяснить о прошлом Дювалей, – выпалила я.

Еще никому я не открывала этого секрета. Еще никому не озвучила свою просьбу, которая погубила моего любовника. И снова красивое лицо встало перед глазами, вспомнилась теплая улыбка Амеди, и мне сдавило сердце. Я прикрыла глаза, пытаюсь вернуться в реальность.

– Ты думаешь, он что-то нашел? – испуганно спросила Дениз. – Думаешь, накопал что-то на Дювалей?

– Не знаю, – призналась я. – Он мог. Амеди многое мог.

– Как жаль, что это было зря... – сказала она и осеклась, закрывая рот рукой. – Прости. Я хотела сказать, что...

– Я понимаю, – остановила я начавшийся поток извинений. – Теперь то, что он узнал, нам не поможет. Это горько...

Сказав это, я почувствовала, будто меня холодной водой окатили. Как же я могла забыть? Как могла? Ведь Амеди столько раз мне говорил, просил, предупреждал! На всякий случай... вот он и настал этот самый случай.

– Что, Сандрин? – подошла ко мне Дениз.

– Мы можем узнать, что нашел Амеди, – возбужденно ответила я, хватаясь за руку подруги. – В его такси, в дверце, есть тайник. Он много раз говорил, что там спрятана тетрадь, в которой он каждый день делает заметки. Все самое необходимое, самое важное...

– Нам нужно добыть эту тетрадь!

Первым порывом было позвонить Арману, но я вовремя вспомнила, что за информацию искал Амеди перед смертью. Я так и не взялась за трубку телефона, к которой потянулась. Горечь отравила душу, но я не поддавалась этому и повернулась к Дениз:

– Ты пойдешь со мной?

– Конечно! – воскликнула она, ни на секунду не задумываясь. – Но где теперь его машина?

– На специальной стоянке, и я даже догадываюсь, где она!

Глава 19

Стрельба, собаки и забор

Стоянка конфискованных или считающихся уликой автомобилей была прямо позади полицейского участка. Мой приятель Брис Аркур когда-то говорил об этом. А еще о том, что эта рухлядь так и сгниет там, особенно если у погибших нет родственников и некому ее забрать.

– Как же мы попадем на стоянку? – поинтересовалась Дениз, когда мы сели в такси.

– Пока не знаю, но, если верить Брису, то она не очень хорошо охраняется, поскольку этот хлам никому не нужен. Улики и личные вещи из них уже изъяли и ценного в этих автомобилях ничего нет. Охранник там один, может, двое, сидят в будке...

– Но мимо них все равно как-то нужно пройти, – сказала подруга хмуро. – А ограждение или забор там есть?

– Не знаю, хочешь проникнуть с другой стороны?

– Ну да, может, и не попадемся на глаза охране. Ладно, увидим на месте.

Я бросила взгляд на подругу и подумала о том, что это большая удача, когда рядом с тобой есть человек, готовый попасть в неприятности вместе с тобой. Который не ворчит, не ноет и не отговаривает, понимая всю важность задуманного предприятия. Я слабо улыбнулась, рассматривая профиль Дениз, которая задумчиво смотрела в окно. Я знала, что сейчас она перебирает в голове массу вариантов, как подступить к стоянке и найти то, что нам нужно. Кроме холодной головы у моей подруги были и другие достоинства: смелость, предприимчивость и умение орудовать отмычкой. Она не афишировала последний талант, но сегодня он придется как раз кстати.

– Я не то чтобы мастер по вскрытию замков, но попытаться могу, – сказала она прямо перед выходом из моей квартиры.

– Лучшего варианта у нас все равно нет, ключи от машины Амеди, скорее всего, лежат среди улик. Нам до них не добраться, – ответила я ей.

– А вдруг они открыты?

– В каком смысле? – не поняла я.

– Вдруг эти машины не запирают? А зачем?

Сейчас эти слова Дениз навязчиво пульсировали в голове. А правда, вдруг машина будет открытой? Это было бы настоящим везением. Сумерки сгустились над Парижем, и в душе у меня поселилась нескончаемая тоска. Каждый раз болезненно зажмуривалась, думая о том, что утром не хлопнет входная дверь, и красавец-мужчина не явится с бумажными пакетами, полными продуктов для вкуснейшего завтрака. Его руки больше никогда не коснутся меня, он не назовет меня малышкой, не поделится силами, не скажет, что верит в меня. Часто просыпалась по ночам от кошмара, в котором снова и снова просила Амеди помочь накопать что-нибудь на Дювалей. В холодном поту и со слезами на глазах я выползала из постели, а потом курила на балконе до самого рассвета.

На похоронах было столько его друзей, что я даже растерялась. Мужчины и женщины, которые уважали его, считали честным и порядочным человеком, несмотря на род деятельности. Столько добрых слов было сказано об Амеди, что сердце не переставало ныть до самого конца церемонии. Когда все разошлись, я осмелилась присесть у земляного холма, который вскоре должен будет смениться мемориальной плитой, и пообещать, что я найду того, кто убил дорогого мне человека, чего бы мне это ни стоило.

Арман все это время был со мной, бродил следом, словно тень. Не докучал утешениями, просто предлагал руку, когда она была мне нужна. В самую первую ночь он остался в моей квартире, привел меня в порядок и уложил спать. Ухаживал, пытался кормить, на время забывая обо всем прочем.

Горько вздохнула, жалея о том, что Дюваля нет рядом. Без него тоска и боль усиливались, я чувствовала себя одинокой и несчастной. А еще меня ужасно беспокоило, что может обнаружиться в записях Амеди. Сердце сжималось при мысли о том, что мой бывший любовник мог найти на семью Армана.

Такси притормозило как раз позади полицейского участка, у невысокого забора. Мы расплатились и вышли в хмурый поздний вечер. Предусмотрительно одевшись в черные одежды, как бывалые преступницы рассматривали стоянку в небольшую щель. Забор был старым и ему не помешал бы ремонт, но казалось, что на прилежащую

к участку территорию просто закрыли глаза, не желая выделять на это средства.

– Смотри, – шепнула Дениз, – вон там справа будка. Охранник, кажется, всего один.

– Может, отвлечем его как-нибудь? – предложила я. – Или полезем через забор?

– Надо еще раз хорошенько осмотреться и решить, как лучше, – внимательно вглядываясь в освещенную всего одним фонарем стоянку, пробормотала она.

Где-то справа от нас послышался лай собак, мы вздрогнули и переглянулись. Пальцы заледенели от страха.

– Этого еще не хватало! – громким шепотом воскликнула Дениз. – Здесь собаки!

Снова прильнув к щели в заборе, мы рассмотрели двух, на вид очень грозных, овчарок. Это серьезно усложняло задачу. На минуту даже показалось, что мы вернемся домой ни с чем. Я начала лихорадочно обдумывать, как же можно выйти из положения. Дениз тоже притихла, погрузившись в размышления.

– И зачем же это вас сюда принесло на ночь глядя? – раздался голос над нами.

Я взвизгнула от неожиданности, а потом обернулась и закрыла рот ладонью. Сложив руки на груди и вздернув кверху брови, за нашими спинами стоял Тъери.

– Ты опять следил? – раздраженно спросила я.

– Я не то чтобы за тобой, Сандрин, – немного стушевался мужчина. – Просто присматриваю за обстановкой вокруг тебя, чтобы ты не угодила в неприятности. А ваши сегодняшние манипуляции возбудили во мне непреодолимое любопытство.

– Ты кто? – нахмурилась Дениз, тут же приняв оборонительную позу.

– Это Тъери, – пояснила я. – Тъери, это моя подруга Дениз.

Внутри вновь все похолодело. И как я объясню другу Армана причины нашего здесь пребывания? Нужно было срочно что-то придумать.

– Сандрин, так зачем вы сюда приехали? – повторил свой вопрос мужчина.

– Тебя зовут Сандрин? – повернулась ко мне подруга, и я виновато кивнула. – А почему он знает, а я нет?

Ох, только вот давления с двух сторон мне сейчас и не хватало. Я медленно выдохнула, набирая терпения.

– Мы обсудим это дома, дорогая, – как можно ласковее сказала я. Дениз еще немного покуксилась для порядка, а потом согласно кивнула. – Тъери, ты не мог бы оставить нас в покое?

Мужчина хмыкнул и отрицательно мотнул головой. Да что же это за бунт вселенной? Мало мне было собак? Теперь еще и Тъери. Нужно как-то с ним объясняться. Лгать ему очень не хотелось, друг Армана этого не заслуживал, но и полную правду я сказать не могла.

– Мне нужно добраться до такси Амеди, – будто сдаваясь, выпалила я, принимая сложившуюся ситуацию как данность.

– Зачем? – с искренним интересом поинтересовался Тъери.

– Там... там в дверце есть тайник, – медленно произнесла я, тщательно подбирая слова. Тъери прищурился, внимательнее всматриваясь в мое лицо. – В тайнике дневник Амеди, он мне нужен. Это все, что осталось от близкого мне человека, понимаешь? Я бы не хотела, чтобы тетрадь безвозвратно исчезла.

Тъери приоткрыл глаза шире, и на лице его появилось сочувствие. Он опустил руки и слабо улыбнулся.

– А такси разве не заберет работодатель Амеди? – спросил Тъери.

– В том-то и дело, что нет. Этот автомобиль Амеди давно выкупил. А предъявить на него права некому.

– Понял, – согласился он, – а Гобера попросить?

– Я не хочу, чтобы дневник приложили к делу как улику, а потом невесть кто читал сокровенные мысли Амеди, – как можно искреннее сказала я, сопроводив слова тихим всхлипом. – Так ты оставишь нас?

– Еще чего! – усмехнулся друг Армана. – И пропустить такую авантюру?

Мы с Дениз снова переглянулись, осознавая, что с Тъери дело может пойти гораздо быстрее. Мужчина приник к щели в заборе и изучил стоянку. Повернул слегка голову, когда тоже услышал собак. Немного отошел и задумался. Мы молчали, затаив дыхание.

– Нам нужно найти мясо, – выдал Тъери, изучая взглядом округу. – Магазины все уже закрыты, но на той стороне есть ресторанчик. Пойду попробую договориться с поваром. Ждите здесь.

Пока Тъери ходил за закуской для собак, мы с Дениз послушно ждали неподалеку, опираясь на его машину, которую я намеренно отыскала.

– Это тот самый друг Армана, что сопровождает вас повсюду? – спросила подруга.

– Угу, – буркнула я, потирая лоб и чувствуя, как начинает болеть голова.

– Вот тоже авантюрист, – усмехнулась она. – Даже отговаривать не стал, а ведь по большому счету наши действия приравниваются к сокрытию улики.

Дениз говорила негромко и скорее для себя самой, поэтому моего ответа не потребовалось. Снова начал накрапывать мелкий дождь, лето в этом году выдалось плаксивым.

– Готово! – провозгласил Тъери, демонстрируя свежие мослы и кусочки мяса, завернутые в бумагу. – Думаю, стоит сделать так... Дениз, ты водишь машину?

Подруга похлопала глазами недоуменно:

– Не слишком хорошо, я еще учусь.

– Отлично, то, что нам нужно. Сядешь за руль и тихонько стукнешься во что-нибудь прямо у будки охранника. Сможешь?

Теперь мы обе удивленно уставились на Тъери, не веря, что он готов пожертвовать машиной ради совершенно ненужной ему тетради.

– Главное, тихонько – понимаешь, чтобы ты не пострадала. Твоя задача натурально испугаться и привлечь внимание полицейского. Пусть выйдет из будки и кинется на помощь. А там... хоть обморок, хоть истерика, справишься?

Лицо Дениз осветилось пониманием, в глазах заплясали озорные искры, она улыбнулась и посмотрела на Тъери совсем другими глазами:

– А ты, брат, не промах! Справлюсь, конечно!

– Мы с тобой, – повернулся мужчина ко мне, – перелезем через забор, как только Дениз приблизится к будке. Я нашел неплохое место для маневра. Там и ты сможешь перебраться. Будем тихонько продвигаться по стоянке, а уж если собаки нас учуют, будем молиться и скармливать им мясо. Это все, что пришло в голову.

– Отлично, – сказала Дениз, – давай ключи.

Подруга с радостью устроилась на водительском месте, ее буквально распирало от предвкушения веселья. И это ее состояние было заразным. Я тоже была взвинчена и ощущала азарт. И пусть все это грозило нам крупными неприятностями, но только в том случае, если мы попадемся. Я посмотрела на Тъери и почему-то уверилась в мысли, что с ним мы точно не пропадем.

Наблюдая за тем, как Дениз медленно разворачивается и проезжает мимо нас, я взволнованно прикусила губу и мысленно помолилась за успех этой сумасшедшей авантюры. Сегодня дождик раздражал, спасибо хоть был мелким, а не проливным. Дениз повернула к будке, и мы с Тъери поспешили выглянуть из-за угла. Девушка прибавила газу, совсем немного, но этого было достаточно, чтобы удар о пожарный гидрант был хорошо слышен.

– Вот умница! – восхитился Тъери. – Смотри!

Я взглянула на будку и увидела, как полицейский выскочил из нее и поспешил на помощь Дениз. Теперь минут десять у нас было точно. Моя подруга сумеет отвлечь охранника и дать нам возможность забрать тетрадь.

– Идем, – велел мужчина, и я послушно последовала за ним.

Тъери привел меня к тому самому месту, о котором говорил, здесь забор немного обвалился и стал чуточку ниже. Я осмотрела его и поняла, что все равно не дотянусь до верха, совсем чуть-чуть не хватало роста. Мой сообщник сцепил руки и подставил их для опоры. Не раздумывая, я встала на них, и Тъери подсадил меня. Дальше было дело за малым. Не скрою, было немного страшновато, и сырость вокруг совсем не облегчала задачу, но кровь уже шумела возбужденно, сердце отчаянно колотилось в груди, а в душе появилась нечаянная уверенность, что я все смогу. Медленно и аккуратно я перелезла через забор, а потом еще медленнее спустилась на землю. Немного ободрала руки, но это уже мелочи. Тъери проделал тот же трюк гораздо быстрее. Он мягко спрыгнул с ограды, будто кошка на лапы.

Автомобилей на стоянке оказалось не так уж много, но из-за вечерней темноты и пасмурной погоды быстро отыскать нужный не получилось. Мы украдкой двигались от ряда к ряду, опасаясь, что встретим собак и все закончится плохо.

– Я слышала, что в дождь запахи усиливаются, – прошептала я, цепляясь за одежду Тъери и выглядывая вслед за ним из-за машины.

– Это и плохо, и хорошо для нас, – ответил он. – В многообразии запахов собаки могут на время растеряться и не сразу нас заметить. Я надеюсь, по крайней мере.

Прозвучало не очень уверенно, но я предпочла поверить в это. Еще пара небольших поворотов – и перед глазами возникло такси Амеди. Сердце невольно дрогнуло. Я дернула Тъери за куртку и глазами указала направление. Прежде чем добраться до нужного автомобиля, мужчина разогнулся и посмотрел на будку охранника.

– Будка пуста, Дениз хорошо справляется, – отметил он и увереннее двинулся вперед. – Но все равно лучше поторопиться.

Подстегиваемая успешным началом операции, я тоже прибавила шаг и, оказавшись у такси, с надеждой дернула ручку. Заперто.

– Вот дьявол! – выругалась я. – Она закрыта.

– А ты думала, тебя здесь ждут? – усмехнулся мужчина.

– Как же мы ее откроем?

– А как вы собирались это сделать вдвоем с Дениз? – поинтересовался он.

– Дениз умеет вскрывать такие замки, а я нет, нам нужно было поменяться!

– Не волнуйся, я тоже кое-что умею.

Тъери улыбнулся и опустил на корточки перед замком в двери. Он извлек что-то из внутреннего кармана куртки, и мне стало ужасно любопытно. В руках у мужчины был небольшой кожаный футляр, развернув который, он взял какой-то тонкий металлический стержень с фигурным кончиком.

– Это отмычки? – поразила я.

– Угу, – промычал он. – Правда я очень давно не практиковался, а тут главное – выбрать подходящие. Так что, будь добра, не отвлекай.

Чтобы занять себя чем-то и не мешать Тъери, я тоже выглянула из-за машины и посмотрела на будку. В ней горел слабый свет, но по-прежнему никого не было внутри. Ох, Дениз, умница моя! Держись.

Позади послышалось глухое рычание. Я похолодела от страха и медленно повернулась. За нашими спинами стояли те самые овчарки. Они не лаяли. Пока. Но их грудной рык вызывал истеричные мурашки по коже.

– Тъери, – шепотом позвала я, не отрывая взгляда от животных. – Тъери.

– Погоди, Сандрин, я почти нашел...

– Тъери! – Этот шепот уже походил на визг, и мужчина недовольно обернулся. – Как можно не услышать этот рык?

– Спокойно, – тихо сказал Тъери, разворачиваясь. – Только не дергайся.

– Легко сказать, – дрожащим голосом ответила я, уже представляя, как одна из овчарок вцепится мне в горло, а вторая начнет терзать молодое, почти не пожившее тело.

Неожиданно оба пса громко залаяли, и я даже подпрыгнула, а потом снова застыла на месте. Страх звенел в ушах. Ну вот, все пропало. Нас сейчас точно обнаружат. Собаки продолжали лаять, а я даже зажмурилась, чувствуя приближение конца этой глупой затеи.

– Тише, – успокаивающим голосом сказал Тъери и чуть приподнял руки, расставив их в стороны, будто пытался уложить их спать. – Тише, не нужно шуметь. Хорошие собаки, хорошие...

Не скажу, что получалось у него как надо, но голос звучал действительно спокойно. Неужели Тъери совсем не боится? Не может такого быть! Это же два здоровенных пса.

– Посмотри на них, – продолжил он таким голосом, будто к младенцу обращался, – они какие-то тощие, голодные, наверное.

– Это вот вообще не успокаивает, ты не понимаешь?! – опять чуть не взвизгнула я.

– Будем очень надеяться, что они голодны, Сандрин, – с нажимом повторил он и аккуратно развернул сверток с мясом и мослами, который отложил, когда пытался вскрыть машину. Похоже, псы учуяли запах мяса. Они замолчали и принюхались. – Ну-ка, мои хорошие, – будто уговаривая, произнес Тъери, – признавайтесь, голодные? Вон как исхудали, плохо тут о вас заботятся?

Очень осторожно он взял по кусочку мяса в каждую руку и, сделав нервный вдох, бросил собакам в ноги. Мое сердце замерло, ужас расплзался по телу, замораживая его. Собаки повели носами и накнулись на мясо.

– Главное, не бойся, они чувствуют твой страх...

– Ты что, сдурел? Как ты предлагаешь мне перестать бояться? Ты зубы их видел? Как они еще не набросились на нас, удивляюсь.

– А тебе бы хотелось? – Он сверкнул в меня глазами.

– Нет, пожалуй, нет.

Я попыталась немного отступить, чтобы оказаться ближе к другу, но собаки тут же подняли головы и вновь зарычали. Черт! Черт!

– Стой смирно, скажешь, когда они слопают то, что я им дал.

С этими словами Тъери снова медленно повернулся к дверце машины и продолжил свои манипуляции как ни в чем не бывало. Безумец! Я будто осталась совсем одна. Так и стояла, не в силах даже пошевелиться и продолжая с ужасом взирать на овчарок.

Время тянулось бесконечно долго, и, когда мужчина негромко возвестил о том, что замок открыт, я прикрыла глаза от облегчения. Однако это чувство быстро прошло, потому как я совершенно не представляла, что мы станем делать, когда нужно будет уносить ноги со стоянки.

Тъери, прежде чем приступить к тайнику Амеди, бросил еще пару кусков троглодитам, которые, даже поглощая еду, все равно будто следили за каждым нашим движением.

– Ты скоро? – пробормотала я дрожащим голосом.

– Скоро, если дергать не будешь, – сквозь зубы процедил он в ответ, поддевая внутреннюю обшивку дверцы такси. Еще несколько бесконечных секунд – и мужчина выдохнул. – Готово. Можем уходить.

– Как?

– Медленно.

Похоже, сегодня это слово стало главным в нашем лексиконе. Прикрыв дверцу, Тъери опасно поднялся на ноги, прихватив с собой сверток с остатками угощения. Он не делал резких движений, стараясь не нервировать собак.

– Что будем делать?

– Прежде всего не нервничать...

– Да хватит уже повторять одно и то же! Не нервничаю я!

Тъери многозначительно вздернул брови, а собаки оторвались от мяса. Я сглотнула и простонала:

– Прости. Собак я люблю, но побаиваюсь. Особенно вот таких... крупных.

– Ладно, половина дела сделана, и эта половина, признаюсь, была не самой сложной. Давай попробуем уйти.

– Что там у нас осталось? – намекнула я на сверток.

– Пара мослов и еще немного мяса.

– Может, зайдем их мослами, а сами деру? – с замиранием сердца предложила я, на самом деле плохо себе представляя, как это будет выглядеть.

Собаки дожевали мясо и уставились на нас голодными глазищами. Я ухватилась за руку Тъери, чувствуя, как псы пожирают меня глазами. И хоть ничего страшного лично мне они пока не сделали, я не могла пересилить свой страх.

– Не наелись? Очень хорошо, – все тем же ласковым тоном сказал собакам мужчина.

Он передал мне тетрадь и вновь развернул сверток. Бросил сначала один мосол, и обе собаки разом накинулись на него, рыча и поскуливая. Предполагаю, что если бы это были хорошо натренированные псы, то едой мы бы не смогли их отвлечь. Еще одно доказательство ненужности этой стоянки. Судя по всему, эти овчарки доживали здесь свой век точно так же, как и конфискованные автомобили.

Тъери бросил еще мосол и начал медленно отступать, утягивая меня за собой. Как только собаки прекратили драку за угощение, мы скрылись за ближайшей машиной.

– А теперь прибавим шаг, – скомандовал Тъери и пошел быстрее.

Я поспешно семенила за ним, чувствуя, как горят пятки, как обливается холодным потом спина, как страх подгоняет меня. Мне казалось, что овчарки вот-вот кинутся в погоню.

Не стоило так думать, ой не стоило! Уже почти у самой стены мы услышали лай и торопливый топот лап, царапающих асфальт когтями. Или этот зловещий звук родился лишь в моем воображении?

– А теперь можно и бегом! – крикнул мне Тъери и побежал.

Гонимая первобытным страхом, я кинулась за ним. У нашего лаза мужчина остановился и вновь сложил для меня руки. Не рассчитав силы и недостаточно подтянувшись, я буквально повисла на ограде.

– Подтягивайся, Сандрин, ну же! – просил Тъери.

Я взволнованно обернулась и поняла, что собаки нас настигли. Они лаяли и кидались на Тъери, но, слава богу, пока не причинили ему вреда, хватая только за штанины. Испугавшись за него, я изо всех сил подтянулась и с трудом, но забралась на ограждение.

– Давай, Тъери, залезай!

Вдруг раздался громкий хлопок. Сидя на заборе, я вскинула голову и увидела, что охранник заметил нас. Он сделал еще один выстрел в воздух и уже бежал к нам. Вот же засада! Собаки продолжали лаять, Тъери отступал все ближе к забору, но развернуться спиной к овчаркам не решался.

– Тъери, охранник бежит! Брось остатки мяса...

Видимо, мужчина так и собирался сделать, потому что уже разворачивал сверток. Я затаила дыхание, ожидая, что же будет дальше. Тъери кинул собакам мясо и мгновенно кинулся на ограду, подтянулся и тоже повис. Собаки на приманку не отреагировали, а бросились к забору и продолжили нас облаивать. Охранник был совсем близко. Я натянула шляпку пониже, пытаюсь скрыть лицо. Тем временем Тъери уже забрался на ограду, и мы оба спустились на землю на той стороне.

– Долли! – слышался крик Дениз. – Сюда!

Подруга ждала нас на повороте. Она тряслась и подпрыгивала на месте от нетерпения. Как только мы приблизились, она юркнула в салон, а Тъери занял водительское место, и я села рядом с ним.

Понять ничего не успела, как автомобиль рванул с места и мы помчались по темным улицам Парижа. Проехав несколько кварталов, водитель остановил машину, перевел дыхание и посмотрел на меня. Я тяжело дышала и оглядывалась по сторонам невидящим взглядом. Поверить не могла, что все позади. Стоило нашим с Тъери взглядам встретиться, как смех вырвался сам собой. Мы хватались друг за друга и безудержно хохотали, до колик, до слез. Когда истеричное веселье утихло, мужчина провозгласил:

– Мне срочно нужно выпить!

– И мне, – согласилась я.

– И мне, – повторила Дениз.

Глава 20

Секреты Амеди

Мы доехали до ближайшего к моему дому бара и осели в нем, делясь впечатлениями и снимая напряжение. Меня еще немного потряхивало и на душе было скверно, но стоило осушить первый бокал чудесного арманьяка и внутри тут же потеплело. Я расслабилась, и через какое-то время у меня даже лицо покраснелось. Тетрадь Амеди жгла руки, поэтому я заткнула ее за пояс брюк и время от времени бросала на нее опасливые взгляды. Читать здесь и сейчас не хватало духу.

Тъери оказался не только отличным соучастником преступления, но непревзойденным собутыльником. С ним было весело и спокойно. Добрую половину ночи он травил байки из собственной жизни и вспоминал забавные случаи времен войны. Сколько всего они повидали вместе с Арманом! Когда пыл немного стих и в крови уже плескалось достаточно алкоголя, который почему-то недостаточно затуманивал сегодня мой разум, я вдруг спросила Тъери:

– Как он?

Другу не понадобились разъяснения, чтобы понять, о ком шла речь. Он отставил свой бокал на барную стойку и посмотрел на Дениз, которая в это время флиртовала с каким-то весельчаком.

– Ему непросто, Сандрин, – осторожно сказал Тъери. – Что ты знаешь о провалах в его памяти?

– На самом деле не очень много. Только то, что он сам говорил. Как-то раз я видела, как он очнулся после одного из них.

Я зажмурилась, борясь с неприятными ощущениями, навеянными воспоминаниями о той ночи, когда я усомнилась в невиновности Армана. Но тогда любой бы испугался.

– В последнее время он взвинчен и напуган, – продолжил Тъери, – почти не спит, потому что боится потерять контроль.

– Почему я не заметила? – Мне стало страшно.

– Тебе было не до того. – Друг мягко коснулся моего плеча. – Ты перенесла потерю, а Арман ни за что не стал бы тебя тревожить.

Я внимательно посмотрела в зеленые глаза Тьери, пытаюсь уловить в них что-нибудь, дающее мне надежду на полную откровенность. Тьери смотрел открыто, не пытаясь прятать от меня свой взгляд и, кажется, понимая, чего я от него ждала. Лицо его стало печальным.

– Ты ведь знаешь, что так терзает его?

Мужчина кивнул, одним глотком допил остатки арманьяка и сделал жест бармену, чтобы тот плеснул еще.

– Мы познакомились в самом начале войны, и в первые дни я считал Армана безумцем, который постоянно лез на рожон. Одни называли его отчаянным смельчаком, другие – попросту идиотом. Я же просто присматривался, хотел знать природу такого поведения. – Тьери ненадолго замолчал, сделал еще глоток и закурил. – Только спустя какое-то время и пару-тройку ситуаций на грани смерти я узнал о... – Мужчина осмотрелся и склонился ко мне чуть ближе. – О его особенных талантах. Благодаря им он не щадил себя, шел везде первым, с моей помощью тайно исцелял, когда это было возможно. После ужасов войны Арман немного изменился, его понесло в разгул. Сила, которую он часто использовал, брала над ним верх, опьяняла и дурманила. Но это ты уже, наверное, слышала. Что бы он там ни натворил – это осталось в прошлом. Арман справился и уже давно начал новую жизнь.

Даже если легкий туман от алкоголя и был в моей голове, он тут же выветрился. Тоска сдавила сердце. Я вновь посмотрела в глаза Тьери.

– Не проси, я не расскажу, Сандрин, – с пониманием ответил он на мою невысказанную просьбу. – Это тайны Армана и его семьи, ему и рассказывать. Главное, он справился и успокоился. Не знаю, может, в том и моя заслуга была. Я велел ему принять свое прошлое и смириться с ним, ведь изменить его он не мог. До событий последних недель все было прекрасно, а теперь кошмары и провалы вернулись.

– Мои тоже, – с грустью сказала я, обжигая губы арманьяком.

Тьери не стал ни о чем спрашивать, а я не стала рассказывать сама. Мне было достаточно того, что я чувствовала его поддержку. Вот так незатейливо, легко и непринужденно у меня появился друг.

Руки Дениз легли на наши плечи, девушка повисла на них и усмехнулась:

– Вы как хотите, друзья мои, но мне просто необходим сон. Если я сейчас же не найду кровать, то устроюсь где-нибудь на скамейке, прямо под открытым небом.

– Разве мы можем это допустить? – весело подмигнул мне Тъери. – Если уж совсем тяжело, могу предложить свой автомобиль. Тем более у тебя с ним теперь незримая связь. Вы вместе столько пережили.

Я усмехнулась, а Дениз насупилась:

– Только не вздумай предъявить мне счет! В конце концов, это была твоя идея!

– Да, но ты с таким энтузиазмом воплотила ее в жизнь! – рассмеялся Тъери.

– Э-э-э нет, дружок, ты не повесишь это на меня!

Дениз ткнула его пальцем в грудь и всерьез нахмурилась, принимая его слова за чистую монету.

Я снова на миг отвлеклась от печальных мыслей, но Дениз была права, нужно и отдыхать. Тъери взял на себя расходы, оплатив выпивку, а потом мы подхватили его под руки, и все вместе вышли в прохладную ночь. Дождь уже закончился, тучи потихонечку расползались, утро обещало быть теплым и ясным. Я с удовольствием вдохнула еще немного влажный воздух и сказала:

– Оставайся сегодня у меня, подруга. До своего дома все равно не доползешь.

– Если бы ты не предложила, я бы сама напросилась, – усмехнулась Дениз.

Тъери проводил нас до моего дома, а потом побрел неспешно туда, где обзавелся временным жильем. Дениз отключилась сразу, как только положила голову на подушку. Я с трудом уговорила ее умыться и переодеться. Стоило мне услышать мерное дыхание подруги, я обратилась к своему питомцу:

– Побудете со мной, мсье Луи? Одной мне тяжело.

Я вытащила крысу из клетки и села за стол, на котором зажгла настольную лампу. Дрожащими руками развернула тетрадь Амеди и затаила дыхание. Она была больше похожа на блокнот в мягком кожаном переплете, но чуть шире и длиннее. Почерк у моего друга был мелкий, но разборчивый. Первые несколько страниц посвящались заметкам по делам, не имеющим ко мне никакого отношения. Здесь

стояли разнообразные фамилии, цифры, адреса, названия ресторанов, клубов и прочая бесполезная для меня информация. Я листала медленно, будто нехотя. Конечно, была вероятность, что он так ничего и не нашел на Дювалей и вся эта операция, которая наверняка прибавила мне седых волос, не стоила выеденного яйца. Уже на последней странице, слегка замятой и, похоже, несколько раз сложенной пополам, я наткнулась на фамилию Дюваль. Она значилась в самом верху страницы и была несколько раз подчеркнута.

Дюваль:

По словам слуг:

Северин – резок, жесток, непреклонен

Жаклин – холодна, надменна, ее слабость – Патрис

Здесь я не увидела совершенно ничего нового, это, скорее всего, просто для общей картины. Интересно, Амеди сам говорил со слугами Дювалей? И это слуги нынешние, которые обитают вместе с хозяевами в аббатстве Ключни, или те, что знали их еще до переезда в Париж?

После слов о родителях Дюваля была фраза, обведенная жирным карандашом:

Семья странная, замкнутая, обладающая какими-то способностями. Способностями? Вокруг царят странные вещи, мороз по коже...

Насколько я поняла, это тоже были слова слуг. Вероятно, о магии. Дальше шли братья:

Патрис – пугающе спокоен, скрытен, увлечен оккультизмом

Арман – легкомысленный, гуляка, подозревался в нападении и изнасиловании, дело замаяли...

Последние слова молотом ударили в голову, я тут же обхватила ее руками и до боли прикусила губу. Подозревался в изнасиловании... Я не верила, не хотела верить. В чем угодно, только не в изнасиловании. Тело будто все разом свело судорогой, я не могла усидеть на месте. Арман говорил, что доигрался, в его прошлом было нечто-то ужасное. Но я и подумать не могла...

Нервно закурила, забыв про мундштук. Изнасилование. Не знаю, как бы я восприняла это слово, если бы не имела горького опыта жертвы подобного преступления. Как женщина, все равно ужаснулась бы, но благодаря тени из прошлого я была разбита.

– Он не мог... – пробормотала я, сдерживая болезненный стон. – Нет, не мог.

Затянулась и как можно спокойнее выпустила дым, пытаюсь мыслить здраво. Собралась с духом, отбросила все страхи и постаралась овладеть собой. Арман лишь подозревался, его вина не была доказана. Хотя... дело замяли. Нет ничего, чего не мог бы сделать Северин Дюваль для своего сына. Да и Жаклин скрывала прошлое Армана от него самого. Может, именно потому, что он виновен? Наступающий рассвет показался мне ледяным, я почувствовала пронизывающий холод, а потом озноб.

– Нет, нужно разобраться. Я не буду больше делать поспешных выводов.

Я боялась, что это самообман и мои чувства к Арману не давали мне мыслить трезво и беспристрастно. Но, кроме веры в него, у меня больше ничего не было. Вся эта история казалась до крайности странной. Этот налет тайны, которую Жаклин так ревностно берегла. Пресеченная ею же попытка Патриса помочь брату вспомнить. Она защищала Армана, но он и без того страдал уже не первый год. Память штука хитрая. Она найдет путь, чтобы вернуться, но те обрывки, что вспоминал Арман, терзали его намного больше, чем могла бы полная правда.

Когда-то давно, в клинике, врач объяснял мне, почему я почти не помнила событий, предшествовавших нападению. Да, я знала, что отдыхала с друзьями в каланках, помнила, кто был со мной, но подробностей, бесед, встреч и даже того, что ела или пила в тот день, я вспомнить никак не могла. Мозг защищался, подавлял даже хорошие воспоминания. Но кошмары возвращали их обрывками, порою совсем непонятными, но жуткими. Очень тяжело видеть во снах какую-то часть своей жизни и не быть способным понять и объяснить эти сны.

Уже с рассветом я решила, что попробую обсудить с Арманом возможность повторить попытку Патриса вернуть его воспоминания. Было ли мне страшно? Очень. Но я не желала отступить от своей веры в Армана. Я выбрала этот путь сама и предпочитала верить до тех пор, пока что-либо по-настоящему достоверное не уничтожит эту веру. Выдохнула, всем сердцем надеясь, что этого все же не произойдет.

Я еще полистала тетрадь Амеди, осознавая, что все остальное он, вероятно, хотел сказать при встрече. Уже закрывая тетрадь,

почувствовала какое-то уплотнение и присмотрелась к переплету. Уплотнение оказалось как раз там, где последняя страница была к нему приклеена. Взяв тонкий нож для бумаги, я разделила страницы и увидела фото. С карточки на меня смотрела маленькая девочка лет шести с красивыми кудряшками и бантиками из ленточек. Я перевернула фото и прочитала: «Франсуаза Бюжо, март 1927 год».

– Франсуаза Бюжо, – повторила я. – Бюжо, как Амеди.

Чудовищная догадка резанула по сердцу. У Амеди была дочь и, судя по форменному платьицу, она жила и обучалась в каком-то из пансионатов Франции.

Дениз просыпалась тяжело, со стоном и тихой просьбой убить ее, чтобы не мучилась. Поскольку спать я так и не ложилась, уже успела приготовить легкий завтрак. Поднесла к лицу подруги ароматный кофе, и она снова застонала, а потом накрыла голову подушкой.

– Это запрещенный прием, Долз, – послышался приглушенный голос. – Я ни за что не вылезу сегодня из твоей кровати!

Я усмехнулась, ощущая невероятное тепло на душе. Несмотря на то что была предельно истощена эмоционально, оказалось, что радоваться подобным мелочам еще не разучилась.

– Вставай, – с улыбкой попросила, – я тебе яйцо сырое приготовила.

– Фу-у, ты убить меня хочешь? – сбрасывая подушку, спросила Дениз. – Ненавижу сырые яйца.

Я расхохоталась и протянула ей кофе. Подруга сменила гнев на милость и благодарно улыбнулась, принимая чашку. Она прикрыла глаза и вдохнула приятный аромат, а потом сделала осторожный глоток.

– Боже! Райский напиток! Спасибо, Долз... и, кстати, почему ты выглядишь как огурчик? Нет похмелья? Выспалась?

Подруга распахнула глаза и наигранно сурово рассмотрела мое лицо. Я перевела взгляд на колышущуюся штору. Балкон предусмотрительно открыла, чтобы нам обеим дышалось чуточку легче.

– Ясно, – уже не так бодро констатировала подруга, – ты совсем не ложилась.

Дениз посмотрела на тетрадь Амеди, которую я оставила на столе. Лицо подруги сделалось печальным, она тут же забыла о своем

похмелье:

– Дай мне две минуты, я приведу себя в порядок, и мы поговорим.

Конечно, приводила она себя в порядок вовсе не две минуты, но ожидание меня нисколько не беспокоило. Единственное, пришлось готовить новый кофе, пить холодный малоприятное занятие. Дениз вышла из ванной немного посвежевшей, причесанной и облаченной уже в свою вчерашнюю одежду.

– Спасибо, что заставила меня умыться перед сном. – Она улыбнулась, присаживаясь за стол и буквально набрасываясь на еду. – И за то, что просушила одежду. Я вчера была не в состоянии о себе позаботиться.

Наблюдая за тем, с каким аппетитом Дениз поглощает завтрак, я улыбалась. Наверное, если бы не все пережитое в последнее время, я бы тоже сейчас страдала похмельем. Правда от еды бы точно отказалась, а вот на аппетит Дениз ничто не могло повлиять.

– А теперь рассказывай, Сандрин, – совершенно серьезно попросила она, намеренно сделав акцент на моем настоящем имени.

Подруга сполоснула за собой тарелку и бокал, а потом повернулась ко мне. Я закурила и задумалась, впервые за долгое время ощущая потребность высказаться. На Дениз я могла положиться полностью, она не раз доказывала, что ей можно доверять. Да, в последнее время мне везло с окружением. Появился Арман, который непостижимым образом занял мое сердце и не собирался его покидать, затем Тъери, с которым можно было смело отправляться и в огонь, и в воду, и даже на преступление. Но Дениз была рядом дольше и заслуживала знать правду как никто другой, тем более я точно знала, что мои секреты она будет хранить как свои собственные.

Я протянула подруге пачку сигарет и отодвинула для нее стул, тем самым давая понять, что разговор будет долгим. Страшно было только начинать, а потом слова полились из меня сплошным потоком. Начала с детства, с семьи, а потом рассказала о нападении, клинике и разрушенных мечтах.

Подруга слушала, не перебивая, и в какой-то момент забыла, что у нее между пальцев зажата сигарета. Окурочек истлел и обжег кожу. Девушка затушила сигарету и тут же взяла новую. Я была благодарна за отсутствие ахов, вздохов и откровенной жалости. Дениз хмурилась, где-то сердилась, но продолжала внимательно слушать.

Я вскользь упомянула о нескольких годах в университете Прованса, о том, как привыкала жить одна в студенческие годы, но все равно постоянно приезжала в Марсель к родителям. Потом рассказала о переезде в Париж и о том, как попала во все это. Я достала из шкафа машинку и поставила ее перед Дениз. Конечно, о силах Армана и его семьи я умолчала. Это не самая безопасная информация для подруги. Выслушав все, что я смогла рассказать, Дениз некоторое время молчала, обдумывая услышанное и делая собственные выводы:

– Значит, в тетради Амеди написано, что Арман подозревался в изнасиловании... – уточнила она, хотя сама уже несколько раз перечитала заметки моего дорогого друга. – Вот сейчас отринь все чувства, что ты к нему испытываешь, и задайся вопросом, способен ли этот человек на подобное преступление?

Ответить было сложно, ведь я не могла пояснить, что магия тоже сыграла здесь немаловажную роль. Она могла затуманить его разум настолько, что он совершил это чудовищное преступление.

– Я не знала его в то время, не могу сказать, каким он был и что мог сотворить, а что нет. Сейчас, глядя на него или же просто думая о нем, я не верю! Не хочу верить. Но страх преодолеть совсем не легко. Он все равно находит лазейки, выползает наружу и тащит за собой во тьму. Мне кажется, я с ума сойду от мыслей, которые буквально атакуют мою голову, терзают меня и не дают спать.

Я говорила горячо, взволнованно, заламывая руки и кусая губы. Расхаживала по крошечной кухне от стены к стене и пыталась не сорваться на плач.

– Я впервые полюбила, Дениз. – Резко застыла на месте и посмотрела в округлившиеся глаза подруги. – Впервые, понимаешь? Думала, не способна на такое и то, что мне дарил Амеди, – мой предел. Этого достаточно. Но Арман изменил все, я испытываю постоянную необходимость видеть его лицо, вдыхать его запах и касаться его тела. Это невероятно прекрасно и чудесно, и радостно... и больно. Все так запутанно, так странно. А если его прошлое не домыслы? Если он совершил этот поступок? Смогу я принять, простить, смириться? Нет, ты не думай... я не верю, но... но...

– Я понимаю, – успокоила меня подруга, – и боюсь, что тебе придется разобраться в этом. Человек так устроен. Ты будешь всецело

на его стороне, будешь защищать, изо всех сил верить и доверять, но проклятые подозрения, которые уже прокрались в голову... С ними ты вряд ли что-то сможешь сделать. Ты можешь защищать Армана перед всей вселенной, но от собственных страхов не защитишь. Так разберись, призови его к ответу! И если сейчас он не может его дать в силу каких-то там проблем с памятью, пусть выяснит у семьи. Если раньше все это можно было скрывать, то сейчас самое время выяснить. Вы попали в такую передрагу, что выплыть сможете только вместе.

Дениз поднялась с места и подошла ко мне ближе.

– Твой страх понятен, милая, и он нормален. Ты всего лишь человек, а не бронебойная суперженщина. К тому же как давно вы знакомы? Всего ничего. Чувства чувствами, а в данной ситуации лучше голову держать холодной. Нырнешь в омут, когда все это разрешится. Рано или поздно этот кошмар закончится, и вы с Арманом сможете насладиться чувствами. Если, конечно, разрешится ваша проблема благополучно для всех...

Дениз отошла от меня и снова взялась за дневник Амеди, уже в десятый раз перечитала слова, написанные его рукой, и вдруг нахмурилась:

– А ты разве не говорила, что мать Армана помешана на нем? Что она излишне опекает его и буквально душит своей любовью?

– Да, так и есть, – рассеянно ответила я, все еще думая о предыдущей теме нашей беседы.

– А почему же Амеди написал, что слабость Жаклин – это Патрис?

Я не сразу осознала то, что сказала подруга, но, когда ее слова добрались до моего сознания, тоже нахмурилась и взяла из ее рук тетрадь:

– Да, написал... странно, я даже не обратила внимания. Возможно, он ошибся или что-то не так понял? – Я пожала плечами, не придавая этой мелочи значения.

– Да? Ну, может быть, – сказала подруга. – А что ты намерена делать с информацией о девочке?

– Ох, Дениз, даже не знаю, – честно призналась я, – прежде всего найду ее. Поговорю с ее учителями, посмотрю на обстановку. У девочки, скорее всего, больше никого нет, если это так, то по

меньшей мере возьму на себя расходы по ее содержанию в пансионе. Может, если смелости хватит, познакомлюсь с ней.

Подруга благоразумно не стала возвращаться к избитой теме о моей невинности в смерти Амеди. Она лишь кивнула и сказала, что выяснение, в каком пансионе живет Франсуаза, возьмет на себя, поскольку у меня и так забот пока хватало.

Ближе к обеду, когда зазвонил телефон, я с надеждой на то, что это мог быть Арман, подняла трубку:

– Слушаю.

– Долз! Привет, это Брис, Брис Аркур.

– Привет, Брис, – поздоровалась я, ощущая, как земля уплывает из-под ног. Звонок из полиции, хоть и от приятеля, не обещал ничего радужного. – Что-то случилось?

– Мы можем встретиться? – спросил он. В голосе мужчины прозвучало напряжение. Он не хотел говорить по телефону – тоже ничего хорошего. – Через час. Выпьем где-нибудь кофе и поговорим.

– Что-то случилось? – повторила я свой вопрос. Сердце ускорило, мне стало жарко и душно.

– Никто не умер, – тут же сказал Брис, и волной накатило облегчение. – Ну так как?

– Хорошо, встретимся в кафе «Прокоп» в Латинском квартале, пойдет? – предложила я, зная, что мой приятель ценит это место, но посещает не часто, поскольку простому полицейскому оно не по карману.

– Отлично, жду через час, – сказал Брис и отключился.

– Что стряслось? – обеспокоенно спросила Дениз. – Чего вдруг понадобилось Брису?

– Не знаю, – задумчиво крутя в руке телефонную трубку, сказала я. – Но скоро выясню.

Сборы не заняли много времени, я наспех переоделась, привела волосы в порядок и совсем чуть-чуть подкрасилась. Да, кожа казалась слишком бледной и местами даже синюшной, но это все можно поправить долгим и крепким сном. Дениз отправилась домой, а потом собиралась заняться поисками пансиона, где жила дочь Амеди.

Я вошла в «Прокоп» спустя час и пять минут. Кафе это заведение называли скорее по сложившейся исторической традиции, поскольку «Прокоп» в далеком 1686 году впервые предложил своим посетителям

кофе и мороженое. В то время подавать кофе в общественных заведениях, да еще и в маленьких фарфоровых чашечках, было еще не принято. Хозяином этого кафе был сицилиец Франческо Прокопио дей Кольтелли, его имя и дало название заведению.

Сейчас «Прокоп» стал рестораном с множеством залов и разнообразием блюд. Оказавшись в главном вестибюле с парадной лестницей, ведущей на второй этаж, я осмотрелась. Суетливый администратор тут же поинтересовался, что я желаю – плотно пообедать или же просто перекусить. На второй этаж, по обыкновению, сопровождали тех, кто выбирал первый вариант, а те, кто хотел выпить чашечку кофе или бокал вина, размещались на первом. На каждом этаже своя кухня и обслуживающий персонал. Залов, относящихся к кафе, несколько, а еще на первом этаже имелся бар и гардероб.

Я назвала фамилию приятеля, и мне указали на столик. Подниматься по лестнице не пришлось. Брис ждал меня, бездумно играя чашкой, которая неприятно шкрябала дном по блюдцу. Прежде чем сесть, я чуть надавила на руки приятеля. Чашка звякнула, а мужчина замер, глядя на меня во все глаза. Он мотнул головой:

– Прости, задумался.

– Ага, я заметила, – ответила я, скользя взглядом по лицам двух официантов, которых выдало выражение облегчения на лице.

Очень надеялась, что с виду казалась спокойной и собранной. Внутри же все дрожало, а потом натягивалось, будто струна, готовая вот-вот лопнуть. Я устала от плохих новостей. Поймала взгляд Бриса и дала понять, что жду объяснений. Мужчина вздохнул, велел принести еще кофе и выговорил:

– Ты только не волнуйся и не суетись, Долз.

Кислое лицо Бриса насторожило меня еще больше. Он провел рукой по волосам, чуть поправил галстук, а потом наконец сложил руки на столе.

– А ты не ходи вокруг да около, я и не буду волноваться.

– Хорошо, – сказал он. – Наверное, стоит начать с того, о чем ты меня просила в прошлую нашу встречу.

Пришлось немного напрячь память, поскольку из-за насыщенности событиями моя жизнь превратилась в настоящий

бардак. О чем я просила Бриса? Ах да, точно! Я просила, чтобы он влез в дела Гобера.

– Ты узнал то, о чем я просила? – чуть было не подпрыгнула я.

– Узнал я совсем немного и даже не знаю, поможет ли тебе эта информация, – скривился он. – В дело я, само собой, не заглядывал, но кое-что разузнать все же удалось. Две девушки, которых ты обнаружила, не были первыми.

И снова молот обрушился на голову. Я зажмурилась, не веря в услышанное. Пришлось выждать пару минут, прежде чем мысли улеглись в голове.

– То есть как не первые?

– Гобер поручил паре парней покопаться в прошлых делах. Он искал все, что могло напомнить эти убийства. Как оказалось, были еще жертвы. Пять девушек, две из которых даже не опознаны. Характер убийств примерно тот же, раны немного отличаются, но возраст от семнадцати и до двадцати двух. Все девушки были изнасилованы и брошены в одном нижнем белье.

– Почему никто не связал их раньше? – ужаснулась я.

– Во-первых, все пять девушек были убиты в течение года, а не друг за другом, как здесь. Во-вторых, это иной слой общества, а точнее, сироты, проститутки, словом, те, кого искать некому. Это еще не всё. Как я слышал, Гобер считает, что самым первым делом этого мерзавца было нападение на девушку в Марселе. Не знаю подробностей, но слышал, что она осталась жива.

Меня бросило в жар, я сделала жадный глоток воды и от поспешности чуть не поперхнулась. Это получается, Гобер меня считает первой жертвой? Несмотря на то что тело как будто пылало, внутри все сжалось от холода. Рука дрогнула, и я предпочла поставить стакан обратно на стол, чтобы не опрокинуть. Насколько я помнила, комиссар уже связывал меня с этими преступлениями, считая соучастницей. Когда он успел вычеркнуть меня из списка подозреваемых? То есть раньше он считал, что из-за пережитого нападения я могла присоединиться к Арману, которого комиссар считал главным подозреваемым, и, следуя какому-то извращенному замыслу, помогала ему насиловать и убивать. А теперь он, видимо, думал, что человек, который когда-то напал на меня, был тем самым, который убил всех этих девушек.

Я сглотнула, схватилась за стол и почувствовала приближение панической атаки. Горло сдавило. Тот человек, что напал на меня здесь? Это он кружит вокруг меня, играет со мной, издевается? Быть того не может. Прошло столько лет, и я изо всех сил пыталась оставить эту историю позади.

– Долз, ты как? Нормально? Стала белой как полотно, – вывел меня из ступора Брис.

Я глубоко вдохнула, отгоняя страшные мысли до тех пор, пока не останусь совсем одна. Взять себя в руки стоило мне титанических усилий.

– Это все, что ты узнал?

– Да, я говорил, что негусто и, возможно, тебе ничем не поможет, – ответил Брис, взлохмачивая свои идеально зачесанные волосы цвета соломы.

Принесенный официантом кофе меня несколько не интересовал, я отставила его в сторону и посмотрела на собеседника:

– Это из-за этой информации я не должна была волноваться?

– Не совсем, – вновь сник Брис. – Просто я решил ею поделиться прежде чем твои эмоции заставят тебя мчаться в полицейский участок.

– А зачем мне мчаться туда? – нахмурилась я.

– Твой отец арестован, – выдохнул он.

– Что? – Я вскочила с места. – Ты почему сразу не сказал? За что он арестован?

– Сядь, и я расскажу, – строго сказал Брис, а когда я не подчинилась, повысил голос: – Сядь!

Сердце рвалось из груди, тревожно колотясь в сумасшедшем темпе. Бриса таким суровым я еще никогда не видела, хотя мы с ним хорошо знакомы. Стоп, тогда откуда он узнал, что Бастиан Идо мой отец?

– Я слышал часть разговора между Гобером и твоим отцом и догадался, что твоя настоящая фамилия Идо, – пояснил полицейский, словно прочитав мои мысли. Я всмотрелась в его лицо пристальнее. Если даже ему известна моя фамилия, то это еще ничего не значит. О том, что я та самая первая жертва, он, похоже, даже не догадывался. – Твой отец угрожал Северину Дювалю в публичном месте, он буквально выволок его из министерства, а что произошло между ними дальше, я не в курсе. Это дело тоже у Гобера. Главное,

пойми, что сделать ничего пока не сможешь. То есть не в участке точно. Отец твой, как я понял, не велел оповещать семью, поэтому ты не в курсе.

– И ты думаешь, я буду сидеть сложа руки? – возмутилась я.

– Нет, конечно. Я просто хочу сказать, что лишние волнения ни к чему. Твой отец в порядке, Гобер не зверствует. Они даже вроде как поладили.

– Какое имеет значение, что они поладили? Я хочу, чтобы отца освободили!

– Имеет значение, Долли, что к родителю твоему хорошо относятся, никто его не прессует. Он в порядке, – строго пояснил Брис. – Ты лучше поговори с дружкой своим, младшеньким Дювалем. Пусть он как-то повлияет на отца. Если Северин Дюваль заберет заявление, то инцидент будет исчерпан.

Над словами Бриса стоило подумать. Зная отца, я была уверена, что пара дней в камере его не сломит, он их даже не заметит. Конечно, это не означало, что я оставлю его там, хотя отцу стоило бы подумать, прежде чем совершать настолько опрометчивый поступок. А вот попросить Армана я действительно могла. Признаться, первой мыслью было отправиться в аббатство Клуни самой и потребовать, чтобы Дюваль-старший забрал это чертово заявление. Но это было бы не менее глупо, чем действия отца. Я могла сделать только хуже.

– Ты прав, мне стоит обратиться к Арману, – как можно спокойнее ответила я, поднимаясь со стула. – Я так и сделаю.

– Возможно, поможет опровержение, которое ты написала...

– Какое опровержение? – не поняла я.

– Ну как же? В утренней газете, на первой полосе, – удивленно уточнил приятель. – Эта новость уже всколыхнула Париж! «Фигаро 41» сегодня выпустила опровержение статьи о причастности Армана Дюваля к убийству Кароль Пети. Под ним значится твое имя.

Глава 21

Час от часу не легче

– Еще одна статья. – Я снова присела на стул.

– Ты выглядишь так, словно не знала о ней, – стушевался Брис.

Мужчина сделал знак официанту и попросил принести утренний выпуск «Фигаро». Молодой человек уже через минуту протягивал моему спутнику газету, но Брис указал на меня, и статья оказалась прямо перед моими глазами. Как и говорил мой приятель, опровержение было на первой полосе. В нем говорилось о поспешности сделанных мною выводов, об отсутствии доказательной базы и о несправедливости по отношению к уважаемой семье и ее чаду. А в конце полные раскаяния извинения и мое имя.

Я печально вздохнула, осознавая, что Лакомба прижали. Сначала заставили выпустить ту самую злосчастную статью, а теперь, вероятно, Северин Дюваль подсуетился, чтобы обелить имя сына. И не то чтобы родитель Армана был не прав, но я думала лишь о последствиях для папаши. Он накрепко застрял между двух огней, и выбраться ему будет очень непросто. И такая тоска меня одолела, что я едва сдержала стон отчаяния. Эта история должна уже закончиться. Сколько я еще смогу вынести – не знаю.

– Ты не писала ее? – догадался Брис, с сочувствием взирая на меня.

– Нет, – ответила я. – Прости, мне нужно идти.

Проходя мимо приятеля, я благодарно коснулась его плеча и чуть сжала непослушными пальцами. Внутри зарождался бунт. Я так устала от бесконечной череды неприятностей, опасностей и боли.

У стойки администратора попросила разрешения позвонить. Молодой человек учтиво поклонился, натягивая улыбку, и деликатно отошел. Первым делом я попросила соединить меня с редакцией «Фигаро 41».

– Я ждал твоего звонка, – устало сказал Лакомб.

– Северин Дюваль? – просто спросила, зная, что он поймет, о чем я.

– Да, и он был настроен очень агрессивно, Долли. Он не оставил мне выбора...

– А как же те, кто заказал статью? Что теперь будет?

– Я готов ко всему. – Голос папаши прозвучал обреченно.

Сердце обожгло болью, мне показалось, что несокрушимый редактор самого популярного издания Парижа опустил руки.

– Я отправил семью еще дня три назад, сегодня вечером присоединюсь к ним, – продолжил он. – Сдаю дела новому редактору.

Я некоторое время молчала, совершенно не представляя, что сказать человеку, который, несмотря на все произошедшее между нами, остался одним из самых близких в этом городе. Все дурное само собой ушло на второй план. В памяти всплывали лишь приятные моменты: совместные ужины, забавные споры и добродушные наставления папаши. Он всегда относился ко мне с особой нежностью, родительской. Недоразумение, рассорившее нас, было печальным, но уже не причиняло мне столько боли. Я понимала мотивы Лакомба и где-то в глубине души уже давно его простила.

– Долли, детка, – тише заговорил он, – если бы я мог, я бы сделал все возможное, чтобы помочь тебе выпутаться. Могу лишь сказать, кто заказал статью...

– Корро, Александр Корро, – перебила я его.

– Уже знаешь, – вздохнул папаша, – значит, и тут я оказался бесполезен.

И снова сердце сдавило беспощадной болью, тревога заставила схватиться за провод, мысли путались, а слова никак не срывались с губ.

– Береги себя, девочка, будь настороже и помни, что ты сильная! Я всегда это знал, видел в тебе отвагу и нежелание сдаваться. Ты выберешься, я знаю. Прости меня, прошу, прости...

Глаза обожгли слезы, я проглотила комок, что мешал говорить, и тихо ответила:

– Я простила... я вас простила.

Я знала, что папаша должен услышать эти слова, они были ему нужны. Сейчас он виделся мне не суровым редактором, а уставшим пожилым человеком, которому необходимо прощение, чтобы попробовать спокойно дожить свой век.

– Спасибо, детка, – выдохнул он, и я будто услышала, как он улыбнулся.

Сил говорить с ним больше не было, и я отключилась. Несколько раз шумно выдохнула, приводя растрепанные чувства в порядок, и позвонила в отель Армана. Пришлось подождать, но голос Дюваля подействовал на меня благотворно:

– Слушаю.

Всего одно слово, а по телу разлилось тепло, сердце подпрыгнуло, и теперь я теребила провод уже от волнения. Такой каскад чувств, пережитый всего за несколько минут: от горечи и боли до трепетного счастья и легкого возбуждения, способен выбить почву из-под ног любого. Что уж обо мне говорить.

– Арман, здравствуй!

– Сандрин! – Голос Дюваля тут же стал тревожным. – Что-то стряслось? Как ты?

– Нет, не беспокойся, все нормально, – поспешила я его успокоить.

– Прости, я в последние сутки был занят, – извинился он.

– Ничего, – улыбнулась я. – Ты газеты видел?

Я осмотрелась по сторонам. Не хотелось бы, чтобы меня кто-то слушал. Администратор мялся неподалеку, отчаянно делая вид, что готов ждать сколько угодно.

– Ты про опровержение? – спросил Арман. – Видел. Подозреваю, твой редактор не советовался с тобой и в этот раз. Отец добрался-таки до него.

– Да, я говорила с Лакомбом. Он сдает газету новому редактору. Папаша потерял все.

– Мне жаль, Сандрин, – с искренним участием сказал мужчина. – Чем я могу помочь? Может, встретимся? Я буду свободен где-то через час.

– Арман... мне нужно в участок, к Гоберу.

– Зачем? – И снова тревога прозвучала в голосе любимого мужчины.

– Мой отец арестован.

– Что случилось?

Дювали, видимо, совсем не общаются с сыном, ну или Арман избегает всяческих контактов с родственниками, что вероятнее.

– Он угрожал твоему отцу в публичном месте, – выдохнула я и зажмурилась, ожидая реакции Армана.

Тишина в трубке заставила меня понервничать, сердце гулко забарабанило в груди, я до боли прикусила нижнюю губу.

– И я его понимаю, – наконец сказал Дюваль. – Я попробую поговорить с отцом. Он, видимо, написал заявление?

– Да.

– Сделаю все, что смогу, милая, не беспокойся.

– Знаю, что сделаешь, – облегченно выдохнула я и неуверенно улыбнулась. – А сейчас я поеду туда сама, поговорю с Гобером и, если получится, увижу отца.

– Ты точно не хочешь, чтобы я поехал с тобой? – ласково поинтересовался Арман.

– Нет, спасибо. Я лучше сама.

– Сандрин, – позвал он, прежде чем я опустила трубку на рычаг, – я хочу тебя увидеть.

– Приезжай вечером, – пытаюсь сдержать счастливую улыбку, ответила я. Душа вновь запела от счастья. Такие простые слова, а сколько потрясающих эмоций они способны подарить.

– Я могу освободиться поздно, разговор с отцом вряд ли будет коротким, – с сожалением ответил он.

– Я не буду запираеть дверь, – снова осмотревшись вокруг, ответила я.

– Понял, – ответил Арман, и в трубке послышался добродушный смешок. И от этой усмешки внутри все перевернулось. – До вечера.

Я вышла из кафе в полном смятении, чего раньше никогда не бывало. С Арманом все было иначе. Я волновалась, будто прежде никогда не имела дел с мужчинами. Сейчас мне казалось, что мои слова были слишком легкомысленными, хотя как раз об этом я никогда не думала. Мне нравилась моя прежняя жизнь. Я не стеснялась своих плотских желаний, открыто вступала в интимные связи и не обременяла себя смущением, совершенно не заботясь о мнении сторонних людей. Арман перевернул мой мир и оставил меня в полной растерянности. В этих отношениях я не диктовала правил, поскольку сама их не знала. Как вести себя, когда любишь? Сдерживать ли порывы тела или без страха поддаться им? Говорить ли о чувствах все как есть? Или все же часть принято утаивать? Я ощущала себя

наполненной, будто цельной. Так, словно до недавних пор жила не по-настоящему. Мир вокруг меня вдруг стал огромен и необъятен, и в то же время он уменьшился до размеров моего собственного сердца, в котором я трепетно хранила удивительного мужчину.

Мне было радостно и страшно одновременно. Я хотела разделить свои чувства с Арманом, но боялась открываться полностью. В какой-то миг, когда я медленно и задумчиво шагала по улице, из-за ближайшего дома высунулось солнце, и я улыбнулась, прикрывая глаза. Наверное, всему свое время, и сердце само поймет, когда можно открыть свои секреты.

Позволить себе немного помечтать – было необходимостью, но я не стала забываться надолго. Нужно отправляться в участок и просить Гобера о свидании с отцом.

Со стороны могло показаться, что я совсем о нем не тревожилась, но это не так. Мой отец очень сильный человек, стойкий, а порою и грозный. Он прошел войну, был ранен, пережил беду дочери и ни разу даже не надломился. Я бесконечно гордилась им и верила в его выдержку. А еще я верила словам Бриса о том, что Гобер не давил на моего отца. Безусловно, я не собиралась его там оставлять, но на какой-то короткий миг мне показалось, что в камере папе будет безопаснее. Стало стыдно от такой мысли, но она волей-неволей снова выползала откуда-то из подсознания.

Гобер встретил меня хмурым взглядом, молча указал на стул, а сам остался на ногах. Я не спешила говорить, и он тоже. Комиссар прекрасно знал, зачем я пришла. Он сложил руки на груди, а потом нервно растер бровь. Молчание затягивалось.

– Вы расскажете мне, что произошло? – наконец не выдержала я.

– Ваш отец угрожал мсье Дювалю, – сказал комиссар.

– Это я знаю, можно чуточку подробнее?

– А я могу узнать, откуда вам стало известно о случившемся?

– Это не имеет значения, комиссар, – ответила я. – Прошу вас, расскажите, что на самом деле произошло и что ждет моего отца в итоге.

– Мсье Идо отыскал Северина Дюваля в одном из ресторанов Парижа и пытался сначала просто поговорить с ним, а потом перешел к угрозам. Как я понял, речь шла о вас и вашей безопасности. Мсье Дюваль ответил резко, ваш отец не стерпел и буквально выволок

собеседника из ресторана на улицу, где не поскупился на точный и крепкий удар кулаком в лицо.

Я похолодела, представив, что мог сделать с моим отцом Северин Дюваль. Если бы он мог, то сила, живущая в нем, уничтожила бы противника на месте. Но так как место было все-таки общественным, Дювалю пришлось держать себя в руках. Представляю, в какую ярость он пришел и чего стоило ему это самое спокойствие. Я вздохнула и помотала головой – и понимая, и осуждая отца. Не стоило ему лезть в это дело. Дюваль ему не по зубам, как ни горько это признавать.

– Я немного побеседовал с вашим отцом. Мсье Идо показался мне человеком разумным, и для того, чтобы он поступил подобным образом, мне думается, его нужно было спровоцировать. Я и мсье Дюваля встречал, знаю о его крутом нраве. Он выражений не выбирает, грубость свою даже не старается прятать.

– Благодарю за ответ, комиссар. Я тоже немного знакома с мсье Дювалем и согласна с вашими выводами. Что ждет теперь моего отца?

– Я как смогу потяну с этим делом, но если Дюваль не отзовет заявление, то мсье Идо не отделается всего лишь штрафом за нарушение порядка в общественном месте.

– Я понимаю, – пробормотала я, в душе надеясь на помощь Армана. – Я могу его увидеть?

Гобер вздохнул, немного поразмыслил, а потом утвердительно кивнул:

– Только недолго.

Комиссар проводил меня сам. Отца держали под стражей прямо в одной из камер участка. Он сидел на узкой скамейке, рядом дымящаяся чашка сладкого чая с лимоном, папа любил такой, круассан, газета и сложенное вчетверо одеяло. В камере было относительно светло и даже чисто. Никаких посторонних неприятных запахов. Я повернулась к Гоберу и от души поблагодарила:

– Спасибо вам.

Он тут же понял, за что, кашлянул в кулак и оставил нас наедине, даже не заперев дверь. Брис говорил истинную правду, здесь к моему отцу относились с уважением. Выглядел он хорошо, вполне здоровым и даже бодрым. Пиджак лежал там же на лавке, жилет и сорочка расстегнуты: жилет полностью, а сорочка на несколько пуговиц, рукава закатаны.

– Папа, – произнесла я и присела перед ним на корточки, касаясь прохладных рук.

В этом коротком слове было все: и радость от того, что видела его здоровым, и упрек за неосмотрительность, и безграничные любовь и благодарность. Папа сжал мои пальцы, а потом притянул их к своей щеке.

– Ты мог пострадать, – тихо сказала я, – Северин Дюваль очень опасный человек! Ты даже не представляешь насколько! О чем ты только думал?

– Как – о чем? О тебе, – спокойным голосом ответил он. – Буря внутри не утихала с тех пор, как я приехал в Париж. Ты можешь себе представить, что значит быть бессильным? Мне нужно было просто наблюдать со стороны?

– На что ты надеялся? – спросила я, заглядывая в наполненные нежностью глаза отца.

– На его благоразумие. Он и сам отец, думал, в состоянии будет понять мои чувства.

– И когда он не оценил твоего родительского порыва, ты решил действовать радикально? – мягко улыбаясь, спросила я.

– Не совсем. – Папа ответил на мою улыбку. – В нос он получил за откровенные оскорбления в твой адрес. Грязные мысли и слова заслуживают такого ответа, Сандрин. Я не потерплю, чтобы имя моей дочери ставили в один ряд с похабщиной.

– Стоило оно того?

Глаза отца на миг заискрились озорством, губы растянулись в довольной улыбке. Он кивнул, и я тихо рассмеялась.

– Я бы тоже не отказалась это увидеть.

Смех смехом, а делать что-то нужно было. Мы умели не вешать нос, но то, что мой отец сидел в камере, все равно удручало. Да, он силен и закален войной, но все же уже немолод.

– Я постараюсь вытащить тебя отсюда как можно скорее, – сказала я.

– Не беспокойся обо мне, думай только о себе.

Я вдруг захотела оказаться в объятиях отца и рассказать ему об опасениях Гобера. Но мне представилось, что станет с папой. Каково ему будет сидеть здесь, если он узнает, что тот, кто напал на меня в

прошлом, вновь кружит надо мной, словно коршун над добычей. Это раздавит моего отца. Поэтому я оставила новости при себе.

– Как ты себя чувствуешь? Не тяжело тебе здесь? – спросила я.

– Нет, не волнуйся, Сандрин, – как можно бодрее ответил он. – Комиссар неплохой человек и, как видишь, у меня здесь полный сервис. Даже чай сделали, как я люблю.

– Заметила, – вновь улыбнулась я.

Странная выходила сцена. Мой отец заперт в камере, но мы улыбаемся. Мы оба делали это друг для друга. Несмотря на внутренние тревоги, мы старались поддерживать друг друга.

– Скажи мне, – уже серьезнее произнес отец, пристально вглядываясь в мое лицо, – что за отношения у тебя с Арманом Дювалем?

Отчего-то внутри все похолодело. Я отчетливо видела неодобрение в глазах отца. Ему не нравилась эта тема и не нравилось, что пришлось ее обсуждать.

– Мы вместе пытаемся разобраться...

– Это я уже слышал, – перебил меня он. – Во-первых, Северин Дюваль делал грязные намеки на то, что ваши отношения пересекли грань приятельских. Мне противны высказанные слова этого человека, но есть ли в них хоть доля правды? Во-вторых, комиссар недвусмысленно дал понять, что твоя дружба с отпрыском этого семейства может повлиять на мое будущее. Объясни мне, что происходит.

Отец выжидающе смотрел на меня, а я чувствовала, как пылает лицо. Мы с папой всегда были близки. Ему я доверяла многое, с ним готова была делить самое прекрасное и самое ужасное в своей жизни. Папа всегда понимал меня и поддерживал. Но здесь... Как объяснить ему, что я полюбила в такой неудобный момент?

Когда-то давно, в клинике, мы часто вели долгие разговоры о будущем. Папа внушал мне, что все образуется, что найдется тот, кто будет любить меня безусловно, не оглядываясь на прошлое, кто примет меня и обогреет. Он говорил, что и я смогу полюбить однажды. Я не верила, чувствуя, что в груди, там, где должна жить любовь, пусто. Но теперь, когда есть Арман, я понимала – любовь разрешения не спрашивает, не договаривается, не ждет подходящего момента. Она просто приходит, не оставляя выбора.

– Я не знаю как, – собираясь с силами и поднимая глаза на отца, ответила.

– Не знаешь, как объяснить? – спросил он.

– Да. Не нахожу слов.

– Значит, отношения все-таки есть, – разочарованно покачал головой папа.

И это разочарование резануло по сердцу. Я поднялась на ноги и отошла к противоположной стене. Впервые рядом с папой стало неуютно.

– Только что ты говорила мне о моем безрассудстве, о том, что я не осознаю, с кем связался. А ты? Ты сама осознаешь? Что у тебя может быть общего с Дювалями?

– Арман не похож на остальных Дювалей! – горячо воскликнула я. – Ты его просто не знаешь.

– А ты знаешь? – нахмурился отец. – Что он там тебе наговорил?

– Я сужу по поступкам, папа! Как ты и учил, – ответила чуть резче, чем собиралась, и тут же пожалела. – Прости.

– Все так серьезно? – все так же сердито спросил он.

– Он дорог мне.

– Ты можешь ошибаться, Сандрин, помни об этом. Вас объединили события последних дней. Согласен, пережитое может сплотить и затуманить разум. В огне опасности все развивается быстрее, и человек может казаться ближе. Даже время идет совершенно в другом темпе. Но стоит наступить спокойным временам и, как только азарт опасности проходит, оказывается, что у людей нет ничего общего.

Слова отца были неприятными, но за него говорил страх. Он видел Северина Дюваля и мерил его семью той же меркой. Я понимала его, но на душе все равно остался тяжелый осадок.

В камеру заглянул комиссар:

– Мадемуазель Идо, вам пора.

Я посмотрела на отца и будто увидела выросшую между нами стену. Мне достало сил на миг преодолеть ее и крепко обнять родителя. Он тоже стиснул меня крепко, а потом поспешно отпустил. Я вышла из камеры не оглядываясь.

– Могу я задержать вас на минуту? – спросил Гобер и после того, как я кивнула, отвел меня в сторону от любопытных ушей. – Вы не

думали, что вам может грозить опасность? Не связывали ваше прошлое и настоящее? Мне кажется, что нападение на вас и эти убийства дело рук одного человека.

Вот так вот? С места в карьер? А Гобер явно не любитель тянуть резину. От растерянности я даже не сразу нашлась, что ответить. Да, его размышления мне уже были известны, но я не думала, что комиссар преподнесет мне их именно так.

– Н-н-нет, не думала...

– Прошу прощения, если напугал вас, мадемуазель Идо, – на вид ни капли не раскаиваясь, сказал он. – Но сейчас не время для соблюдения формальностей.

– Что привело вас к такому выводу, комиссар? – задала я мучивший меня вопрос.

– Одна деталь и... интуиция, пожалуй, – ответил он, озираясь по сторонам. – Деталь, возможно, незначительная, но все же.

– Что за деталь? – не своим голосом спросила я.

– Цветок в волосах.

Я мотнула головой, нехотя вспоминая тела. Да, в волосах Кароль был цветок, но она их вообще часто носила. Я тогда даже не подумала об участии убийцы в этом украшении волос девушки. Дениз тоже узнала Кароль именно по этому цветку. Я озвучила свои мысли комиссару, а потом добавила:

– Но у Моник не было в волосах цветка.

– А вы рассматривали?

– Нет. Я увидела ее лицо, отметила юность, красоту, а потом заметила рану и больше не смотрела.

– Именно, – кивнул Гобер. – А цветок был. Так вот, эта деталь, а еще характер раны и прочие тонкости позволили мне связать эти убийства с другими пятью.

Гобер замер, видимо ожидая моей реакции и шквала вопросов, но мысленно я была далеко. Несмотря на боль, я волей-неволей копошилась в обрывках своих воспоминаний, разыскивая хоть намек на цветы.

– Вы уже знаете, – констатировал комиссар, вырывая меня из прошлого. – Кто сообщил вам о других девушках?

– Это не важно комиссар, главное, что в моем деле речи не шло о цветах.

– Согласен, в деле не было ни слова о них, но я запросил улики и отправил в Марсель одного из помощников с указанием, на что именно обратить внимание. Так вот, мой помощник сообщил, что на фотографиях с места преступления он обнаружил затоптанные цветы.

– Это неудивительно, мсье Гобер, какие-то цветы там наверняка росли, – все еще не хотела верить я.

– Нет, вы не поняли, мадемуазель, – сказал он. – Там был маленький букетик срезанных цветов. Я нарочно велел нашему парню присмотреться как можно внимательней. Вот он и постарался.

– То есть эти цветы тот... тот... – подобрать слово было крайне сложно. Назвать монстра человеком не поворачивался язык, – принес с собой? Так получается?

– Именно.

В голову вернулся гул. Комиссар не оставил мне сомнений. Человеком он был внимательным, въедливым и к своей профессии относился крайне уважительно. Я уже была уверена, что он прав и потому изо всех сил пыталась не поддаваться новому приступу паники.

– А вы не можете ошибаться? Ну или это все может же быть просто совпадением?

И я, и комиссар понимали, что вопросы эти были лишь соломинкой, за которую мне отчаянно хотелось ухватиться.

– Исходя из моих выводов, я принял решение приставить к вам охрану. Как только руководство утвердит мою просьбу, возле вашего дома будут дежурить полицейские.

– Благодарю вас, комиссар. – В голосе моем сквозило апатичное безразличие. – Я, пожалуй, пойду.

Мне хотелось как можно скорее оказаться на воздухе, сердце стало биться быстрее, а в руках появилась дрожь.

– Мадемуазель Идо, – окликнул меня Гобер, – прошу вас, будьте благоразумны и осторожны, даже если я ошибаюсь.

Дорога домой совершенно не запомнилась, лишь мелькание домов и размытых фигур прохожих из окна такси. Уже дома я лихорадочно мерила шагами свою крошечную квартиру в ожидании Армана. Я постаралась полностью сосредоточиться на мыслях о разговоре любимого и его отца. К чему он приведет? Сможет ли Арман уговорить Северина Дюваля забрать заявление? Потом я думала о

неприязни собственного отца к Арману. Это печалило меня, но я надеялась, что, узнав моего избранника получше, папа все же смягчится. Когда перевалило за полночь, я прилегла на кровать, понимая, что усталость берет свое. Даже не заметила, как задремала.

Разбудило меня странное ощущение чужого присутствия. Еще не открыв глаза, успокоила себя и улыбнулась, предполагая, что это Арман. Развернулась на кровати, и внезапно кто-то накрыл мой рот рукой в перчатке.

– Тихо, – прошептал хриплый голос.

Даже пикнуть не успела, как меня скрутили и куда-то потащили двое. Без света рассмотреть их не получалось. Я дергалась и пыталась вырваться, но все безуспешно. Мои вопли заглушала твердая рука. Это положение, в котором я оказалась, неизбежно вернуло меня в прошлое, где меня уже обездвигивали, стискивали и хватали. Ужас овладел мной, и я начала вырываться еще яростнее.

Уже на улице надеялась на то, что кто-то заметит, или, возможно, каким-то чудом Арман успеет, или опять из ниоткуда появится Тъери. Но ничего из этого так и не произошло. И если бы Тъери даже появился, вряд ли ему удалось бы одолеть моих обидчиков. Похитителей было четверо: двое поднимались за мной, двое ждали в машине. Мне заткнули рот, связали за спиной руки, а потом грубо бросили в багажник.

Дорога была неблизкой, и последняя ее часть довольно ухабистой. Незадолго до остановки я ясно ощутила запах речной воды. Наверное, меня везли вдоль берега Сены. Живое воображение тут же нарисовало дальнейшее развитие событий. Жить мне осталось недолго.

Машина остановилась, и спустя несколько чудовищных секунд багажник открылся. Все так же грубо меня вытащили из него и поставили на ноги. Я испуганно осмотрелась и убедилась в точности своих выводов. Мы были на берегу реки. От ужаса сдавило горло, я невольно попятилась, отрицательно мотая головой.

У воды нас ждала лодка, в которую вместе со мной сели двое. Я даже лиц не различала, потому что эти люди казались мне похожими. Почти одинаковое телосложение, прически и даже выражения лиц: безучастные, почти равнодушные. Я у них не первая и далеко не последняя. Подумала вскочить и резко толкнуть одного из них в воду, эффект неожиданности может сработать. Но только с

одним, на другого он уже не подействует. Да даже если мне удастся спихнуть обоих, что дальше? С крепко связанными за спиной руками я не успею освободиться, они неизбежно нагонят меня и заберутся обратно в лодку. Или меня застрелят с берега.

Смириться с судьбой непросто, но мне не хотелось, чтобы последним, случившимся со мной, была истерика. Я воспроизвела в памяти образы родных и близких.

– Тебе привет от одного очень большого человека, – сказал один из похитителей, пока другой привязывал тяжелый камень к моей ноге. Меня ждала страшная смерть. Уж лучше бы застрелили. Ужас сковал тело, я не могла даже пальцами шевельнуть. – Пойдешь следом за своим редактором, он уже ждет тебя на дне.

После этих слов меня сбросили в воду, и я погрузилась во тьму.

Глава 22

И ничего, кроме тьмы

Я успела сделать последний большой глоток воздуха, просто машинально, а вот если подумать, то пользы от него немного. Что бы ни случилось, как бы это ни случилось, а никто не хочет умирать. Смирено идти ко дну, вслед за камнем, я не смогла. Извивалась, вертелась как могла, дергалась, но груз, привязанный к ногам, был тяжелым, и он неумолимо опускался на дно.

С детства боялась удушья, оно вызывало панику, тело содрогалось и истерично дрыгалось само по себе. Лютый, первобытный страх овладевал разумом, хотелось кричать во все горло, до хрипа, до боли. Холодная, мутная вода приняла меня, накрыла с головой, не оставила ни капли света. Только тьма, только холод и дикий ужас, сводящий с ума.

В этом мраке я осталась совсем одна, он давил на меня, ломал и медленно убивал. Я ощущала, как неумолимо заканчивался воздух в легких. Понимала, что паника лишь ускорит процесс, но поделаться с собой ничего не могла. Отчаянно хотелось вдохнуть, голову разрывало, легкие начинали гореть. Я продолжала бороться, сама не зная почему. Надежды на спасение не было. Никто и никогда не найдет мое тело, никто не узнает, что же со мной случилось. Я просто исчезну, сгину с лица земли, оставив след лишь в памяти родных и близких.

Голова плыла, и мне казалось, что она становится больше, будто ее раздувало. Страх не желал отступить, а силы таяли. Держаться уже не было возможности, и я невольно сделала небольшой вдох. Вода хлынула в нос, я закашлялась в кляп и тут же вдохнула снова. Остановить это было не в моей власти. Ощущения сменились, я поняла, что сознание уплывает. Перестала дергаться, понимая, что все кончено.

Жизнь не пролетала перед глазами, не мелькали картинки из памяти. Лишь счастливая улыбка и умопомрачительные ямочки, которые заставляли мое сердце биться чаще. Арман...

Сквозь отяжелевшие веки увидела голубое свечение, оно вспыхнуло, а потом погасло. Глаза открывались с трудом,

помутневшее сознание постоянно ускользало. И снова вспышка, а потом дрожащий бледный свет будто замер. Сквозь этот свет мне виделась темная фигура, а потом снова мрак.

Боль. Невообразимая, жгучая боль в груди, а потом долгожданный обжигающий глоток настоящего воздуха. Я хрипела и кашляла, сплевывая воду. Голова болела чудовищно.

– Слава богу, – услышала я тревожный голос. – Слава богу, Сандрин!

Рядом со мной сидел совершенно мокрый Тъери, его глаза сияли, он улыбался во весь рот и, казалось, готов был разрыдаться от счастья. Друг стиснул меня и усадил, прижимая к своей груди.

– Как ты? – новый полный страха и беспокойства голос, и я подняла глаза на Армана.

На лице Дюваля одна эмоция стремительно сменяла другую: страх, облегчение, гнев, необъятная нежность и снова гнев. Глаза лихорадочно разглядывали меня. Он смотрел, обернувшись из-за плеча, его руки были расставлены в стороны. Я не сразу поняла, что происходит, но, когда присмотрелась, сердце дрогнуло.

Все четверо моих похитителей застыли в неестественных позах, в их глазах плескался страх. Я хваталась ледяными пальцами за рубашку Тъери и пыталась подняться. Арман, видя мое бессилие, свирепо уставился на своих пленников. Он резко сжал руки в кулаки и из глоток преступников послышались булькающие хрипы. Этот звук был таким отвратительным, что я вскрикнула:

– Арман! Не надо!

Лицо любимого исказила мука, он смотрел на меня и не скрывал боли. Глядя на него, могла лишь догадываться, что он пережил, пока я была на дне.

– Арман, не надо, – повторила, чувствуя, как дрожит мое тело то ли от страха, то ли от холода.

Ярость Дюваля вызывала мороз по коже. Сейчас он виделся мне совсем другим: наполненным злостью и способным нести смерть всему живому. Лед в глазах, напряжение во всем теле и нервы, явно натянутые до предела. Невзирая на слабость, я вновь попыталась встать. Тъери на этот раз помог мне. Не без поддержки приблизилась к Арману и коснулась его руки.

– Не надо, Арман, – от бессилия уткнулась лбом в его плечо, едва удерживаясь на дрожащих ногах. – Я хочу домой.

Я не видела лиц похитителей, но мне показалось, что они разом облегченно выдохнули, когда руки Армана опустились. В нем все еще колыхался гнев, унять который не так просто. Я прижала ладонь к его груди и почувствовала, что разъяренное сердце мечется, как в клетке. Столько чувств эта ярость пробуждала и во мне, и в Дювале. Тъери аккуратно передал меня в руки друга, скорее всего, тоже надеясь, что это отвлечет его от мести. Мужчина сжал меня в объятиях и уткнулся носом в мокрые волосы. Почему-то в голову пришла глупая мысль, что они пахнут тинной. Слабость не позволила обнять Армана так крепко, как того хотелось, но я с удовольствием прильнула щекой к его груди и почувствовала на лице горячие слезы. Благодаря этому мужчине я поверила в чудеса. Нет, не только в его магию, но и в настоящие чудеса, на которые способны любящие люди.

– Я чуть с ума не сошел, – прошептал Дюваль мне в макушку, – когда понял, что ты на дне.

Прижимаясь к мужчине, чувствовала дрожь в его теле. Он все еще удерживал преступников своей магией, и она отнимала у него силы.

– Отвезешь меня домой? – попросила я, понимая, что ничего больше не хочу, кроме того, чтобы обсохнуть и уснуть в его руках.

– Всего минутку, милая, ладно? – попросил он, а потом снял с себя пиджак и накинул мне на плечи. Его тепло и тонкий аромат парфюма немного успокоили.

Дюваль развернулся к другу, положил руку на его плечо, а потом кивнул, сдерживая эмоции. Они не сказали друг другу ни единого слова, но этого и не требовалось.

– Спасибо, – поблагодарила и я, и глаза вновь наполнились слезами.

Тъери улыбнулся, а потом повернулся к преступникам, будто пытался поскорее скрыть от наших глаз свое смущенное лицо.

– Что будем с ними делать? – спросил он.

– Сначала выясним, кто их хозяин. – И снова стала прозвучала в голосе Армана.

Мужчины усадили меня в машину, где было значительно теплее. Тъери добыл из багажника что-то напоминающее одеяло для пикников, укрыл меня и закрыл дверцу автомобиля. О чем говорили мужчины,

я не слышала, но внимательно наблюдала за действиями Армана. До жути боялась, чтобы он не натворил глупостей. Проблем хватало всем. Еще меня тревожило то, как он использовал свою силу. Я опасалась, как бы все это не привело к новым провалам памяти и новым сбоям в его магических способностях. Горько усмехнулась, прислушиваясь к собственным мыслям. Я думала о магии так, словно в ней не было ничего удивительного, и я сталкивалась с ней постоянно, буквально на каждом шагу.

Сквозь закрытую дверь слышала стоны преступников и понимала, что Арман использовал магию, чтобы добиться ответов. Мне это не нравилось, но почему-то казалось, пусть лучше уж он выплеснет накопившуюся злость под контролем друга, чем где-то в стороне и в одиночку. Чудовищные размышления, но под воздействием случившегося перемены в моем сознании были неминуемы.

Спустя всего несколько минут мои спасители связали похитителей и затолкали в их же машину. Тъери вновь открыл дверцу и заглянул ко мне:

– Поправляйся. Теперь все будет хорошо. Я рад, что мы успели. – Он легко коснулся пальцем моего подбородка. – Отвезу этих Гоберу.

– Передай ему... – сдавленным голосом сказала я, ощущая подкативший к горлу ком. – Скажи, чтобы отыскивали тело Лакомба. Мне сказали, что оно уже на дне.

Глаза Тъери наполнились сочувствием, он кивнул и уступил место Арману. Дюваль завернул меня плотнее в одеяло и сказал:

– Едем домой, там я позабочусь о тебе.

Как только Дюваль сел на водительское сиденье, мне вновь стало одиноко и холодно. Тянуло снова вжаться в любимого мужчину и не отпускать до тех пор, пока эти пугающие чувства не уйдут. Чтобы хоть как-то отвлечься по пути домой, я решила расспросить Армана:

– Это были люди Корро?

– Да, – чуть повернув ко мне голову, ответил он.

Свет фар прорезал ночную мглу, и чем больше я смотрела на нее, тем больше погружалась в собственный страх, словно вновь оказывалась под водой.

– Он подчищал хвосты. И редактора твоего, видимо, убрали первым, потому что он мог вывести на Корро.

– А я? – Поежилась, натягивая сползшее одеяло.

– Корро не знал, что сообщил тебе Лакомб, и решил подстраховаться. Но теперь он потеряет все, поскольку люди его запоят как соловьи, предоставив полиции всю нужную информацию. Даже если Корро не посадят, пресса сыграет с ним ту же шутку, что и с моим отцом.

Голова соображала плохо, мысли двигались медленно, лениво. Я все еще не верила, что выбралась. А, кстати, как я выбралась?

– Как вы меня нашли? – поинтересовалась я, чувствуя ужасную усталость.

– Когда эти уроды поднимались к тебе, мсье Броссар позвонил Тъери, я просил его об этом еще до того, как Тъери перебрался поближе к твоему дому. Он, в свою очередь, позвонил мне. Мы едва успели. В один момент я упустил их из вида, и вышла заминка.

– В каком смысле упустил из вида? Вы ехали за нами?

– Не совсем, – замялся Арман. – Не знаю, как это объяснить. К твоему дому мы уже не успели, они сработали четко и быстро. Но я воспользовался семейной магией. Родители следят за тобой. Отец нарочно не включил меня в число тех, кто знает о твоих передвижениях ежеминутно. Пришлось нащупывать призрачный след его силы. Когда-то давно Патрис научил меня этому, не думал, что сработает.

– Напомни сказать твоему брату спасибо, – ответила я, и больше говорить не хотелось.

Уже дома мсье и мадам Броссар, которые взволнованно ожидали нас в моей квартире, вручили мне коньяк и одарили своей заботой.

– Ох, дорогая, – со слезами на глазах всплеснула руками соседка, – как же мы волновались! Страх-то какой! Слава богу, что вы в порядке.

– Я не знал, чем себя занять от беспокойства, – тихо сказал мсье Броссар Арману, – поэтому заменил замок. Непонятно только, почему он цел... но я так, на всякий случай.

Арман перевел глаза на меня, а потом с чувством закрыл их, вспомнив, что я обещала не запирается на ночь, чтобы он смог войти.

– Благодарю вас, мсье Броссар, – выговорил он, пожимая руку славного соседа. – За вашу помощь, за своевременный звонок. Вы спасли жизнь Сандрин.

– Ну что вы, – смутился добродушный старик. – Это всего лишь звонок, жаль, что я не смог сделать чего-то большего.

– Звонок спас мне жизнь, – повторила я слова Дюваля. – Спасибо вам!

И вновь расшатанные нервы привели к потоку слез. Так совсем не годится, нужно успокаиваться. Я отпила еще конька и захотела оказаться в горячей воде, очень горячей, а главное чистой. Мсье Броссар, словно уловив мои намерения, аккуратно подхватил супругу под локоть.

– Отдыхайте, оба, – сказал он. – А утром мадам Броссар приготовит вам чудесный сытный завтрак, и все тревоги сразу уйдут.

Стоило соседям покинуть мою квартиру, как я вновь оказалась прижатой к груди Армана. Сила его объятий ясно говорила о том страхе, что он пережил.

– Никогда, никогда больше я не оставлю тебя одну, – горячо заговорил он. – Если бы Тьери пробыл в воде еще хоть немного, я бы лишился рассудка, а потом убил бы этих четверых, даже не раздумывая.

Я не стала отвечать на его слова, мне было достаточно того, что я их услышала. Вспомнив о том, что вся мокрая и пахну, должно быть, просто ужасно, попросилась в ванную. Дюваль тут же выполнил мою просьбу, и даже больше. Он сам искупал меня, сам обтер насухо полотенцем, сам одел меня в пушистый халат, а потом уложил спать. Не желая его отпускать, я схватилась за теплую руку и, как и мечтала, свернулась на кровати, прижавшись спиной к его груди.

– Спи, родная, – прошептал он. – Завтра нас ждет новое испытание.

Я вздохнула и хотела послать все к чертям, но, зная Армана, понимала: если бы можно было дать мне больше покоя, он все бы для этого сделал.

– Что за испытание? – непослушными губами спросила я.

– Семейный совет у Дювалей.

Добрую половину дня я проспала под чутким надзором Армана. Изредка просыпалась, чувствуя, как раздирает горло, или резко выныривая из кошмара. Во сне я тонула снова и снова. Меня поглощала тьма, воздух неотвратимо покидал легкие, и я каждый раз кричала под толщей воды. Она тут же проникала в горло, и я

просыпалась. С горлом и головной болью Дюваль помог без труда, но избавиться от кошмаров был не в состоянии. Что бы он ни делал, они все равно возвращались. Ему оставалось лишь обнимать меня и шептать ласковые слова утешения.

К вечеру, уже более или менее придя в себя, я морально настраивалась на встречу с семьей Армана. Бросало в дрожь от мысли, что могут сделать со мной его родители, если пожелают. Глядя на себя в зеркало, думала о том, что пережила за последнее время: боль, потери, нескончаемый страх и неизбежные перемены. Моя жизнь уже никогда не будет прежней. Я больше не смогу заниматься любимым делом. После этих статей ни одно уважающее себя издание не возьмет меня в ряды своих сотрудников. Тогда, может, дома? В Марселе? Но уже под своим настоящим именем.

Я с силой провела ладонями по лбу и пригладила волосы, освобождая от их тени лицо. Оно стало бледным, если не сказать серым. В глазах я больше не видела огня, только бесконечную печаль. Наткнулась взглядом на родинку над губой и тут же вспомнила, что Амеди очень любил ее и постоянно целовал именно в это место. От вновь нахлынувшей боли зажмурилась и уронила голову на руки, изо всех сил сдерживая стон.

Потом перед глазами появился Озанн Лакомб, я вспомнила последний ужин в его доме. Почти всегда улыбающаяся супруга и хохочущие дети. Не заставили себя ждать и погибшие девушки. А затем картинки стали стремительно сменять друг друга, образуя круговорот и будто стремясь добить меня. В сердцах я схватила первый попавшийся флакон духов и швырнула его в стену. Боль, конечно, не ушла, но этот всплеск эмоций помог немного разрядиться.

Хорошо, что Арман вышел ненадолго, не хотелось бы вновь беспокоить его. Нам обоим очень нелегко из-за сложившейся ситуации, не хватало еще самим тревожить друг друга. Минута слабости прошла, точнее, я не позволила этой самой слабости продлиться дольше. Внутри поселилось чувство, что мы находимся на грани и либо утонем в ближайшие дни, либо наконец выплывем. Я будто чувствовала приближение чего-то по-настоящему страшного, способного уничтожить меня и всех, кто мне дорог.

Я переоделась из домашнего халата в легкий и удобный костюм, собрала волосы в небрежный пучок и немного подрумянилась, чтобы

не быть похожей на свежесвыловленный из Сены труп. После воспоминаний обо всех, кто погиб в последние дни, страх перед Дювалями отступил, в душе укрепилась решительность. Создалось такое впечатление, что я выходила на финишную прямую и сдаться было не просто нельзя, а решительным образом невозможно. Сильные духом люди, доведенные до крайности, буквально вгрызаются в неутомимое желание жить и бороться до самого конца. Как оказалась, я была из таких вот людей.

Хлопнула дверь, Арман прошел в комнату и поставил на стол бумажный пакет, из которого до меня донеслись чудесные ароматы выпечки.

– Я взял на себя смелость и отклонил предложение мадам Броссар приготовить нам ужин. Не уверен, что ты справилась бы с сытными блюдами своей соседки. Прости, если не угадал.

– Нет-нет, все верно, – успокоила я его. – Кофе и булочек с маслом и сыром мне будет достаточно.

Легкий ужин вернул меня к жизни окончательно. Всем своим видом я продемонстрировала Дювалю решительность и отсутствие страха. Думая о недобром предчувствии, наслаждалась каждой минутой с любимым мужчиной. Арман тоже старался быть невозмутимым и даже веселым. За чашкой кофе с сигаретой он рассказывал что-то из детства и улыбался. Я слушала вполуха, разглядывая каждую морщинку вокруг смеющихся глаз. И как давно это лицо стало самым родным для меня? Я даже не заметила толком, как этот мужчина сломал все мои защитные стены и проник в сердце. Я любовалась его обворожительной улыбкой и мечтала о том, чтобы все эти ужасы поскорее закончились, и мы смогли хоть немного побыть наедине, не опасаясь очередного кошмара.

На этот раз Тьерри с нами не было, Арман управлял автомобилем сам. На заднем сиденье покоилась печатная машинка, которую мы решили взять с собой. Теплый вечер спустился на город и укрыл улицы мягким одеялом. Парижане готовились к ночи; кто-то к уютной и семейной дома, кто-то к бурной и фееричной в клубах и кабаре. Я представила хмурых и недовольных членов семьи Армана, и сам собой родился вопрос:

– А где твоя сестра? Я слышала о ней, но никогда не видела.

– Она учится в Америке, – с печалью в голосе сказал Дюваль.

– Скучаешь по ней?

– Да, – ответил он и повернулся ко мне, – очень. Но я рад, что она вдали от этого дурдома. Ивет совсем не похожа на нас.

– Потому что магией не обладает? – поинтересовалась я.

– Не только, – горько усмехнулся Арман. – Она нежное и совершенно бесхитростное существо, которое больше напоминает мне фею из сказки, чем дочь всесильного семейства. Пока Ивет жила в Париже, мы еще хоть как-то ладили, но стоило ей покинуть Францию, семья распалась.

Я не стала больше задавать вопросов, которые расстраивали моего спутника. Поймала себя на мысли, что хотела бы познакомиться с младшей дочерью Дювалей.

В этот раз аббатство Ключни казалось мне еще более мрачным. Холодные стены будто давили, полумрак заставлял волосы на затылке шевелиться, а гулкое эхо от стука моих каблуков создавало впечатление гнетущей безысходности. Я дернула плечами, чтобы сбросить эти неприятные ощущения, и задрала подбородок, напоминая самой себе о том, что собиралась быть стойкой.

Семья Армана этим вечером обосновалась в комнате поменьше, где пылал маленький, но вполне уютный камин. Дювали переделали этот зал в нечто, напоминающее гостиную, заставили мягкой и на вид очень комфортной мебелью, а также крошечными столиками, на одном из которых сейчас стояли алкогольные напитки и пара тарелок с закусками.

Увидев меня, Жаклин поджала губы, но все равно сдержанно кивнула в сухом приветствии. Она небрежно плеснула в бокал жидкость янтарного цвета и сделала небольшой глоток. Северин Дюваль сидел в большом кресле у камина и задумчиво смотрел на пляшущие языки пламени.

– Добрый вечер, – поздоровался Патрис.

Старший брат Армана стоял у окна с тлеющей сигаретой в руке. Красивое лицо казалось напряженным. Не знаю, что они обсуждали здесь до нашего появления, но тема была явно не из приятных.

– Здравствуйте, – выдавила я из себя дежурное приветствие.

Несмотря на видимую решительность, я все равно робела в компании этих людей. Тяжелую тишину нарушил возглас Жаклин:

– Что это такое?!

Я проследила за ее взглядом и поняла, что мать Армана говорит о печатной машинке, которую ее сын только что водрузил на еще один столик, стоявший чуть в стороне. Глаза Жаклин гневно сузились, ноздри раздулись. Она медленно подошла к моему проклятому наследству.

– Какого дьявола делает эта дрянь в моем доме, Арман? – ледяным голосом спросила она.

Северин Дюваль будто очнулся от тяготивших его раздумий и развернулся к нам. Патрис нервным жестом затушил сигарету и тоже приблизился.

– Видимо, машинка сама находит пути, чтобы вернуться в нашу семью, мама, – ровным голосом ответил Арман.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ты ведь не думала, будто я просто так расспрашивал тебя о ней и настаивал, чтобы ты рассказала, кому именно ты ее продала? – сверкнув недобрый взглядом, поинтересовался младший Дюваль.

– Говори уже яснее! – не сдержалась Жаклин.

И Арман рассказал абсолютно все. По мере того как история моего «знакомства» с машинкой открывалась Дювалям, мать Армана все пристальнее изучала меня: черты лица, фигуру, мимику. Мне казалось, что я физически ощущаю этот взгляд, ползущий по моему телу. Однако никаких неприятных чувств, кроме, быть может, неловкости, он не вызвал. Я тоже посмотрела на нее внимательнее, и на этот раз мне показалось, что Жаклин копается в памяти или пытается разгадать какую-то загадку, связанную со мной.

– Все это чушь какая-то, – наконец выдала она, когда Арман закончил свой рассказ. – Эта машинка целое столетие принадлежала Бертленам. Она, конечно, видоизменилась, но в ней все еще заложена магия моих предков. Она служит лишь женщинам моего рода!

– Как оказалось – нет, – спокойно сказал Арман. – Кто-то прислал ее Сандрин, и с тех пор машинка печатала только для нее.

– Ничего не понимаю... – пробормотала Жаклин, и я впервые видела растерянность на ее лице. – Получается, кто-то связал ее с нашей семьей?

Она подняла глаза на мужа, словно искала поддержку. Северин вновь откинулся на спинку кресла и задумался. Я смотрела на них и чувствовала, что то состояние, в котором они пребывали сейчас, меня

пугает. Они совершенно не представляли, что происходит, и так же, как и мы с Арманом, понимали, что кто-то затеял большую игру не только со мной, но и со всеми Дювалями.

– Такое возможно лишь в одном случае, – изрек отец Армана.

– Магия крови... – одновременно произнесли отец с сыном.

Я, Патрис и Жаклин посмотрели на них со смесью страха и удивления.

– Она запрещена, ты же знаешь, – побелевшими губами произнесла Жаклин, обращаясь к мужу.

– Знаю, – кивнул он. – Запрещена, потому что опасна. Но привязать кого-то к родовому артефакту, тем более человека, не обладающего силой, способно лишь такое темное колдовство.

Теперь родственники Армана говорили вполне открыто. Каждый из них уже осознал, что я посвящена в семейную тайну, и не было никакого смысла тратить время на скрытность. Теперь перед нами стояли более важные вопросы.

– Хорошо, – сказал Патрис, – предположим, что машинку привязали к Долли... или как там тебя? Сандрин? Но зачем? И почему именно к ней?

– Очень хорошие вопросы, – ответил Арман. – Это-то я и хочу выяснить. Почему именно к Сандрин? Как она связана с нашей семьей, почему ее бросили в этот кошмар вместе с нами?

Жаклин стремительно приблизилась ко мне, заглянула в глаза и спросила:

– Кто твои родственники? Были ли в семье странности? Может, какую-нибудь бабушку давным-давно считали ведьмой или какой-нибудь знахаркой?

На все это я отрицательно мотала головой, чувствуя, как строгий взгляд матери Армана буквально пригвоздил меня к полу.

– Но это непостижимо! Что-то должно быть! Хоть какой-то бледный росток магии! Иначе машинка не открылась бы тебе! Достаточно даже прапра-... десять раз прабабки с каким-нибудь блеклым даром. Он все равно остается в крови.

– Брось, мама, – отмахнулся Патрис. – Она может и не знать о своих корнях таких подробностей. Да даже ее родители могли не ведать, что там творилось много лет назад.

– Уже не так важно, почему машинка открылась, – сказал Арман, – важнее, почему ее прислали именно Сандрин.

– Может, потому и прислали, что в ее роду кто-то отметился магическими способностями, – разведя рукам, ответил его брат. – Те, кто обладает этой темной силой, могут чувствовать отблески магии в крови.

Я вспомнила все, что говорил мне Арман о магии крови. Узнавая новые особенности этого жуткого дара, я невольно тискала в руках перчатки, даже не пытаюсь осознать всю мощь такого колдовства.

– Все равно странно. Нас впутали в чудовищные убийства, в которых тоже замешана магия крови. Это не случайно! – распалился Арман.

– Почему ты так решил? – нахмурился его отец.

Дюваль-младший поделился своими выводами, к которым пришел, размышляя над местами убийств и состоянием обескровленных жертв. Северин Дюваль все больше хмурился. Его взгляд становился все холоднее и острее. Мороз пробежал по коже, стоило подумать, что за мысли блуждали в этот момент в его голове.

– Все сходится к одному, – заключил Арман. – Убийца – маг, обладающий темной силой. Он привязал магию машинки к Сандрин, и он же убивает несчастных женщин.

Лицо Жаклин исказило страдание, страх плескался в ее глазах. Она стиснула кулаки и заставила себя выдохнуть ровнее. Ее чувства, отразившиеся на лице, тут же привлекли внимание младшего сына, но Жаклин быстро отвернулась.

– Мама, – позвал ее Арман. – В чем дело?

Жаклин сейчас внимательно смотрела на мужа, который, в свою очередь, буравил ее суровым взглядом.

– Я говорил тебе, что вы доиграетесь, – сказал Северин Дюваль и поднялся на ноги.

Он ближе подошел к супруге и вынудил ее смотреть точно в его глаза. Ярость Дюваля-старшего заполнила небольшую комнату и вынудила меня невольно отступить на пару шагов.

– Но ты и сам участвовал в этом! – гордо задрав подбородок, выпалила Жаклин.

– И был кретином! – прогремел он, но в этот момент мне показалось, что его гнев обращен не столько к жене, сколько к самому

себе.

– Что происходит? – повторил свой вопрос Арман.

– Видишь ли, братец, – сказал Патрис, и его брови сочувственно приподнялись. – В своих попытках защитить тебя, наша мама чуть-чуть перестаралась.

– В каком смысле? – напрягся Дюваль-младший.

– Не надо, Патрис, – попросила Жаклин, бросаясь к старшему сыну.

– Сколько можно, мама? – воскликнул он. – Арман взрослый мужчина, он уже давно не слетевший с катушек юнец и имеет полное право знать, что ты так умело ликвидировала из его памяти.

Жаклин стойко выдержала натиск сына, вновь сжала кулаки и шумно втянула ноздрями воздух. Ее самообладанию нужно было отдать должное. Продолжая следить за этой сценой, я в ужасе предчувствовала нечто неприятное, способное причинить боль моему любимому мужчине. Подавив желание, схватить его за руку и утащить из этого дома, я сделала лишь первое, давая понять, что буду рядом. Арман не повернулся, но мягко сжал мои пальцы в ответ.

– Я жду, мама, – сильным голосом сказал он.

– Хорошо, – по-прежнему обращаясь к старшему сыну, сказала Жаклин, – я расскажу, но только то, что посчитаю существенным.

Что бы ни случилось, как бы яростно ни полыхал огонь вокруг ее семьи, Жаклин Дюваль оставалась собой. Всегда горда, всегда стоит на своем. Она подошла к Арману, бросила брезгливый взгляд на наши сцепленные руки, а потом сказала:

– После войны, когда ты немного увлекся собственными силами и уже не мог контролировать их, они угрожали уничтожить тебя и всю нашу семью. Ты всегда был силен, но использование магии никогда не причиняло тебе вреда, вплоть до того момента, пока не проснулась она...

– Она? – уже, вероятно, догадываясь, к чему клонит мать, спросил Арман.

Я сильнее сжала его руку и затаила дыхание, с ужасом ожидая того, что мать вот-вот обрушит весь мир на голову сына.

– Магия крови, – тихо подтвердила мои опасения Жаклин.

Арман дернулся, будто его ударили в грудь, хрипло выдохнул, а потом согнулся пополам, выпуская мои пальцы из своей ладони. Я

даже представить себе не могла, насколько ему было больно.

– Это она была виновницей провалов в памяти, – продолжила его мать, – она сводила тебя с ума и вынуждала совершать всякие недостойные поступки. Эта сила поработила тебя, и мне пришлось подавить ее, а потом и стереть из твоей памяти даже призрачный ее след.

– Я не верю, – сорвалось с губ Армана. – Не верю, что ты об этом молчала!

– Я хотела тебя защитить! – воскликнула Жаклин.

– От кого? От чего? – с надрывом прокричал Арман.

– От тебя самого! От мучений, подозрений, от чувства вины!..

Жаклин не договорила. Северин, словно сжалившись над женой, немного отодвинул ее и выступил вперед.

– Постарайся понять, – сказал он, – никто из нас не ожидал, что она проснется в тебе. В наших предках никогда не было подобной мощи. Она либо вот так вдруг рождается, либо добывается с помощью страшных, темных заклятий. Тот, кто взывает к ней, много отдает взамен. – Отец Армана тряхнул тяжелой головой, будто вытряхивал из нее все лишнее и пытался вернуться к нужным словам. – Твоя мать на самом деле немного преувеличивает. Да, ты поддался темной силе, но разум не утратил. Когда ты немного перестарался и чуть не подставил всю семью под удар, она решилась на радикальные меры.

– Главное, – вновь вмешалась Жаклин, – ты должен знать, что эта сила в тебе дремлет. Она подавлена очень надежным заклинанием. Ты не имеешь отношения к этим убийствам!

Что-то странное, отчаянно болезненное звучало в голосе матери Армана. Она была готова вот-вот сорваться на плач, но из последних сил держала себя в руках, которые, кстати сказать, дрожали. А еще у меня сложилось впечатление, что мадам Дюваль не до конца откровенна. Можно назвать это профессиональным чутьем, которое никогда меня не подводило.

– Поверить не могу! – вымученно сказал Арман. – Не могу поверить, что вы скрыли это от меня! Что еще вы скрываете? Может, уже пора мне узнать, что случилось в Марселе? Что такого я сотворил, если чуть не поставил под удар всех?

– Это уже не имеет значения, сынок, – окончательно беря себя в руки, ответила Жаклин. – Пусть прошлое останется в прошлом. Там

ему самое место.

– Вы не понимаете, что делаете только хуже? – вырвалось у меня. Глядя на эту «стальную» женщину, я негодовала. – Вы мучаете его еще больше! Он терзает себя всевозможными догадками...

– Не смей лезть не в свое дело! – отрезала она. – Радуйся, что я не придушила тебя собственными руками.

Арман хотел сказать что-то в мою защиту, но этого не потребовалось. Увидев в этот вечер мадам Дюваль почти раздавленной, я почему-то перестала ее бояться. Нет, конечно, я понимала, что ее сила смертоносна, но страх все равно куда-то подевался. Словно отошел на второй план, когда речь зашла о благополучии любимого человека. Я не задумываясь шагнула ближе к разъяренной женщине и сказала, глядя ей в глаза:

– Каждый из нас защищает любимых людей по-своему! Вы делаете это эгоистично, не давая сыну выбора и возможности решать самому. Он вправе знать, что с ним случилось! Его боль, его сомнения и страдания убивают меня! Я схожу с ума от бессилия, не имея возможности дать Арману то, что позволит ему примириться наконец с прошлым! Вы же, обладая подобной властью, не хотите ею воспользоваться, чтобы прекратить эту пытку!

– Да как ты смеешь! – взвизгнула Жаклин и едва сдержалась, чтобы не пустить свою магию в ход. – Что ты знаешь о нашей семье и о ее страданиях? Кто дал тебе право судить меня? Ты знаешь, что такое боль утраты? Знаешь, что такое видеть, как медленно и мучительно угасает жизнь в твоём ребенке? Не говори мне о бессилии!

– Мама, – остановил ее Патрис и бережно обнял за плечи. – Не надо. Все хорошо. Ты радоваться должна, что у твоего сына есть такая яростная защитница, которая любит его всем сердцем и готова сражаться за него даже с тобой.

Голос Патриса звучал ласково, и это возымело должный эффект. Глаза Жаклин уже не пылали гневом. Она сделала шаг назад, повинувшись словам сына, и сделала несколько глотков воздуха. Я же тряслась от ужаса и неясно откуда взявшегося холода. Старший сын аккуратно отстранил мать от нас с Арманом, и мне даже показалось, что он будто выстроил между нами невидимую стену в попытке оградить Жаклин. Мне вдруг подумалось, что эти двое привязаны друг к другу намного сильнее, чем к прочим членам семьи. Странное

чувство зародилось внутри. А если Амеди совсем не случайно написал, что слабость Жаклин именно Патрис? На душе стало скверно. Так, будто я коснулась чего-то запретного, чего-то, что мне было знать не положено.

В голове все крутились ее слова об угасании ребенка? О чем это Жаклин говорила? Если бы об Армане, он, возможно, уже поведал бы мне. Я вспомнила собственную маму и то, как именно изменились наши с ней отношения после случившегося со мной в юности. Страх потери навсегда отпечатался на ее лице. И сейчас этот страх я видела в глазах Жаклин.

Глава 23

Возвращение к началу

– Хорошо, – примирительно поднял руки отец семейства, – давайте все успокоимся. Прошлого не вернешь. Все проблемы с ним мы будем решать позже, и только внутри семьи.

Скорее всего, это был намек на мое нежелательное присутствие. В одном Северин Дюваль оказался прав – нам всем стоило успокоиться.

– Кому вы продали машинку, мадам Дюваль? – спросила я.

Жаклин недовольно скривилась, будто один мой голос раздражал ее так, что хотелось удавить меня прямо на месте. Она демонстративно сложила руки на груди, давая понять, что отвечать не намерена. Что за глупое упрямство?

– Возможно, я немного перешла границу, и мне не следовало оскорблять ваши материнские чувства, – с трудом выдавила я из себя.

Слова дались нелегко, но кто-то же из нас двоих должен быть умнее. Пока Жаклин будет упираться и демонстрировать мне свою неприязнь, мы не продвинемся ни на шаг. Пусть эта женщина мне неприятна и ее поступки, мягко говоря, казались жестокими, но она все же мать Армана, и мне придется с этим считаться. Поэтому я продолжила:

– Я могу не нравиться вам и даже вызывать раздражение, но сейчас мы все хотим только одного – разобраться в происходящем и избавиться от человека, который втянул нас в эту грязь.

Мать Армана бросила взгляд на мужа, который хмуро размышлял над чем-то, возможно, над моими словами. Он будто очнулся от временного забытья и, взглянув на супругу, твердо кивнул. Жаклин вздохнула и посмотрела на нас с Арманом:

– Я отвезла машинку в Марсель, и там ее выкупил Филипп Шаплен.

Мы с Арманом невольно вздрогнули, а потом переглянулись. Эту фамилию мы оба уже слышали.

– Ты серьезно? – спросил младший Дюваль.

– Да, а что?

– Когда я спросил у тебя, кто мог бросить вызов отцу, ты назвала это имя, а теперь говоришь, что это именно он выкупил машинку?

– Да, – ответила Жаклин. – Когда я продавала ее, мне не было дела до того, кто избавит меня от фамильного проклятия. Признаю, она принесла немало радости в наш дом, но и горем не обделила. До определенного момента она служила лишь во благо...

– Может, дело не в машинке, а в том, что где-то вы сами сбились с пути? – вырвалось у меня, прежде чем я успела прикусить язык.

Новый испепеляющий взгляд Жаклин вынудил меня сглотнуть и пообещать самой себе следить за словами, которые я адресую этой женщине.

– Я одного в толк не возьму, – вклинился между нами Арман, – зачем Шаплону машинка, которая вещает лишь для твоего рода?

– Не знаю, – ответила мадам Дюваль, – не думала над этим. Мне было все равно. Возможно, дело в том, что она сама по себе мощнейший артефакт. Пусть она бы не печатала для кого-то другого, но в ней сосредоточена сила моего рода, а он один из древнейших во Франции!

– И не страшно было такую вещь отдавать в чужие руки? – пробормотала я.

– Вред от нее в то время был гораздо больше! – с вызовом ответила мне Жаклин.

Некоторое время в комнате царила тишина, если не считать потрескивания поленьев в камине. Этот звук странным образом сглаживал углы и успокаивал. Арман посмотрел на меня долгим взглядом и сказал:

– Я поеду в Марсель и встречу с Шапленом. Ждать уже не вижу смысла.

– Если он все еще в Марселе, какой толк его расспрашивать? – спросил Патрис. – Убийца-то в Париже.

– Я попытаюсь выяснить, как машинка попала к Сандрин. Это какая-никакая ниточка.

– В этом есть резон, – задумчиво сказал Северин Дюваль. – Встреча с Филиппом, может, чем-то и поможет.

Очень странно. Мадам Дюваль заявила, что мсье Шаплен был кем-то вроде врага ее мужа, но сам Северин Дюваль говорил о нем

вполне спокойно. Может, не считал его достойным соперником? Иногда такие вот просчеты могут дорого стоить.

– Решено, – подытожил Арман, – вылетаю ближайшим рейсом.

Жаклин бросила тревожный взгляд на Патриса, потом мучительный на Армана. Не представляю, что происходило сейчас в ее душе. Ее младший сын больше ничего не говорил о тайне, которую его мать скрывала так долго, он даже старался не смотреть на нее. Думаю, несмотря на несносный характер, Жаклин все же глубоко страдала.

– Позволь Патрису поехать с тобой, – дрожащим голосом сказал она. На миг мне показалось, что мадам Дюваль была не совсем уверена в правильности собственного предложения. – Шаплен все же силен, и одному может быть опасно связываться с ним.

Я видела, что Арман хотел возразить, но, вероятно, старался подобрать более подходящие слова. В нем тоже происходила борьба, которая отражалась разнообразными эмоциями на лице. Он был расстроен и даже зол и на мать, и на брата. Их тайны привели к неприятным последствиям, а прошлое так и оставалось загадкой, которую он отчаянно пытался разгадать, а они рьяно продолжали защищать.

– Мы поедем вдвоем с Сандрин, – наконец сказал он.

Я была удивлена не меньше, чем семья Армана. Жаклин захлебнулась возмущением, но, встретив твердый взгляд сына, проглотила все, что хотела возразить.

– Зачем тебе она? – на удивление спокойно спросил отец семейства, после того как справился с удивлением.

– Прошедшей ночью нам с Тъери пришлось вылавливать Сандрин из Сены, – глядя на отца, ответил Арман. – Корро может повторить попытку. Я не оставлю ее одну, а на вас у меня нет надежды.

Слова прозвучали жестоко, но каждый понимал их справедливость. Северин Дюваль посмотрел сначала на сына, а потом и на меня долгим взглядом.

– С Корро покончено, – сказал он. – До вашего прихода мне позвонили. Уголовное дело еще не заведено, но мои люди обещают большой скандал с освещением в прессе. Тело Лакомба обнаружили. Те, кто пустил его на корм рыбам, поют в участке на все голоса. Твоя работа?

Арман хмуро кивнул. Не знаю, как он убедил отъявленных бандитов рассказать все, и, если честно, знать не хочу. Но выводы я сделала быстро. Если сложить происходящее и статью с опровержением, то получалось, что Дюваль вернул себе былое расположение и мог рассчитывать на правительственный заказ.

В груди все сжалось от того, как паршиво выглядела вся эта история с газетой. Ни я, ни папаша не заслужили такой подставы. Как я однажды уже сказала Лакомбу, мы были лишь теми, кого размазало по шестеренкам движущегося механизма. Теми, о ком не сожалеют.

– Все равно, – упрямо повторил Арман, – Сандрин теперь все время будет рядом со мной, – на миг он словно усомнился и повернулся ко мне, – если захочет.

Я кивнула в ответ, и он тут же расслабился. Я и сама теперь не желала отходить от него ни на шаг.

– Думаю, мама права, – сказал Патрис. – Мне стоит поехать с тобой. Один Дюваль – хорошо, два – лучше. Можешь злиться на нас сколько хочешь. Это не только твои проблемы, но и всей нашей семьи.

Патрис говорил уверенно, в нем чувствовалась сила и власть, которую он явно унаследовал от отца. Я смотрела на старшего сына Дювалей и невольно сравнивала его с Арманом. Оба привлекательные, уверенные, сильные, но было в Патрисе что-то, вызывающее мороз по коже. Наверное, его взгляд – холодный и колючий, как у матери. Но порой, правда, я видела всего пару раз, в его глазах мелькала неуместная веселость. Незаметная такая, будто в этот момент отпрыск Дювалей вспоминал какую-то шутку и смеялся одними глазами сам с собой.

– Ты слаб сейчас, Арман, – настаивал он, – и это результат долгого подавления сил. Признай, что я сильнее и, если так печешься о своей журналистке, то с нами обоими ей будет надежнее.

Мне отчего-то совсем не хотелось ехать в Марсель в компании старшего брата Армана, но моего мнения вообще никто не собирался спрашивать. Жаклин сверлила обоих сыновей напряженным взглядом и затаив дыхание ждала. Арман снова посмотрел на меня, а потом выдохнул и будто сдался:

– Хорошо, но вылет ближайшим рейсом.

Патрис поднял руки, демонстрируя ладони, пожал плечами и направился к столику с напитками. Он налил себе в бокал и одним

махом осушил его, скривился, а потом вышел из комнаты. Жаклин последовала за ним. Я почему-то не удивилась.

– Будь внимателен, Арман, – серьезно изрек Северин Дюваль. – Филипп не так прост. Он осторожен и терпелив. Если причастен к этим убийствам, выяснить это будет сложно.

– Я и не ждал, что ответы сами приплывут мне в руки, – огрызнулся Арман.

Дюваль-старший подошел к сыну ближе, и вдруг на его лице промелькнуло что-то похожее на сожаление. Интересно, о чем именно он сожалел? Мсье Дюваль любил своих детей, но, возможно, отдав предпочтение бизнесу, утратил с ними связь. Родственную связь. Сейчас его взгляд выглядел так, будто он проснулся от долгого сна и поразился тому, как вырос его сын. Это было лишь мимолетное наваждение, которое почти сразу скрылось за маской холодного равнодушия.

– Мсье Дюваль, – набравшись решимости, обратилась я к нему.

Отец Армана перевел взгляд на меня, и я впервые не увидела в нем презрения или агрессии. Он просто приготовился слушать, ничего более.

– Я прошу вас забрать свое заявление, чтобы моего отца отпустили из-под стражи.

Брови того, к кому я обращалась, медленно поползли вверх. Он внимательно посмотрел на меня, а потом молча отвернулся. Как и минутой ранее его сын, Северин Дюваль плеснул себе выпить и вернулся в кресло у камина.

– Твой отец публично меня оскорбил, – ледяным тоном сказал он.

– Знаю, но...

– Ему стоит подумать о своем поведении, – отрезал Дюваль.

Эти слова всколыхнули во мне бурю протеста и негодования. Невзирая на предостерегающий жест Армана, я стремительно подлетела к креслу и встала прямо перед Дювалем-старшим.

– Мой отец сделал то, что на его месте сделал бы любой родитель! Я признаю вашу власть в этом городе и даже магическую мощь вашей семьи, но есть еще законы долга и справедливости! Вы не хуже меня знаете, что я ни в чем перед вами не виновата. Эта статья не моих рук дело, я лишь пешка, расходный материал. В тот день, когда мы увиделись впервые, вы уже знали об этом!

– Я не внял просьбам сына, с чего ты взяла, что слушаюсь тебя? – сурово спросил он.

– С того, что вы тоже отец! Вы готовы порвать любого, кто посягнет на ваших детей. Пусть вы по каким-то неведомым мне причинам стараетесь тщательно это скрывать, но я абсолютно уверена, что права. У вас тоже есть дочь.

При упоминании Ивет Северин Дюваль напрягся, и его поза стала угрожающей. Я ничуть не ступевалась, продолжая свою речь:

– А теперь представьте, что кто-то сыграл с ней такую же злую шутку! Что бы вы сделали? Да, у моего отца нет магических сил, но и он встал на мою защиту, не опасаясь последствий! Это веление сердца, боль и страх за своего ребенка. Неужели же вам не понять его мотивов?

Мсье Дюваль сдержал свой гнев, вновь откинулся на спинку кресла и перевел взгляд на огонь. Он не посчитал нужным ответить. Мое сердце болезненно сжалось. Хотелось кричать, топтать и трясти этого бездушного человека за полы пиджака, но Арман взял меня под локоть и аккуратно потянул за собой.

Из аббатства я вышла раздавленной. Тяжелый разговор был таковым не только морально, но и физически. Из меня будто все соки выжали. Как только Арман привез меня домой, он тут же связался с Тьери и пригласил его в мою квартиру, чтобы обсудить дальнейшие действия. Друга мы попросили остаться в Париже и присмотреть за нашими близкими. Кто знает, кто будет следующей жертвой убийцы? Нехотя Тьери согласился. Около полуночи позвонил Патрис и сообщил, что организовал нам вылет около десяти утра, просил не опаздывать.

Я собрала несколько вещей в дорожную сумку, Арман сказал, что при необходимости купит все нужное на месте. Спала я, как ни странно, спокойно, без сновидений, хотя близкая встреча с Марселем должна была вызвать кошмары. Утром с тревожным сердцем я заглянула к мсье Броссару и попросила навещать мсье Луи во время моего отсутствия. Добрый старик пожелал мне удачи и пообещал, что все будет хорошо.

– Не теряйте веры, милое дитя! Ни в коем случае не теряйте ее. Даже когда окажетесь во мраке и подумаете, что все рушится. Не

впускайте тьму, боритесь за себя и своих близких! Не всегда все именно так, как кажется.

Я давно привыкла к странным и запутанным высказываниям моего соседа. Разбираться в его словах не было ни сил, ни желания. Я поблагодарила мсье Броссара и вновь поднялась в квартиру. Тьери уехал еще ночью, когда меня уже сморил сон. Арман колдовал над завтраком.

– Звонил комиссар Гобер, – сказал он, наливая в мою чашку кофе. – Мой отец забрал заявление и после муторных бюрократических процедур мсье Идо отпустят. Скорее всего, ближе к обеду.

Я облегченно выдохнула. Ну хоть одна хорошая новость. Очень хотелось надеяться, что она не будет последней.

– Вот уж не думал, что твоя речь пробьет брешь в непреклонном упрямстве Северина Дюваля, – усмехнулся Арман. – Но я рад, что ошибся.

После довольно сытного завтрака мы отправились на аэродром. Только там я почувствовала липкий страх, ползущий по коже. Я возвращалась туда, где жили мои кошмары.

Я любила родной город всем сердцем. Приезжая сюда, на берег Средиземного моря, любой турист мгновенно оставляет свое сердце среди прибрежных холмов. Мягкий климат, пляжи и тихие бухты располагают к отдыху. Марсельцы между собой называют свой город городом любви, ибо верят в древнюю легенду, согласно которой он был основан дочерью царя Лигурии и греческим мореплавателем, полюбившими друг друга. Отец девушки подарил молодоженам часть побережья Средиземного моря, где и был построен Марсель.

Прямо на аэродроме нас встречал автомобиль. Патрис передал свою небольшую сумку молодому шоферу и направился к машине. Я же чуть отстала, подставляя лицо ярким лучам летнего солнца и вдыхая полной грудью чуть солоноватый, как мне казалось, воздух. Арман мягко подтолкнул меня в спину и, когда мы тоже оказались в машине, спросил:

– Куда?

– Отель «Сен-Луи», – ответил Патрис, и автомобиль мягко тронулся с места.

За окнами мелькали знакомые до боли улицы, заполненные расслабленными туристами. Улыбки, смех... Всеобщее веселье в этот раз никак не передавалось мне, хотя в юности я любила эту суету и буквально подпитывалась доброй энергетикой родного города. Подумала о маме, но навестить ее сейчас – означало встревожить. После того происшествия восемь лет назад она стала очень чувствительной к любым переменам в моем настроении. Показаться ей на глаза в таком виде было бы эгоистично.

Отель, выбранный Патрисом, находился прямо в сердце города, в районе Ноай, в четырехстах метрах от Старого порта. Порт этот считался центром старой части Марселя. Его окружали великолепные исторические памятники. В детстве папа часто брал меня с собой на мыс Фаро, откуда открываются прекрасные виды на гавань. Я смотрела на одноименный дворец, построенный по велению Наполеона III в дар супруге – императрице Евгении, и мечтала стать его хозяйкой. Папа рассказывал, что сам император во дворце так и не появился, поскольку к концу строительства уже утратил корону. Я слышала, что в двадцать третьем году скульптор Андре Вердий установил возле дворца памятник героям моря. Слышала, но сама еще его не видела. Интересно, кому теперь принадлежит дворец Фаро? Скорее всего, городским службам.

Неудивительно, что на меня нахлынули воспоминания. Я даже была этому рада. Мои мысли заполнились рассказами отца и детскими впечатлениями от всего, что я когда-то видела. Таким образом, я трусливо вытесняла более поздние воспоминания о той ночи, которая меня изменила.

В отеле к нам тут же поспешили служащие: забрали сумки и проводили к стойке. Милая девушка искренне улыбалась Патрису:

– Рады видеть вас снова, мсье Дюваль. Вам, как обычно, номер с видом на проспект Сен-Луи?

– Добрый день, мадемуазель Катель, – ответил на улыбку брат Армана. – Да, будет неплохо, если вы предоставите нам два номера. Одноместный для меня и двухместный для моего брата и его спутницы мадемуазель Идо.

Патрис лучился непонятным весельем. В самолете мне показалось, что ему было некомфортно. Может, теперь он просто

радуется, что под ногами твердая земля? У меня от его улыбки кошки на душе скреблись.

– Тебя здесь очень хорошо знают, – хмуро заметил Арман. – Не знал, что ты так часто бываешь в Марселе.

– Если бы ты хоть сколько-нибудь интересовался семейным делом, то знал бы об этом, – с холодной улыбкой ответил его брат. – Сейчас немного отдохнем, освежимся, хорошенько пообедаем и отправимся к мсье Шаплону. Я закажу машину часов на пять вечера, устроит?

– Вполне, – задумчиво сказал Дюваль-младший, а потом мы все последовали за коридорными, которые сопровождали нас в номера.

Отдохнуть мне так и не удалось. Ни чудесный номер, ни ванна, ни потрясающий обед не смогли унять нервозность, от которой, казалось, даже внутренности дрожали. Обедали мы с Арманом прямо в номере, выходить из него до последнего не хотелось. Я изо всех сил старалась выглядеть спокойной и безмятежной. Казалось бы, мы с моим любимым мужчиной были в красивейшем городе мира, более того, в моем родном городе, о котором я могла говорить часами, но беспокойство только нарастало. В голову постоянно лезли слова мсье Броссара, будто он предрекал что-то ужасное и велел держаться из последних сил. Вот вопрос: а сколько их у меня осталось?

– Ты встревожена? – приглядываясь ко мне внимательнее, спросил Арман.

– Немного, – честно ответила я, ныряя в предложенные объятия.

В руках Армана стало чуть спокойнее. Создавалась иллюзия безопасности и умиротворения. Мне хотелось бы поделиться с ним природой своих страхов, но я так и не осмелилась ранее рассказать о пережитом в юности, а теперь уже и не совсем подходящее время. Возможно, когда вернемся...

– У нас у всех есть своя грустная история, моя случилась именно в Марселе, – ответила я, а потом нехотя отстранилась и вышла на балкон, чтобы закурить.

– Расскажешь? – спросил Арман.

– Не сегодня. – Я печально улыбнулась в ответ и сменила тему: – Что ты знаешь об этом Шаплоне?

– Да, фактически ничего, – прозвучал ответ. – Он из моего мира. Не так силен, как отец, но и не слаб. Мне не дает покоя мысль, зачем

ему влезать в нашу жизнь, спустя столько лет. Просто, чтобы потягаться с отцом? Глупо как-то. Дювали давно покинули Марсель, Шаплен мог спокойно здесь развиваться, зарабатывать авторитет.

– А в бизнесе вы не пересекаетесь?

– Нет, насколько я знаю. Филипп Шаплен занимается морепродуктами, а, как ты понимаешь, здесь этот бизнес чуть ли не к золоту приравнивается.

– Согласна, нелогично как-то. Думаешь, тщеславие? – предположила я.

– Не знаю, Сандрин. – Арман взъерошил волосы ладонью, а потом поставил локти на балконное ограждение, чуть наклоняясь. Он, как и я, устал. И наверняка его голова кипела от снующих туда-сюда тревожных мыслей. – Быть может, Патрис прав, и мне стоило больше интересоваться семейным делом?

– Зачем? – удивилась я. – Чтобы быть, как они?

Прозвучало грубо, но, подняв голову, Арман посмотрел на меня и печально усмехнулся.

– Чтобы иметь представление, что и кто их окружает.

– Ты таков как есть. – Я улыбнулась и обняла его за плечи. – И я этому очень рада.

– Главное, чтобы моя отстраненность от семьи не принесла вред, – вздохнул он, а потом выпрямился.

На какой-то миг мы залюбовались видом, но внезапно Арман схватился за голову и, стиснув зубы, застонал.

– Что? Что такое, Арман?! – испугалась я.

Дюваль покраснел, его ресницы затрепетали, будто он пытался открыть глаза, но не получалось. Я увидела, как набухли вены на лице Армана, и мне даже показалось, что кровь по ним понеслась гораздо быстрее, чем положено. Совершенно не представляя, как поступить, я позволила ему опереться на меня и повела в комнату.

– Что происходит, Арман? – встревоженно спросила я снова.

– ...Словно... словно близится провал... – сквозь зубы пробормотал Дюваль. – Моя сила...

– Держись, – не зная, как помочь, шептала я. – Смотри на меня, я здесь, с тобой.

От волнения меня потряхивало, на сердце было беспокойно. Таким я его еще ни разу не видела.

– Держись, милый, – умоляла я, глядя на его страдания. – Все будет хорошо, я рядом.

Через минуту или две Арман расслабился, но лицо было белым как полотно, а на лбу блестели капли пота. Он тяжело опустился на кровать, а потом обессиленно повалился на спину. Я тут же оказалась рядом. Ужасно переживая, я что-то шептала ему и гладила рукой по волосам. Еще несколько минут Арман тяжело дышал и медленно приходил в себя.

– Что это было? – осмелилась спросить я, когда заметила, что ему стало легче.

– Не знаю, – тихо ответил Арман. – Что-то с силами, магия во мне будто взбунтовалась. Кровь зашумела в ушах, голова пошла кругом, и все тело будто зазвенело. Магия словно рвалась на свободу.

– Такое уже бывало? – осторожно спросила я.

– Да... и нет. То есть немного иначе. Каждый мой провал начинается примерно так же, но в этот раз как-то по-другому.

– А может это быть от того, что ты вернулся домой? – С замиранием сердца я посмотрела ему в глаза.

– Не знаю, Сандрин.

Больше я не мучила его вопросами. Ближе к пяти вечера мы переоделись и подготовились к встрече с мсье Шапленом. У самой двери, прежде чем выйти из номера, Арман попросил:

– Не говори ничего Патрису. Он очень серьезно относится ко всему, что связано с моей магией. Провалы и прошлые... недоразумения его беспокоят. Мне кажется, что он убежден в моей виновности.

– То есть как? – воскликнула я. – Он же твой брат! Он должен первым вставать на твою защиту, должен верить!

– Это в идеале, – печально усмехнулся Арман. – Патрис... довольно сложный человек и, кроме матери, по-настоящему ни к кому не привязан. Я бы не сказал, что между нами есть настоящие братские чувства.

«Не зря я его недолюбливаю», – промелькнуло в моей голове то, что высказать вслух я бы не решилась.

Все тот же автомобиль был припаркован у входа в отель. Старший брат Армана ждал нас стоя, прислонившись бедром к машине и сложив руки на груди. Спрашивать, как он провел несколько часов без

нас, мы и не подумали, просто молча забрались в салон и приготовились к поездке.

– Куда мы едем? Где живет этот мсье Шаплен? – спросила я у Патриса, когда автомобиль выехал за пределы Марселя.

– Мы едем в пригород, – уточнил Дюваль, разворачиваясь ко мне и глядя прямо в глаза. – Мсье Шаплен живет в прибрежной деревеньке Кассис. Ты наверняка слышала о ней. Она расположена в непосредственной близости от знаменитых каланков, где и местные жители, и туристы любят отдыхать.

При упоминании о каланках я невольно вздрогнула. Взгляд Патриса будто испытывал меня на прочность, я поежилась, ощущая, как холодеют руки. Конечно, я хорошо знала эту рыбацкую деревеньку, недалеко от которой пережила то самое нападение. В поисках спасения от тревог я взглянула на Армана, который тоже побледнел. Он смотрел на брата в упор и отчего-то нервничал. Мне подумалось, дело в том, что произошло в номере с его силами. Пришлось подавить все неприятные ощущения и попытаться отвлечься от болезненных воспоминаний. Вообще не следовало ехать в Марсель, но я была нужна Арману, а он мне. Я убедила себя в том, что мои переживания могут и потесниться, ведь то, что происходило с моим любимым мужчиной, гораздо важнее. Это существенно облегчило задачу. Я задышала ровнее и даже стала смотреть в окно.

Кассис окружен кедровыми лесами, охристыми и белыми скалами и террасными виноградниками. Живописная природа за окнами автомобиля завораживала. Солнце очень медленно клонилось к закату, и теперь все вокруг утопало в его ласковых лучах.

Двухэтажный дом мсье Шаплена расположился на отшибе, в стороне от посторонних глаз. Возможно, место было выбрано не случайно, ведь речь шла о маге. Дом был деревянным, добротным и казался ухоженным, но довольно скромным для человека его рода деятельности. Вокруг стояла приятная тишина. Мы вышли из автомобиля, и я вновь почувствовала волнение. А что, если этот мсье Шаплен и есть убийца? Если это именно он играл с Дювалями и со мной заодно?

– Как ты узнал, где он живет? – спросил Арман у брата.

– Так он и не прячется, – пожал плечами, ответил тот и направился к дверям.

Все движения Патриса были уверенными, будто он ощущал себя хозяином мира. Мужчина поднялся на крыльцо и громко постучал, а я подошла ближе к Арману и взяла его за руку. Он мягко сжал мои пальцы.

Вскоре дверь открылась, и пожилой слуга сообщил, что мсье Шаплен на террасе. Патрис протянул свою карточку и велел доложить хозяину о нашем визите. Чем ближе мы подбирались к ответам, тем больше я нервничала. Мне совсем не нравился этот дом и то, где именно он находился, мне не нравился его хозяин, которого я даже не видела, мне не нравилось собственное бессилие.

Вид с террасы открывался настолько потрясающий, что у меня захватило дух и все тревоги на мгновение отступили. Море переливалось в лучах щедрого вечернего солнца. Ослепительные разноцветные искры заставили зажмуриться и наполнили душу нечаянным восторгом. Сама терраса была уютной, с двумя серыми, на вид довольно комфортными диванами с множеством подушек, резным столиком и парой удобных кресел.

Мсье Шаплен поднялся из кресла, и я смогла внимательно его рассмотреть. Это был высокий мужчина лет шестидесяти, с густой темной шевелюрой, довольно приятными чертами лица и серо-зелеными глазами. Даже не знаю, что выражало его лицо. Нечто среднее между волнением и страхом. Но ни капли удивления, словно он ждал нас. Присмотревшись, я поняла, что взгляд у него какой-то странный, будто затуманенный. Мсье Шаплен смотрел то на меня, то на Армана, Патрис его будто и не интересовал.

– Добрый вечер, – поздоровался он. – Рад видеть детей Северина и Жаклин Дюваль в своем доме.

Хозяин дома поочередно пожал наши руки и предложил присесть. Надо признать, что я предложению была рада, потому как ноги тряслись от волнения. Диван и впрямь оказался очень удобным, мягким. Он словно принял меня в свои объятия, подарив отдых напряженным мышцам. Но расслабляться окончательно я и не думала.

– Чему обязан? – спросил мсье Шаплен.

В этот момент мне показалось, что хозяин дома прекрасно знал, зачем мы пришли. Он сел на противоположный диван и посмотрел на Армана.

– Несколько лет назад вы приобрели одну занятную вещицу, ранее принадлежавшую нашей матери, – сказал Дюваль-младший, открыто глядя в глаза собеседнику. Я поняла, что началась какая-то странная игра, правила которой мне были неизвестны. Арман, видимо, тоже догадывался, что хозяин был осведомлен о цели нашего визита.

– Не припоминаю, – чуть прищуриваясь, ответил мсье Шаплен.

– Речь идет о печатной машинке, – уточнил Патрис.

– Ах да! – воскликнул хозяин дома и улыбнулся. – Что-то такое помню лет семь назад, может, чуть больше. Давненько, вот и позабыл.

У меня внутри все клокотало от возмущения. Я видела, что Шаплен лжет, но братьев Дюваль это, похоже, нисколько не удивляло. Они все так же спокойно взирали на обманщика.

– Что стало с этой машинкой? – спросил Арман. – Вы не припомните?

– Кому-то перепродал, вероятно, – отмахнулся Шаплен.

Я вновь распознала ложь. Да, и веселье этого человека казалось мне напускным. Складывалось впечатление, что он пытался выглядеть расслабленным, а внутри был как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

– Оказалось, от нее нет никакого проку. Родовая магия крепко засела в ней и служить кому-либо другому неспособна.

– Тогда зачем вообще надо было ее покупать? – не удержалась я от вопроса.

– Видите ли, мадемуазель, порой, несмотря на очевидные знаки, указывающие на несостоятельность какой-либо затеи, надежда все же преобладает, – сказал мсье Шаплен. – Машинка рода Бертлен представляет собой сгусток древней магии, обладать которой было бы чем-то из рода фантастики. В общем-то, фантастикой эта идея и оказалась.

Сказав это, Шаплен бросил быстрый взгляд на Патрису, будто опасался его, а потом снова посмотрел на нас с Арманом. Все это выглядело более чем странно. Если хозяин дома боялся расправы, то зачем так откровенно лгал?

– Хорошо, допустим, – спокойно сказал Арман. – Кому вы перепродали машинку?

– А зачем она вам? – ответил вопросом на вопрос Шаплен. – Ваша матушка ясно дала понять, что больше не хочет видеть это чудовищное

изделие.

– Это, как вы выразились, чудовищное изделие внезапно объявилась у мадемуазель Идо, – сказал Патрис, всматриваясь в лицо мага. – И даже более того, машинка начала для нее печатать.

– Очень интересно! – воскликнул мсье Филипп. – Но для того, чтобы машинка печатала для кого-то другого...

– Именно, – кивнул Патрис. – Нужно с помощью магии крови привязать ее к человеку.

– Ну, с этими вопросами точно не ко мне. Я подобной магией не обладаю. Даже в наших кругах это редкий дар, и вы знаете об этом не хуже меня.

– А вы знаете кого-нибудь, кто владеет этим темным колдовством? – спросил Арман.

– Кого-то кроме вас?

Вопрос мсье Шаплена прозвучал тихо, но мне он показался оглушительным настолько, что уши заложило. С лица Армана сошли все краски, он резко отклонился назад и замер.

– Не удивляйтесь, мсье Дюваль, – серьезно сказал хозяин дома. – Я знаю о вашем таланте уже много лет. Знаю, какие трудности он вам принес, знаю последствия ваших срывов и причину отъезда вашей семьи в Париж. Вижу, что эта тьма вновь напомнила о себе, стоило ступить на родную землю.

– Но как?.. – побелевшими от ужаса губами произнес Арман.

– Я объясню, если пожелаете, – сказал мсье Шаплен и поднялся на ноги. Он подошел к краю террасы и взглянул в темнеющее небо. – Я не так силен, как ваш отец, и даже не настолько, как ваша мать. Но я умело заметаю следы, если в том появляется нужда. Восемь лет назад, когда вы перешагнули грань, именно я подчищал за вами. Ваша мать обратилась ко мне втайне от мужа. Насколько мне известно, он до сих пор не знает, что именно произошло. По крайней мере, в подробностях.

Мы с Арманом ошарашенно слушали рассказ мага. Патрис же отошел к столику и налил себе выпить. Казалось, он не был удивлен.

– Ох, – повернувшись к Арману, тихо воскликнул Шаплен, – вижу, и вы до сих пор пребываете во тьме. Вам так и не позволили вспомнить? Ох уж эти материнские чувства.

– Вы можете вернуть мои воспоминания? – спросил Арман и порывисто вскочил с дивана.

– Я не думаю, что это хорошая идея, – сказал Патрис. Он скривился и поднял вверх указательный палец правой руки, в которой держал бокал с напитком. Этот жест выглядел двояко, будто брат действительно считал, что Арману не стоит возвращать воспоминания, и при этом сам желал их возвращения.

– Не стоит копаться в прошлом, молодой человек. Лучше разобраться в настоящем. Ваша магия не спит, как мы думали ранее, и в Марселе она становится сильнее.

– Что вы о ней знаете? – спросила я, осознав, что мсье Шаплен может хоть как-то пролить свет на происходящее.

– Немного, – с сожалением сказал он. – Она сильна. Она пьянит. Представляете, что с ее помощью маг может управлять людьми?!

– Почему вы сказали, что в Марселе она сильнее? – перебил его Патрис.

– Потому что так и есть, – вздохнул мсье Филипп. – Здесь ваши корни.

– Вы что-нибудь знаете о провалах в памяти? – спросила я.

– Ну... знать-то не знаю, но предположить могу. Вероятно, так случается, когда сила берет верх и маг уже не может ею управлять. Она будто подчиняет себе и на какое-то время делает мага своим рабом. Однако в плюсе все, как бы жестоко это ни звучало. Тьма получает свободу, а маг наслаждается дурманящей его безграничной силой. Дикая, будоражащая смесь. И к тому же очень опасная. Но с магией крови не справляются единицы. Слабые, болезненные умы, безвольные, я бы даже сказал. Как правило, этим редким даром можно без труда управлять и у большинства магов, которым он достался, не возникает никаких проблем.

– Я бы с вами не согласился, – сказал Патрис, – но сейчас спорить не время.

– Мсье Дюваль говорил, что дар можно приобрести с помощью заклятия, – сказала я. – Что будет в таком случае?

– Прекрасный вопрос, мадемуазель, – сказал мсье Шаплен и посмотрел на Патрису, будто давая понять, что спор еще можно будет возобновить. – Вот как раз в таких случаях чаще всего и возникают

проблемы. Это что-то вроде отторжения. Когда сила не принадлежит магу и не создана для него. Как-то так, я думаю.

– Мы пришли сюда не за лекцией по теории магии, – недовольно сказал Патрис. – Да и кто назвал вас экспертом в этом вопросе?

– Никто, – ответил хозяин дома. – Я лишь рассказал, что знаю.

– Кому вы продали машинку? – нетерпеливо дернулся Патрис, а потом с громким стуком поставил бокал на столик.

– Я не знаю, кто ее купил, – ответил Шаплен, и в этот раз я ему поверила. – Она была куплена через подставных лиц.

Долго и сурово вглядываясь в его лицо, Патрис, похоже, пытался понять, не были ли слова хозяина дома очередной ложью. Определившись, он обратился к нам с Арманом:

– Больше нам здесь делать нечего.

– Постой, – твердо сказал ему Арман, а потом повернулся к мсье Филиппу. – Мое состояние здесь ухудшается. Я чувствую, как сила внутри меня звенит, она хочет вырваться. Что, если я не смогу с ней справиться?

– Тогда она сведет вас с ума, – с сочувствием сказал Шаплен, глядя почему-то на Патриса. Хотел предупредить старшего брата о скором безумии младшего?

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросила я с мольбой.

– Не знаю, мадемуазель. На мой взгляд, у любого безумия есть что-то вроде отправной точки. Может, вернуться к ней? Отыскать причину? То, что запустило процесс?

– Бред какой-то, – сказал Патрис.

– Возможно, – согласился Шаплен. – Я ведь действительно не эксперт. Ваш брат дрожит, ему нужен покой.

После этих слов я перевела взгляд на Армана. Его действительно трясло. Снова вздулись вены, он побледнел и схватился за голову.

– Что его терзает? – спросил Шаплен, помогая ему присесть обратно на диван.

Я почему-то сразу поняла, о чем именно спрашивал мсье Филипп. Дело было не в буйстве магии Армана, а во внутренних переживаниях, которые он носил в себе постоянно. Я зажмурилась, решаясь, а потом выдохнула и быстро заговорила:

– Мы не просто так приехали. Машинка привела меня на место убийства, жестокого убийства, которому предшествовало

изнасилование... – Последнее слово далось нелегко. Это место, все эти разговоры и события вновь и вновь воскрешали мою боль. – Убийство было не единственным... в общем, жертв несколько. Убиты в очень странных местах... у «Врат ада» Родена, на Аренах Лютеции. Простите, я знаю только о двух местах, где убивали остальных, мне неизвестно.

– Места с очень сильной энергетикой, – хмуро сказал Шаплен. – Для мага просто подарок. И кровь. Вы думаете?..

– Да. Там еще была связь с культом... В общем, это очень сложно. Так вот, Арман боялся... то есть боится...

– ...Что причастен к этим убийствам? – закончил за меня мсье Филипп.

– Да, – выдохнула я. – Он не помнит, что натворил несколько лет назад. Боится, что способен совершить ужасное. Это терзает его.

Я повернулась к Патрису, лицо которого застыло в странном выражении. Оно меня ужаснуло, хоть я и не смогла распознать эту эмоцию сразу.

– Верни ему память, – попросила я. – Перестань мучить брата!

– Ты уверена? – холодно спросил он, и от его ледяного тона моя решимость дрогнула. – Абсолютно? А ты не думала, что воспоминания могут его уничтожить? Не думала, что мир моего брата рухнет? А может, и не только его.

– Пусть так, – сказала я, – но это лучше, чем неизвестность.

– Воля твоя, – пожал плечами Патрис.

Арман говорил истинную правду – братскими чувствами тут и не пахло. Конечно, поведение Патриса можно было оправдать тем продолжительным временем, в котором эта семейная проблема варилась и переваривалась. Но это с натяжкой. Чувства Армана будто совсем не трогали его старшего брата.

Патрис подошел к дивану, еще раз взглянул на меня, будто желая убедиться, что я не передумала, и присел на корточки возле Армана, который едва держался, сжимая зубы.

– Ну, братец, твоя пассия так захотела...

– Стой! – остановила я Патриса. – А я могу увидеть?..

– Ты хочешь увидеть, что он сделал? – удивился Дюваль. – Собственными глазами?

– Он сам не расскажет, и тогда я не смогу ему помочь...

Что-то странное вновь промелькнуло в глазах Патриса, а потом он кивнул. Я присела рядом с Арманом и вложила свою ладонь в протянутую руку Патриса. Другой рукой он коснулся брата. Некоторое время ничего не происходило, кроме того, что я чувствовала, как Арману становится легче. Он начал дышать ровнее, взгляд приобрел осмысленность. Прежде чем он успел возразить, Патрис снял с его памяти блок.

Сначала нас швыряло из воспоминания в воспоминание. Я будто смотрела со стороны на то, как Арман кутил, ввязывался в драки и переживал примерно такие же приступы, как сейчас. В этих воспоминаниях мы были вместе, я держала сегодняшнего Армана за руку и страдала вместе с ним. Мы видели многочисленных женщин и бездумные демонстрации магических сил где попало и кому попало. Временами рядом был Тьери. Он как мог пытался уберечь друга, но выходило не всегда. Доходило даже до драк между ними. Нужно отдать Тьери должное, он будто все понимал и, стиснув зубы, терпел выпады друга в его адрес. Арман все сильнее сжимал мою руку, в то время как в прошлом приступы стали почти постоянными. Арман проявлял нетерпение и даже грубость по отношению к женщинам. Глядя на это, я чувствовала, как болезненно сжималось сердце. Я повторяла себе, что это вроде болезни, неконтролируемое, то, чем он не мог управлять. Конечно, менее жутко от таких мыслей не становилось. На миг совершенно неожиданно в голове промелькнуло, что был провал и в этой веренице фрагментов из жизни Армана. Будто все еще чего-то не хватало. Я отбросила эту мысль и продолжила молча наблюдать.

Увиденное дальше на мгновение повергло меня в ступор. Липкий, противный страх пополз по позвоночнику. Меня передернуло, и в горле застрял ком, лишив возможности даже пискнуть. Да, Гобер уже говорил о подобной возможности, и я даже соглашалась с ним где-то на задворках сознания. Просто не хотела верить. Я мотнула головой, будто была способна прогнать это видение, но оно конечно же никуда не делось.

Я вновь бежала по каменистой земле, но только сейчас видела саму себя со спины. Арман в плаще и еще без капюшона преследовал меня. Я невольно перевела взгляд на мужчину, которого держала за руку. Он смотрел на себя с презрением и страхом, но меня еще не

узнавал. Он еще не понял. Неосознанно я вытащила свою руку из его ладони и зажала рот рукой, ощущая, как горячие слезы хлынули из глаз. Невероятная боль пронзила сердце, и я не могла уже с ней совладать.

– Это был ты, – пробормотала я, глотая слезы.

Арман медленно повернул ко мне свое лицо, на котором застыл ужас. Там на заднем плане юный Дюваль уже повалил свою жертву на землю.

– О чем ты?

– Это действительно был ты...

Дюваль тряхнул головой и попытался прикоснуться ко мне, но я отшатнулась и сказала:

– Смотри!

Меня разрывало на части, мысли сводили с ума, а тело будто одеревенело. Я любила Армана, любила, как никого и никогда ранее. Во мне боролись понимание происходящего и неприятие его. Я слышала крик юной девушки, которая была уничтожена в ту ночь, но смотрела только на Армана. Он схватился за голову, когда осознал всю тяжесть своего поступка, но все еще не узнавал меня.

– Посмотри ей в лицо... – прошептала я, срываясь на рыдания. – Посмотри ей в лицо!

Арман в страхе и удивлении посмотрел на меня, а потом сделал, как я просила. Стоило Дювалю рассмотреть девушку, которую он истязал, а потом и распознать знакомые черты, как его собственное лицо исказила уродливая гримаса ужаса.

– Это ты... – с трудом выговорил он и упал на колени. – Это была ты...

Из глаз Армана потекли слезы, он согнулся пополам и заскулил, касаясь лбом земли. Этот звук причинил мне новую боль, я и сама хотела кричать и от отчаяния рвать на себе волосы. Я подавила порыв подойти и утешить любимого мужчину. Я, так же как и он, оказалась уничтожена снова. Мой мир рухнул, и теперь я не была уверена, что смогу еще раз выбраться из-под его руин.

– Ты была... – не своим голосом произнес Арман.

– Твоей первой жертвой.

Стоило мне произнести эти слова, как мы вновь оказались на террасе дома мсье Шаплена. Только ворвавшись в настоящее, я

осознала смысл сказанных мною слов, и он обрушился на меня всей своей тяжестью. Первая жертва.

– Гобер был прав, – пробормотала я. – Тот, кто напал на меня, продолжил свои преступления в Париже.

Этого удара я не смогла выдержать. Ноги подкосились, в глазах потемнело, а потом я провалилась в темноту.

Глава 24

Каланки

Я очнулась, ощущая холод и сырость, а еще что-то, впивавшееся в спину. Распахнула глаза и чуть не взвизгнула, осознавая, где нахожусь. Мерный шум волн, поблескивающие от накрапывающего дождика известняковые скалы и каменистая почва. Я вскочила на ноги и обняла себя руками, чувствуя, как тело мерзнет и дрожит от ужаса. Я узнала это место мгновенно. Даже, казалось, все та же луна смотрела на меня с пасмурного неба.

На мне была только шелковая сорочка, ноги босые. На земле, рядом с тем местом, откуда я только что встала, лежал букетик белых цветов, названия которых я не знала.

По спине пробежал мороз. Как я здесь оказалась? Где Арман? Патрис? Услышала шаги и в ужасе обернулась. Ко мне медленно приближалась фигура в плаще, только капюшона на голове в этот раз не было. Беззвучный крик застрял в горле, я не могла пошевелиться, ощущая, как тело сковало льдом.

А потом вернулись воспоминания о разговоре в доме Шаплена, вернулась всепоглощающая боль, острые шипы которой снова и снова вонзались в сердце. Невыносимая мука вызвала стон.

Когда скупой лунный свет осветил лицо фигуры в капюшоне, я не хотела верить своим глазам. Глупая душа будто рванулась навстречу, но я справилась с ее порывом.

– Арман... – не то провыла, не то проскулила я, с силой стискивая ткань сорочки на груди.

Сердце горело, и я горела вместе с ним. Слезы душили меня, а вокруг пылал мой мир. Тот, в который я наивно поверила. Любимое лицо сейчас казалось каменным, его глаза были пусты. Воспоминания о первой встрече, первом танце и поцелуе сами полезли в голову. Пришлось до крови прикусить губу, чтобы не завопить в голос. В этот раз я не просто надломилась, я сломалась.

– Что ты собираешься со мной делать? – спросила не своим голосом.

Не то чтобы я хотела знать подробности, просто мне в приступе мазохизма захотелось услышать любимый голос. Будто он смог бы развеять все это безумие.

– С тебя все началось, на тебе и закончится, – холодно сказал Арман, и я проглотила рвавший горло вопль.

– А закончится ли? – спросила я. – Жажда крови не даст тебе покоя. Ты не насытишься...

Я говорила сейчас не с Арманом, а с силой, что одурманила его. Будто это были два совершенно несвязанных существа. Мой разум, мое сердце и душа никак не желали видеть в любимом человеке насильника и убийцу. Я разрыдалась в голос, вспомнив, что видела собственными глазами, кто напал на меня восемь лет назад. Горе уже не помещалось внутри, но я не знала, как освободиться от него.

– Ты не мог... – глотая слезы, пробормотала. – Ты не мог...

Меня разрывало надвое. Сознание боролось с сердцем. Милый, добрый, искренний, такой заботливый Арман, мой Арман не мог всего этого натворить. Глаза лгут, факты лгут. Он не убийца. Мужчина, который стал моим светом во тьме, справился бы с этим, он бы устоял, он бы поборол мрак.

«Не теряйте веры, милое дитя! Ни в коем случае не теряйте ее. Даже когда окажетесь во мраке и подумаете, что все рушится. Не впускайте тьму, боритесь за себя и своих близких! Не всегда все именно так, как кажется». Слова мсье Броссара врезались в голову и навязчиво закружили, разгоняя все прочие.

– Даже если окажетесь во мраке... не теряйте веры, – прошептала я, а потом, преодолевая боль, утерла слезы и сжала руки в кулаки. – Арман, очнись! Арман!

Я понимала, что слепо верить словам безумного старика – это сущая глупость, но, кроме той самой веры, у меня больше ничего не осталось в жизни. Я во мраке, в жутком, непроглядном, в смертельно опасном. Вера – мое единственное оружие.

– Арман, посмотри на меня! Арман, это я!

Зажмурилась от того, как глупо себя чувствовала. С кем, с чем я боролась? С магией? С темной силой? С неумемной жаждой крови? Все это, все безумие! Отвергая факты, не обращая внимания на то, что видели мои глаза, я вновь выбрала веру в Армана.

Дюваль шагнул ко мне и в лунном сиянии его глаза заставили сердце дрогнуть от страха. Я чуть было не отступила на шаг, но сдержалась. Вместо этого обхватила лицо Армана своими холодными ладонями и заглянула во тьму. Под пальцами чувствовала, как стремительно несется его кровь по венам. Разве так бывает?

– Очнись! – Слезы вновь побежали по щекам. – Я верю тебе, я верю в тебя! Ты не делал всего этого! Ты не мог! Я верю, слышишь!

Арман замер, но взгляд его не изменился, маска с лица не спала. Я вновь прикусила губу, но отчаиваться и не думала.

– Милый, очнись, слышишь! Я люблю тебя! Очнись же, Арман! Я верю, верю... Это не ты...

Обессиленная, я уткнулась лбом в грудь Дюваля и дала волю рыданиям, продолжая бормотать все те же слова. Руки опустились, но я вцепилась в одежду Армана, чувствуя, как подкашиваются ноги.

– Будь проклята тьма! – вскрикнула я. – Очнись же!

Дождь пошел сильнее, смешался с моими слезами, но мне казалось, что он смывает с меня грязь, смывает прошлое. Тонкая голубая дымка, возникшая будто из ниоткуда, робко потянулась ко мне. Я подняла голову, но на лице Армана все так же не увидела никаких изменений. По его коже тоже стекали холодные капли, но Дюваль не двигался. Он и убивать меня не спешил, но и не подавал виду, что слышит. Дымка покружила вокруг меня, а потом коснулась руки и пробралась под кожу. Она дала мне сил, а еще прибавила злости. Я не хотела сдаваться, предпочитая сражаться за близкого человека до самого конца. Лучше уж умру прямо здесь и сегодня, чем продолжу жить, оставив Армана таким. Я так и не поняла, откуда взялась дымка, но разбираться было не время:

– Очнись! – закричала я и хорошенько встряхнула Армана. – Вернись ко мне!

Мой голос пронесся над землей, его подхватил ветер и унес далеко в море. В словах звучало отчаяние и полное бессилие.

– Сандрин! – послышалось за спиной, я вздрогнула и обернулась.

Ко мне приближались Патрис и Жаклин Дюваль. Старший брат Армана был в одной рубашке с закатанными рукавами, в брюках и туфлях. Вид у мужчины был заметно потрепанный, волосы взъерошены. Куда делись галстук и пиджак, непонятно.

Жаклин выглядела не лучше. Ее бледное лицо выражало ужас. Изысканный костюм промок, она едва двигалась на каблуках по камням, руки женщины дрожали.

– Мы едва вас нашли, – сказал Патрис, приблизившись.

– Где ты был? – спросила я, выпуская одежду его брата из рук.

– После того как ты упала в обморок, мы с Шапленом переложили тебя на кровать в доме, а когда вернулись на террасу, Армана уже там не было. Я поспешил в отель, а там уже была мама, она тоже искала нас.

– Он вернулся сюда, – простонала Жаклин, глядя на младшего сына полными боли глазами. – Вернулся, Патрис.

– Мы оба вернулись, – пробормотала я.

– Что? – дернула головой мадам Дюваль.

– Говорю, что мы оба вернулись сюда спустя восемь лет. – Слезы все еще текли по моим щекам, когда я говорила эти слова.

– Это была ты? – ужасаясь догадке, сказала Жаклин и посмотрела на старшего сына. – Какая чудовищная игра...

Арман так и стоял ни жив ни мертв, словно застывшая на века скульптура Родена. Сравнение заставило похолодеть. Хотя, возможно, все дело было в том, что я стояла под дождем, на берегу моря в одной сорочке.

– Ты можешь ему помочь? – спросила я у Патриса. – Можешь сделать так, чтобы он очнулся?

– Я могу, – ответила Жаклин и снова бросила гневный взгляд на Патриса. – Но ему будет больно, когда он вновь все осознает.

– По-вашему, лучше в забытьи? Во тьме? – ужаснулась я.

– Нет, – прошептала она, – конечно же нет.

Мадам Дюваль подошла к нам ближе, немного отодвинула меня в сторону и заглянула сыну в лицо. Что-то сильно ее удивило, так как она тут же перевела взгляд на Патриса. Меня эти гляделки уже раздражали.

– Он сопротивляется, – ошарашенно пробормотала она, – он борется!

Патрис с чувством провел рукой по волосам и скривился. Мне показалось, что его сейчас стошнит. Жаклин тем временем взяла Армана за руки, и воздух вокруг будто заискрился, а потом загустел. Даже дышать стало тяжело. Я громко вдохнула носом и почувствовала,

как голова пошла кругом. Лицо Армана просветлело, на нем появилось привычное выражение беспокойства, из глаз ушла пустота.

– Мама, – растерянно, пробормотал он, а потом увидел меня.

И снова боль захлестнула его, глаза наполнились безмерным горем, Арман стиснул зубы. Я протянула дрожащую руку, но он ее не взял, а, напротив, отступил на несколько шагов, желая отдалиться.

– Как?.. Как ты можешь? – спросил он, и его лицо вновь исказила мука. – Как ты можешь даже смотреть на меня после того, что я сделал с тобой?

Беспросветное отчаяние звучало в его голосе. Видеть Армана таким было просто невыносимо, пелена слез застилала мои глаза.

– Ты ведь уже понимаешь... сама сказала, что была первой. Значит, и остальных тоже я... Кароль и ту девочку... Моник? Я чудовище, Сандрин! Как ты можешь смотреть на меня?

Последние слова он прокричал с такой болью, что я не выдержала:

– Я не верю! И не поверю, слышишь! Ты этого не делал!

За недолгое знакомство с Жаклин Дюваль мне еще не приходилось видеть ее такой. Она смотрела на меня пораженным взглядом, будто разглядела нечто-то такое, что потрясло ее до глубины души.

– А как же факты? – вмешался Патрис, тоже не до конца понимая моего упрямства.

– Плевать на факты! – рявкнула я со злостью, пылая ненавистью к этому человеку. – Я смотрю сердцем, и оно надрывается в крике! Арман не виноват! Это не он! Я верила в первый день знакомства и верю сейчас! Он никого не убивал!

– Ты обезумела? – спросил Патрис. – Ты же видела... я сам показал... он надругался над тобой, когда ты была еще девчонкой! Разве это не доказательство?

– Для меня – нет!

Я понимала, что, вероятно, выгляжу как безумная, но объяснить себе эту слепую веру не могла. Я неуверенно шагнула к Арману, который не сводил с меня глаз, полных терзаний. Он слегка отклонился назад, но не отступил. Это дало надежду, что он меня не отвергнет. Я сделала еще шаг, а потом снова протянула руки к его лицу. Я видела, как Арман жаждет моих прикосновений, но будто не

позволяет себе их. Он мотнул головой и еще немного отклонился. Дождевые капли бежали по его лицу, губы дрожали.

– Я не верю, понимаешь, – тихо, только для него одного, сказала я. – Ты не убивал никого. Даже сейчас, здесь, когда мы были одни, ты не сделал мне ничего. Твоя мама сказала, что ты боролся, сопротивлялся тьме. Ты наделил меня силой, верно? Это ведь ты поделился остатками своих?

Арман не ответил, но я поняла, что права. И в этот миг вера стала еще сильнее.

– Я вернул его воспоминания, – тихо сказал Патрис, и на его лице промелькнуло что-то страшное, от чего по моей спине побежали мурашки. – В них ты увидела, как все было на самом деле и с ним, и с тобой. Как ты можешь сомневаться в том, что видела собственными глазами? Арман изнасиловал тебя! Ты готова простить ему и это? Ему не прощение нужно, а помощь! Как ты этого не понимаешь?

– Патрис, – позвала его мать и сделала маленький шаг навстречу.

– Я не понимаю, – обратился он к матери, – как она может?..

– Она любит, сынок, – с улыбкой сказала мадам Дюваль, и я перестала что-либо понимать. Женщина приближалась к старшему сыну осторожно, будто боялась спугнуть. Это выглядело очень странно. Она обняла Патриса за плечи и прошептала: – Отпусти его...

От этих слов у меня мороз пробежал по позвоночнику. Я тут же убедила себя, что неправильно их истолковала, но сердце уже забилося быстрее.

– Отпусти его, – с мольбой повторила Жаклин. – Так больше нельзя... Я больше не выдержу...

Мадам Дюваль опустила руки и взглянула на Армана глазами, полными боли и сожаления. По ее щекам текли слезы, она прямо на глазах будто состарилась.

– Мама, – позвал Арман.

– Отпусти его, Патрис, ради меня! – снова взмолилась Жаклин.

– А как же я? – с искренним недоумением спросил ее старший сын. – Ты выберешь его?

– Я слишком долго выбирала тебя... – прошептала она и пошатнулась, будто вот-вот лишится чувств.

Так странно было видеть эту грозную женщину сломленной, буквально уничтоженной. В какой-то миг меня осенила просто

чудовищная догадка, я вскрикнула и зажала рот ладонью.

– Как ты это делал? – яростно спросила я, обращаясь к Патрису. – Как заставлял Армана думать, что это он творит все эти гадости?

Патрис мгновенно переменялся в лице, в глазах появился хищный блеск. Он отошел от матери и сделал шаг по направлению ко мне. Вероятно чувствуя угрозу, между нами возник Арман. Казалось, он еще не до конца понял, о чем я говорила, но преградил путь брату интуитивно.

– Что происходит? – спросил он у Патриса.

– Тебе не понравится то, что ты услышишь, – сказала я, уже предполагая, какую боль принесет моему любимому правда. – Патрис, расскажи, как ты долгие годы мучил своего младшего брата!

В моей голове уже все сложилось, без тонкостей и мелких подробностей, но масштаб бедствия я смогла оценить. Меня поражала и ужасала в этой ситуации роль Жаклин. Но не я была той, кто должен рассказать все Арману. Я лишь взяла его руку и крепко сжала, давая понять, что мы пройдем через все это вместе.

– О чем говорит Сандрин? – спросил Арман у брата.

Жаклин сдавленно зарыдала в стороне, а потом закрыла лицо руками. Тело мадам Дюваль дрожало от слез и заполнившего ее стыда. По крайней мере, я очень надеялась, что ей было стыдно.

– Магия крови не принадлежит тебе, – прошептала я, решив начать поскорее.

– Вот тут ты не права, – ответил Патрис холодно. – Она как раз таки ему и принадлежит, просто я ее позаимствовал.

– Я не понимаю, – мотнул головой Арман.

– А чего ты не понимаешь? – усмехнулся Патрис. – Магия крови проснулась в тебе, но тебе она была не нужна. Постигать ее ты не хотел, как и хоть как-то использовать вообще. На мой взгляд, это было идиотизмом. Пока ты отмахивался от этой мощи, я изучал ее вдоль и поперек, а мама помогала черпать силу из тебя!

Арман невольно бросил взгляд на мать, которая не решилась поднять голову. Я не считала себя бездушной, но сейчас не испытывала ни капли жалости к этой женщине.

– Когда мы только начали тянуть из тебя силу, тьма сопротивлялась и нехило так брыкалась. Тогда у тебя и появились

первые провалы в памяти. Ты вернулся с войны потрясенный ее ужасами и твой разум был податлив благодаря алкоголю.

– Но тьма и тебя не обошла? – спросила я. – Тебе тоже сила далась нелегко, верно? Это то, о чем говорил мсье Шаплен. Твое тело отторгало ее.

– Верно, – гневно выпалил Патрис. – Она жаждала крови, и некоторое время я мог сопротивляться. Тьма сводила меня с ума, я чувствовал ее власть, которая просто не помещалась внутри. Она постоянно рвалась наружу, требовала использовать магию. Я получал все, что хотел. Всегда! Где бы ни были вдвоем с Арманом, женщины смотрели только на меня, мужчины признавали мою силу, мой авторитет. Я чувствовал себя на вершине мира!

– Но тебе было мало! – в ужасе пробормотал Арман.

– Не мне! Ей! Она обостряла все чувства, увеличивая их в сто крат.

– В том числе зависть, тщеславие и гордыню! – сказала я и прижалась к Арману, наконец ощутив холод, который не замечала прежде.

– Мама, – позвал Жаклин Арман. – Как ты это допустила?

– Я не могла ему отказать, – ответила она и все же посмотрела на сына. – Я не могла не дать ему то, чего он так хотел!

– Но это же противоестественно! – воскликнула я и тут же получила гневный взгляд в ответ. Но он меня не остановил. – Вы жертвовали одним сыном во благо другого! Хотя нет, даже не во благо. Вы потакали всем его капризам, болезненной зависти и даже жажде обладания чужой силой! Неужели вы не видели, что творил ваш сын? Неужели спокойно закрывали глаза на боль другого сына?

– Я лишила его памяти! – закричала она.

– И части души в придачу! Вы позволили Арману думать, будто он натворил что-то ужасное, что из-за него и его ошибок вы покинули дом! Он отдалился от семьи и подавлял в себе магию! Как вы могли разрешить Патрису творить такое с братом?!

– Я не могла позволить, чтобы с Патрисом случилась какая-то беда, – вновь погружаясь в отчаяние, ответила Жаклин, глядя на Армана. Меня она уже не замечала. – Я не могла потерять его...

– Потерять? О чем ты мама? – с трудом выговорил Арман.

– Когда он был маленьким, совсем крошкой, я чуть было не потеряла его, – сказала Жаклин, делая робкий шаг к младшему сыну. – Патрис тяжело заболел и угасал прямо на моих глазах. Он бледнел и едва-едва дышал. Такой чудовищной боли я никогда не чувствовала. От бессилия и муки я буквально дурела, не выпуская малыша из рук. Это продлилось самых долгих три дня в моей жизни. Что я только не делала, каких только целителей не звала, кому только не молилась. Но мой сын все равно чах и продолжал умирать. В последнюю ночь я поклялась, что если Патрис выживет, то не будет в его жизни больше ничего плохого, что он всегда будет жить в достатке, в радости, во благе.

– И вот это вот всё – это благо? – не своим голосом спросил Арман.

– Вам не понять, – сокрушенно ответила Жаклин. – Просто не понять, что такое видеть, как из ребенка уходит жизнь... – Мадам Дюваль шумно втянула носом воздух, будто заставляя себя успокоиться. – Когда в тебе проснулся этот дар, Патрис захотел его себе. Ведь магия крови – это такая мощь, такая редкость!словно жемчужина среди гальки. Он считал, что должен ей обладать по праву старшинства. А ты... ты действительно вернулся с войны совсем другим. Сила тебя не волновала, ты не желал учиться...

– А я усердно изучал все, что мог найти о магии крови! – воскликнул Патрис, опалая нас горящим взглядом, а потом усмехнулся. – Ты даже не понимал, от чего отказывался. Ты не смог понять, что я буквально управлял тобой, а потом и вовсе научился внушать тебе мысли! Если бы ты видел свое лицо, стоило тебе подумать, будто это ты напал на девчонку в каланках. Проучил ее я, а тебе внушил, что это сделал ты!

– Проучил? – удивленно произнесла я.

– Именно проучил! – сказал Патрис. – Ты забыла не только потому, что страдания блокировали память, но и потому, что мы с Шапленом поработали над твоей памятью. Этот дурень даже не узнал тебя, когда ты ступила на порог его дома вчера!

– И за что же ты ее проучил? – спросил Арман, больно стиснув мои пальцы.

В нем, как и во мне, бушевали боль и праведный гнев. Хотя мои чувства наверняка не шли ни в какое сравнение с чувствами Армана.

– А ты подумай, – ответил Патрис. – Вспомни нашу первую встречу. Из-за избытка чувств ты не позволяешь себе вспомнить остальное.

Арман нахмурился, еще раз сжал мою руку и посмотрел мне в глаза. Я видела, что он не хотел копаться в прошлом, но ему пришлось себя заставить. Несколько долгих секунд он смотрел на меня, и от этого взгляда сердце разрывалось в клочья.

– Мы приехали на пляж, – произнес он наконец. – Мы вдвоем с Патрисом. Хотели искупаться по дороге домой. Бросили машину. Я был в форме!

Арман перевел взгляд на брата, будто в поисках подтверждения правдивости его воспоминаний. Патрис кивнул.

– Я снял китель, нес его в руке... и фуражку тоже. – Арман медленно пробирался сквозь воспоминания. – На пути к воде мы встретили девушку! Тебя! – вновь повернулся ко мне он. – Мы встретили тебя! Ты была такая красивая в лучах солнечного света. Смеялась, говоря что-то вдогонку подруге. У тебя в волосах были какие-то белые цветы. Я ошалел от твоей красоты. И эта родинка...

Арман коснулся пальцем кожи над моей губой, а я смотрела на него и никак не верила, что могла его забыть.

– Патрис заговорил с тобой, хотел познакомиться...

– Именно, – подтвердил старший Дюваль. – Помнишь, я говорил, что привык получать желаемое и все женщины смотрели только на меня? Но с Сандрин всё оказалось иначе. Она не сводила глаз с тебя! А меня как будто и не было рядом. Магия взвилась мгновенно. Не знаю, как я продержался до вечера, как не накинулся на нее сразу.

– Но почему я видела, что на меня напал Арман? Как ты это сделал? – ужаснулась я.

– Ты была в воспоминаниях Армана, а он именно так все и помнил, как я ему внушил, – оскалился Патрис.

– Ты просто ублюдок! – выплюнул Арман, не желая слышать продолжение. Он повернулся к матери. – Как ты это допустила?

– Я не знала, что так будет, сынок, – сквозь страдания прорвался ее голос. – Я думала, вреда не будет. Тебе эта сила была не нужна, а я и не догадывалась, чем придется расплачиваться Патрису...

– Патрису? – пораженно воскликнул Арман и шагнул к матери. – Патрису? А разве он платит? Эта сила ему в радость, мама! Ты не

видишь? Платил разве Патрис? Он причинял людям вред, а думали на меня! Боже, да я сам на себя думал!

– Когда все это случилось... здесь, в каланках, – тихо ответила его мать, – я почти сразу поняла, кто виноват. Патрис привел тебя сюда в ту ночь, он управлял тобой, внушил всю эту... грязь... Он плакал, просил прощения, просил помощи, потому что не мог долго удерживать твое сознание. Все же сила была твоей, мы лишь черпали ее и одновременно подавляли в тебе. Это... постоянное напряжение, постоянный страх... и Патриса, и мой...

– Мне вас пожалеть? – ледяным голосом спросил Арман.

– Нет, конечно нет, – торопливо сказала Жаклин. – Просто я не могла видеть Патриса таким сокрушенным. Я хотела помочь, мне было больно. Ты сильнее, ты справился бы. А Патрис... он другой...

– Не надо, мама! – рявкнул ее старший сын. – Я намного сильнее Армана!

Глаза Патриса нехорошо загорелись. Я невольно отступила за спину Армана и вжалась в нее, все еще дрожа от ужаса и холода. Арман повернулся ко мне и будто очнулся. Он скинул с себя плащ, а потом и пиджак, которые тут же надел на меня, прошептал одними губами: «Прости». На агрессию брата он не обращал никакого внимания, лишь пытался скрыть бесконечную неумную боль. Но я видела ее в глазах, в которых стояли непролитые слезы.

– Отец знает? – спросил он, разворачиваясь обратно.

– Нет! – испуганно воскликнула Жаклин. – Он думал так же, как и ты.

– Иными словами, он меня считает убийцей? – не то спросил, не то заключил Арман. – Даже не знаю, радоваться или огорчаться.

– Арман, – еще на пару шагов подошла мадам Дюваль на дрожащих ногах, – все не должно было быть так.

– Но было! – взорвался он.

– Да, было, – признала его мать. – Но ты должен понять... Сила действительно опьяняла твоего брата. Ей требовалось все больше крови...

– И тогда после меня Патрис напал еще на нескольких девушек, – сказала я, вновь ужасаясь. – Но они были небогатыми, никому не известными и даже никому не нужными, поэтому безумие вашего сына удавалось хоть как-то скрывать.

– Он держался столько лет. После случая с тобой, я убедила Северина уехать из Марсея. Переезд в Париж, казалось, помог. Мы находили места с огромной энергетикой, старались напитать магию ею. Потом были разные культы, сатанисты, которые использовали в своих глупых ритуалах кровь. Нам удавалось одурманивать адептов, они делились ею сами! Кровь питала магию и делала Патриса сильнее. Такие вот сборища стали просто спасением. Но я все равно много раз просила Патриса отказаться от магии крови, вернуть тебе. Ты бы смог с ней совладать, поскольку она была и остается твоей.

– Но его жадность и зависть не позволили ему расстаться с такой мощностью, – подытожил Арман, не глядя на брата. Казалось, он вообще не мог больше смотреть на него.

– Это ты прислал мне машинку? – задала я Патрису давно волнующий меня вопрос.

– Конечно! – ответил он. – Я никогда не оставлял тебя. Знал и про попытку самоубийства, и про клинику. Продолжал наблюдать за твоими успехами. Даже несколько раз приезжал в университет полюбоваться тобой.

– Моя сломанная жизнь так забавляла тебя? – тихо спросила я, цепляясь за Армана.

– Я просто не мог тебя отпустить, чувствуя какую-то незавершенность. – Патрис гадко улыбнулся. – Ты должна была закончить свой путь точно так же, как и другие. Должна была напитать меня своей кровью. Но мне отчаянно захотелось свести вас вновь. Это показалось мне самым правильным. Мы втроем это начали, втроем и закончим. Когда ты приехала в Париж, я воспринял это как знак, как провидение, называй как хочешь! А потом в голове родился план, как вас сблизить. Мамина машинка пришлась бы как раз кстати, только нужно было ее отыскать.

Патрис посмотрел на бледную мать и ласково, с болезненным обожанием улыбнулся ей.

– Но мама долго не говорила, кому ее продала...

– Я понимала уже, что все сделанное мной не могло пройти бесследно. Машинка противилась моим поступкам, она начала печатать... печатать без конца... Пророчить горе, боль, смерть, слезы... Это стало невыносимо. Я не хотела ее возвращать.

– Но я вернул, – продолжая улыбаться матери, сказал Патрис. – Только настройки сменил. Пришлось потрудиться, чтобы привязать магию Бертленов к Сандрин. Хорошо еще, что во мне течет твоя кровь, иначе процесс занял бы больше сил. А потом началось... шаг за шагом. Сначала статья.

– И статья? – воскликнула я.

– А ты думала, что это дьявольское совпадение? А кто внушил Корро пойти по этому пути? Кто вынудил его насесть на Лакомба и поручить тебе статью? Кто все это заварил, по-твоему? Я знал тебя и брата знал! Все получилось, как я и планировал. Вы неизбежно столкнулись. И представьте себе, каково было знать, кто вы есть на самом деле! Я даже не удержался и приехал в отель, чтобы увидеть эту вашу встречу в ресторане.

– Но как ты узнал? – спросил Арман.

– А ты глуп, братец! Вот почему тебе не видать такой мощи! – гневно выпалил Патрис. – Это же твоя магия! Твоя кровь тоже. Я следил за всем, что с вами происходило. Возвращал тебе провалы! Близость между вами убивала меня, поэтому после вашей первой ночи я сорвался и убедил маму немного напугать Сандрин. Думал, вы одумаетесь.

– Боже! – едва выговорила я непослушными губами. – Ты болен! Действительно болен!

– Это было просто поразительно! – искренне восхищаясь собой, сказал он. – Наблюдать за тем, как вы идете по пути, который прочертил я сам. Ужас, страх в ваших глазах. Бессилие. Это то, что было нужно! Несмотря на постоянное использование магии, она во мне только росла.

– Ты мог привести свой план в действие без убийств, – сказала я. – Или меня убил бы, раз уж все завязалось именно на мне.

– Я еще помнил твой восхищенный взгляд, я все еще чувствовал ваше притяжение тем вечером здесь, в каланках. Мне необходимо было видеть страдание, боль. Та девочка, Моник, она подвернулась случайно, и я снова решил, что это судьба. Я хотел отравить все, что тебя окружало: любимые места, близких людей, тебя саму. Я хотел, чтобы у тебя не осталось ни дорогого места, ни человека рядом. Но я немного просчитался. Не думал, что вы вновь восплачете страстью друг к другу... Но, братец, ты сорвал этот цветок уже после меня...

– Заткнись! – рывкнул Арман и кинулся на брата.

Жаклин вскрикнула и закрыла рот руками, а я вновь прикусила несчастную и без того истерзанную губу, понимая, что этого поединка не избежать. Арман вскинул руку, а потом замахнулся и выпустил огромный сгусток энергии, который Патрис без труда отразил. С замиранием сердца я понимала, что силы не равны. Патрис долгие годы практиковался в магии, а Арман сторонился ее. И вновь горячие слезы хлынули из глаз. Патрис не медлил с ответным ударом, и Армана отбросило далеко к скалам. Я завизжала и кинулась было к нему, но Жаклин вцепилась в меня стальными пальцами. Пытаясь вырваться, я наблюдала за тем, как Арман медленно поднимается. Стало очевидно, что удар причинил много боли и нанес повреждения моему любимому мужчине. Но он и не думал сдаваться. В нем говорила ярость и боль. Он глубоко вдохнул, а потом собрал новый энергетический шар, только в этот раз он сиял голубым светом.

Удар получился мощным, Патрис от неожиданности не устоял на ногах.

– Патрис! – завопила Жаклин.

Боже! Даже сейчас?! Мое сердце сжалось от боли и горькой обиды за Армана. Что бы ни было, что бы ни случилось, его мать снова выбрала Патриса.

– Да как вы можете? – закричала я, выдергивая свою руку из ее пальцев. – Хоть раз поступите правильно! Хоть раз примите сторону Армана!

– Я не могу его потерять, – рыдая, сказала она, не отрывая глаз от Патриса. – Не могу...

– Да очнитесь вы наконец! Вы вырастили чудовище! Он готов убить родного брата. Ради чего? Магии? Опомнитесь, Жаклин! Вы задолжали Арману. Остановите своего сына! Вы же это можете!

Братья продолжали битву уже у кромки воды. Море, казавшееся сейчас черным, лизало им ноги, а ветер трепал волосы. Ярости хватало обоим, а вот сил нет. Арман заметно уступал брату. Его удары не были такими мощными, такими болезненными, как атаки Патриса.

– Я умоляю вас, – рыдала я, – спасите Армана! Я прошу, сжальтесь...

И Жаклин не выдержала. Она страшно кричала в ладонь, а потом бросилась к сыновьям. Я побежала за ней следом. Дальше все

происходило, как во сне. Она обхватила Патриса со спины, прижала к себе и громко заговорила что-то на непонятном языке.

– Мама, – завопил Патрис. – Мама, прошу не надо!

Патрис уже не мог даже шевельнуться. Он застыл на месте с гримасой ужаса на лице.

– Мама не забирай ее у меня! Мама...

Его крик был таким душераздирающим, что даже я не сдержала слез. То, что происходило на моих глазах, навсегда оставит отпечаток в моей душе. Я подошла к Арману, лицо которого заливала кровь:

– Что происходит?

– Она отнимает у него магию, – сказал Арман.

Несмотря ни на что, в его голосе звучала жалость. Мы оба смотрели на муки Патриса и никак не могли оставаться равнодушными.

– Не убивай его, – взмолилась Жаклин, глядя на Армана. – Только не убивай, молю! Он больше не причинит никому зла!

Мне казалось, будто кто-то взял мое сердце в руки и с силой сжал его так, что пошла кровь. Этой ночью я даже подумать не могла, что испытаю жалость к Жаклин. Ее болезненная любовь к сыну натворила столько ужасного, но ее боль трогала мою душу, заставляла ее рыдать.

– Прости меня, – каялась мадам Дюваль, – я виновата перед тобой. Я ненавидела себя за все, что произошло. Я пыталась быть тебе матерью, пыталась заботиться о тебе, возместить. Я любила тебя. Правда, прошу, поверь...

Больше она говорить не могла, обессиленно осела на землю и утянула за собой Патриса. Она продолжала его обнимать и тихонько раскачивалась, будто убаюкивала младенца.

– Ты думала, я смогу убить брата? – с болью в голосе спросил Арман. – Думала... я... Возвращайтесь завтра в Париж. Отвези его к комиссару Гоберу, пусть Патрис сознается. Делай, как считаешь нужным, объясни, как сможешь, мне все равно: ляжет ли он в клинику или его ждет смертная казнь, решит правосудие.

Арман еще недолго посмотрел на тихо плачущую мать, а потом горько вздохнул и развернулся ко мне. Его взгляд и движения выдавали неуверенность. Он не знал, что у меня на душе, поэтому сомневался. Я робко улыбнулась ему сквозь слезы и прижалась щекой к его груди. Арман выдохнул и крепко меня обнял.

Эпилог

«Дорогая Сандрин!

Не удивляйся, малышка. Ты ведь не думала, что я не узнаю твоего настоящего имени? Не сердись, Долз, тайны – мой хлеб. Я и здесь не устоял.

Ты большая умница, что вырвалась в другую жизнь, оставив кошмар позади. Это верно. Боль твоя, конечно, не пройдет, но и для радости непременно должно найтись местечко. Я не мастак говорить красивые речи, но тебя хочу попросить об одолжении. Нет, даже о двух.

Первое: не прячься больше. Я, конечно рад, что ты остановила свой выбор на мне, и благодарен за каждую минуту, подаренную мне. Но это не жизнь. Я боялся, что ты так и будешь сидеть в своей скорлупе, но вот твои глаза засияли, и у меня появилась надежда. Уж не знаю, что у тебя там с Дювалем, но он вроде не так плох. Если он заставляет тебя смеяться, если твое сердце тянется к нему, не бойся. Так и должно быть у взрослых людей. И моей малышке пора повзрослеть.

Второе: прости, но просьба немаленькая. Ты ведь знаешь, чем я зарабатываю, понимаешь, что век мой недолог. И я понимаю. Я шел на риск, зная, что он того стоит.

У меня есть дочь, ее зовут Франсуаза. Если со мной случится беда, ты найдешь ее фото сама знаешь где и сможешь отыскать девочку. Я скопил денег, Сандрин. И немало. Все для нее. Так вот, сама просьба: ты будешь распоряжаться деньгами до совершеннолетия Франсуазы, а остальное отдашь ей после. Так будет правильно. Никому, кроме тебя, я не могу доверить свою девочку. Она знает о тебе, не испугается, когда наведишь. А ты наведишь, я знаю. Ты не сможешь иначе.

Я верю, что ты разберешься со своей бедой и жизнь наконец подарит тебе то, что задолжала. Не вешай нос, малышка, я присматриваю за тобой!

Твой *Амеди*».

Это письмо я прочитала уже раз двадцать за последний год. Его прислали из пансиона, в котором содержалась дочь моего друга. Директор приложила записку с просьбой явиться на встречу с ней. Я так и сделала. Мы обсудили будущее Франсуазы, а потом я познакомилась с девочкой. Она очень похожа на отца. Сердце дрогнуло, стоило только увидеть ее прелестную улыбку. С тех пор я навещала Франсуазу регулярно. Мы нуждались друг в друге. Рядом с ней я находила утешение.

Первые месяцы после случившегося дались нелегко. Жаклин сделала все, как велел Арман. Она привезла Патриса в Париж и рассказала все сначала мужу, а потом и Гоберу. Северин Дюваль был раздавлен горем. Когда-то давно, кажется, в какой-то другой жизни, я слышала, что это именно он деспот в семье, но, оказалось, все совсем не так. Именно он разрушил надежды жены на то, что Патрис избежит наказания. Отец семейства почти сразу отошел от дел, отказался от государственного заказа в пользу Александра Корро и сдал сына на милость правосудия. Само собой, история была пересказана иначе, из нее исчезло любое упоминание о магии и все основывалось на безумии Патриса. Как ни просила Жаклин, как ни умоляла, Северин Дюваль был непреклонен. Он сделал это ради Армана, чем несказанно удивил меня. Любить в семье Дювалей, конечно, по-своему, но все же умели.

Патрису должны были вынести смертный приговор, но казни он все же избежал. Жаклин билась до последнего, настаивая на психиатрической экспертизе, и смогла доказать наличие у Патриса хронического психического расстройства. Его поместили в клинику на неопределенный срок. Общественность негодовала, но изменить уже ничего было нельзя.

Приехав в Париж, я обнаружила отца в собственной квартире, где он ждал моего возвращения. Только убедившись, что все действительно позади, папа вернулся в Марсель.

Все эти месяцы, пока длились бесконечные судебные разбирательства, Арман жил вместе со мной в маленькой квартирке на бульваре Монпарнас. Это было сложное и одновременно самое прекрасное время. Мы наслаждались друг другом, не думая о будущем, не пытаясь строить планов. Только мы вдвоем. Я интересовалась магией, а он решил больше от нее не отказываться. Арман изучал ее

сам и многое рассказывал мне. Например, о таких людях, как мой добрый сосед. Мсье Броссар был кем-то вроде мудреца, умеющего заглядывать в будущее. Он не мог рассказывать о нем открыто, но был призван направлять окружающих. Сложность для таких людей, желающих помочь другим, состояла в том, что мудрецы не могли заставить прислушаться к себе. Они для этого лишь старались найти подходящие слова.

Арман не желал больше видеть мать, а она не пыталась вернуть его расположение. Как ни странно, случившееся сблизило моего любимого мужчину с его отцом. Он тоже оставался в Париже вплоть до приговора, который огласили только поздней осенью, а потом купил дом в Марселе и перебрался туда. Жаклин предпочла остаться в Париже, поближе к сыну.

И вот спустя год я стояла на балконе и смотрела на любимый город. Курить давно бросила, но от глотка хорошего вина раз или два в неделю отказаться не могла.

– Мадам Дюваль, – прошептал Арман мне на ухо и обнял.

– Мсье Дюваль, – улыбнулась я в ответ, крепче прижимаясь спиной к его груди.

Арман накрыл мой живот ладонями и поцеловал меня в шею. Я улыбнулась шире и повела плечами, разгоняя мурашки, которые вызвал поцелуй.

– Как там моя малышка? – спросил он.

– А почему малышка, может, это малыш? – рассмеялась я.

– Нет, милая, – сказал Арман, укладывая свой подбородок на мое плечо, – это совершенно точно девочка. Моя девочка. Каролина.

– Ты уже и имя выбрал? А меня спросить не подумал?

– Назовешь, если будет мальчик, – усмехнулся Арман.

– Так ты же уверен, что это девочка!

– Именно, – расхохотался он, а потом потянул меня за руку обратно в квартиру. – Тъери и Дениз скоро будут?

– Я приглашала к семи, – пожалала я плечами. – А еще мадам и мсье Броссар обещали заглянуть.

Я не смогла скрыть сожаления, оглядывая квартиру.

– Жалеешь? – серьезно спросил Арман.

– О переезде в Марсель? Нет. Ты прав, нам нужен дом побольше. К тому же там наши близкие. Вот только...

- Что? – забеспокоился мой муж.
- Франсуаза... и Дениз, да и Тьери. Мне будет их не хватать.
- Франсуазу мы сможем навещать, не так уж далеко Марсель.

Дениз и без того в Париже бывает редко. Теперь она вольный фотограф, мотается по свету, делает снимки для журналов. Вы и так редко видите. Какая разница где? А Тьери легок на подъем.

Я мысленно согласилась с мужем, но избавиться от тоски было не так легко. Сначала, пока еще была возможность, мы собирались навестить в Америке сестру Армана Ивет, а потом уже окончательно осесть в Марселе. Бедная девушка тяжело перенесла случившееся в ее семье, после чего решила во Францию не возвращаться. Она писала отцу и Арману время от времени, решив сохранить связь только с ними. Арман очень тосковал по сестре, поэтому я предложила поездку в солнечную Калифорнию в качестве немного запоздалого свадебного путешествия.

Я посмотрела в лицо любимого мужчины и снова поразились его отваге, способности любить, прощать и находить хоть что-то хорошее даже в не самых хороших вещах. Я с удовольствием прильнула к мужу и потянулась, чтобы поцеловать его, но в дверь негромко постучали.

– Сегодня наша последняя ночь в этой квартире, – улыбнулся Арман мне в губы, – поэтому напомни, на чем мы остановились, когда гости разойдутся!

- Я люблю тебя, – прошептала я и отпустила его открывать дверь.
- А я тебя, моя мисс Пэг!

---

notes

СНОСКИ

1

Ажан – французский полицейский. – *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Каланки – узкие бухты или заливы в известковых скалах.